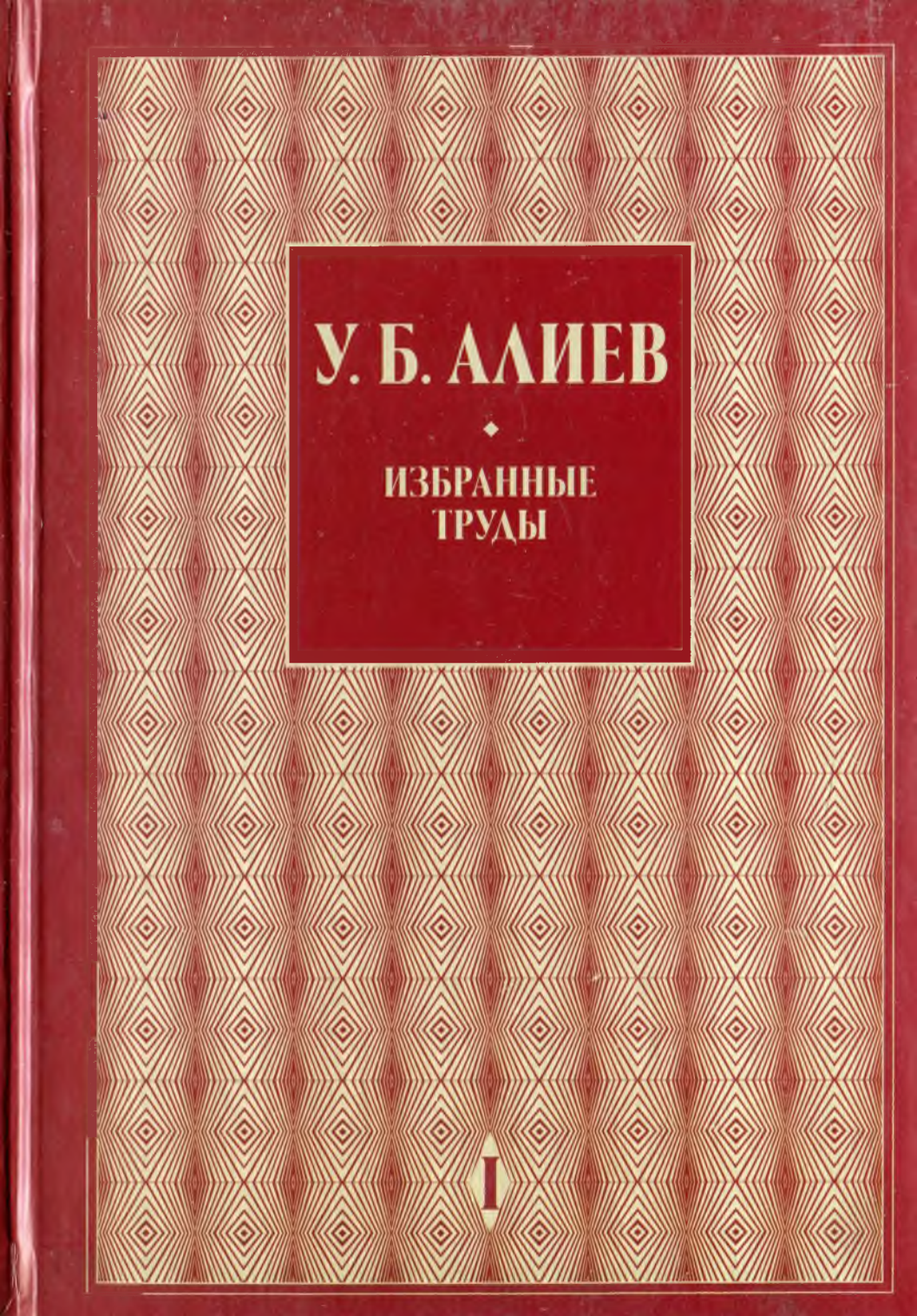

У. Б. АЛИЕВ

♦
**ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ**

I

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

DAVIDSON

1917

У. Б. Алиев

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В трех томах

Том I

**РАБОТЫ
ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ**

Нальчик
Издательство М. и В. Котляровых
(ООО «Полиграфсервис и Т»)
2012

ББК 85.3 81.632.93 - Кара
А50

Издание выходит при финансовой поддержке фонда
«Содействие развитию карачаево-балкарской молодежи „Эльбрусид“»

Редакционная коллегия:

С. К. Башиева, доктор филологических наук, профессор;
Ж. М. Гузеев, доктор филологических наук, профессор;
М. Б. Кетенчиев, доктор филологических наук, профессор;
Х. С. Летишоев, кандидат филологических наук, доцент

Алиев У. Б.

А50 Избранные труды: В 3 т. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2012. – Т. 1: Работы по языкознанию. – 368 с.

ISBN 978-5-93680-536-3

В трехтомное издание У. Б. Алиева (1911–1972) вошли научные труды, в которых рассматривается широкий спектр проблем тюркского языкознания, а также художественные произведения автора.

В первом томе публикуются ранние научно-теоретические изыскания: научный материал, сопряженный с общетеоретическим анализом фонетики карачаево-балкарского и других языков. Автор, не ограничиваясь рассмотрением звуков речи и их становления, интерпретирует с научной точки зрения звуковую специфику разнотемных языков, дефинирует такие важные для языкознания понятия, как «фонема», «морфема», «фонематический вес» и др.

Публикуются также выступления автора на различных научных конференциях, отразившие актуальные вопросы, связанные с историей, диалектологией и морфологией карачаево-балкарского языка.

© У. Б. Алиев, 2012

© Издательство М. и В. Котляровых,
(ООО «Полиграфсервис и Т»), 2012

665582 - 2

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В 2011 году исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося тюрколога XX века У. Б. Алиева, чьи труды известны во многих тюркоязычных странах. Его имя с благодарностью вспоминают в Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской Республиках, где трудился он сам, продолжают работать его ученики, внося заметный вклад в развитие карачаево-балкарской филологии.

В трехтомное издание вошли труды, в которых рассматривается широкий спектр проблем тюркского языкознания, а также художественные произведения автора.

В первом томе публикуются ранние научно-теоретические изыскания У. Б. Алиева. Так, первая часть данного тома вбирает в себя материал, сопряженный с общетеоретическим анализом фонетики карачаево-балкарского и других языков. Автор, не ограничиваясь рассмотрением звуков речи и их становления, интерпретирует с научной точки зрения звуковую специфику разносистемных языков, дефинирует такие важные для языкознания понятия, как «фонема», «морфема», «фонематический вес» и др. Во вторую часть первого тома вошли научные работы, основанные на выступлениях автора на различных научных конференциях, отразившие актуальные вопросы, связанные с историей, диалектологией и морфологией карачаево-балкарского языка.

Второй том издания представляет собой комплексный анализ синтаксиса карачаево-балкарского языка с позиций структурной лингвистики, таких синтаксических единиц, как словосочетание и предложение. Хотя автор в свое время подчеркивал описательный характер этого исследования, следует отметить тот факт, что им была сделана удачная попытка научно-теоретического обоснования синтаксиса вообще и отдельных его проблем в частности.

В предлагаемых трудах содержится ценный научно-теоретический и фактологический материал, который будет полезен, прежде всего, для исторической, сравнительной и функциональной грамматик тюркских языков, не говоря уже о его важности для карачаево-балкарского языкознания.

Третий том свидетельствует о многогранности творчества У. Б. Алиева. В него вошли оригинальные художественные произведения автора, отражающие как его мировидение, так и мировосприятие карачаевского и балкарского этносов; а также переводы произведений таких выдающихся поэтов, как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Т. Г. Шевченко.

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

В 1924 году 13-летний карачаевский мальчик получил свидетельство отличника выпускного класса поселковой школы курорта Теберда, вложил в чабыры траву, в холщовую сумку – документы и пешком отправился в станицу Баталпашинскую, чтобы продолжить учебу в педучилище. Был зачислен, получил койку в интернате, завел друзей, впервые сфотографировался со своим одноклассником, будущим кадровым офицером Советской армии Глоовым, и послал фотографию родственнице с дарственной надписью на обороте: *«Дорогому сестру Зурумхану на долгий память. В черном рубаха Умар, в белом рубаха Глоов»* (орфография и пунктуация подлинника).

Так начался путь в науку основоположника национальной карачаево-балкарской филологической науки (фольклористики, литературоведения, языкознания).

Просветитель по призванию, педагог, ученый, поэт У. Б. Алиев посвятил свою жизнь карачаевцам и балкарцам, мечтая рассказать миру о своеобразии и достоинстве этих народов.

Окончил педучилище, вернулся в Теберду подзаработать денег для продолжения учебы. Ему повезло – в родном поселке встретил знаменитого ученого-лингвиста и полиглота Н. Я. Марра, который попросил 17-летнего карачаевского учителя познакомить его с карачаевским языком. Академик щедро оплатил уроки Умара, подсказав ему, какую дорогу выбрать в жизни.

В Ростове-на-Дону У. Б. Алиев поступил на завод Ростсельмаш учеником слесаря, полгода учился на рабфаке, выдержал экзамен в Индустриально-педагогический институт. Жил в рабочем бараке, студенческом общежитии, снимал с друзьями комнату. На еду, одежду, книги зарабатывал грузчиком на вокзале и пристани. Один, без материальной и моральной помощи, юноша из Тебер-динского ущелья пролагал свой путь в науку. Овладел русским и немецким языками. Доклады и учебные, а затем и профессиональные научные работы писал на русском, стихи – на родном карачаевском.

Трудолюбивого и талантливого студента заметили, по рекомендации преподавателей на старших курсах его включали в академические экспедиции российских фольклористов в Карачай и Балкарию в качестве переводчика. Для него это была дополнительная школа – он записывал услышанное, учился у специалистов по фольклору, а со второй половины 30-х годов прошлого века начал создавать свои оригинальные произведения на основе записанных фольклорных сюжетов. Так появились драматические произведения на русском языке «Ачемез» (1938), на карачаевском – «Бийнёгер» (1940–1942), позднее – поэма «Аймуш», сказки для детей «Кто сильнее?», «Мать и дети»...

По окончании института выпускника Алиева направляют в аспирантуру по специальности «Теория общего языкознания» (1932).

В 1934 году аспиранта У. Б. Алиева приглашают работать в новый Кабардино-Балкарский государственный педагогический институт, расположенный в г. Пятигорске, в качестве преподавателя. Ему поручили открыть кафедру балкарского языка. Все начиналось с нуля: составление учебных программ, разработка методики, создание первых учебников для школ и вуза, с параллельным созданием письменности, выбором письменной графики. Впервые в истории двух народов началось научное изучение их языка, фольклора и литературы. В 1935 году в Пятигорске У. Б. Алиев издает книгу «Литературно-критические очерки карачаевской и балкарской поэзии» (6 п. л.). Параллельно выходят в свет написанные им первые учебники балкарского языка для 1–3-х классов на родном языке.

Следует заметить, что филологическое образование У. Б. Алиев получил у представителей дореволюционной классической российской и отчасти европейской школы. Он, естественно, продолжал полученные от них традиции научного анализа и исследовательской практики. Но начало его работы пришлось на идеологическую перестройку науки и обучения. Кардинально менялось сознание во имя ускоренного создания нового общества и нового человека. Перекраивалась социально-нравственная система, подвергались критике сами принципы отношения и оценки истории, эстетики, традиций, верований. И все это сопровождалось чисткой общества, выявлением и борьбой с традиционно или инакомысля-

щими согражданами – теми, кого стали объявлять врагами народа. У. Б. Алиев оказался в самом центре происходящего и на несколько лет был исключен из учебного процесса. Тяжелая болезнь, отчаяние и спасение в литературном творчестве.

Но институт не смог обойтись без него, и в 1939 году ученого вызывают в Нальчик (куда из Пятигорска перевели институт) продолжать начатую работу. Великая Отечественная война... Алиев – комиссар эвакуотряда коллектива пединститута, который следует через горные перевалы в Грузию. Оттуда его с семьей путь лежит в Азербайджан, Туркмению, Узбекистан. Учитель русского языка в узбекской школе в 1942 году получает вызов в Ташкент на защиту кандидатской диссертации в эвакуированном туда Институте востоковедения АН СССР.

После успешной защиты и полугодовой стажировки в Институте востоковедения АН СССР в Ташкенте У. Б. Алиева направляют на должность заведующего кафедрой общего языкознания в Среднеазиатский государственный университет (Самарканд).

В январе 1944 года его вызывают в Нальчик, в распоряжение Наркомпроса КБАССР. Здесь и застала его депортация. В марте 1944 года вместе со всем балкарским народом ученый выселен в Киргизию. Здесь его приглашают работать в Киргизский педагогический институт заведующим кафедрой общего языкознания, деканом кафедры заочного обучения. В 1948 году согласно указу о недопущении спецпереселенцев к преподавательской и руководящей работе его выводят из штата сотрудников. Названия репрессированных народов исключаются из списка народов СССР, язык, культура, музыка запрещаются. У. Б. Алиев очень тяжело переживает эту величайшую несправедливость.

Будучи в Ташкенте, У. Б. Алиев познакомился с известным русским ученым-лингвистом, полиглотом и тюркологом Е. Д. Поливановым, который увлек его своей теорией о фонеме. С этой встречи стал развиваться интерес У. Б. Алиева к философскому толкованию нетронутых в языкознании проблем. Его просветительские, педагогические, практические занятия 30-х годов, обусловленные работой в институте, обрели новый вектор – теоретическое осмысление родного языка, создание научной (а не практической) грамматики. Сформировался замысел работы именно в философском аспекте «Фонема и фонетический вес».

Он начал писать ее в 1948 году. Его теоретический поиск сталкивался с идеологической догматикой, изложенной в труде И. В. Сталина по языкознанию; гармоничного согласия не получалось... Огромная рукопись осталась в частях, с очевидным поиском совмещения философского толкования с прагматической идеологией времени.

В том же ключе была сформулирована вторая часть научной грамматики – не привычные слуху формулы практической грамматики «Морфология», а шире, весомее: «Слово и части речи». Был разработан подробный план, написан вчерне весь текст, не завершены лишь отдельные главы. Одни из них так и остались в рукописях, другие опубликованы.

В 1954 году У. Б. Алиев приступил к созданию третьей части научной грамматики «Синтаксис карачаево-балкарского языка» в контексте общетеоретического языкознания. Он закончил книгу к 1956 году. По возвращении на родину из депортации ему удалось опубликовать ее в Нальчике как докторскую монографию в трех книжках и представить к защите. В 1959 году в КБАССР и КЧАО появился первый доктор филологических наук Алиев Умар Баблашевич.

В эти годы ученый откладывает в сторону работу над научными трудами, переключив все внимание на подготовку уже не просто учителей для средней школы, а профессиональных филологов для развития науки. Ведь в 1958–1960 годы прошлого века У. Б. Алиев был единственным представителем науки – карачаево-балкарской национальной филологии.

В 1958–1963 годах он декан историко-филологического факультета, заведующий кафедрой карачаево-балкарского языка и литературы КБГУ в Нальчике; в 1963–1965 годах – ректор Карачаево-Черкесского государственного пединститута, затем профессор филологического факультета КЧГПИ в г. Карачаевске.

С 1958 года он занят не только преподавательской работой, но и подготовкой аспирантов, оппонирует кандидатские и докторские диссертации не только языковедческие, но и по фольклорным и литературоведческим специальностям. Пишет и публикует новые статьи, причем не только лингвистические. Пишет один и в соавторстве статьи по истории Балкарии и Карачая, исследует сложные вопросы о происхождении и месте карачаево-балкар-

ского языка в системе тюркских языков. Выступает с идеологической обоснованностью многоязычного существования советских народов. Издает несколько написанных в 30-х годах стихотворений, продолжает писать начатую в юности поэму «Теберда». Дорабатывает, совершенствуя теоретико-философский уровень, «Синтаксис карачаево-балкарского языка», который выходит в главном научном издательстве СССР – «Наука».

В российской науке У. Б. Алиев занимает значимое место. Филологи Карачая и Балкарии выросли на вспаханной У. Б. Алиевым целине. Выход трудов У. Б. Алиева, приуроченный к 100-летию со дня его рождения, – событие не только в карачаево-балкарской филологии, но и в тюркологической науке.

С. У. Алиева

КРУПНЫЙ ТЮРКОЛОГ И ТЕОРЕТИК ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Первый на Северном Кавказе доктор филологических наук по тюркологии, профессор Умар Баблашевич Алиев принадлежит к числу выдающихся ученых. Для карачаево-балкарского и вообще тюркского языкознания он имеет такое же значение, какое имеют для русского и общего языкознания академики Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, профессора А. М. Пешковский, А. А. Реформатский и другие.

Едва ли можно отразить не только все, даже основные направления разносторонней научной деятельности У. Б. Алиева в краткой статье. Составление школьных учебников, литературная критика, этнофольклористика, поэзия, драматургия, фонетика и фонология, синтаксис, диалектология, общее языкознание... Вот далеко неполный перечень проблем, которыми активно занимался ученый. Размах поисков и результат их очень велик. Конечно, есть ученые, у которых еще шире разброс интересов, разбег тем. Однако это нередко приводит к потере ученым главного направления, стержня его научных интересов. Для Умара Баблашевича это не характерно. Ему чужды апатичная всеядность и эклектизм в научных поисках. Каждой его статье и монографии присуща внутренняя целостность.

В последние десятилетия вес ученого, к сожалению, стал измеряться количеством его публикаций. Поэтому он вынужден включать в список своих трудов тезисы даже ненаписанных докладов и газетные статьи. Порою такие «труды» составляют значительную часть его научного багажа. У. Б. Алиев меньше всего думал о количестве своих научных изысканий, его творческая мысль была сосредоточена на достижении глубины, основательности каждой работы. Именно такой подход к решению научных проблем позволил ему достичь поставленной цели. Именно поэтому у него нет ни одного труда, неактуального для карачаево-балкарского, тюркского и общего языкознания.

Взгляд ученого – уже в самых первых его исследованиях – от частного, прикладного разом переносится к научным далям. От конкретных вопросов карачаево-балкарского языка – к общетеоретическим проблемам языкознания.

Годы учебы в аспирантуре Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института, а затем работа преподавателем русского и балкарского языков в Кабардино-Балкарском горском пединституте пробудили в нем любовь к лингвистической науке, путь к которой лежал через составление так необходимых в те годы школьных учебников. Первые учебники для школ по родному языку были написаны им еще в 1939 году. Переизданные много раз, они сослужили добрую службу карачаевским и балкарским школам вплоть до 80-х годов XX века.

В разгар войны, в 1943 году, в Институте востоковедения АН СССР У. Б. Алиев защищает кандидатскую диссертацию, а в 1948 году завершает докторскую диссертацию по проблемам общего языкознания на тему «Фонема и фонематический вес». Работа была высоко оценена известными учеными Москвы и рекомендована к защите. Однако представителю репрессированного народа, спецпереселенцу не позволили осуществить ее.

В этом исследовании решались многие дискуссионные вопросы фонологии: состав фонем, фонема и звуки, связанные позиционным чередованием в морфемах, разновидности фонем, сильные и слабые позиции фонем и т.д.

Другое общетеоретическое исследование У. Б. Алиева – «Слово и части речи», написанное в 1954 году, увидело свет, притом в более сокращенном варианте, лишь в 1960 году. В нем ученый, анализируя точки зрения лингвистов по вопросам о границах слова и выделения частей речи, приходит к выводу: неудачи современного языкознания в решении их объясняются тем, что они рассматриваются в отрыве друг от друга. У. Б. Алиев выделяет существенные признаки слова и на этой основе дает более точное и приемлемое определение его, чем другие исследователи. При этом, доказывая, что слово – это неразрывное единство лексического и грамматического значения, выявляет их составляющие, устанавливает общее и различное между ними и приходит к выводу: лексическое значение свойственно только данному слову, а грамматическое значение – целой группе слов, относящихся к одному и тому же

грамматическому классу. Возражая тем, кто отрицает наличие частей речи в русском языке (А. М. Пешковский), и тем, кто находит 14 частей речи в нем (А. А. Шахматов), У. Б. Алиев отмечает, что причины колебаний мнений о частях речи заключаются в том, что природа слова – объект классификации по частям речи – не понята надлежащим образом этими лингвистами. И можно с уверенностью сказать, что дает классическое определение частей речи как «лексико-грамматических групп слов, обусловленных и объективно выделенных в языке как характером исторически сложившихся отношений между лексическим и грамматическим, так и спецификой семантических, морфологических и синтаксических признаков, характеризующих теми или иными функциями в языке».

Весь словарный состав языка по характеру своего лексического значения и способу его выражения У. Б. Алиев разбивает на 4 группы: 1) слова, лексическим значением которых являются обобщенные образы предметов, признаков, действий, количества и качества; 2) слова, лексическим значением которых являются конкретные образы предметов, признаков, действий, количества и качества; 3) слова, лексическое значение которых равно значению целого предложения; 4) слова, которые не имеют лексического значения (с. 24). Основываясь на этом, он выделяет следующие части речи: *самостоятельные* (существительные, прилагательные, числительные, глаголы, наречения), *местоименные* (местоименные существительные, местоименные прилагательные, местоименные числительные, местоименные глаголы и местоименные наречия), *служебные* (предлоги, послелоги, частицы, союзы и связки), *предикативные* (междометия, модальные слова, безлично-предикативные слова, слова утверждения или отрицания).

В этой же работе У. Б. Алиев первым среди лингвистов отмечает функционирование прилагательных типа *аман* – «плохой», *ахшы* – «хороший» и в роли наречий – *аман* – «плохо», *ахшы* – «хорошо».

Большое внимание уделяется им вопросам глагола в карачаево-балкарском языке: причастиям, категориям залога, времени и наклонения. Исследователь отрицает наличие причастия настоящего времени в нем, формы типа *атлаучу*, *алыучу* считает отглагольными именами существительными, подробно рассматривает образование причастий будущего и прошедшего времени, объясняет генезис их аффиксов. Сравнивая причастия в карачае-

ево-балкарском, кумыкском и азербайджанском языках, относительно генезиса аффиксов *-ажакъ/ -айакъ* в кумыкском и азербайджанском языках высказывает ценное мнение: в них элемент *а* является остатком формы будущего времени на *-в*, потому что, во-первых, слово *жакъ/йакъ* – существительное, которое не могло присоединиться к чисто глагольному корню, во-вторых, подобное причастие могло образоваться только от более архаичных причастий, которые выражали комплексное значение и деятеля, и объекта действия, и качества действия, и цели действия, и причины действия, каковым является причастие на *-р*.

К причастиям ученый относит и форму на *-гъанлы/-генли* исходя из ее образования. Многие тюркологи, в том числе и караево-балкароведы, считают эту форму деепричастием, учитывая, что она отвечает на его вопрос. Несостоятельность такого взгляда У. Б. Алиев объясняет так: 1) если учитывать вопрос, на который отвечает в предложении то или иное слово, то многие существительные в дательном, местном и исходном падежах тюркских языков надо называть наречиями, так как они отвечают на вопросы *куда? где? откуда?*; 2) деепричастие образуется от повелительной формы глагола 2-го л. ед. ч., эта же форма образована от причастия прошедшего времени; 3) аффикс *-лы/-ли* к чисто глагольным формам никогда ни в одном тюркском языке не присоединяется – он присоединяется только к именным формам слов, а причастие на *-гъан/-ген* является глагольно-именной формой; 4) аффикс *-лы/-ли* присоединяется и к причастиям, которые имеют аффиксы отрицания (*келмегенли* – «с тех пор, как не приезжал»), к причастиям будущего времени он не присоединяется.

Этими же доводами объясняется включение им форм *-гъынчы/-гинчи* (*бергинчи* – «до того, как отдал»), *-гъанлыкъгъа/-генликге* (*айтханлыкъгъа* – «хотя и сказал») в состав не деепричастий, как это делается по традиции, а причастий.

Ученый высказывает свое мнение и по залогам тюркского глагола. Так, по традиции, от непроеизводных и производных глаголов образуются одни и те же залог: действительный, страдательный, возвратный, взаимный. С точки зрения У. Б. Алиева, эти залог образуют только непроеизводные основы, производные же образуют залог с понудительным значением: понудительно-действительный (*жаздыр агъыз*) понудительно-согратательный (*башлатыл, окъутул*) и т. д.

Он не согласен и с традиционным названием «средний залог». Учитывая, что глаголы этого залога по характеру своему противо-

положны глаголам действительного залога, У. Б. Алиев считает целесообразным назвать его «недействительным залогом». Думается, что нельзя считать эту идею нелогичной.

Исследователь внес свою лепту также в изучение диалектологии и генезиса карачаево-балкарского языка.

Долгое время среди исследователей языка карачаевцев и балкарцев превалировало мнение, что у каждого из этих народов имеется свой язык и что карачаевский язык свободен от диалектных особенностей. Поэтому ученые искали диалекты только в балкарском языке. Одни из них (Н. А. Караулов) выделяли в нем два (балкарско-хуламский и чегемско-урусбиевский), другие (В. И. Филоненко, В. П. Сухотин) – три (чокающий, цокающий и смешанный, т. е. хуламо-безенгиевский), третьи (А. М. Аппаев) – четыре (черекский, хуламо-безенгиевский, баксанский и чегемский) диалекта. Однако еще старший Алиев, Умар Джашуевич, в своей «Карачаево-балкарской грамматике» (1930) доказал, что язык карачаевцев и балкарцев – один и тот же, и как карачаевский, так и балкарский его варианты имеют диалектные различия. Младший Алиев, Умар Баблашевич, расширил и углубил это мнение, которое изложил в 1962 году на Всесоюзной диалектологической конференции в г. Баку в своем докладе «Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев». Он доказал наличие диалектных, особенно фонетических, различий как между карачаевским и балкарским вариантами языка, так и в самих этих вариантах. Основываясь на этом, в карачаево-балкарском языке ученый выделил балкарский, хуламо-безенгиевско-баксано-чегемский и карачаевский диалекты. Большинство современных исследователей карачаево-балкарской диалектологии придерживается взглядов У. Б. Алиева.

У. Б. Алиев не согласен с такими известными тюркологами, как Т. Ковальский, А. Зайончковский, И. Бенциг, К. Менгес, Н. А. Баскаков, считающими карачаево-балкарский язык языком кыпчакской группы. По его мнению, этот язык древнее куманской группы кыпчакских языков. В доказательство этого ученый приводит, на наш взгляд, убедительные аргументы: 1) цокающий диалект карачаево-балкарского языка имеет больше общего с монгольскими языками, чем другие тюркские языки; 2) топонимика Центрального Северного Кавказа в основном является тюркской; 3) древнейшие явления сохраняются и в грамматике карачаево-балкарского языка.

В целом исследователь признает, что кыпчакские языки имеют общие признаки с карачаево-балкарским языком. Однако, как считает он, этих признаков, на основании которых тюркологи объединяют названные языки в одну группу, недостаточно для определения места карачаево-балкарского языка среди других тюркских языков.

У. Б. Алиев был первым лингвистом, занимавшимся сопоставительным изучением родного и русского языков. Делал он это на уровне грамматики, главным образом синтаксиса и отчасти морфологии. Так, еще в 1940 году он исследовал в сопоставительном плане употребление вопросительного аффикса, а в 1960 году – залоги в этих языках и установил соответствия и различия в них.

Самыми весомыми трудами У. Б. Алиева, сделавшими его известным тюркологом и теоретиком языкознания, являются монографии «Вопросы сложного предложения в русском и тюркских языках» (1959. Кн. 1, 2) и «Синтаксис карачаево-балкарского языка» (1973). В первой из них ставятся и на высоком теоретическом уровне решаются такие актуальные проблемы синтаксиса, как сочинение и подчинение в сложных предложениях, о характере сочинительных и подчинительных сочетаний, о признаках «обратимости» или «необратимости» и их применение при распознавании сочиненности или подчиненности, о том, из чего: сочинение из подчинения или подчинение из сочинения – грамматические средства выражения сочинительных и подчинительных отношений в словосочетаниях и сложных предложениях. Автор опровергает мнение тюркологов, считающих сложным предложение, состоящее из сочетания двух или более простых предложений, а также опирающихся при определении сложного предложения родного языка на точную переводимость его на русский язык таковым. По его убеждению, нельзя подходить к фактам одного языка с меркой другого языка, ибо это приводит к искаженному представлению фактов языка.

Перед придаточным предложением тюркологи ставят определенные требования. Согласно им, сказуемое его должно быть самостоятельным и выражаться глаголами изъявительного наклонения, придаточное предложение должно зависеть от основного и стоять впереди него. У. Б. Алиев считает эти условия неприемлемыми. В развернутых деепричастно-причастных конструкциях он видит предикативность и выделяет их как придаточные предложения. Следует отметить, что хотя большинство исследователей

не придерживается этого мнения, неприемлемость его никем еще убедительно не доказана. Исходя из этого, придаточные предложения тюркских, в том числе и карачаево-балкарского, языков по структуре делит на два типа: 1) придаточные предложения, сросшиеся со сказуемыми, выраженными причастиями, деепричастиями, подверженные сильной трансформации; 2) придаточные предложения со сказуемыми, выраженными глаголами не только изъявительного, но и других наклонений, которые употребляются с подчинительными союзами и без них.

Вышеназванный «Синтаксис» – первая монография по синтаксису карачаево-балкарского языка, напечатанная в московском издательстве «Наука», в которой дано исчерпывающее описание всех типов словосочетаний, простых и сложных предложений.

Скромный ученый свою работу рассматривал как описательную, хотя большинство вопросов в ней изложено на высоком теоретическом уровне, при раскрытии которых автор придерживается своей точки зрения, которая во многом отличается от устоявшихся традиций в тюркологии.

Среди типов предложений по их структуре У. Б. Алиев впервые в карачаево-балкарском языкознании выделяет эллиптические неполные, вокативные и модальные.

Детально, с указанием различных эмоциональных оттенков, исследуются им восклицательные предложения. Среди них он выделяет предложения, выражающие чувство радости, благодарности, возмущения, восторга, уверенности, сомнения, сожаления, надежды. Типы эмоций отмечаются им и в побудительных предложениях: уничижение, просьба, угроза, упрек, пожелания. Всему этому предшественники У. Б. Алиева не уделяли внимания.

По традиции, сложносочиненные предложения подразделяются на союзные и бессоюзные. У. Б. Алиев впервые классифицирует такие предложения по тому, какие связи выражают их компоненты, а именно: на сложносочиненные предложения одновременности, пространственной связи, последовательности, противительности, чередования, сопоставления, взаимного исключения, единообразного проявления признака.

В теоретических исследованиях, посвященных придаточным предложениям, во времена У. Б. Алиева не было ответов на такие вопросы:

1) каковы отношения между словами и предложениями в составе сложноподчиненного предложения? 2) сохраняется ли самостоятельность у предложений, входящих в состав сложноподчиненного предложения? 3) всем ли языкам свойственно сложноподчиненное предложение? 4) все ли языки характеризуются однотипными признаками придаточных предложений? У. Б. Алиев находит ответы на эти вопросы. По его мнению, отношения между словами и предложениями в составе сложноподчиненного предложения соответствуют отношениям между словами в составе подчинительного словосочетания, а компоненты сложноподчиненного предложения самостоятельностью не обладают. Он считает, что во всех языках однотипны признаки, связанные с тем, что придаточные предложения употребляются для выражения членов предложения, так как это обусловлено общими внутренними законами развития языка, разнотипны способы выражения связей и отношений, существующих между придаточными и главными предложениями, так как это обусловлено спецификой грамматического строя каждого отдельного языка.

В заключение следует сказать, что все исследования У. Б. Алиева посвящены актуальным и спорным вопросам тюркского или общего языкознания, которые решались им на высоком теоретическом уровне и оригинально.

У. Б. Алиев по праву является основателем карачаево-балкарского синтаксиса, а также сопоставительного синтаксиса русского и тюркских языков.

Его ранний уход явился большой потерей не только для карачаево-балкарского и тюркского, но и общего языкознания. Но его научное наследие не потеряло своего значения и продолжает служить российской языковедческой науке.

Ж. М. Гузеев,
доктор филологических наук, профессор

ВВЕДЕНИЕ

ИНТЕРЕС К ЗВУКАМ РЕЧИ

Интерес, который человек проявлял к звукам своей речи с древнейших времен, определялся в основном тремя факторами, связанными друг с другом диалектически.

Первым из них нужно считать практическую потребность зрительного оформления, которую люди испытывали на той или иной стадии своего экономического, социального и культурного развития. Как известно, в истории материальной культуры человечества имели место несколько типов зрительного оформления речи, а именно:

- предметное (узловое) оформление;
- пиктографическое (рисуночное) оформление, выражающее целые понятия;
- иератическое (тоже рисуночное) оформление, выражающее части понятий и обозначающее слоги;
- дематическое (буквенное) оформление, обозначающее звуки речи, из которых составляются слоги, образующие самостоятельные слова.

Вторым фактором, несомненно, должно быть то состояние внутренних фонетических процессов, которые приводят язык, независимо от степени развития экономических и культурных основ общества, к членораздельным звукам, осознающимся людьми в практике употребления их в составе слогов и слов как мельчайшие звуковые единицы, выражающие те или другие оттенки значений слов. Как известно науке, членораздельные звуки речи возникают не с самого начала становления звуковой речи, а на позднейших ступенях путем расчленения диффузных предикативных единиц в слова-звукокомплексы, слов-звукокомплексов в слоги, а слогов в звуки. В становлении звуков речи мы наблюдаем то же самое, что имеет место в становлении какой-либо детали машины, которая возникает в результате удовлетворения потребности в

улучшении качества последней. Как и винтики, и гайки, и другие детали машин, соединяясь в единое целое, дают сложный механизм аппарата, нужного в промышленности, так и звуки, слоги, слова и предложения, соединяясь в единое целое, дают сложный механизм «важнейшего орудия человеческого общения» – языка. Правильность первичности диффузии предложений, слов и слогов и вторичность членораздельных звуков на большом культурно-историческом, лингвистическом материале со всей очевидностью доказал основоположник нового учения о языке академик Н. Я. Марр.

Третьим фактором, определяющим интерес человека к звукам своей речи, является состояние способа зрительного оформления речи, возникшего и развивающегося в результате удовлетворения потребностей, которые человек испытывал в процессе создания и усовершенствования письма. Как известно, китайцы, корейцы, японцы, будучи не в состоянии преодолеть силу традиционного иероглифического письма, продолжают не обращать серьезного внимания на звуковую сторону своих языков.

Совокупность этих трех факторов – потребности зрительного оформления речи, способа удовлетворения этой потребности и состояния внутренних фонетических процессов языка – определяет интерес, который человек проявлял и продолжает проявлять к звукам своей и чужой человеческой речи. Нужно с уверенностью полагать, что если в речи того или иного народа еще нет системы членораздельных звуков и значения выражаются сочетанием диффузных слогов в слова и диффузных слов в предложения, то интереса представителей того периода к звукам речи не может быть: еще не рожденному месяцу не кланяются.

Интерес к звукам своей речи человек может проявлять только в том случае, если язык его имеет уже систему членораздельных звуков и материальные и культурно-исторические основы жизни его народа ставят вопрос о необходимости зрительного оформления, и традиция особого письма не довлеет над сознанием, как это мы наблюдаем у некоторых народов с древнейшей письменностью или письменностью, возникшей в результате влияния первой (ср. китайцы, японцы). Но это не может означать, что традиция древнейшего (пиктографического) письма навсегда закроет возможности проявления интереса к звукам речи, если

они имеют вес в том или ином языке. В усилении и сохранении подобной консервативности пиктографического письма играют огромную роль привходящие причины, а именно:

господствующая верхушка общества, всегда заинтересованная в том, чтобы держать в невежестве и, следовательно, в угнетении зависимые общественные классы, что полагает варварскую эксплуатацию их;

религиозно-мистические представления о божественном происхождении данной письменности, следовательно, неприкосновенности, неизменности ее и необходимости трепетного преклонения перед ней, перед теми людьми, которые владеют ею, и перед тем, как с ее помощью освещаются взгляды на жизнь, на природу, на людей и т. д.;

сословные интересы того безусловно узкого круга специалистов-переписчиков, все состояние и жизнь которых связаны с сохранением данной письменности;

культурно-исторические интересы всего народа, связанные с использованием своего культурного наследства, насчитывающего много сотен лет.

Иероглифическое письмо китайцев, созданное в древнейшие времена, когда в китайском языке звуки как мельчайшие речевые единицы еще не имели веса, сохраняются в век буквенного письма не потому, что китайский язык на современной стадии развития не имеет еще членораздельных звуков и китайцам нечего в звуковом отношении осознавать, а потому, что оно является, во-первых, орудием в руках правящей верхушки китайского народа, собственностью служителей религии и специалистов-переписчиков-печатников, интересы которых теснейшим образом связаны с сохранением его, во-вторых, потому, что эта причина не столь веская: если перейти на новое письмо, подрастающие поколения будут лишены возможности пользоваться культурным наследием прошлого своего народа.

Двадцатый век является веком всеповышающегося интереса к звукам китайского и других соседних языков и к вопросам создания для них буквенного письма не только специалистов синологов из других народов, но самих наиболее революционных китайцев, корейцев и японцев. Можно предположить, что он является веком перехода этих народов к фонографическому письму. Это

будет большим революционным и культурно-историческим шагом в жизни широких трудящихся масс многомиллионного китайского населения, упорно и настойчиво борющегося за свою свободу, независимость и счастье.

Анализ истории развития других древнейших, ныне мертвых письменностей (древнеегипетской, месопотамской, минойской, древнекритской, хеттской) показывает, что все они на первоначальных стадиях были пиктографическими (рисуночными, выражающими целые понятия), потом они стали нератическими (силлатическими, слоговыми) и на последних этапах их употребления они были уже фонографическими. Притом, интересно еще отметить, что одни и те же знаки (рисунки) в видоизмененных начертаниях все больше и больше упрощаются, сначала обозначали понятия, затем слоги и в последние эпохи звуки. Подобное употребление одних и тех же знаков на разных этапах истории одного и того же языка можно объяснить развитием мышления людей: на начальных этапах истории языка потребности человека в звуковом и письменном общении оформлялись примитивными способами, далее способы усвершенствовались и доходили до обозначения отдельных звуков или нерасчлененности словесного выражения идеи. Она довольствовалась употреблением пиктографических (рисуночных) знаков своего зрительного оформления на начальных стадиях развития языка. На последующих стадиях идеи стали находить свое словесное выражение в сочетаниях из двух или более слогов. Те же знаки в более упрощенных начертаниях стали обозначать слоги. И когда слоги тоже начали составляться из сочетания звуков, человек те же знаки стал употреблять для обозначения отдельных звуков.

Мне кажется, ни первое, ни второе решения, взятые отдельно, не приближают нас к истине, потому что люди, научившиеся искусно рисовать предметы реальной действительности, для выражения своих мыслей не могли иметь настолько неразвитое мышление, чтобы не заметить членораздельных звуков своей речи, если таковые были на самом деле. Скорее всего, люди этими рисунками обозначали действительно диффузные звукокомплексы, имевшие место на той ступени развития египетского языка. Допущение таких слов – звукокомплексов – ни в коем случае не принижает степени развития мышления, так как грамматическая структура языка не является показателем его качества. К при-

меру, грамматические структуры современного кабардинского и древнегреческого языков ничего общего не имеют. Структура современного кабардинского языка, как известно, относится к яфетической, а грамматическая структура древнегреческого и латинского языков к флективной стадии развития языков. Но это ничего не говорит о том, что кабардинцы в отношении своего мышления стоят ниже древних греков и римлян. Наоборот, кабардинцы как современники и активные строители коммунистического общества оставили далеко позади не только древних греков и римлян, но и современных французов, итальянцев, англичан и хваленых американцев. Диффузные звукокомплексы могут иметь место на различных ступенях развития языка: на изначальных и на сравнительно высоких. На изначальных ступенях диффузные звукокомплексы могут состоять из впервые произносимых диффузностей действительно не осмысливаемых отдельно звучаний. На сравнительно высоких ступенях развития эти диффузности могут носить характер образований от бывших членораздельных слов, слогов и звуков, которые в процессе употребления так «износились», что трудно отделить их от другого такого же звучания.

Развитие слов и грамматических форм идет путем разъединения единого на одной ступени и соединения разъединенного на другой ступени. При каждом соединении элементы и способы соединения имеют новый характер, так что соединения на первичных ступенях являются полной противоположностью соединения на вторичных ступенях, хотя характер их будет общим. Поэтому нельзя думать, что наличие у того или иного народа пиктограмм, обозначающих целые понятия, объясняется примитивностью мышления и «материала», используемого для зрительного оформления речи. Оно может быть в одинаковой мере, если не больше, связано и с тем, что на данной ступени развития данного языка в нем могут иметь место диффузные звукокомплексы, выражающие отдельные понятия, а на другой ступени в нем могут появиться слоги или, дальше, членораздельные звуки, которые находят свое обозначение бывшими пиктограммами, превращенными в силлабограммы или фонограммы.

Этим может объясняться тот очевидный факт, который отмечается современной лингвистической наукой, что «египетское письмо первоначально было пиктографическим и идеографическим, а так называемое иероглифическое египетское письмо

представляет собой письмо слоговое, в котором старые знаки, часто представляющие собой реалистические изображения предметов, выражают не целое понятие, как прежде, но отдельный слог» или «на дальнейших ступенях развития египетского письма... многие знаки приняли уже совершенно буквенный характер» (См.: *Шор Р. О. и Чемоданов Н. С. Введение в языковедение. М., 1945. С. 243*).

Надо думать, что причины такого интересного превращения египетского, вавилонского и т. д. письма, что отмечается лингвистической наукой, лежат не в одном качестве мышления, которое независимо от фонетической структуры языка, будучи не в состоянии с самого начала обеспечить практические потребности зрительного оформления речи непримитивными способами, по мере своего развития возводит пиктографическое письмо к фонографическому, а и в состоянии фонетических процессов самого языка, который путем постепенного и непрерывного производства из словесного материала нужных для удовлетворения все новых и новых потребностей выражения мысли и воспроизводства их на новых ступенях развития языка приводит к такой членораздельности звуков, слогов, слов и предложений, что наблюдается как в современных по письменным памятникам, так и в мертвых древнейших языках.

Надо полагать, что первичные пиктограммы обозначали в основном диффузные слова, иератограммы – диффузные слоги, составляющие слова, дематограммы – членораздельные и осмысленные звуки, составляющие слоги, из которых складываются слова: диффузность слов и предложений могла требовать только диффузного целого, диффузность членораздельных слогов диффузного составного и членораздельность звуков членораздельного составного зрительного обозначения. В каждом отдельном случае человек мог осознавать потребность зрительного обозначения мельчайшего элемента речи, свойственного данной стадии развития, и удовлетворять ее имеющимися под руками средствами.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Членораздельные звуки суть не первичные элементы речи, как это кажется на первый взгляд, а вторичные, даже, если так можно говорить, третичные, потому что они возникают и осмыс-

диваются человеком на сравнительно высокой ступени развития языка и его грамматической культуры.

2. Членораздельные звуки всякой речи суть рудименты бывших диффузных звукокомплексов, отшлифованные в употреблении и превращенные в членораздельные элементы новых соединений в составе слога или слова.

3. Человек не может иметь интереса к звукам речи, следовательно, «изобретать» для их обозначения буквы, если в его языке членораздельных звуков еще нет, если в его языке мысли и наблюдения людей выражаются словами, не распадающимися на слоги и звуки.

4. Человек может проявить интерес к звукам своей речи только на той ступени развития своего языка, на которой в практике удовлетворения определенных потребностей членораздельные звуки играют известную роль в составе слога или слова, выражая основное значение слова или оттенки его.

5. Мы можем констатировать интерес к звукам речи у тех народов, которые пользовались или пользуются теперь фонографическим письмом, независимо от того, оставили эти народы какие-либо большие или малые фонетические исследования или не оставили.

6. Наиболее близкие к нашей эре египтяне, жители Месопотамии и других районов древнейшего Средиземноморья уже пользовались буквенным письмом, следовательно, мы можем сказать, что их языки имели членораздельные звуки, которые не могли не вызывать к себе определенного интереса, связанного главным образом с удовлетворением потребностей зрительного оформления слов.

7. Интерес к звукам речи у древних египтян и других их современников мог возникнуть на этапах их истории, когда возникло фонографическое письмо, используя бывшее до него в употреблении иератическое и символическое письмо.

Столетия, близкие к нашей эре, и столетия нашей эры характеризуются таким интересом к звукам речи, который чем ближе к нашим дням, тем больше повышается и расширяет круг своего распространения. Объясняется это тем, что мы – представители двух с лишним тысячелетий – как прямые наследники наших древних и древнейших предков переняли у них все их достижения и развили дальше:

в производстве и воспроизводстве самого себя и физиологического себя обоснования;

в производстве и воспроизводстве всех материальных основ общества;

в производстве и воспроизводстве мышления и познания, обогащаемых в процессе труда и обогащающих его;

в производстве и воспроизводстве языка путем производства и воспроизводства предложений, слов, слогов и звуков;

в производстве и воспроизводстве письменных форм языка и интересов, связанных с предложениями, словами, слогами и звуками;

в производстве и воспроизводстве социальных, культурных, политических и иных ценностей идеологического характера.

Не пройди тот долгий путь в труде и становлении наши древние и древнейший предки во всех частях света, который они прошли до памятных нашему пока еще в основном эмпирическому уму, не было бы нас, людей XX века:

не было бы нашего мышления на базе диалектико-материалистического учения, которое все больше и больше освобождает наш ум от ползучего эмпиризма и помогает видеть все пути, пройденные человеком, и все пути, которые он должен пройти в будущем;

не было бы наших языков с членораздельными звуками и буквенным письмом, которое в ходе развития материальных основ жизни развивается по пути соединения и образования одного общего языка для всех людей всех рас и народов;

следовательно, не было бы и интереса к звукам речи вообще, к звукам речи отдельных больших и малых народов и народностей.

Поэтому те практические и теоретические результаты интереса к звукам речи, которые мы теперь имеем, целиком и полностью базируются на тех достижениях, которые имели наши древние и древнейшие предки, независимо от того, где и в каком районе земного шара в труде и деятельности коротали свои дни и сложили свои головы.

Интерес к звукам речи чем ближе к нашим дням, тем больше носит двоякий характер: практический (утилитарный) и теоретический. Практический, или утилитарный, характер интереса к звукам речи определяется стремлением к наиболее рациональ-

ному удовлетворению потребности зрительного оформления родной речи того или иного народа. Теоретический характер его определяется стремлением к наиболее правильному удовлетворению потребности познания природы звука человеческой речи, вскрытия и познания причин и путей возникновения, становления и развития его и определяемого им языка, грамматической структуры последнего как «орудия общения людей», что необходимо для уяснения причин наличия большого количества языков, выражающих одни и те же значения в процессе удовлетворения одних и тех же потребностей общения с помощью различных форм и грамматических структур.

Начиная с памятных нашим представлениям эпох и кончая началом XIX века нашей эры интерес к звукам речи был, в основном, практическим, утилитарным и вызывался необходимостью удовлетворения тех или иных практических потребностей народов. Так, интерес, который проявляли к звукам своей речи египтяне последних столетий, несомненно, был связан с необходимостью более удобного оформления своего письма, в котором нуждались в процессе:

- 1) обучения подрастающих поколений;
 - 2) фиксации исторических событий своего времени;
 - 3) торговых и прочих сношений с другими народами, своими современниками;
 - 4) распространения своего господства:
- распространения своих религиозных и иных идей среди других народов,

борьбы правящих верхушек с трудящимся населением внутри самого Египта.

То же самое, безусловно, нужно сказать и в отношении характера интереса к звукам речи, который проявлялся и в Вавилоне, и в других местах культурных центров тех древнейших эпох истории человечества, которые, как трактует наука, имели фонографическое письмо.

Выполнив свои исторические функции и передав свое наследство следующим поколениям в виде культурно-исторических памятников, повествующих об особенностях жизни и событиях, царях и их деятельности, канули в вечность эпохи Древнего Египта, Вавилонии и Древней Индии. Настали новые времена с новыми

потребностями практического характера, определившие причины обновления характера интереса людей к звукам речи. К тем потребностям, которые обусловили его в Древнем Египте, Вавилонии и других местах, прибавилась необходимость в использовании культурно-исторического наследия.

Особенно ярко проявлялся характер этой дополнительной потребности в эпоху создания первой грамматики вообще и приведения в определенную систему фонографической письменности в частности, в Древней Греции, колыбели новой культуры человечества. Возросшие и неизбежные потребности в правильном чтении, изучении и комментировании таких литературных и исторических памятников, как гомеровские «Илиада» и «Одиссея», наряду с потребностями обучения подрастающих поколений, фиксации исторических и иных событий, воспроизводства художественного творчества, философских, политических и научных мыслей, которые господствовали в наступившую эпоху, определили характер интереса древних греков к звукам своей речи и положили начало тому бурному и многоместному изучению звуков речи всех европейских и других народов и созданию для них фонографических письменностей. Этим, по существу, было вызвано изучение звуков речи древних римлян и создание для нее письменности. Этим же в конечном счете было обусловлено изучение звуков речи в Византии, затем у славянских, романских, германских и других народов всей средневековой Европы, затем перенесенное в Америку, с одной стороны, с другой – по аналогичным причинам рос и расширялся интерес к звукам речи у народов Восточного, Юго-Восточного и Южного Средиземноморья, Аравии, Персии, Грузии, Армении и Азии.

Ко всем другим потребностям, повысившим интерес к звукам речи в течение всего Средневековья и даже Нового времени, присоединяется новая и очень мощная, по существу определившая ход развития этого интереса, потребность распространения религий, сыгравших в свое время известную положительную роль в экономическом, государственном и культурном самоопределении народов Европы и Азии, частично Африки и в какой-то степени Америки и Австралии.

Распространение католицизма из Рима, главным образом, принесло в Западную, Северную, Среднюю и частично Восточную

Европу латинское письмо, применение которого к новоевропейским языкам со своими фонетическими особенностями, безусловно, не могло не вызвать особого интереса к звукам этих языков не только со стороны тех миссионеров, которые занимались созданием письменностей, но и самих носителей этих звуковых особенностей. Это доказывается теми двух- и более латинозначными буквами, которыми изобилуют письменности современных французов, англичан, немцев и других народов, приобщенных к католицизму.

Распространение христианства из Греции и Византии, по существу, принесло письмо в Юго-Восточную и Восточную Европу, отличное от латинского, применение которого к славянским языкам (Древняя Болгария, отдельные славянские народы Югославии, Киевская и Новгородская Русь) не могло не обратить особого внимания на те звуки, которые имелись только в славянских языках. Доказательством этому является наличие в русской письменности букв, не встречающихся в греческой письменности, которая положена в основу первой.

Распространение мусульманства из Аравии принесло письмо в Азию (Индия, Средняя Азия, Персия, Афганистан, Турция, Египет).

В процессе использования арабского буквенного письма для создания письменностей вновь изучаемых языков мусульманских народов не могли не обратить на себя внимание те звуковые особенности, которые отличали их от арабского языка. Это также содействовало повышению интереса к звукам речи.

Победоносное шествие латинского, греческого и арабского фонографического письма, ведомого, главным образом, потребностями распространения трех наиболее сильных религий, сметало на своем пути все существовавшие ранее письменности не только потому, что несло тоталитарную религию, вытеснившую язычество, а и потому, что языки, к которым шли эти письменности, в своем развитии были подготовлены к принятию фонографической системы письма. Они уже имели свои системы отображения членораздельных звуков, осмысленных в практике употребления. Если бы эти языки не были подготовлены к принятию фонографического письма или если бы эти языки уже имели свое фонографическое письмо, никакая религия, распространяемая фонографическими

системами греческой, латинской и арабской письменностей, не сумела бы навязать подопечным языкам свое фонографическое письмо или занимать ранее существовавшее фонографическое письмо своим. Тот очевидный и очень интересный факт, что грузины, армяне и евреи в окружении арабского, греческого и латинского письма сохранили свои собственные графические системы, объясняется и тем, что их не задели в своем распространении религии (как известно, грузины проповедуют христианство, армяне – григорианское направление христианства, только евреи, в отличие от других, проповедуют иудаизм), что языки этих древних народов, не ассимилировавшихся и до наших дней, имели свои фонографические системы письма, не менее интересные и простые в практике употребления. Не имея эти народы на стадии господства членораздельных звуков своих фонографических письменностей, не избежали бы участи многих других языков, принявших фонографические системы латинского, греческого и арабского письма вместо своих, не соответствовавших уже системе членораздельности своих звуков.

Интерес к звукам речи в течение всего Средневековья и даже Нового времени был повышен еще и потому, что богослужение, изложение научных и философских трактатов, следовательно, и классическое обучение происходило на латинском, древнегреческом и старославянском и арабском языках, первые три из которых уже были мертвыми. Особенно выдающееся значение в этом отношении имел латинский язык, который даже и теперь имеет употребление в Ватикане, в католических церквях, в классических гимназиях Европы, в специальных (медицинских, правовых и т. д.) учебных заведениях. Если в течение первых трех четвертей нашей эры звуковые системы новых языков изучались в сравнении со звуковыми системами классических языков, то теперь изучение звуковых систем классических языков фактически уже проводится в сравнении со звуковыми системами бывших подопечных языков латинского, древнегреческого, старославянского, арабского. Это, несомненно, играет огромную роль в обогащении знаний человека, связанных со звуками речи вообще. Более близкие во времени и фактические связи новоевропейских и других новых языков феодального Средневековья с латинским, древнегреческим и арабским (языком Корана) и языковая политика феода-

лизма привели к тому, что эти языки, в основном, оторвались от языка широких слоев всего населения и, превратившись в языки мелких кастовых групп феодальной верхушки общества, под ударами буржуазии, по феодализму, канули также в вечность. Так, постепенно вымерли старофранцузский, староиспанский, староанглийский, старонемецкий, старославянский, древнерусский и русский языки XVII–XVIII веков. На смену им пришел язык революционной буржуазии и увлеченных ею широких масс населения звуковыми особенностями.

Приход буржуазии и ее языка к господству в Европе поставил перед обществом новые потребности, повысившие и расширившие еще больше интерес к звукам речи.

Буржуазия пробудила спавшие в феодализме творческие силы общества, направленные на развитие промышленного производства, транспорта, сельского хозяйства, коммунального хозяйства, торговли, мореплавания, и необходимые для этого науки, популяризацию происходящих перемен, т. е. нужны были новые кадры, способные реализовать возникающие реформы. Так на новую ступень поднялось народное образование специалистов во всех областях жизни. А чтобы выполнить эту огромную задачу народного образования, потребовалось обратить особое внимание на языки и письменность и не только народов государств установившегося буржуазного строя, но и тех народов, которые еще не вышли на новый уровень социально-экономического строя. Началось осмысление звуков речи, упрочение старых письменных форм, собирание исторических памятников всех предыдущих эпох истории человечества.

Таким образом, приходится признать, что буржуазия подняла на более высокую ступень народное образование, открыв в более широких, чем раньше, масштабах школы, университеты, средние специальные учебные заведения, в которых подготовила специалистов для всех областей науки, культуры и хозяйства. В процессе этого образовательного исследовательского бума были открыты языки малочисленных этносов, секреты древнеегипетского письма, прочитаны папирусы, изучена его грамматическая система, а также другие древние загадочные языки.

Был открыт санскрит, прочитаны его памятники. Таким образом был проявлен интерес не только к живым языкам своего времени, но и к мертвым. А главное – были созданы специальные

аппараты для записывания звуков речи, открыты институты, изданы журналы, книги с результатами исследований новых ученых, специалистов, языковедов и историков.

Однако все эти в основном прогрессивные в целом для развития культуры человечества идеи не служили интересам экономического и социального улучшения жизни как трудящихся, так и особенно малочисленных народов, оказавшихся в зависимости более развитых и сильных наций. Их языки и традиции, даже изученные, изымались из живого обращения и подвергались языковой колониалистской шовинизации.

При этих жестоких условиях, когда все в жизни было подчинено целям наживы и обогащения сильных и сильнейших, исключаются все возможности, которые содействовали бы экономическому и культурному росту населения зависимых стран, следовательно, и созданию письменностей для языков малочисленных этносов.

Потребность в истине привела к анализу природы буржуазного строя основоположниками марксистско-ленинского мировоззрения К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Коммунистическом манифесте»: «Всюду, где она достигла господства, буржуазия разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала с его наследственными повелителями и не оставила между людьми никакой связи, кроме голого интереса бессердечного чистогана. В холодной воде эгоистического расчета потопила она священные поры набожной мечтательности, рыцарского воодушевления и мещанской сентиментальности. Она превратила в меновую стоимость личное достоинство человека и на месте бесчисленного множества видов благоприобретенной и патентованной свободы поставила одну, беззастенчивую свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией, открытой, прямой, бесстыдной и сухой.

Буржуазия лишила обаяния все те почетные роды деятельности, на которые до сих пор смотрели с благоговейным трепетом. Врача и юриста, священника и поэта, человека науки она превратила в своих наемных работников.

Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и превратила их в дело простого денежного расчета» (Маркс К. и Энгельс Ф. Коммунистический манифест. 1930. С. 22, 23).

Природа буржуазии двояка: с одной стороны, она подняла общество в целом на новую ступень социально-экономического существования, освободив земли, реки, леса, озера, людей от частного, личного владения и создав условия для высокой культуры и свободы человека, а с другой – все это она сделала и продолжает делать в большинстве стран мира с целью и задачей личного обогащения наиболее предприимчивых людей, связанного с безоглядной эксплуатацией всех и всего ради наживы.

В связи со всеми этими процессами интерес к звукам речи, к языку народа получает новое, реакционное направление. Буржуазные лингвисты-фонетисты в исследовании фонетики языка ограничиваются или физиологический, или только акустической стороной звука вообще, оторванного от функции звукового элемента речи. В целях наиболее точного изучения звука изобретаются звукозаписывающие аппараты (инструментальная или экспериментальная фонетика). Делается все это так потому, что осознание настоящей природы звука речи лишней раз доказало бы, что создателем языка, как и всех других богатств общества, является не Бог и никто другой, как народ в целом.

Конец XVIII века и весь XIX век характеризуются все усиливающимся интересом лингвистов всего мира к языкам аборигенов Америки, Австралии, островов Тихого океана, Азии, Средней Азии и Памира, Индии, Кавказа. Интерес этот к изучению языков различных малочисленных этносов возникает у буржуазного лингвиста не потому, что они стремятся помочь носителям этих языков, самоуверенных в историческом процессе всего человечества, а потому, что «потребность в постоянно возрастающем сбыте для нее продуктов заставляет буржуазию обегать весь земной шар... Всюду проникнуть, всюду... внедриться, всюду завязывать сношения» (*Маркс М. и Энгельс Ф.* Коммунистический манифест. 1930. С. 23). Язык является лучшим проводником, и потому буржуазия воспользовалась и этим средством. Но ограничено. Не выгодно было развивать эти языки, создавать письменность. Проще было учить новоприобретенных потребителей своему языку и своей письменности.

В течение XIX века и теперь в буржуазном мире наблюдается целенаправленное лишение экономической, культурной самобытности народов с собственным историческим прошлым.

Еще и еще раз подтверждаются проницательные характеристики этой части исторического развития человечества.

К. Маркс и Ф. Энгельс «проницательно отметили», что «своей эксплуатацией всемирного рынка буржуазия преобразовала в космополитическом духе производство и потребление всех стран. К великому огорчению реакционеров, она лишила промышленность национальной почвы. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены или уничтожаются с каждым днем. Они вытесняются новыми отраслями промышленности, введение которых является вопросом жизни для всех цивилизованных наций, теми отраслями промышленности, которыми обрабатываются не только местные сырьевые продукты, но и произведения самых отдаленных стран, и фабричные продукты которых потребляются не только внутри страны, но и во всех частях света. Прежние потребности, удовлетворявшиеся с помощью местных продуктов, заменились новыми, для удовлетворения которых необходимы произведения отдаленнейших стран с разнообразнейшим климатом. Прежняя местная национальная замкнутость и самодовление уступают место всестороннему обмену и всесторонней взаимной зависимости народов. И как в области материального, так и в области духовного производства плоды умственной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся теперь все более и более невозможными, и из многих национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература» (Маркс К. и Энгельс Ф. Коммунистический манифест. 1930. С. 24).

На базе этих действий европейской буржуазии, приведших в движение творческие силы всех стран, возникло в XX веке индоевропейское языкознание, призванное помочь буржуазии достичь и сохранить господство над всем миром и оправдать свое поведение. Методологические установки и принципы его целиком и полностью соответствовали требованиям шовинистующей европейской буржуазии, которая, захватив в свои руки экономические и культурные ценности народов Европы и других стран, пропагандировала право на полное господство не только в экономическом и культурном, но и в этническом отношении. Индоевропейское языкознание в этой пропаганде играло не последнюю роль. Перетасовав по своему усмотрению фонетические и иные факты языков мира, отобранные специально, оно создало мнение, что народы Европы, следовательно, и языки их призваны

господствовать над народами и языками мира, распоряжаться их судьбами. В результате осуществления энной политики были лишены возможности нормального развития многочисленные автохтонные этносы Америки, Африки, Австралии, Азии и даже Европы, которые частично или полностью потеряли свои языки и идут по пути полного вымирания.

Тот очевидный факт, что индоевропейское языкознание пренебрегло изучением языков народов, шовинистические выводы строились на материале только морфологии. Почему?

Синтаксис не мог удовлетворить их требования, потому что как форма проявления языка вообще в одинаковой степени точно выражает мысли как в ведущих европейских, так и в других языках. Европейские лингвисты судили и судят о примитивности или непримитивности языка по материалам только из фонетики и морфологии без синтаксиса, так как синтаксис не мог подтвердить их выводы априори.

Вместе с самой буржуазией, сыграв свою определенную роль в развитии науки о языке, зашло в тупик и индоевропейское языкознание. Из фактора, имевшего большое значение в становлении науки о языке, оно превратилось в фактор, играющий реакционную роль, в оковы, задерживающие дальнейшее развитие общего языкознания.

Об особенностях звуков речи кабардинцев и осетин, адыгейцев, черкесов, ногайцев и аварцев, кумыков и лакцев, лезгин, киргизов, казахов, бурят, ненцев, юкагиров и многих других народов СССР знали и до советской власти. Они изучались и индоевропейскими лингвистами (Мюллер, Услар, Лопатинский, Радлов и многие другие). Но это изучение преследовало цель показа совершенства индоевропейских и примитивности, неполноценности бесписьменных языков.

Однако изучение и исследование их языков ни один из выше-названных бесписьменных народов не подводили к их развитию. Толчком к созданию письменности у этих народов и их практическому изучению, ведущих к сохранению и развитию родных языков, явилась Великая Октябрьская революция, наделившая автохтонные этносы бывшей Российской империи государственностью.

Только после этого в нашей стране стал формироваться научный интерес к языкам и звукам речи без их деления на полноценные и неполноценные, культурные и «дикие», примитивные и непримитивные.

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

ЗВУКИ РЕЧИ

Звуки речи – это такие простейшие членораздельные элементы речи, которые на более мелкие составные части ни в произношении, ни, следовательно, в звучании и слуховом восприятии человека, не лишаясь своей принадлежности к речи, не могут распадаться.

Понятие «простые» в отношении разных языков будет пониматься равно, потому что в одном языке простым членораздельным элементом может быть звук одного качества и количества, в другом – другого качества и количества. Так, например, «к» русского языка обладает одной простотой, не распадающейся на более мелкие элементы, а «ко» абхазского языка – другой простотой, тоже не распадающейся на более мелкие элементы. В этих звуках простота наблюдается не так сильно, но если взять другие примеры, то может оказаться, что элемент, называемый звуком, может составлять целое слово, требующее одновременной и неразрывной артикуляции нескольких органов речевого аппарата. Такие звуки встречаются и в русском языке, но в виде исключения, например слова типа «тпру» или другие слова междометного характера. В современных яфетических языках таких слов-звуков, не распадающихся на более мелкие элементы, встречается больше.

В определении звуков речи мы до сих пор точного и явного представления, общего для всех лингвистов, не имеем. У одних, особенно у представителей формального в грамматике определения звуков речи, заимствуется из физики, другие приближаются в своем определении к истине больше, отмечая, что звуки речи – это все-таки не совсем то, что является объектом физики.

Образцовым определением звука речи, свойственным формальному направлению в грамматике, является определение Д. Н. Ушакова, который пишет, что «всякий звук, как известно из физики, есть результат колебания звучащего тела; посредством воздуха колебания передаются уху, и у слушающего получается

ощущение, называемое звуком» (Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. 1929. С. 12). Приблизительно такие же определения звуков речи мы встречаем и у других. Например, Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов пишут: «Звуком называются колебания воздуха, воспринимаемые ухом» (Введение в языковедение. М., 1945. С. 27). «Звук – акустическое явление, – пишет А. Н. Шевалдышев, – вызванное рядом колебаний воздуха» (Грамматика английского языка. М., 1927. С. 4). К таким же определениям звука речи можно присоединить то определение, которое дает и французский лингвист Ж. Вандрисс. Он пишет, что «звуком называют действие, оказываемое на ухо некоторыми колебательными движениями воздуха» (Вандрисс Ж. Язык. М., 1947. С. 3).

Имеет место в лингвистике и такое течение, которое отрицает принадлежность звука вообще к элементам речи. Сюда можно отнести Эдуарда Сепира. Он пишет, что «самым простейшим элементом речи (а под «речью» мы будем разумеать звуковую систему речевой символики, поток произносимых слов) является индивидуальный звук... И однако индивидуальный звук, собственно говоря, не является вовсе элементом речи, ибо речь есть значащая функция, а звук, как таковой, значением не облечен» (Сепир Э. Язык. М., 1934. С. 20).

Все эти определения правильные только в одном отношении, а именно: частое и ритмическое колебание всякого тела, несомненно, вызывает звучание, приводя в соответствующее колебательное движение воздух, который, соприкасаясь со стенками слухового органа, раздражает его, т. е. приводит в колебание, порождает звук. Но звуки речи – это не обычные звуки. Они различаются своим происхождением, назначением, количеством и качеством, связанными с несением на себе тех значений или их оттенков, для выражения которых они и получили свое звучание. Не всякий звук может быть звуком речи, но всякий звук речи может входить в понятие звука вообще. Это не означает, что мы в определении звуков речи должны пользоваться взятыми из физики определениями. Звуки речи не существуют вообще, как считают Э. Сепир и некоторые другие. Звуки речи родились в речи, живут в ней и перестают существовать без нее. Звуки речи нельзя определять в отрыве от той среды, которая их породила, точно так же как нельзя к человеку подходить вне общества, вне той группы людей, в которой он находится. Отрыв звуков речи от родной среды человека, который ее озву-

чивает, и привел фонетистов к тому тупику в изучении звука и звуковых процессов, который так сильно дает себя чувствовать теперь.

Как бы речи ни звучали, приводя в движение воздух и раздражая стенки слухового органа, человек их не воспримет, если они не несут для него информационного значения или оттенка значения. Но если они несут значение или оттенок значения, как они невнятно и слабо ни звучат, человек их услышит. Звуки неродного языка, который еще не стал восприниматься как родной, произносятся и воспринимаются плохо, потому что они не связаны со значением для данного гражданина, следовательно, являются только звуками физики, но не речи. В этом заключается трудность как изучения, так и преподавания неродного языка.

Лучшие советские лингвисты-фонетисты, как, к примеру, академик Л. Щерба, только в речи в связи с речью и рассматривают звуки. Академик Л. Щерба пишет: «...в живой речи произносится значительно большее, чем мы обыкновенно думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом данном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, т. е. служить целям человеческого общения. Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи» (*Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1939. С. 16, 17*).

Дело не только в звучании, что больше всего интересует представителей формальной науки о звуках речи, но и в восприятии тех смысловых различий слов или даже слогов, которые призваны звуки речи доводить до слуха человека. В русском языке гласные звуки *о*, *а* произносятся отчетливо, как звуки *о*, *а*, *э*, только под ударением. В неударных слогах они могут быть произнесены в зависимости от привычки говорящего, обусловленной к тому же местом его рождения и проживания, и так и этак. По этим частностям слушающий его определяет географический район происхождения говорящего. При этом значение слова почти никогда не меняется.

Слово «молоко» может быть произнесено «малако», «мылако», даже «мулако» и т. д., однако неправильное произношение будет резать слова, будет затруднено. Парные звонкие и глухие согласные звуки не всегда одинаково четко произносятся в слове. В русском языке они произносятся нечетко в конце слов, в тюрко-татарских языках – в начале слов, но от этого смысл слова не

меняется. Например: «снег», «снек», «сних» – по-русски будет восприниматься «снег», скажем ли «кел» или «гел», «кет» или «гет», «тенгиз» или «денгиз» – по-тюрко-татарски будет выражено одно значение: «кет», «кел», «тенгиз». Таких примеров можно привести много. Они встречаются во всех языках. Это говорит и о том, что звуки речи не только колебания воздуха, но также внешний признак, притом нечто другое, дополнительное, которое современная фонетика точно еще не установила и не объяснила.

При сравнении звукового состава нескольких языков обнаруживается, что не все звуки и не всех языков находят себе соответствия: есть одинаковые звуки, но встречаются особые специфические звуки, свойственные отдельным языкам. Если бы звук стоял вне речи, если бы он был просто звуком и воспринимался бы только слуховым органом, то воспринимался бы всеми. В том или другом языке имеют место только те звуки, которые рождены только этим языком в процессе выражения тех или иных оттенков звучания или значений слов.

Звуки речи – это неразложимые элементы знаков материализации сознания, которая вызывается необходимостью удовлетворения потребности общения людей друг с другом. В одних языках такими неразложимыми элементами, составляющими эти знаки материализации сознания, являются одни звуки, в другом – другие, которые по необходимости воспроизводит речевой аппарат человека. Они отличаются друг от друга. Повторим: рядом со специфическими звуками встречаются звуки общие, одинаковые.

Это мы наглядно можем наблюдать по следующей таблице, в которой совершенно произвольно я сравниваю друг с другом основные звуки русского, киргизского, грузинского, абхазского, английского, кабардинского, французского и немецкого языков. Материал для таблицы взят мной из учебников, учебных пособий и научных трудов по этим языкам. Я пользовался «Фонетической системой современного киргизского языка» И. А. Батманова, «Грамматикой грузинского языка» В. Т. Руденко, «Грамматикой кабардинского языка» Ф. Турчанинова, «Аналитическим алфавитом абхазского языка» Н. А. Марра, «Современным французским языком» К. А. Ганшиной и М. П. Петерсона, «Фонетикой французского языка» Л. Щербы, «Грамматикой английского языка» А. Н. Шевалдышева и др.

Сравнительная таблица звуков нескольких языков (буквы, стоящие на одной строчке, обозначают одинаковые звуки, черточка показывает, что соответствует звуку в данном языке нет)

Звуки русско-го языка	Звуки киргизск. языка	Звуки грузинск. языка	Звуки абхазск. языка	Звуки англ. языка	Звуки кабард. языка	Звуки французск. языка	Звуки немецк. языка
а	а	а	а	а	а	а	а
-	аа	-	-	а	-	а	а
-	-	-	-	-	-	а	-
-	-	-	-	-	-	а	-
-	-	-	-	а	-	-	-
б	б	в	в	в	б	в	в
бь	-	-	-	-	-	-	-
в	в	-	-	-	в	-	-
вь	-	-	-	-	-	-	-
г	г	-	-	-	г	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-
д	д	-	-	-	д	-	-
дь	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-
-	дж	-	-	-	дж	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-
э	э	э	е	е	е	е	е
-	ээ	-	-	-	-	е	-
-	-	-	-	-	-	е	-
-	-	-	-	-	-	е	-
-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	ее	-	-	-
ж	-	-	-	-	ж	-	-
жь	-	-	-	-	жь	-	-
з	з	-	-	-	з	-	-
и	и	-	-	-	и	-	-

Анализ акустической природы звуков речи говорит о том, что звуки современных языков характеризуются разной степенью сложностью. Встречаются звуки простейшие, т. е. такие, которые образуются действием только одного активного и одного пассивного органов произношения, например: сомкнутых губ, нижней губы и верхних зубов, кончика языка и верхних зубов, спинки передней части языка и верхних зубов, кончика языка и альвеол, спинки средней части языка и средней части неба, спинки задней части языка и задней части неба, сомкнутых голосовых связок и т. д. – без участия активного (осмысленного) движения другого активного органа произношения. Встречаются и сложные, т. е. такие, которые образуются действием двух и больше активных органов произношения, т. е. двух и больше из перечисленных выше или полости носа, рта, вибрирующих голосовых связок.

Исходя из этого, к простейшим звукам, которые встречаются почти во всех языках, мы можем отнести следующие:

1) губно-губной – *б*; 2) губно-зубной – *ф*; 3) язычно-зубные – *т*, *ц*; 4) переднеязычно-альвеолярный – *с*; 5) язычно-альвеолярные – *т* (англ.), *ш*, *ч*; 6) среднеязычно-средненебные – *к'*, *х'*; 7) заднеязычно-задненебные – *г*, *х*; 8) придыхательный – *h*; 9) смычно-связочный – *м*; 10) максимально суженной передней части полости рта – *и*; 11) максимально суженной передней части полости рта – *ы*; 12) среднесуженной передней части полости рта – *э*; 13) среднесуженной средней части полости рта – *о*; 14) несуженной задней части полости рта – *а*.

За малым исключением, все эти звуки в этой предельной расчлененности встречаются почти во всех языках и являются основной звукового сходства всех языков, характеризуемого тем, что речевой аппарат человека одинаков, что ни расовая, ни национальная, ни религиозная принадлежность человека не имеет отношения к речевому аппарату. Органы речи – это естественные органы речи, как и руки – естественные орудия труда, общие для представителей всех расовых, национальных и религиозных групп. Речевой аппарат – общая физиологическая данность всех людей. Различия между звуками речи в различных языках, которые имеют место, характеризуются не тем, что речевой аппарат человека различен, а тем, что в том или ином языке те или иные возможности звукопроизводства речевого аппарата не использо-

ваны, потому что носители того или иного языка не испытывают потребности в дополнительном использовании этих возможностей.

Исторически шло развитие звуковых процессов по линии отшлифовки навыка производства звуков, вызванного необходимостью удовлетворения той или иной потребности, следовательно, звуки также отшлифовываются, облегчая свое произношение.

Сложные звуки имеют несколько степеней сложности. К сложным первой степени нужно отнести такие звуки, которые характеризуются действием двух активных органов произношения, например, сомкнутых губ и голосовых связок, придыхания, суженной полости рта и т. д.

Для иллюстрации приведем некоторые данные о такой классификации.

1. Губно-губные простейшие:
 - а) с участием голосовых связок – б
 - б) с участием суженной передней части полости рта – нь
 - в) с участием придыхания – п
2. Губно-зубной простейший – ф
 - а) с участием дрожащих голосовых связок – в
 - б) с участием суженной передней части полости рта – фь
 - в) с участием придыхания – ф
3. Язычно-зубной простейший – т
 - а) с участием дрожащих голосовых связок – д, дз
 - б) с участием суженной передней части полости рта – ть
 - в) с участием придыхания – т
 - г) с участием округленных губ – т°
4. Переднеязычно-альвеолярно простейший – с
 - а) с участием дрожащих голосовых связок – з
 - б) с участием суженной передней части полости рта – сь
5. Язычно-альвеолярный простейший – ш (англ.), ш
 - а) с участием дрожащих голосовых связок – ж (англ.), ж
 - б) с участием суженной передней части полости рта – ш
 - в) с участием округленных губ – ш°
6. Среднеязычно-средненебный простейший – к
 - а) с участием дрожащих голосовых связок – г
 - б) с участием суженной передней части полости рта – к
 - в) с участием придыхания – к

- г) с участием округленных губ – *к^о*
- д) с участием сомкнутых голосовых связок – *к*
- 7. Заднеязычно-задненебные простейшие
 - а) с участием дрожащих голосовых связок –¹
 - б) с участием сомкнутых голосовых связок –
 - в) с участием округленных губ –

К этой группе звуков относятся из гласных все нелабиализованные и неназализованные гласные звуки – *и, э, ы, а, э*. Эти звуки характеризуются двумя органами: действием дрожащих голосовых связок и суженной в разной степени полостью рта с языком в передней, средней и задней части. Более простых в гласных не бывает.

Часть этой группы звуков осмыслена в практике удовлетворения потребности в одном языке, часть – в другом, но все они как одинаковые не встречаются во всех языках. Таким образом, звуковые различия, главным образом, начинаются со звуков первой степени сложности.

К звукам второй степени сложности нужно отнести такие, которые характеризуются действием трех активных органов произношения, например, сомкнутых губ, дрожащих голосовых связок и суженной передней части полости рта, носа и т.д.

- 1. Губно-губные простейшие – *п*
 - а) с участием дрожащих голосовых связок и полости носа – *м*
 - б) с участием дрожащих голосовых связок и суженной передней части полости рта – *бь*
- 2. Губно-зубной – *ф*
 - а) с участием дрожащих голосовых связок и суженной передней части полости рта – *вь*
- 3. Язычно-зубной простейшие – *т*
 - а) с участием дрожащих голосовых связок и суженной передней части полости рта – *дь*
 - б) с участием дрожащих голосовых связок и округленных губ
 - в) с участием придыхания и дрожащих голосовых связок
 - г) с участием дрожащих голосовых связок и полости рта – *н*
 - д) с участием дрожащих голосовых связок и щечных полостей – *л*

¹ Так у автора: звук не указан.

6. Среднеязычно-средненебный простейший – *к*
 - а) с участием дрожащих голосовых связок и суженной передней части полости рта – *д*
 - б) с участием дрожащих голосовых связок и придыхания
 - в) с участием дрожащих голосовых связок и округленных губ – *д*
 - г) с участием суженной передней части полости рта и округленных губ – *д_о*
 - д) с участием суженной передней части полости рта и округленных губ – *к_о*
 - е) с участием дрожащих голосовых связок и полости носа – *к*
7. Заднеязычно-задненебный простейший – ¹
 - а) с участием дрожащих голосовых связок и придыхания
 - б) с участием дрожащих голосовых связок и округленных губ
 - в) с участием придыхания и округленных губ

К этой группе звуков второй степени сложности относятся все лабиализованные и назализованные нелабиализованные гласные звуки *у, о, у, и а, э*, потому что при их образовании участвуют дрожащие голосовые связки, полость рта и округленные губы (*у, о, у*) или же дрожащие голосовые связки, полость рта и полость носа (*а, э*).

Из числа звуков второй степени сложности очень мало можно найти таких, которые были бы общими для всех языков. Общность из них будет относиться только к таким звукам, которые называются в традиционной фонетике сонорными типа *м, н*. Некоторые из них, как *н, рь, л*, тоже являются достоянием не всех языков.

К звукам третьей степени сложности нужно отнести такие, которые образуются действием четырех активных органов произношения, например, сомкнутых губ, голосовых связок, суженной полости рта, полости носа и т. д.

1. Губно-губной простейший – *п* может превратиться:

а) с участием дрожащих голосовых связок, суженной передней части полости рта, полости носа в *мь*

2. Язычно-зубной простейший – *т*

а) с участием дрожащих голосовых связок, суженной передней части полости рта, полости носа –

б) с участием дрожащих голосовых связок, суженной передней части полости рта, полости щек – *ль*

К этой группе звуков относятся все гласные звуки, которые ха-

¹ Так у автора: звук не указан.

рактизуются действием голосовых связок, полости рта, полости носа и округленных губ (о).

Чтобы все это было ясней и наглядней, рассмотрим звуки речи в таблице. В основу ее я положил наиболее простую и распространенную схему определения природы звука по месту образования (горизонтальное деление) и способу образования (вертикальное деление). Схема эта была создана для физиологической и акустической классификации звуков главным образом индо-европейских языков. Добавления и изменения, которые по необходимости мне пришлось внести в эту схему, касаются не общих принципов определения места и способа производства звуков, они остаются без изменения, потому что для достижения основного акустического размещения звука используется то или иное место речевого аппарата при том или ином способе участия какого-либо одного или больше органов произношения, единых для всех людей лишь в том, что в работе этих органов произношение, свойственное главным образом яфетическим языкам, в трудах индоевропейских ученых не нашло себе места, во-первых, потому, что индоевропейские ученые считали, что звуки другого способа произношения, не свойственного индоевропейским языкам, по своему качеству и достоинствам как выразительные средства стоят намного ниже, чем звуки европейского способа произношения. Во-вторых, в те рамки, которые установлены этой схемой для звуков, звуки неевропейских языков никак не входят.

Реакционность, следовательно, и антинаучность взглядов буржуазных ученых, определявших примитивность и неполноценность языков по признакам неевропейского способа произношения звуков речи, не позволили лингвистам определить природу звука речи со всей полнотой, которая только и могла бы помочь установить, что все дело акустического разнообразия звуков речи вообще достигается одними и теми же местами и основными органами речевого аппарата человека при том или ином способе одновременного и дополнительного участия других органов речевого аппарата.

Ограниченность методологического кругозора, характеризующего чистейшим формализмом, предвзятость теоретических взглядов, так свойственных для всей буржуазной науки, не позволили понять, что звук *б* то же самое, что звук *п*, только с участием дрожащих голосовых связок; что звук *м* то же самое, что звук *б*,

только с участием призвука полости носа, что звук *мь* то же самое, что звук *м*, но только с участием другого призвука суженной передней части полости рта. Буржуазные ученые не поняли, что в производстве этих звуков, свойственных и европейским языкам, участвуют один основной орган произношения (губы) при основном их способе артикуляции (взрыве сомкнутости) и один или даже несколько дополнительных органов произношения (суженная полость передней части рта, полость носа, дрожащие голосовые связки и т.д.).

Буржуазные лингвисты не поняли также, что акустическое разнообразие звуков речи достигается:

в первую очередь местом образования: губно-губные, губно-зубные, зубно-межъязычные, язычно-зубные, язычно-альвеолярные, средние язычно-средненебные, заднеязычно-задненебные, гортанные и межсвязные;

во вторую очередь способом артикуляции перечисленных органов на перечисленных местах речевого аппарата: взрывом сомкнутых органов, трением их, полувзрывом и трением, вибрацией основного органа, полурасствором, узким, средним и широким раствором их;

в третью очередь дополнительным участием другого какого-либо органа, который в действии сопровождает звуки первой и второй очереди по всей горизонтали и вертикали, например: действие дрожащих голосовых связок, сопровождающее губно-губной, язычно-зубной и т.д. взрывы, действие суженной полости рта, действие полости носа, придыхания, взрыва сомкнутых голосовых связок, округленных и вытянутых губ. Все эти призвуки могут сопровождать основное, стержневое звучание каждой в отдельности и совместно. Отсюда и то многообразие звуков, которые встречаются во всех языках.

Для наглядного выражения всего этого мне пришлось звонкость и глухость, придыхательность, позализованность, огубленность перенести из вертикального деления схемы в горизонтальное деление, так как все эти призвуки в основном определяются не способом артикуляции (взрывом, трением и т.д. Каким-нибудь органом), а произношением в речевом аппарате. Это одно, другое, что мне пришлось изменить в общепринятой схеме, это объединение двух схем: схемы для согласных и схемы для согласных, которые до

сих пор составлялись отдельно. Анализ некоторых (язычно-альвеолярных, средняяязычных-средненебных, задняяязычно-задненебных) согласных и гласных показывает это по месту образования к участию дополнительных органов произношения эти две категории звуков совпадают. Различаются они только способом артикуляции основного органа: согласные полным смыканием, взрывом и трением, вибрацией, полусмыканием, а гласные отсутствием всякого смыкания и некоторого раствора рта. При этих условиях для наиболее ясного представления природы согласных и гласных звуков нужно было схемы эти объединить, что мною и сделано.

В числе дополнений, которые мне пришлось произвести в схеме, относится деление всех звуков на простые и сложные, а сложных на глухие и звонкие по участию и неучастию дрожащих голосовых связок и внутри глухих и звонких на мягкие, твердые, придыхательные, двойного взрыва (в полости рта и гортани) лабиализованные (огубленные, позализованные (носовые) и др. – это в горизонтальном делении, в вертикальном мною дополнены деления на взрывные, фрикативные и аффрикаты делениями по степеням напряжения, которые должны показывать, с каким напряжением органов речи произносится тот или иной звук, деления на верхний подъем, средний подъем и нижний подъем и делением их тоже по степеням напряжения, которые я называю, как принято, краткими, средними и долгими. Все эти изменения и дополнения, которые, по необходимости, я осмелился сделать в общепринятой схеме таблицы согласных и гласных звуков, помогают лучше осветить акустическую и физиологическую природу звуков речи, возникших в процессе удовлетворения беспредельных потребностей общения людей друг с другом с помощью предельных возможностей звукопроизводства речевого аппарата человека.

Звуки обозначаются в основном с помощью знаков аналитического алфавита академика Н. Я. Марра с использованием знаков транскрипции, разработанной академиком Л. Щербой для европейских языков. Согласные в основном обозначены знаками аналитического алфавита, а все гласные и мягкость согласных – знаками транскрипции академика Щербы. Звуки, которые в сравниваемых языках (русский, киргизский, абхазский, кабардинский, английский, грузинский, немецкий, французский) не встречаются, взяты в скобки.

СТАНОВЛЕНИЕ ЗВУКОВ РЕЧИ

Звуки речи – историческая категория, возникшая на определенной ступени развития звукового, «язычного» языка. Ориентация на то, что звуки речи неизначальны, что они – достижение позднейших этапов развития речи, является прогрессивным шагом советской лингвистики. Следовательно, проблемы, которые не могла решить лингвистика XIX века, находясь в плену идеалистического формализма, физиологического и акустического описательства, будут решены советскими лингвистами. Этим достижением обязаны основоположникам марксистско-ленинской науки, которые определили связи с мышлением, заложив тем самым в основу обновления лингвистической науки создание грамматики.

Признание, что звуки речи – историческая категория, что они – результат огромного труда, потраченного человечеством для создания мощного орудия общения, каким является звуковой язык, еще не все. Такому признанию должна последовать разработка всех проблем, связанных со становлением всех элементов, составляющих грамматику в целом. Признание, что звуки речи – историческая категория, в лучшем случае является основой программы деятельности лингвистов, а основа еще не есть так же, как и программа еще не есть конечный результат деятельности, к которому человек стремится. Советская лингвистика пока находится у порога решения стоящих перед ней задач. Ей предстоит сначала очистить лингвистическую науку и грамматику от идеалистических заблуждений, выявить то рациональное зерно, которое позволит науке развиваться нормально и эффективно. Мешает советской лингвистической науке приступить к выполнению своих функций двухтысячелетняя традиция. Наши лингвисты пока еще применяют суждения основоположников марксизма-ленинизма о языке только без применения в решении конкретных проблем грамматики.

Признано, что звуки речи – историческая категория, возникшая на позднейших ступенях становления языка как орудия своего общения между людьми, а такое общение связано в процессе эволюции с необходимостью непрерывного удовлетворения

расширяющихся вглубь и вширь потребностей. Все это и обязывает нас признать и становление звука речи как материала, из которого создавался и пересоздавался язык. Признание становления звука речи вынуждает нас видеть причины, которые обуславливали это становление, и пути, по которым оно шло. И, наконец, признание становления звуков порождает потребность признать и тот очевидный факт, что звуковая система того или иного языка обуславливает неизбежности, которые происходят сегодня и будут происходить завтра, поскольку причины, которые действовали вчера, действуют и сегодня, будут действовать и завтра.

Современная лингвистика имеет большое количество фактов, говорящих о бесспорности непрерывных фонетических изменений языков различных систем. Это – факты передвижения согласных в германских, армянских, можно добавить, и в языках тюрко-татарской системы. К примеру, *умлаут* и *аблаут*, так называемые *фонетически необусловленные чередования согласных* в русском языке, переход фонемы *э* в *о* под ударением после предшествующего мягкого согласного звука – это чередования согласных звуков русского языка, чередования гласных, это – гласные звуки, юсы и т. д., которые теперь в русском языке не встречаются. Это – наличие таких фактов, когда трудно найти два языка, которые пользовались бы одним и тем же звуковым составом, но зато очень много языков, в которых встречаются звуки, не свойственные другому языку. И многие другие факты, перечислять которые нет надобности, потому что наличие их ни у кого сомнения не вызывает. Современная лингвистическая наука в течение многих десятков лет занималась их собиранием и тщетно пыталась понять причину этих изменений. Попытки остались попытками, более того, неудачи так разочаровали лингвистов, что они махнули на них рукой и все свое внимание сосредоточили на описании все новых и новых фактов фонетических изменений в новых, ранее не обследованных языках. Не этими ли неудачами объясняется тот факт, что представители младограмматической школы, которая, надо отдать ей должное, очень много сделала в области собирания физиологического и акустического описания звуков различных языков, отказалась от решения проблемы происхождения языка, следовательно, и от становления звуков?

В связи с этим вопрос о физиологической и акустической природе звуков так точно, так полно изучен, что вряд ли кто-нибудь из молодых лингвистов добавит что-либо новое в этом отношении. Науке теперь известно, какими возможностями обладает речевой аппарат человека в области звукопроизводства и какие из этих возможностей используются в тех или иных письменных или бесписьменных языках.

Огромную заслугу перед лингвистической наукой в этом отношении нельзя оспаривать ни у лингвистики Европы и Америки, ни тем более у дореволюционной лингвистики России. В область изучения звукового состава языков, особенно яфетической системы, неоценимый вклад внесла яфетидология, по существу обогатив науку в целом рядом интереснейших наблюдений. На основании тех данных, которые представили яфетидологи как в СССР, так и за его пределами, мы можем с уверенностью констатировать, что звуковая система всех индоевропейских языков прошла долгий путь многократных фонетических изменений, пока обрела современный облик, с которым сталкивается наш современник как в своем родном языке, так и в языках, на которых он говорит или которые ему приходится изучать. Данные яфетического языкознания, подтверждая данные истории русского языка, говорят, что звуковой состав современного русского языка очень многим отличался от звукового состава древнерусского языка. Можно добавить, что звуковой состав древнерусского языка, известный нам по сохранившимся письменным памятникам, не мог не отличаться даже еще в большей степени от звукового состава тех языков, которые ему предшествовали. То же самое можно сказать относительно отличий звукового состава современных тюрко-татарских, немецкого, французского, английского и многих других живых языков в сравнении с теми языками, которые называются их предками в доисторические или исторические эпохи человеческого общества. Наконец, о больших переменах в звуковом составе современных языков говорит и то, что в некоторых из них, особенно в таких языках Европы, как английский и французский, орфография ничего общего не имеет с произношением. Если бы этих перемен не было, то французы и англичане произносили бы приблизительно так же, как они сейчас пишут. Никто не может оспаривать тот очевидный факт, что в эпоху создания письменности для этих языков такой

большой разницы между произношением и описанием слов не могло быть. Значит, это результат изменений звуков этих языков, которые вели по пути становления современных звуков английского и французского языков.

Значит, фонетические изменения свойственны всем языкам независимо от уровня развития их и в целом системы. Раз такой факт признается всеми, то должно быть признано наличие каких-то общих причин, следствием которых являются эти изменения. Эти причины должны быть общими для всех языков, потому что значение языка в жизни всех людей, независимо от их расовой и иной принадлежности, одинаково. Общие условия возникновения нового явления предполагают общие причины его дальнейшего развития. Эти причины лингвистические, потому что касаются языка, говорения и его элементов, как то: звуков, слова, предложений. Они не касаются ни речевого аппарата человека, ни звука как такового в отдельности. Наука не может сказать ничего о том, что фонетические изменения во всех языках вызваны теми или иными изменениями, которые произошли в течение того или иного промежутка времени в составе речевого аппарата человека, наука не может ничего сказать о том, что у кабардинцев в языке встречается такая система звуков, а у русских – такая только потому, что у кабардинцев речевой аппарат отличается от речевого аппарата русских тем-то и тем-то. Речевой аппарат у всех людей один и тот же, физические дефекты, которые встречаются в речевом аппарате отдельных личностей, абсолютно никакого влияния не оказывают на состояние звукового состава того или иного языка и в целом, следовательно, общие причины, следствием которых являются всеобщие фонетические изменения, которые констатированы лингвистической наукой в языках различных систем, не могут быть ни физиологическими, ни чисто физическими. Они могут быть только лингвистическими, т. е. такими, которые вызываются необходимостью удовлетворения тех или иных потребностей общения людей между собой.

Попытки объяснить природу этих причин физиологическим, физическим и иным нелингвистическим характером ни к чему научно обоснованному не привели ни одного известного или малоизвестного лингвиста ни в Европе, ни в Америке, ни у нас в СССР.

Каждая причина характеризуется сущностью явления. Сущность определяется функцией явления. Функция возникает в результате необходимости удовлетворения потребности, которая оформляется как потребность вследствие изменившихся условий в первую очередь материального и затем надстроечного бытия явления. Следовательно, причины, связанные с той или иной сущностью, не могут быть внесены извне: они рождаются сущностью и снимаются как таковые, если сущность исчезает.

Язык есть сущность, которая определяется ее надстроечным, «духовным», характером. К тому же она обременяется функциями закрепления достижений познания человеком окружающего материального и духовного мира, созданного его же разумом, развивающимся в живейшей связи с производством материальной основы жизни общества, людей друг с другом. Функции эти – закрепление достижений познания человека и общения людей друг с другом – диалектически связаны, являются двумя противоположностями одного и того же и возникают в результате удовлетворения потребности в такого рода орудии, как язык. Потребность же эта возникла в результате «развития труда», которое «по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности и стало яснее сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу». Потребность подобного рода имеет такую большую творческую силу, что создает орудие, с помощью которого и может получить удовлетворение. В связи с такой силой потребности и пишет Энгельс выше: «...потребность создала себе орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим»¹.

Труд объединяет людей. Он – сущность. Как сущность, он возник в результате удовлетворения потребностей живых организмов: жить, размножаться и т. д. Как сущность, он имеет свои функции. Одна из них – объединение людей. Объединение, воз-

¹ Март Н. Я. К Бакинской дискуссии.

никающее в результате удовлетворения потребностей, является той сущностью с новой функцией, которая создает потребность в общении людей друг с другом. Удовлетворение этой новой потребности – язык, средства общения и «материальное сознание».

Труд меняет свои собственные условия, следовательно, видоизменяется и сам. Труд меняет физическую и духовную конституцию человека, порождая новые орудия труда; труд ведет к накоплению материальных ценностей, производимых руками человека. С этими изменениями осложняются условия объединения, обновляются потребности общения людей друг с другом, что в свою очередь толкает язык на изменения специфических средств общения и материализации сознания. Поэтому все причины, вызывающие те или иные изменения в языке, должны быть общими, следовательно, и лингвистическими. Таковыми они в действительно и являются, несмотря на то, что в течение долгих десятков лет лингвисты Европы, Америки и России старались видеть их внесенными извне. Безусловно, диалектическое единство мышления и языка, языка и сознания открыли основоположники марксизма-ленинизма.

Сознание в языке и через язык объективируется и получает силу фактора. Это только и дает ему возможность быть навязанной старшим поколением последующему и быть материально-ощутимой и осязаемой. В объективации сознания имеет исключительное значение не один человек. Он только воспринимает готовое. Академик Н. Я. Марр замечает, что на заре своего становления слова языка нерасчлененные еще звукоиспускания играли роль взаимного осведомления как сигналы, как символы тех или иных опасностей для человека, затем по мере накопления материальных ценностей, созданных трудом человека, следовательно, по мере накопления коллективного опыта и осознания окружающего мира, по мере осознания человеком самого себя и выделения его, как человека, сознание объективируется, получая свое звуковое, или до него линейное, или кинетическое оформление. С этого момента сознание в языке и через язык становится как бы материальной ценностью, орудием, передаваемым из поколения в поколение, совершенствуемое так же, как и другие орудия производства, созданные руками человека, но орудие другого рода, орудие, помогающее коллективному труду людей, живущих одно-

временно в одном и том же коллективе, и орудие, помогающее продолжать опыт деятельности старшего поколения младшим. Таким образом, язык связывал друг с другом не только современников, но и людей одного языка, стоящих на двух противоположных концах начала и конца языка. В связи с этими особенностями языка К. Маркс и Ф. Энгельс пишут в своем труде «Немецкая идеология», что «Язык – материализованное сознание», что «Язык так же древен, как и сознание; язык как раз и есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возник лишь на потребности из настоятельной нужды в общении с другими людьми»¹.

Эту же самую мысль подтверждает и Н. Я. Марр, говоря, что «и вот тут-то и приходит на помощь язык и, вызывая из забвения, напоминает то, что нельзя забывать, ибо язык есть не просто звучание, а и мышление, да и не одно мышление, а накопление смен мышления, смен мировоззрения, также двигающих сил, и потому в нем, в мышлении, имеем магическое средство для сдвигов в производстве и производственных отношениях не только при зарождении и зачаточных формах социальной структуры, но и в наши дни» (*Марр Н. Я. Язык и современность*).

Диалектическая связь деятельности человека и звучания, т. е. мышления и языка, является той «магической» силой, не понятой современной лингвистикой, которая двигает язык как единство звучания и мышления. Если допустить мышление без языка, кинетического или звукового безразлично, так как тот и другой имеют одни и те же функции, а именно орудия общения людей друг с другом и материализации сознания, пришлось бы человеку без всякого движения вперед повторять многократно познание одних и тех же предметов, явлений, действий и т. д. Если допустить одно звучание, или одни жесты без мышления, без осознания или в отрыве от мышления, помноженного трудом многих миллионов поколений тружеников-индивидов, говорение было бы беспредметным, механическим, бесцветным, отражающим чисто биологические способности индивидов к производству тех или иных движений или звучаний. В этом случае мы также не имели бы движения вперед ни мышления, ни языка, ни

¹ Маркс К. К критике политической экономии. 1932. С. 45, 46.

других идеологических надстроек, ни базиса, ни общества, как это наблюдается в жизни всего животного мира вне человека.

Единство мышления и языка, и не только звукового, является историческим фактом, результатом постепенного осознания человеком потребности общения в процессе труда, ее удовлетворением. Потребность жить создает явление, это явление – труд. Потребность трудиться, чтобы жить, создает тоже явление – им является мышление. Потребность мыслить, связывать прошлое с настоящим, настоящее с будущим создает новое орудие – язык. Язык – дитя мышления. Язык живет, потому что живет мышление, мышление живет, потому что живет язык, какой бы формы оно ни было. Они – диалектические противоположности. Прекращение существования одного из них будет прекращением существования другого. Изменения языка как единства мышления и материализованного проявления его теснейшим образом связаны с этими противоречивыми отношениями одного к другому. Если мышление, подталкиваемое беспрерывно развивающимся познанием окружающего материального и нематериального мира с помощью труда и все новых и новых его форм, стремится к наиболее полному своему выражению в языке, то язык, притесняемый определенными рамками возможностей органов движения, мимики, жестов в дозвуковой речи и органов производства звуков, слов, предложений в звуковой речи, стремится к наиболее простому, легкому, четкому и неосложненному в тех и иных манипуляциях.

В этой борьбе стремлений мышления и его материализации, направленных друг против друга, победителем всегда остается мышление, потому что оно питается животворными соками труда людей над производством материальных основ всякой жизни. Пока мышление будет продолжать питаться этими соками, оно всегда будет побеждать силу языка, направленную против мышления, потому что стремление языка – питаться только неосуществленным желанием органов речи, желанием покоя. Между стремлением языка (звучания) или мимики, жестов и т. д. (дозвуковой речи) и стремлением мышления такие же отношения, как между стремлением органов труда к покою и стремлением сил, вызывающих потребность труда, т. е. желания еды, чтобы жить. Победителем в борьбе этих направленных друг против друга стремлений выходит всегда потребность труда, обеспечивающего живой

организм продолжением жизни и побеждаемыми стремлениями, которые и лежат в основе всякого прогресса, всякого движения и в грамматике, и в производстве орудий производства.

Борьба между стремлениями организмов к покою и требованием его труда лежит в основе того, что человечество, начав с каменного топора, дошло до усовершенствованных орудий современной техники, которые при меньших затратах физических сил дают во много тысяч раз больше результатов как в промышленности и сельском хозяйстве, так и в других отраслях хозяйства и культуры.

Борьба между стремлением мышления и стремлением материализации этого мышления (дозвуковой и звуковой речи) лежит в основе того, что человечество, начав с примитивнейших способов общения людей друг с другом и материализации мышления, дошло до современных языков со сложными грамматическими системами, с большим количеством слов, обозначающих известные человеческому уму предметы, вещества, явления, их признаки, их действия и т. д.

Бесспорно, в результате стремления зачаточных форм мышления человечество получило примитивное орудие материализации мышления, следовательно, и общения. Этим орудием изначально могли быть только движения всего тела, вызываемые в процессе труда и одновременно служащие и средством общения. Отец учит сына косить сено не рассказом, а показом; молотобоец учит будущего молотобойца не рассказыванием, а показом; учитель учит детей читать и писать в первом классе не беседой на тему о том, как писать и как читать, а показом, произведя движения рукой, которые нужны в процессе обучения письму, или произведя те звуки и звуко сочетания, которые нужны, чтобы научиться читать. Учитель пения учит будущих певцов не рассказыванием о том, как надо петь, а конкретным показом, хотя, все эти показы в наше время всегда сопровождаются язычным объяснением. Но в первые периоды создания языка, как орудия, выражающего элементы мышления, был труд-показ. Язык этого периода академии Н. Я. Марр называет «Язык – орудие производства». «Язык – магическое средство, орудие производства на первых этапах созидания человеком коллективного производства, язык – орудие производства. Потребность и возможность

использовать язык как средство общения – дело позднейшее, и это относится одинаково как к ручной или линейной (и кинетической) речи, так и язычной или звуковой речи» (Март Н. Я. К Бакинской дискуссии).

Нужно полагать, что движения тела в этот период жизни человека таили в себе нерасчлененные, диффузные зачатки форм и труда, и речи, и пляски. Притом, движения ног, рук и всего туловища не разграничивались. Но непрерывные потребности труда не могли не подталкивать мышление, которое в свою очередь не могло не стремиться к своему полному, соответственному своему состоянию, выражению, это с одной стороны. Стремление потребностей труда к наилучшему своему удовлетворению, направленное против одного и того же стремления – к покою общих органов и труда, и речи, с другой стороны. Все это не могло не повести к разграничению и функций речи, и функций труда, выполняемых одними и теми же органами. Это могло разграничить действия рук и ног, т. е. «оторвать» их друг от друга. Такое разграничение функций и их исполнителей не могло не представить более широкие возможности как для труда, так и для речи. А это в свою очередь не могло не повлиять на развитие осознания значения дифференцированных действий органов при труде и при речи. Разделение функций труда и функций речи, хотя бы как одновременное выполнение одними и теми же органами, может быть началом отделения надстроечного идеологического от базисного, материального.

При подобном разделении бывшие движения, выполнявшие функции труда, речи и пляски, не могут потерять свое значение сразу. Они, как бывшие в употреблении, могут сопровождать и труд и речь, отделившись в какой-то мере одновременным своим выполнением одними и теми же органами (руками), как пляска, являющаяся магическим средством, тренирующим тело для борьбы за жизнь, за пищу и в труде, и во время охоты, и в потреблении пищи. Это уже другой вид идеологической надстройки, отделившейся от труда и в какой-то мере и от речи.

Мышление, подбадриваемое первой победой над стремлением своей материализации – речи, подталкиваемое все усиливающимся приливом животворных соков труда, осознания окружающего мира и обогащенное опытом в борьбе, не ослабляет

натиск своих стремлений против стремлений речи, а наоборот, усиливает свое давление на речь, чтобы поднять интенсивность, следовательно, и эффективность труда в новых изменившихся материальных, коллективных и природных условиях, речь сдает свои позиции – к старым приемам материализации мышления, развивающимся движениям рук присоединяя и систему мимики, движение глаз, выражения всего лица, что в какой-то мере усиливает речь, освобождает в известной мере руки для труда, осложненного новыми орудиями производства и охоты. В достижении этой цели мышление использует силу магических движений вне труда и речи – силу пляски. Словом, каждая победа мышления все больше и больше усиливает его натиск, обогащает, с одной стороны, поляризует движения для труда, для речи, для пляски, которая становится функцией не всех, а части членов коллектива. В каждом отдельном случае победы мышления речь использует новые приемы выражения мышления, после каждой такой победы мышления идеологическая надстройка – речь и другая идеологическая надстройка – пляска поднимаются все выше и выше над базисом, получая все большую и большую силу фактора, действующего на интенсивность и эффективность труда, следовательно, и потребность, вызывающая труд, получает все лучшее и лучшее свое удовлетворение. После каждого такого сражения нарождаются линейно и кинетически не только новые виды орудий производства, все больше и больше фетишизируемые, и их признаки, действия, но и новые продукты труда, новые достижения его, новая организация труда и коллектива, новые отношения между членами коллектива, новые функции, новые понятия, которые входят в идеологические надстройки после представления духовного, нематериального характера о материальном, как объяснения непонятных явлений природы, результат фантазии и т. д., которые начинают беспокоить умы людей. Короче говоря, между мышлением, как производством мыслей, связанных с трудом, следовательно, с познанием окружающего мира и материализацией мышления, т. е. речью, существуют такие отношения, которые имеют место между содержанием и способом труда или между производственными силами и производственными отношениями в обществе. Если данное содержание труда не выходит за пределы возможностей данного способа труда, т. е. если по-

гребность удовлетворяется данным способом ее удовлетворения, то сохраняется без коренных изменений этот способ удовлетворения потребности. Если же данное содержание труда выходит за пределы возможностей данного способа труда, т. е. потребность уже более не находит себе удовлетворения в данном способе ее удовлетворения, то этот способ неизбежно заменяется другим, но не таким, который не имелся, хотя бы в зачаточном виде, в прежнем способе удовлетворения потребности, а таким, который зрел в недрах прежнего способа удовлетворения потребности.

«На известной ступени, – пишет К. Маркс, – своего развития материальные производственные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением этого – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. – И дальше: – Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даст достаточно простора, и новые, высшие, производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает только тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или по крайней мере находятся в процессе становления»¹.

Первобытное мышление как производство мыслей первобытного человека находило удовлетворение в ручном способе своей материализации. Оно этим способом материализовалось до тех пор, пока ручной способ исчерпал все свои линейные возможности материализации мышления первобытного человека. С концом линейных возможностей ручного способа удовлетворения потребностей материализации мышления последняя не снимается, потому что она так же необходима для жизни человека, как и труд, и человеку ничего другого не остается, как эмпирически под неослабевающим давлением необходимости найти другой, новый способ удовлетворения потребности материализации своего мышления.

¹ Маркс К. К критике политической экономии. 1932. С. 45–46.

Этот новый способ потенциально всегда зреет в недрах старого способа, накапливается количественно, как следствие, сопровождающее первый способ во все времена его господства.

Академик Н. Я. Марр говорит, что линейная (кинетическая, ручная) речь была заменена звуковой речью, и это более чем вероятно, потому что звуки всегда сопровождали трудовой процесс, следовательно, процесс ручного общения хотя и бесцельно, произвольно, не имея никаких функций, связанных с жизнью человека, если не считать произвольных звуков в процессе труда, болезни, страха, гнева, пляски и т. п., т. е. физиолого-психического, неосмысленного характера. Этот переход речевой тяжести от руки к языку, в уста, в гортань почти наполовину освобождает руки для выполнения осложненного трудового процесса, что не может не повлиять скачкообразному движению ввысь интенсивности и эффективности труда, следовательно, коренному облегчению способа удовлетворения потребностей труда и отсюда и материального благосостояния жизни членов трудового коллектива, с одной стороны, а с другой – это в свою очередь не может не усилить, не обогатить, не подбодрить, не помочь мышлению стать на обе ноги.

Переход центра речи от рук к языку установил новые отношения между мышлением и способом его материализации. Они характеризуются, главным образом, новыми размерами возросшего мышления и более широкими пределами способа его материализации, более легкого, удобного и перспективного. Эти отношения определялись теперь, с одной стороны, мышлением, являющимся всеобщим, вечным и естественным проявлением, границы которого устанавливаются беспредельностью познавательных способностей человека. Они же сопровождаются, с другой стороны, новым звуковым способом его материализации, являющимся историческим, невечными и социальными отношениями, границы которых устанавливаются предельностью возможностей звукопроизводства речевого аппарата человека. Эта предельность была шире, чем первая предельность ручного способа материализации мышления.

Если предельность ручного способа материализации мышления человека определялась границами малочисленных вообще линейных движений руки, затем руки и пальцев, и далее руки, пальцев и мимики лица, которые по мере надобности осмыс-

дивались и вводились в действие, то предельность звукового способа материализации мышления могла определиться возможностями речевого аппарата в произношении первичных диффузных звукокомплексов-предложений, использования тона, тембра, напряжения произношения, паузы как выразительных средств, расчленения диффузностей представления на синтагмы путем конкретизации представлений, обозначаемых диффузными звукокомплексами-предложениями, расчленения диффузных синтагм-звукокомплексов на морфемы, расчленения диффузных звукокомплексов-морфем на звуки как материала, который может быть использован для составления нужных морфем, затем синтагм и предложений путем нового недиффузного, а осмысленного синтезирования. Все это по этапам развития мышления, по мере надобности вводилось в употребление.

Если сравнить первую предельность ручного способа материализации мышления со второй предельностью звукового способа материализации мышления, то, безусловно, последняя окажется гораздо шире и богаче своими возможностями, чем первая, хотя сравнительно с беспредельностью объекта материализации и она предельна и ограничена.

Под все больше и больше усиливающимся давлением потребности материализации мышления для удовлетворения потребностей общения людей человеку ничего другого не оставалось, как использовать возможности своего речевого аппарата до предела. А он мог идти не по линии произношения все новых и новых звукокомплексов-предложений, а по линии расчленения их до предела практического осмысления расчлененного и использования в качестве выразительного средства возможностей структуры предложения и слова, слога и звука, т. е. грамматики. Других путей не могло быть, ничем другим человек не располагал для удовлетворения потребности общения. Надо думать, что звуковой язык имеет несколько этапов становления соответствия возрастающих требований мышления. Первый из них этап диффузных предикативных единиц, соответствующих таким же представлениям. Он может характеризоваться вызреванием тона, тембра, паузы, напряжения места в речевом потоке будущих выразительных средств речи.

Вторым из них может быть осмысление диффузных в звуковом отношении синтагм и использования тона, тембра, паузы,

напряжения места в речевом потоке как выразительных средств, что уже является началом грамматики. Этот этап может характеризоваться вызреванием в недрах тонного типа речи появления слов типа частей речи со своими лексическими значениями, соответственно уже пройденному этапу мышления, которое испытывает необходимость особого обозначения предметов, действий и признаков, и расчленения самой диффузной синтагмы на диффузную морфему.

Третьим из них может быть использование слога как выразительного средства речи, который, сочетаясь с другими знаниями же, дает большое количество новых слов, обозначающих новые понятия, действия, признаки и т. д. В этот период может вызревать деление слога на звуки как выразительные средства.

Четвертым этапом из них может быть использование расчлененных звуков как элементов нового синтезирования. В эту пору могут вызревать новые диффузности, образованные от синтезирования расчлененных раньше на синтагмы и слоги. Это уже период полного господства грамматики.

При этой постоянной и упорной борьбе мышления со своей материализацией, творческой борьбе диалектически единых формы и содержания, языка и мышления сменялись одни формы материализации сознания другими, более лучшими и высокими по своему развитию.

Эти смены форм не могли быть односторонними, словесными костюмами одного и того значения. Они отмечали смену мышлений, мировоззрений, но оставались функции как измененного содержания, так и изменившейся формы, потому что сущность языка и мышления оставалась без замены новыми какими-нибудь обычно противоположными функциями.

Каждая смена форм материализации сознания, каждая смена мышления и мировоззрения отмечала этапы развития производственной, трудовой и духовной жизни человека, она отмечала этапы революционных скачков, переворотов во всем облике жизни человека и даже его конституции. Освобождение рук для труда и речи оторвало их от земли и поставило на ноги, под влиянием этой новой позиции изменился процесс труда, организация коллектива, виды пищи, быта, сама форма туловища человека, форма ног, ступней, рук, кистей, форма грудной клетки, таза, головы, лица, глаз и т. д. и т. п. Освобождение рук от функций речи

и ограничение их функций только функциями орудия труда также не могло не быть революционным, перестроившим весь уклад жизни, ее материальной и духовной сторон, с одной стороны. Переход же функций речи к органам звукопроизводства не мог не перестроить гортань, формы языка, губ, небной нановетки, тембра голоса.

Все эти пути были долгими, извилистыми, с множеством, казалось бы, непреодолимых преград, и человек, безусловно, потратил очень много энергии, времени, труда на преодоление множества преград, которые не могли быть продолжены без больших и неисчислимых жертв. Но за счет этого труда и энергии, времени и жертв человек в своем экономическом и культурном росте поднимался все выше и выше. Из всего этого важно выделить то, что функция речи изменялась, развивалась, усложнялась, но, оставаясь сама собой, изменяла формы ее выполнения, совершенствовала орудия самих функций. И каждая следующая из этих замен закономерно была лучше предшествующей. Происходил естественный отбор лингвистических видов и форм – слабые отмирали, сильные выживали. Но и слабый отмирал не потому, что он вообще слабый той или другой своей физиологической стороной, сильный выживал не потому, что физически сильнее, а потому, что слабый утрачивал силы в связи с использованием всех своих лингвистических возможностей. При этом сильный усиливался, потому что имел беспредельные по сравнению со старым лингвистические возможности. Усиление или ослабление лингвистических возможностей полностью зависело от развития мышления, вызываемого развитием труда и производства материальной основы жизни общества. Оно зависело от значения элемента речи, которое при каждой замене его формы новой забрасывало старую, последняя же, как всякое орудие, потерявшее свои силы, необходимость своего употребления, ржавело и терялось или начинало использоваться для выражения другой какой-нибудь функции.

Можно возразить: как могло случиться, когда животное, т. е. обезьяна, превращаясь в человека, начала говорить не привычными выкриками всех животных, развивая и обогащая их руками или движениями всего тела, чтобы потом, через много сотен тысячелетий, перейти к звуковому языку? Подобное возражение может показаться веским, если понимать сущность языка ото-

рванно от мышления, следовательно, от труда, если же учесть, что человек осознавал только то, что проходило через его трудовую лабораторию, только то, чего касалась могущественная рука разумного человека, то станет ясным, что языком – материализованным сознанием, возникшим в результате удовлетворения потребности в общении, могла стать сначала только рука как орудие труда и, следовательно, как орудие осознания, как орудие общения, несмотря на то, что рядом с ней могли быть и звуки, производимые человеком, которые никакого отношения к труду не имели, следовательно, не были осознаны. Только через бесчисленное количество лет труда и осознания, когда функции руки осложнились настолько, что она стала не справляться с ними и исчерпала все свои общительные возможности в потемках, эмпирически человек подошел к использованию звуков и возможностей звукового аппарата, освободив руки для труда, для производства материальных основ жизни общества, чтобы потом при высокоразвитой промышленности и культуре вернуть ей отнятые на заре становления звукового языка функции речи другого, письменного характера.

На заре становления звукового языка функции труда и речи, руки разошлись, чтобы потом на высшей точке расцвета и труда, и речи сомкнуться опять, не отрицая функций речевого аппарата в устной форме речи.

Звуковые сопровождения жестов руки и мимики лица, во-первых, должны быть в начале своего осознанного употребления, возникшего в результате удовлетворения новых, возросших потребностей мышления, второстепенными, дополнительными знаками смешанной речи. Во-вторых, их могло быть небольшое количество (Н. Я. Марр считает, что их было всего четыре элемента), потому что не они несли основную тяжесть значения. В-третьих, они могли быть диффузными комплексами нерасчлененных звуков. Такими типами слов в современных языках, конечно уже с расчлененными звуками, которые оформились как слова в последующие этапы развития языков, являются так называемые местоимения, которые, не неся на себе основной тяжести значения, сопровождают жесты, мимику, движения головы, глаз и самого предмета с его многочисленными признаками, еще в речи не нареченные отдельными словами. Говоря «я», «ты», «мы»,

«вы», мы выражаем значение не столько с помощью этих слов, сколько тем, что своим присутствием создаем обстановку для понимания их значения. В этом случае мы сами – индивиды, личности, физические тела – участвуем в общении как материал орудия общения. Местоимения «я», «ты» не могут быть произнесены без присутствия тех, кто указывается ими, если не считать случаи употребления их от имени других лиц. Местоимения «мы», «вы» употребляются только тогда, когда присутствуют на месте речи все те, которые входят под «мы» или «вы», или кто-нибудь из тех, кто входит под «мы» или «вы», присутствует или, наконец, тогда эти местоимения употребляются, когда передают слова других, произносивших эти слова. Остальные местоимения «он», «она», «они», «эти», «те», «тот», «та», «такой», «этакий», «так» и т. д. без предметного сопровождения на расстоянии или рядом, или в руках говорящего непонятны. Следовательно, эти слова пусты, не имеют содержания, или признак его, или качество, или цвет, которые точного словесного выражения еще не имеют, или если и имеют, то говорящий или забыл, или не знает. Эти слова показывают, что даже современные языки без исключения в известных случаях пользуются словами, сопровождающими движения, жесты, действия или предметы, привлекаемые говорящим для выражения своей мысли.

Это очень интересная категория слов, которая до сих пор не нашла своего научно правильного освещения в лингвистической науке. Я предполагаю вернуться к этой проблеме в другой работе.

Первые слова – комплексы, которые человек привлек для выражения своей мысли, могли быть только такими, потому что они должны были сопровождать жест или мимику, обозначающую и предмет, и действие его, и признак, и все то, что выражалось линейной или кинетической речью. Местоимением «он» я могу обозначать и предмет – «камень», и понятие – «язык», и явление – «гром», и человека, и зверя и т. д. Местоимением «тот» я могу обозначать все предметы мужского рода, которые находятся на расстоянии от меня, местоимением «так» я могу обозначать действие и человека, и зверя, и ветра и признаки всех этих действий, указывая на них. Без указания на предмет, на признак и действие его, без привлечения всего этого для выражения мысли эти слова становятся пустышками, сохраняющими только звучание и грамматическую

форму числа, рода, падежа, расстояния от говорящего, точно так же, как первые слова-комплексы на заре становления звуковой речи человека, значит, основная весомость речи в словах этой категории лежит не на местоимениях современных языков, а на предметах, действиях и признаках их, которые мы привлекаем для общения с другими людьми.

То же самое было и с первыми словами, которые употреблял человек, сопровождая отдельные элементы кинетической речи, т. е. семантическая весомость гнездилась не на словах, сопровождающих жесты, мимику и т. д., а на самих жестах, мимике, телодвижениях говорящего человека.

О словах этого период звуковой речи академик Н. Я. Марр пишет, что они не вызывались потребностью звуковой речи, что они не принимали участия в общении, так как была линейная или кинетическая, обиходная речь, которая удовлетворяла обиходные потребности людей, что слова этого период звуковой речи употреблялись как комплексы нерасчлененных звуков, диффузных слов как слова культурной речи, что они имели магическое значение, воздействуя на коллективное производство. Он пишет: «Вначале же у человека не было вовсе привычной впоследствии членораздельности, он в ней не нуждался, обходясь без звуковой речи, располагая обиходной речью кинетической – ручной или линейной. Звуковая речь впоследствии становится обиходной речью, раньше же она была культовой речью... Человек до звуковой речи, культовой, располагал обиходной, говорил линейным языком – жестами и мимикой, причем главную роль в линейной речи играла рука...

Раз возникновение членораздельных звуков отнюдь не вызывалось потребностями общения, раз для этого имелся обиходный язык линейной и ручной, раз возникновение членораздельных звуков не могло вызываться потребностью звуковой речи, раз ее не было и нужды в ней не было, то происхождение приходится искать в иных условиях трудовой жизни, именно, как и происхождение трех искусств (пляски, пения и музыки. – У. А.) Происхождение это приходится искать в магических действиях, необходимых для успеха производства и сопровождавших тот или иной коллективный трудовой процесс»¹.

Н. Я. Марр, нужно полагать, прав в одном, что звуковые сопрово-

¹ Марр Н. Я. Основные вопросы языкознания. Т. 2. С. 85.

ждения жестов, мимики и движений тела не вызывались необходимостью, потому что не могли быть элементами речи, потому что они ничего не выражали. Но в другом с Н. Я. Марром трудно согласиться.

Почему звуковая речь на первых порах должна быть культовой, магической?

Если человек не ввел в употребление по потребности, если звуковая речь не вызывалась по потребности, если человек ее не осознал, то почему звуковая речь должна быть магической или вообще речью? Ведь животные выкрики не являются речью, тем более магической, ведь непонятные силы природы, которые еще не присутствуют для человека, не являются магическими. Об этом пишет сам академик Н. Я. Марр в работе «Об яфетической теории»: «Ведь для человечества существует лишь то, что оно осознано или осознает». Если звуковая речь не вызывалась необходимостью, значит, ее в сознании человека не было, а раз не было, то она не могла быть ни обиходной, ни магической, ни речью. Не противоречат ли этому пониманию звуковой речи академика Н. Я. Марра слова из одной его работы: «О происхождении языка», что «к вопросу о происхождении звукового языка, специально звуковой речи человечества, мы подходим прежде всего со стороны роли слов как носителей того или иного значения. Стороны звуковая и вообще формальная есть техника, ею определяется та или иная практика речи, но менее всего ею определяется происхождение». Если это правильно, а в этом нет никакого сомнения, то звуковая речь вызвана потребностью, а раз она вызвана потребностью, она имеет свою непосредственную, сначала слабо-развитую и выполняемую в той или иной степени хорошо, и этой функцией должна быть функция общения, но никак не магическое средство воздействия на производство.

Понимание магического и его роли в жизни человечества у академика Н. Я. Марра, в противовес другим революционным взглядам, носит реакционный характер. Н. Я. Марру кажется, что человечество начало пользоваться магическим с самого начала своего становления. Вряд ли это могло быть так, потому что магическое, как и религия на позднейших ступенях развития человечества, должно представлять из себя определенную идеологию группы людей, выделившихся из коллектива, не стоящих над ним. Это начало классового расслоения. Это начало эксплуатации

трудящихся жрецами, а идеология – система взглядов, определяющих отношение тех или иных слоев населения к окружающему миру. Идеология имеет свои функции, связанные с навязыванием своих взглядов одной части населения другой. Мог ли быть звуковой язык идеологии в начале своего становления, если он в общении играл второстепенную роль выражения мысли, если он еще не имел своей собственной структуры. Кроме того, для животных нет ничего магического, сверхъестественного, для них есть только то, что они видят, едят или то, с чем они сталкиваются. Обезьяна, которая становилась человеком, вряд ли имела что-нибудь такое, что хоть в какой-нибудь степени напоминало магическое. Когда же обезьяна стала человеком, для него существовало только то, что она осознала в процессе труда, так говорит сам Н. Я. Марр, то, с чем он сталкивался в процессе труда (дождь, буря, ветер, гром, холод, другие сильные явления, которые причиняли ему много неприятностей). Для человека выступало как инстинкт желание кушать, желание быть с противоположным полом, проявлять заботу о потомстве – все то, что наполняет жизнь остальных живых существ, это – инстинкт самосохранения, свойственный всякому животному да и растительному организму.

Человек познавал в процессе труда не только предметы и явления внешнего мира, стоящего против него, но познавал и самого себя как высшее проявление этого объективного, материального мира, выявлял свои признаки, которые отличают его внешне, внутренне и качественно от других животных. На основании познания самого себя человек включал в арсенал окультуренного, идеологического, человеческого как для той или иной функции и свои инстинкты. Так случилось с животными способностями к труду, так получилось с животными способностями к звукопроизводству (языку и пению). Надо заметить, что человек осознавал, очеловечил не все свои инстинкты. Например, инстинкты полового влечения, заботы о потомстве, о желудке и т. д. и т. п., т. е. инстинкты чисто животного проявления, не все очеловечены. Таким образом, человек полностью не осознал самого себя, свое отличие от животных, свои высокие функции высокоорганизованной материи. Это произошло, потому что всем бывшим общественным формациям и их классовым идеологиям не дано было осознавать. В их функции входило подготовка всего необходимого,

накопление количества для скачка в качество, широкого обобщения, накопленного во всех областях общественной жизни и существования материального, физического и психологического. Противоречие неполного знания того, что нужно человеку осознать, дает себя чувствовать только в капиталистическом обществе и становится на очередь разрешения этого противоречия уже только в социалистическом обществе. Формируется новая материя мест, диалектика, которая и ведет к полному разрешению этого противоречия только в коммунистическом обществе. Именно этим ключом марксистско-ленинской материалистической диалектики удастся человечеству открыть все закрытые двери знания. И вот что об этом пишет почти во всех своих трудах и академик Н. Я. Марр – основоположник диалектико-материалистического учения о языке, хотя над Н. Я. Марром тяготело недиалектическое, нематериалистическое понимание некоторых вопросов языка и истории материальной культуры. Поэтому в числе совершенных им досадных ошибок, которые, несомненно, он бы исправил, если бы не смерть, рано унеся его в магическое пространство для большинства еще населения земного шара.

Магическое для Н. Я. Марра – это все то, что не понято, не осознано человечеством, которое используется отдельными классовыми группами для эксплуатации трудящихся, для обмана, для того, чтобы большинство населения находилось в страхе и т. д. Исходя из такого диффузного понимания магического, Н. Я. Марр объясняет магическим все то, что он не понимает ясно, все то, в чем он не сумел увидеть диалектику. Отсюда у него объяснение магическим племенных и иных тотемов, четырех лингвистических элементов, перехода от линейной к звуковой речи, одновременность употребления линейной речи с речью звуковой, функции первых слов-звукокомплексов в образовании новых слов и грамматических форм – в общем, всего того внутреннелингвистического, что двигало вперед развитие языка и его грамматики.

Что же нужно считать магическим с точки зрения материалистической диалектики? Магическое – это идеологическая категория, которая опирается на психологический момент в характере человека. Орудием магического является не все то, что не осознанно человеком. Как известно из истории, во все неосознанное входит в понимании человека и то, что прошло его трудовую ла-

бораторию, получило какую-то функцию, идеологическую или материально-хозяйственную, но с течением времени потеряло ее, а человечество не поняло, почему оно потеряло эту функцию. Первое неосознанное для человека не существует, значит, мы можем говорить, что его нет, следовательно, оно не может быть ни магическим, ни чем-нибудь другим. Второе неосознанное может быть магическим, потому что оно существует уже без практического употребления и напоминает в легендах, в сказках о своем могуществе и силе. Классовые группы меньшинства в целях психологического подавления большинства, в целях эксплуатации вполне сознательно без страха могут использовать орудие, потерявшее свою первоначальную функцию как магическое. Магическое действие для суеверных имеют Царь-пушка, Царь-колокол в Кремле, все музейные и иные реликвии; все иконы, напоминающие о том, что эти святые когда-то существовали физически, что теперь они существуют, но люди их не могут видеть, они могут вполне свободно карать тех, которые их не почитают и т. д.

Во-вторых, магическим средствам управления обычно и теперь, и раньше, и на заре становления языка вообще становилось средство, потерявшее свою функцию, но еще не забытое людьми. Местоимение имеет некоторое магическое значение. Это, к примеру, происходит из обычая-традиции, когда женщины своих мужей не называют по имени, чтобы обмануть злую силу, которая, если называть родного человека по имени, может напасть на его след и повредить его благополучию. Местоимение же – пустышка, без предметного содержания и не может стоять рядом с такими словами, как «дерево», «камень» и т. д., которые стали употребляться взамен местоимения и жеста, или предмета еще в начале звуковой речи. Магическим средством стала пляска, потому что движения ее вначале были при процессе труда и речи, а когда труд и речь расчленились своими функциями и заимели свои собственные орудия, движения, бывшие в употреблении, сохранились, а человек, чтобы они даром не пропали, ведь и они результат труда, осознания, влил в них новое значение, и пляска обрела магическое значение.

В том же ряду выстраиваются такие явления, как «воскресшие» мертвецы, но не живые, или тем более еще не родившиеся, пугающие не новые, куда приходит человек, а брошенные жилища, пе-

щеры, орудия труда и т. д. Свойство магического, таким образом, всегда получает то, что было в употреблении (производственном или духовном), но не то, что вызвано потребностью, имеет функции и находится в употреблении.

Звуковая речь в целом еще находится в употреблении, она не может иметь магического значения сейчас. Если случится так, что звуковая речь будет заменена какой-нибудь другой и будет продолжать существовать, она потеряет свою функцию общения и тогда она может получить какое-нибудь новое назначение, хотя бы даже магическое, если бы уровень познания человека оставался примитивным.

В современном состоянии линейная речь, потерявшая свои функции, имеет магическое значение – ею обращаются к Богу во время молитвы, ею пользуются, по свидетельству самого Н. Я. Марра, вдовы австралийских туземцев в течение 12 месяцев после смерти мужа, ею пользуются шаманы, знахари и не только у одного какого-нибудь народа. По свидетельству яфетического языкознания, у всех народов с примитивным производством звуковые сопровождения элементов линейной речи возникли в результате большой потребности в общении, по необходимости, и поэтому не могут быть культовым, магическим. Магическое регрессивно, реакционно, а звуковое в речи – прогрессивно и революционно. Действие магическое для суеверных имеют брошенное жилище, очаг, стоянка, обломка городищ, пещеры и даже обычный пистолет, которым «я» бил врагов, но который лежит теперь у «меня» на столе, и неизвестно, заряжен он или нет. Магическим для первобытного человека был огонь, которым он ежедневно пользовался, потому что причину его наличия он осознавал, но еще или так и не понял, ветер, силу которого он испытывал и хотел было пропустить через свою трудовую лабораторию, но не сумел, дождь и все другие явления природы, силы которых человек испытывал на себе, но не хватило у него умения понять их сущность.

Магическим для буржуазного языкознания остаются проблемы происхождения языка, развития и отмирания его, проблемы грамматических сдвигов, фонетических изменений, наличие большого количества различных языков разных систем. Ни одной из этих проблем буржуазная лингвистика не сумела разрешить,

несмотря на то, что пыталась дойти до сущности данных явлений, напоминая о себе в течение долгих тысячелетий. Этим только и объясняется наличие в буржуазной лингвистике расовых и иных теорий о превосходстве одних языков над другими и т. д. и т. п. Всякий, кто смотрит не вперед, а назад и пытается использовать в решении современных проблем, независимо от того, касаются они явления современной жизни или жизни глубочайшей древности, орудия, вышедшие из употребления, хочет он этого или не хочет, попадает во власть магического, реакционного, обреченного на гибель.

Академик Н. Я. Марр все, что не поддавалось научному анализу, теоретическому осознанию, объясняет магическим. Корни этого кроются не в том, что яфетическая теория вся построена на магическом, как враги нового учения о языке пытаются доказать, а в том, что сам Н. Я. Марр воспитывался в буржуазной языковедной школе, занимался изучением языков, отверженных буржуазной лингвистикой, рылся в благодатном материале лингвистических и археологических раскопок, поднял на поверхность современности огромный материал, переборол силу буржуазного мышления, эмпирически стал на точку зрения диалектического материализма и один дал генеральное сражение буржуазной лингвистике и ее принципам, бравшим начало у древних александрийцев и укреплявшихся в течение более двух тысячелетий, и вышел победителем. В этой титанической борьбе не могло не быть ошибок, неправильных толкований идеалистического характера. Одной из них, без сомнения, является приятие и использование магического. Если бы Н. Я. Марр полностью стоял на позициях индоевропейской лингвистики, то эти ошибки не так ощущались, но так как они встречаются рядом с правильными диалектико-материалистическими выводами, они обращают на себя больше внимания и служат реакционным звеном, задерживающим революционное наступление нового учения о языке на религиозные и другие позиции индоевропейистики. Противоречия по отдельным вопросам между идеалистическим и диалектико-материалистическим всегда ощущаются при внимательном ознакомлении с трудами Н. Я. Марра.

Итак, на новом этапе развития труда и производства материальных основ жизни трудового коллектива, следовательно, на новом этапе развития мышления человека, когда он начинает

в широких размерах пользоваться более совершенными искусственными орудиями производства, когда его мышление фиксирует новые успехи труда с новыми орудиями производства, когда на базе нового, более эффективного производства начинает перестраиваться и внутренняя организация трудового коллектива, старые рамки, в которых материализовалось мышление до этого, начинают давать чувствовать свою тесноту и ветхость, а мышление ломает их и вынуждает людей употреблять другие, новые способы его выражения. По использовании всех возможностей руки и лица, этими способами оказываются только звуковые сопровождения сигналов руки, начинающих в связи с этим отходить на задний план как органы речи.

Первое время звуковое сопровождение сигналов руки и мимики лица не имеет первостепенного значения, т. е. оно не является ведущим в выражении семантических категорий мышления. Поэтому они первое время диффузны не только в смысле наличия начала и конца звукового сопровождения, но и в смысле тембра, тона, высоты, долготы и напряженности голоса. По мере того как они начинают осмысливаться, т. е. по мере того как центр семантической тяжести начинает переходить к этим звуковым сопровождениям сигналов руки и мимики лица, начинается целый ряд процессов:

первое – начинает ослабляться семантическая весомость сигнала руки и мимики лица;

второе – за счет этого ослабления начинает усиливаться трудовая функция руки;

третье – сигналы в связи с ослаблением семантической весомости начинают терять свою четкость, аккуратность и многообразие;

четвертое – рука начинает ограничиваться однообразными и не так напряженными движениями, а звуковые сопровождения ее сигналов начинают получать все усиливающуюся семантическую весомость, что в свою очередь ведет к использованию пауз между звуковыми сопровождениями;

затем, по использовании всех возможностей пауз, установлении границ звуковых сопровождений, использованию силы напряжения голоса, высоты, долготы и тембра его, и, наконец, звуковое сопровождение сигналов руки и мимики лица становится словом-предложением с определенным значением и из

сопровождающего превращается в сопровождаемое сигналом руки и мимики лица, как потерявших свою семантическую весомость и превратившихся во второстепенное, дополнительное к речи.

Период этих превращений, своего рода революции, перехода семантической весомости от сигналов руки и мимики лица к бывшим их звуковым сопровождениям характеризуется еще и тем, что в этот период происходит перенаречение предметов, животных, вещей, явлений природы и жизни коллектива, признаков их и наречения всего того нового, что было осознано и освоено в этот период.

Было бы очень хорошо, если в период всяких превращений диалектического характера человек имел столько же звуковых комплексов, хотя бы диффузных, сколько предметов, явлений, признаков и понятий. Тогда ему было бы очень легко их переименовать. Но так не бывает, потому что семантическая весомость звуковых комплексов не требовала увеличения их числа, разнообразия и т. д. Человек пользовался небольшим количеством слов-комплексов, нужных для сопровождения семантически весомых сигналов руки и мимики лица.

Переход семантической весомости от сигналов руки и мимики лица к звуковым сопровождениям их, связанных с тем, что кинетическая речь исчерпала все свои возможности и необходимость перенаречения (переименования) уже на звуковом языке оказалась той требовательной потребностью, удовлетворение которой двинуло человечество намного вперед по лестнице исторического развития как в области языка, так и в области труда, экономики и социального переустройства. Она вынудила человечество использовать в качестве выразительных средств не только паузу между язычно-осмысленными словами, не только факт установления границ слов, высоты, долготы, напряженности и тембра голоса, а заставила речевой аппарат использовать все свои осмысливаемые возможности для увеличения номинального количества слов, так нужных для наречения (наименования) всех осознанных и освоенных предметов, признаков и т. д.

В процессе борьбы мышления, нуждающегося в материализации, и способа этой материализации всегда как диалектически единых противоположностей содержания и формы человечество достигло той ступени развития звуковой речи, которая характе-

ризуется широким распространением использования членораздельных звуков для создания орудия общения.

Достижение данной ступени развития способа материализации не снимает дальнейший процесс борьбы этих противоположностей, наоборот, он усиливается еще больше, принимает новые формы, обогащается новыми направлениями, разнообразными, поскольку всестороннее развитие всех наук, культур, искусств и литературы, вызываемые небывалым развитием экономических основ общества, поднимает мышление человека на такую высоту, на которой она еще все настойчивей требует своей наиболее полной материализации. Этим, по существу, и объясняется тот очевидный факт, что ни один из современных языков не свободен от изменений, в том числе и звуковых: ослабления одних звуков и усиления других, выпадения одних и появления других, перехода в определенных условиях одних звуков в другие, что является одной из основных причин, меняющих форму слова, ведущих к изменениям и в области синтаксиса.

Этим объясняется тот очевидный и не вызывающий сомнения факт, что нет двух языков, имеющих один и тот же звуковой лексический состав и грамматическую структуру. Этим также объясняется и то, что, несмотря на свои звуковые, лексические и грамматические особенности, все современные языки идут по пути объединения в один единый язык, о чем неоднократно говорил и академик Н. Я. Марр в своих научно обоснованных исследованиях.

Каковы же пути развития звуковой речи, по которым идет борьба между мышлением, нуждающимся в материализации, и способом удовлетворения этой нужды, испытывающей постоянные затруднения в выборе средств материализации. Этот вопрос беспокоил и продолжает беспокоить всех лингвистов и буржуазного идеалистического, и диалектико-материалистического мировоззрения. Попытки дать научно обоснованный ответ на этот вопрос со стороны лингвистов идеалистического мировоззрения провалились, потому что они свои представления, следовательно, те или иные заключения строили не на понимании языка как материализованного сознания, вызванного потребностью в орудии общения, а на понимании его как акустико-физиологического явления, вызванного психологическими потребностями человека.

Отсюда понимание ими звуков речи как «колебательные движения воздуха, воспринимаемые ухом», слов – как сочетания звуков, условно или и еще как-нибудь употребляемых человеком для обозначения предметов, понятий, признаков их и т. д.

Лингвисты диалектико-материалистического мировоззрения на основе высказываний основоположников марксистско-ленинской философии приступили к правильной научно обоснованной разработке понятия языка, его происхождения и развития; идет разработка и других проблем, связанных с вопросами и грамматики в целом – фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики.

Диалектико-материалистический анализ фактов все больше и больше убеждает нас, что в основе лежит и является причиной внутренних процессов развития как грамматики в целом, так и звукового состава речи ограниченность возможностей речевого аппарата человека в производстве нужного количества разнообразных звуков речи, звукокомплексов слов, и неограниченность того, что нуждается в материализации. Невозможность производства нужного количества звуков, могущих обозначать соответственные значения, толкает речевой аппарат использовать, как говорилось выше, внутренние ресурсы того, что он уже использовал или может создать и использовать. Этих внутренних возможностей речи много. Одной из них является деление звуков по их качествам на гласные и согласные, составляющие в речевом употреблении существо противоположностей и по физиологической и акустической стороне. Согласные и гласные в речевом употреблении друг без друга не могут быть: наличие одних предполагает другие как теперь, в современных языках, так и в их становлении. Произношение согласного вызывает гласное сопровождение того или иного качества, как произношение гласного сопровождается согласным имплозивного качества.

Семантическая тяжесть слова (лексическая, грамматическая) в одном случае больше падает на гласные, меньше на согласные, в другом случае – больше на согласные, меньше на гласные и в третьем случае одинаково и на гласные, и на согласные. Это делает звуки сильными или слабыми. Если семантическая тяжесть на гласных, то сильными по сравнению с согласными оказываются гласные, если же семантическая тяжесть слова на

согласных, то сильными по сравнению с гласными оказываются согласные.

Семантическая тяжесть звука предопределяет акустическое качество звука. Следовательно, она предопределяет артикуляцию органов произношения, силу и напряжение этой артикуляции, участие в произношении данного звука и других активных и неактивных органов речевого аппарата.

Современная лингвистика при определении силы звука до сих пор исходит из акустического, внешнего признака звучания, она не учитывает семантическую сторону звука, которая только определяет качество звука. Такая классификация согласных и гласных, которая пока еще проводится в речевом употреблении звуков и в науке не нашла своего освещения, наблюдается в различных языках или даже на различных стадиях развития одного и того же языка.

Например, в современном русском языке семантическая тяжесть слова падает больше на согласные звуки, меньше на гласные, а в современном киргизском языке – больше на гласные звуки, меньше на согласные; в кабардино-черкесских языках, в абхазском и некоторых других семантическая тяжесть слова падает больше на согласные, нежели на гласные, а в угро-финских языках – больше на гласные, чем на согласные. В древнерусском языке она падала больше на гласные, нежели на согласные, а в современном русском наоборот. В грузинском и французском семантическая тяжесть слова падает одинаково и на гласные, и на согласные. В языках, в которых семантическая тяжесть падает на согласные, последние являются семантически, следовательно, и лингвистически сильными и требуют точного произношения, если же наоборот, то семантически и лингвистически сильными оказываются гласные. В языках же, в которых семантическая тяжесть слова одинаково падает на гласные и согласные, семантически и лингвистически сильными в одинаковой степени бывают обе категории вместе и произносятся они одинаково отчетливо.

Семантическая и лингвистическая сила звука определяет количество звуков той или иной категории. Семантическая сторона речи имеет значение не только в определении силы гласных или согласных звуков, она играет огромную роль в определении звуковой и речевой силы гласных звуков в своем собственном составе. Если даже они относятся к категории сильных, не

все гласные слова имеют одинаковую силу. На одной позиции слова гласные имеют одну силу, на другой – другую. Например, в тюрко-татарских языках гласные корни имеют большую силу и в семантическом, и в акустическом, и в физиологическом отношении, нежели гласные аффиксов. Этим, по существу, и объясняется тот очевидный факт, что гласные корни слова тюрко-татарских языков всегда произносятся отчетливо, ясно и не терпят произвольного произношения, тогда как гласные аффиксов и по мягкости, и по лабиализованности орфоэпически подчиняются качеству гласных корней. Гласные аффиксов слов в тюрко-татарских языках, за исключением отдельных случаев, говорящих о сдвигах нового характера, могут произноситься произвольно, и это не будет погрешностью в выражении значения слова, это будет погрешностью только орфоэпического толка.

Этим также объясняется то, что гласные звуки современного русского языка оказываются сильными только под ударением, слабыми в безударных слогах. Поведение безударных гласных в отношении своего произношения таково же, каковы гласные аффиксов слов тюрко-татарских языков.

Согласные звуки русского языка в целом обладают исключительной силой, но в составе слова и они могут быть сильными и слабыми. Сила согласных современного русского языка определяется его местом в слоге: в превокальной позиции слога согласные русского языка бывают сильными все, в поствокальной позиции они оказываются слабыми в основном своем большинстве. Это подтверждается местом ассимилирующихся согласных звуков русского языка. Внимательный анализ показывает, что для современного русского языка местом ассимиляции согласных является поствокальная позиция слога.

Согласные звуки в тюрко-татарских языках хотя они и слабее по сравнению с гласными, но бывают сильными в поствокальном положении слога, а в превокальном они слабы. Ассимиляция согласных в словах тюрко-татарских языков происходит в превокальном положении слога.

Звуки, считающиеся сильными современной фонетикой, оказываются слабыми в составе слова (гласные) и слога (согласные) в зависимости от места их употребления в речевом потоке, а сла-

бые оказываются сильными, если позиция их в составе или слоге является сильной в данном языке.

Учет всех этих моментов показывает, что употребление звуков в речи диалектично, диалектично их становление. Этого современная фонетика молчаливым своим игнорирует. Чтобы правильно понять поведение звуков в тех или иных языках, нужно проследить пути становления этих звуков.

Анализируя факты становления звуков, академик Н. Я. Марр пишет, что диффузные в звуковом отношении слова периода становления звуковой речи могли быть только звуками, напоминающими наши современные гласные (см.: «Яфетическая теория» и «Происхождение языка»). Нужно полагать, что сначала были использованы возможности речевого аппарата в смысле производства звуков приблизительно вокального (гласного) характера. Это могло удовлетворить потребности выражения мысли ненамного и ненадолго, потому возможности речевого аппарата в области производства гласных звуков небольшие даже и теперь, а тогда речевой аппарат человека, который только-только начал развиваться физиологически, мог иметь еще меньше.

Использование известных возможностей речевого аппарата в области звуков типа гласных могло не ставить на очередь начало использования возможностей речевого аппарата в области производства звуков типа согласных звуков, которых речевой аппарат человека имеет в несколько раз больше, чем возможностей производства гласных. И вот, согласные звуки тоже, может быть диффузного характера, в сочетании с гласными, а без сочетания с гласными они не могут быть использованы, вводятся в употребление и на некоторое время создают относительное равновесие в языке. Переход от гласных к согласным мог осуществиться не так гладко, как пишется об этом, это тоже могло быть скачком, да еще и немалым. Начало такого перехода может быть определено импловивно-вокальным или вокально-импловивным характером, т. е. сначала затвор рта для произношения гласного, затем произношение гласного с последующим затвором, а затвор рта может быть губно-губным, губно-зубным, переднеязычно-зубным, переднеязычно-альвеолярным, среднеязычно-средненебным, заднеязычно-задненебным, все эти типы в свою очередь по шуму могут быть взрывными, фрикативными, аффрикативными и сонорными с набором оттенков и без него, с оттенком смычно-гортанным и без него и т. д.

Элемент согласных звуков, введенный в употребление сначала неосознанно, для удобства произношения, оказывается сопровождающим семантический весомый элемент гласных или наоборот. Затем, когда под давлением потребностей выражения развивающейся мысли, начинается осмысливание согласных элементов звуков и до возможных на данном этапе пределов используется производство согласных звуков речевым аппаратом в имплозивно-вокальном диффузном сочетании, затем вокально-имплозивном диффузном сочетании, дальше сочетания обоого характера: имплозивно-вокально-имплозивное в односложных словах. Н. Я. Марр пишет, что вначале звуковые комплексы были односложными (см.: «Яфетическая теория» и «Происхождение языка»). При этом случаи наиболее возможные в речевом осмыслении согласных звуков, могли быть вокально-имплозивными сочетаниями, потому что перед произношением слова речевой аппарат может быть при любом укладе: при имплозивном или при эксплозивном, т. е. при закрытом или при открытом, тогда как после произношения гласного он больше остается при эксплозивном состоянии, а имплозия может быть вызвана по необходимости, т. е. когда этого потребует выражаемое значение. Это дает возможность лучше осмысливать не только все возможные согласные звуки, но перейти к использованию назализованных гласных, особенно перед согласными назализованными, это дает возможность к использованию лабиализованных согласных, особенно после лабиализованных гласных.

Осмысление согласных в сочетании вокально-имплозивном дает возможность осмыслению согласных в имплозивно-вокальном сочетании – это одно; другое – вокально-имплозивное сочетание и имплозивно-вокальное сочетание взаимно развивают все возможности речевого аппарата вообще в звукопроизводстве, тренируют, развивают органы речи, следовательно, происходит отшлифовка и акустических неточностей. Осмысленные язычно-согласные в вокально-имплозивном или имплозивно-вокальном сочетании могут перетянуть на себя семантический вес всего слова и поставить гласный звук на положение сопровождения согласных, сопровождавших до своего осмысления гласные.

Нет явления в материальном и духовном мире, чтобы противоположные стороны развивались одинаково и одновременно,

потому что при абсолютном равновесии нет противоречия, а раз нет противоречия, нет и развития. Гласные и согласные – две стороны одного и того же, поэтому между ними в слове не может быть абсолютного равновесия, а раз это так, то они антагоничны, их антагоничность – основа их борьбы в перетягивании на себя семантического веса слова, а физиология вынуждена бывает за счет ослабления одного усилить артикуляцию того звука, который имеет больше семантического веса. Но усиление артикуляции имеет свои пределы, а раз так, то один и тот же звук не может постоянно держать на себе семантическую весомость слова и она переходит к бывшему артикуляционно ослабленному звуку, который, после перехода семантического веса к себе, начинает усиливаться. Усиление обоих согласных в имплозивно-вокально-имплозивном сочетании ведет к ослаблению артикуляции гласного и к ослаблению самого гласного, т. е. к редуцированию или к переходу в другой гласный звук, на другой ступени развития языка.

Диалектическая противоположность гласных и согласных в речевом, осмысленном потоке является первой противоположностью, действующей постоянно с первых дней становления звуковой речи.

Такие одинаковые противоположности имеют место как в составе гласных, так и в составе согласных. Так, широкие гласные противоположны узким, лабиализованные – нелабиализованным, назализованные – неназализованным, взрывные согласные противоположны фрикативным, с одной стороны, с другой – сонорным аффрикатам. Фрикативные, или аффрикаты, также противоположны другим. Звонкие противоположны глухим, мягкие – твердым. Единство этих противоположностей является второй, действующей также постоянно и с начала становления языка.

Язычная разработка всей звуковой системы какого-нибудь языка происходит не сразу и не с самого начала, а по этапам. Это подтверждается и фактами современных языков. Ничем иным нельзя объяснить тот очевидный факт, что в одних языках встречаются в массовом масштабе гласные всех физиологически возможных акустических разновидностей, в других только часть, например: русский и французский языки, тюрко-татарские и яфетические языки. В современном русском языке в основном

только 6 гласных звуков, во французском гораздо больше; в яфетических языках небольшое число гласных звуков, а в тюрко-татарских в несколько раз больше. В одних языках мягкость согласных имеет осмысленно-язычное значение, в других вместо мягкости присутствует придыхательность, лабиализованность согласных, чего нет в первых. На одной стадии развития одного и того же языка имеют большое распространение одни звуки, на другой стадии ничего подобного нет, но зато имеются такие, которых раньше не было.

Опираясь на данные современных языков, можно прийти к выводу, что на первом этапе становления звуков речи были язычно-осмысленны только нелабиализованные широкие гласные.

На другой стадии становления гласных звуков – лабиализованные разновидности этих гласных, на третьей стадии – назализованные разновидности и тех и других, на четвертой – узкие нелабиализованные, на пятой – узкие лабиализованные, на шестой их назализованные разновидности. Все осмысливаемые стадияльно разновидности гласных звучаний могли встречаться в речи и еще раньше, но как призвуки произвольного произношения, связанные с необходимой артикуляцией при произношении нужного звука. Промежуток между одной и другой стадиями осмысления гласных, при соответствующем усилении или ослаблении последних, мог быть занят осмыслением согласных звуков той или иной категории.

Нужно полагать, что сначала могли быть осмыслены согласные только по месту образования, затем по способам образования. В том и другом случаях осмысления могли присутствовать в речи те или иные призвуки, произносимые произвольно, неосмысленно и в тесной связи с той или иной артикуляцией, нужной для произношения сильного, осмысленного согласного звука. В третью очередь могли быть осмыслены носовые согласные звуки, в четвертую – глухие и звонкие, в пятую очередь – мягкие согласные, в таком большом обилии употребляемые в современном русском языке, в шестую – долгота и краткость согласных звуков, которые сейчас находятся на стадии осмысления в современном русском языке.

Осмысление звука сопровождается расчленением его и шлифовкой звучания, следовательно и артикуляции, участия одного или нескольких органов произношения.

В основе осмысления и расчленения звучаний лежит беспредельность потребностей материализации мышления и ограниченность возможностей речевого аппарата, материализующего мышление с помощью звуков своего производства. Эта одна и главная причина осмысления и расчленения звучаний. Но ни осмысления, ни расчленения не могли бы быть, если бы сами звучания не имели элементов, которые бы могли быть расчлененными и осмысленными.

Всякое звучание, как и явление, имеет две стороны: одна из них вызывается той или иной необходимостью, другая произвольно сопровождает первую как призвук следственного характера. Это создает диффузность, которая в дальнейшем из своего состава выделяет нужный элемент для осмысления. Такими призвуками в звуках гласного типа могут быть звучания согласного типа, связанные с местом образования первого, в звуках согласного типа – звучания гласного типа, связанные с местом и способом образования согласного звука.

Очевидность этого мы можем видеть в звуках тюрко-татарских языков, например, говоря *келдик*, мы все согласные звуки неосмысленно произносим мягко, потому что они встречаются в сочетании с осмысленными гласными переднего ряда. При случае ослабления гласных тюрко-татарских языков, что уже наблюдается в узбекском и азербайджанском языках, согласные *к, л, д*, могут быть выделены от твердых *к, л, д* как мягкие, и это будет новым в языках тюрко-татарской системы.

Говоря *шил* или *жил* в русском языке, гласную *и* произносим как *ы*, потому что ей предшествуют уже отвердевшие сильные и осмысленные согласные звуки *ш, ж*. При ослаблении сильных в русском языке согласных звуков этот звук может быть осмыслен как *ы*. То же самое можно сказать и в отношении других гласных звуков русского языка, которые в безударных слогах произносятся, как принято говорить, «редуцированно».

В этом отношении богатый материал имеется в яфетических языках. Все лабиализированные согласные абхазского языка имеют возможности выделить из своего состава лабиализированные гласные и согласные без лабиализации обычного типа. Если в составе звуков данного языка уже имеются осмысленные раньше

лабиализированные гласные звуки, выделенные от других лабиализированных согласных звучаний, у, о, и, о, то эти призвуки могут слиться с существующими, как это случилось с *ять* и э русского языка, если осмысление этих звуков происходит впервые, то звуковая система данного языка обогатится новыми гласными звуками. То же самое и в отношении согласных звуков, выделившихся при распадении лабиализированного согласного звучания.

В связи с этим можно предполагать, что количество звуков абхазского языка будет в дальнейшем расчленении в общем уменьшаться, поскольку в составе его звуковой системы уже имеются гласные и согласные того типа, которые могут быть осмыслены при расчленении этих диффузностей. Но зато процент употребления тех или иных согласных или гласных осмысленного качества в речи будет соответствующим образом повышен. Это будет компенсацией того, что язык потеряет при расчленении диффузных звуков. Если абхазский язык при расчленении лабиализованных согласных на 10 % потеряет в количестве звуков вообще, то на 10 % возрастает употребление тех гласных или согласных, с которыми совпали в звучании расчленившиеся и осмысленные элементы диффузных.

При сокращении количества гласных звуков древнерусского языка до 6 гласных современного русского языка, с одной стороны, появились новые мягкие согласные звуки, которые сократили процент употребления твердых согласных, с другой стороны, возрос процент употребления гласных е, о.

Сокращение количества гласных звуков киргизского языка приведет к повышению процента употребления оставшихся гласных, к понижению процента употребления твердых согласных и появления нового процента употребления мягких согласных, которых современный киргизский язык еще не имеет.

Такова диалектика звуковых процессов в языках различных систем. Она присутствует в современных языках, она имела место и в ручной речи. Ход развития всегда идет от легкого к трудному, от простого к сложному. Это соответствует развитию познания, так как в мире есть и легкое и трудное, есть простое и сложное, и человек, начиная познавать в труде и удовлетворении своих основных потребностей, сначала замечает только то, что лежит сверху, только то, что легко может быть использовано, а использование легкого, простого осознания его ведет, с одной стороны,

к уничтожению этого легкого и простого и к исчерпыванию возможностей использования этого легкого и простого, с другой стороны, оно обогащает опыт, практику человека настолько, что он, уже вынужденный и вооруженный опытом и практикой, находит в себе силы видеть и то, что первое время было закрыто от его взгляда и представлений. Так одно помогает освоению другого, одно открывает двери к использованию другого, более сложного, и это все фиксируется мышлением, учитывается и мышление, накапливается и качество.

Подобная необходимость семантического веса от одного элемента орудия общения к другому его элементу и использование всех возможностей этих элементов лежали в основе развития линейно-кинетической речи, она лежит в основе и современных развитых языков.

Семантический вес в выражении значения в ручной речи сначала имел вертикальное и горизонтальное движения руки, которые стихийно сопровождалось и движениями пальцев. Затем, когда возможности вертикального и горизонтального движения руки исчерпали все свои ресурсы, человек приступил к осмысленному использованию движения и положения пальцев. Если рук две, то пальцев – десять, следовательно, использование движений пальцев в качестве орудия общения могло обеспечить потребности в десять раз лучше, если не больше. В случае использования движения пальцев и достижения определенных эффектов и движения вперед и ввысь семантическая весомость не могла не перейти от руки к пальцам, а по использовании всех возможностей пальцев она не могла не воспользоваться общими возможностями и руки, и пальцев. Это уже третья ступень в развитии ручной речи. Если первая ступень в развитии ручной речи – использование вертикального и горизонтального движения руки проще и легче второй ступени – использования движения пальцев при безразличном семантическом сопровождении движения руки, то вторая ступень – использование движения пальцев проще и легче третьей, потому что на третьей ступени уже используются семантически необходимые движения и руки и семантически необходимые движения и пальцев. Использование же всех возможностей комбинированного движения и руки, и пальцев ставит следующую наиболее трудную проблему, проблему скач-

ка, проблему революции, проблему перехода к другому способу удовлетворения потребности общения, проблему создания нового орудия, которое будет в состоянии обеспечить усложнившуюся потребность общения.

Таким стихийным ходом развития от легкого к сложному характеризуются все явления материального мира, общественного строительства экономического и надстроечного характера, потому что в основе развития всех явлений лежит диалектика. Наша задача заключается в том, чтобы вскрыть диалектику в них, установить закономерность развития.

ЗВУКОВАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВ

В мире не было и нет двух таких языков, которые характеризовались бы одной и той же звуковой системой и звуковыми процессами. Той или иной стороной своего звукового состава отличаются друг от друга даже близкие языки, языки одной системы или диалекты одного и того же языка. Об отличиях, которые существуют между русским и французским языками, нет надобности говорить. Они несомненны, так как являются языками двух наций-современниц и характеризуются разной грамматической структурой, лексической самостоятельностью, фонетическим своеобразием. Отличие звукового характера существует между украинским, белорусским и русским языками – языками одной грамматической системы. Такие отличия наука наблюдает и между диалектами (говорами), входящими в состав современного русского языка.

Причины звуковой специфики различных языков занимают умы не только лингвистов, но и простых людей издавна. Объяснение их основывается учеными, стремящимися вскрыть природу этих причин, на чисто физиологических, психологических, психо-физиологических, чисто акустических, культурно-исторических, расовых, экономических или социально-политических факторах. Ни одно из этих объяснений до сих пор не удовлетворяет требованиям раскрытого – не только причин звуковой специфики языков, но и самих ученых, дающих то или иное ее толкование. И в самом деле, если бы причиной звуковой специфики был фи-

зиологический фактор, то мы не имели бы в действительности случаев овладения неродным языком носителями другой языковой специфики.

То же самое можно сказать в отношении психологического, акустического, культурно-исторического и прочих факторов, которые неправильно кладутся буржуазными лингвистами в основу решения этих проблем. Английский, французский и другие языки не перестают быть таковыми, не теряют своей звуковой специфики от того, что ими овладевают представители других, даже в экономическом, культурном, социально-политическом отношении отсталых народов, народностей и наций. Язык северо-американских индейцев не перестает быть таковым от того, что на нем начинает говорить представитель белой расы.

Все эти очевидные факты наблюдаются всеми лингвистами, старающимися дать объяснение причин звуковой специфики языков на основе учета этих факторов, что, несомненно, заставляет их самих признавать несостоятельность всех своих выводов. Так поступают Фердинанд де Соссюр, Эдуард Сепир, Вандрисс и другие известные лингвисты Европы, Америки и других стран.

Биологизированный физиологический фактор, который хотят буржуазные лингвисты применять для объяснения причин звуковой специфики человеческих языков, имеет силу только в животном мире. Кукушка в силу особенностей своего звукового аппарата не может запеть соловьем, ворона не может выть волком, лиса не может ржать лошадю, медведь не может мычать коровой. Биологизированный физиологический фактор может иметь место в звуковой специфике между человеческой речью и звукоиспусканием животных. Но между людьми этот фактор не может иметь веса, потому что речевой аппарат у людей один и тот же, что используется он для удовлетворения одних и тех же потребностей общения людей, возникших в процессе становления мышления и возникновения сознания, отличающих человека от остальных животных. Если звуки для животных существуют как инстинктивная реакция на окружающие реальные раздражители, то звук речи для человека выступает как средство материализации его сознания, необходимое для удовлетворения потребности человеческого общения, добытое в труде и деятельности, в прак-

тике многократного общения. Физиология – лишь средство для производства нужного материала материализации сознания.

На разных ступенях развития человечества этим физиологическим средством были разные органы. На первых ступенях ими были руки – могущественные орудия труда. На следующих ступенях им стал язык. В наше время, наряду с биологическим языком как средством производства материала для речи, звуков, этим средством служат и руки – для письменной речи.

Незначительнейшие оттенки звучания воспринимаются нашим слуховым аппаратом, если только они связаны со значением, если же не связаны со значением, не могут воспринять даже отчетливые звучания, которые мы производим нашим речевым аппаратом.

Мало ли звуков и звучаний имеет место в природе. Если бы все они воспринимались нашим слуховым аппаратом, человек изобрел бы такой аппарат, который помогал бы ему не воспринимать того, что препятствует речевому общению, иначе невозможна была бы жизнь, следовательно, речь. Мы воспринимаем только то, что несет на себе значение или оттенок значения, добытые нами в процессе труда и удовлетворения потребностей общения. Во главе тех, которые объясняют, если имеет место в их трудах эта попытка, причину звуковой специфики и единства языков, стоит известный русский академик Ф. Ф. Фортунатов (см. его кн.: Краткий очерк сравнительной фонетики индо-европейских языков. СПб., 1902; Лекции по фонетике старославянского (церковно-славянского) языка. Пг., 1919). Звуковую специфику и единство языка академик Ф. Ф. Фортунатов объясняет исходя из чисто акустических, формальных факторов, определяющих, как он считает, звуковую специфику и единство языков по внешним признакам сочетания звуков и их позиции в слове. В этих объяснениях он, как и все представители этого направления, ограничивается, главным образом, описанием фактов чередования звуков, появления новых, исчезновения старых и т. д. На этом остановимся подробно ниже.

Психологический фактор использовался для объяснения звуковой специфики в русском языкознании двумя грамматическими направлениями XIX столетия. Первое – представителями Казанской школы языкознания – Бодуэн де Куртене со своими последователями, которые в основу своего учения клали объективную или

так называемую ассоциативную психологию. Второе – представители субъективной психологии во главе с известным русским мыслителем, лингвистом профессором А. А. Потебней. Эти два направления возникли как в борьбе друг с другом, так и в борьбе с физиологическим и акустическим направлениями русского языкознания.

С точки зрения марксистско-ленинской лингвистики научные школы Бодуэна де Куртене и А. А. Потебни вместе со всеми другими в русском языкознании рассматриваются как одно буржуазное направление, поскольку они основывались, несмотря на различный подход к вопросу, на идеалистических представлениях, которые не могли не противоречить действительному положению вещей. Общим для обоих психологических направлений в лингвистике было то, что возможность человека к общению рассматривается как психическая данность, связанная с его способностями к подражанию, восприятию и реагированию на все окружающее. Они не видели, да и не могли видеть, что психическое у человека достигнуто, как и физиологическое, в процессе труда для удовлетворения потребностей в пище, в жилье и питье, создавшего человека в целом, а также его рук, стойки, особой грудной клетки, головы, мышления, нервной системы в частности. Без правильного понимания всего этого, конечно, нельзя было себе представить все перипетии общения людей, становления и развития средств общения и средств, из которых создавалось первое.

Для школы профессора Бодуэна де Куртене звуковая специфика языка – это географическая разобщенность народов и племен, которые, находясь в разных условиях земных долгот и широт, реагировали, т. е. воспринимали или подражали различным явлениям, что и легло в основу того, что люди в разных частях света заимели разные языки с разными звуковыми системами и звуковыми процессами.

По мнению единомышленников Б. де Куртене, развитие транспорта (железных дорог, пароходства и т. д.) ускоряло общение этих людей, нивелировало географические условия их жизни, отнимало своеобразие их окружения, и на этой основе языки могли потерять свою былую звуковую и иную специфику, так как объекты подражания и психического восприятия стали бы одними и теми же.

Несостоятельность этой теории заключается не в том, что языки впоследствии, согласно марксистско-ленинской идеологии волеются в один язык, общий для всех людей земного шара, это будет доказано ходом развития истории и самих языков, а в том, что такое слияние должно происходить не на основе сведения к одному и тому же объекту подражания и условий подражания людей.

Ассоциативные психологи в языкознании думали, что стоит создать одинаковые природные условия для существования людей путем развития путей сообщения, городов, фабрик и заводов – этих общих для всех людей объектов подражания и психического восприятия, как люди начнут произносить одинаковые звуки, слова, следовательно, одинаковые предложения точно так же, как и одинаковые костюмы, одинаковые прически и т. д. Они принимали действительные факторы, которые играли большую роль в установлении звуковой специфики языков, как говорится, шиворот-навыворот, потому что идеализм вообще есть учение, рассматривающее мир вверх ногами.

Марксистско-ленинская лингвистика говорит, что когда будут стерты границы не только между государствами, частями света путем развития высокой промышленности, широчайшей сети коммуникаций между всеми частями земного шара, но и между коммунистическими и буржуазными представлениями в сознании людей, когда будет господствовать единственно правильное диалектико-материалистическое мировоззрение во всех наших делах – и научных, и литературных, и иных, языки сольются в один общий язык, язык коммунистического общества, который не будет ни русским, ни английским, ни французским, ни каким-нибудь другим. Он будет таким языком, который впитает в себя все то лучшее, удобное и соответствующее представлениям людей, что будет выработано в различных языках современности, независимо от того, кому этот язык принадлежал – негру из Америки, китайцу или представителю «арийской» или англосаксонской крови, потому что живет то, что лучше удовлетворяет потребности человека, но не то, что человеку субъективно хочется видеть и иметь у себя.

В противовес этому объективно-психологическому течению в русском языкознании, субъективно-психологическое направление, возглавлявшееся в свое время профессором А. А. Потебней,

признавало не только звуковую специфику языков, существовавших когда-либо или существующих теперь, неоспоримость ее подтверждалась. В признании звуковой специфики профессор Потебня шел дальше: он видел звуковую специфику в языке каждого индивида, говорящего на том или ином, даже на нескольких языках. Более того, профессор Потебня говорил, что одно и то же слово, произнесенное одним и тем же человеком два раза, будет не одним и тем же, а двумя словами с двумя составами звуков, потому что, считает он, психическое состояние, возбуждающее данного человека повторить слово, не одно и то же, следовательно, и слово не одно и то же.

Возражая мнению других лингвистов, в том числе и представителям школы профессора Бодуэна де Куртене, профессор А. А. Потебня писал: «Этим соображениям мы противопоставляем другие, имеющие для нас более силы.

Какое значение имеет подражательность в личной жизни? Особь во всех сферах жизни есть нечто в высокой степени самостоятельное по отношению к влиянию других особей и остальной природы. Человек в этом отношении, как и в других, есть конец ряда низших существ. Всякая сила действует на него не иначе, как видоизменяясь в нем и вызывая в нем противодействие. Подражание, вызываемое в человеке известным действием, не может быть точным повторением этого действия по той простой причине, что для такого повторения подражающему нужно было бы быть тождественным с тем, что произвело это действие, и притом в тех же самых обстоятельствах, последнее невозможно уже по одному физическому закону непроницаемости, не говоря о более сложных законах мысли. Если этих априорных соображений недостаточно, то можно простым наблюдением увериться, что непроизвольное, не доходящее до сознания субъекта подражание движением и звуком другого дает движения, при благоприятных условиях, только сходств, а не тождественные».

Дальше, разъясняя свою мысль он продолжает: «...взаимное понимание не есть перекалывание одного и того же содержания из одной головы в другую, но состоит в том, что лицо **а**, связавшее содержание своей мысли с известным внешним знаком (движением, звуком, словом, изображением), посредством этого знака вызывает в лице **б** соответственное содержание. Но понимающие могут быть сравнены с двумя различными музыкальными инструмента-

ми, приведенными между собою в такую связь, что звук одного из них вызывает не такой же, но соответственный звук другого.

Таким образом под словом «свеча», я могу понимать точно то же, что мой собеседник, когда органы восприятий у нас различны, а накопление воспоминаний (об этом) различно гораздо более того. Этим объясняется парадокс, что всякое, даже самое полное, понимание есть в то же время непонимание. Человек не может выйти из круга своей личной мысли. Мысль и чувства человека невыразимы, хотя для нас необходимо противоположное этому убеждение, так что эта невыразимость сознается и даже становится руководящим принципом лишь в исключительных настроениях: «молчи, скрывайся и таи» (Тютчев)...

Эти элементарные, но многими игнорируемые положения объясняют нам многое. Во всех областях человеческой жизни «не-самостоятельность», «подражательность» выражают лишь известные, более или менее низкие ступени различия самостоятельности, своеобразности мыслей и действий. В другом, безусловном смысле эти понятия немыслимы» (профессор А. А. Потебня).

По мнению А. А. Потебни, мысль дана человеку по природе как деятельность его духа, но так как дух у каждого человека свой собственный, мысль определяется границами его, что является непреодолимым препятствием, приводящим человека к тому, что он «не может выйти из круга своей личной мысли». «То, что называется общим уровнем мысли между людьми, возможно лишь благодаря способности отвлечения, т. е. сведения действительного различия мыслей в различных субъектах на известный минимум различия, и благодаря фикции, состоящий в принятии этого минимума за эквивалент полных мыслей» (см.: *Потебня А. А. Язык и народность* // Вестник Европы. 1895. Сент.; Из записок по теории словесности. М., 1905).

А. А. Потебня признает звуковую специфику языков как специфику, вызываемую народной или национальной психикой, представляющей из себя сочетания психологии каждого представителя народа. Отсюда и понимание языка как особой формы проявления национальной психики.

«Понятно, что так как народы состоят из лиц и соприкасаются между собой через посредство лиц, то все сказанное о своеобразности и замкнутости лица применяется и к народу настолько,

насколько его единство сходно с единством лица» (см.: *Потебня А. А. Язык и народности*).

В связи с таким толкованием индивида и народа, психики индивида и народа, вопрос о влиянии одного индивида на другого, одного народа на другой рассматривается А. А. Потебней как возбуждение у этого другого – индивида и народа – сходных, но не тождественных представлений и только. «Взаимное влияние народов есть тоже лишь взаимное возбуждение. Распространение культуры одного народа на другие кажется нам объединением народов лишь до тех пор, пока мы витаем на холодных высотах абстракции. Но если мы сообразим, что немногие признаки, повторение коих мы замечаем в жизни различных народов, существуют в действительности лишь в группах множества других признаков, как конкретные явления, то мы принуждены будем говорить, например, не о том, что единое в себе и неизменное христианство разлилось по цивилизованному миру, а лишь о том, что христианство в виде первоначально определенного возбуждения было поводом возникновения целой цепи христианств, весьма различных между собою, если рассматривать их в их конкретности, – и дальше: – Казалось бы, что эти странствования (странствования повестей и рассказов. – У. А.) суть очевидное доказательство способности всех народов воспроизводить одно и то же содержание. Но, спрашивается, имеем ли мы основание и назвать эти географические и хронологические передвижения жизнью в том смысле, в каком мы приписываем жизнь к языку? Конечно да. Если же так, то к странствующим литературным мотивам должен быть приложен тот взгляд, которого мы держимся относительно форм языков» (*Потебня А. А. Язык и народности*).

Такое понимание психики народа, индивида, вопросов влияния одних народов на другие, путей и причин этого влияния приводит А. А. Потебню к выводу, что языки имеют общее, но это общее характеризуется общими моментами психического субстрата, так как психический субстрат идет у разных народов, как и у индивидов одного народа, создается почва для сближения специфики языков. Но такое сближение и психического субстрата, и языка как проявление его А. А. Потебня рассматривает не как прогресс, а как регресс. Как думает он, нивелировка психики, следовательно, и языка ведет к ограничению разнообразия,

что является основой прогресса, это сближение суть явление негрессивного характера, характера не возвышения, а падения. Рассматривая языки как глубоко различные приемы мышления, мы можем ожидать от предполагаемой в будущем замены различия языков одним общечеловеческим – лишь понижения уровня мысли. Ибо если объективной истины нет, если доступная для человека истина есть только стремление, то сведение различных направлений стремления на одно не есть выигрыш.

Язык не есть только известная система приемов, познания, как и познание не обособленно от других сторон человеческой жизни. Познаваемое действует на нас эстетически и нравственно. Язык есть вместе путь сознания эстетических и нравственных идеалов, и в этом отношении различие языков не менее важно, чем относительное познание» (*Потебня А. А. Язык и народности*).

Профессор А. А. Потебня в вопросах определения связи языка с мышлением, слова с мыслью сделал много нового и нужного для лингвистической науки, в этом надо отдать ему должное.

Все замечательные наблюдения над языком, которые, безусловно, имеются у А. А. Потебни, теряют свою ценность в связи с такими заключениями, которые он делает как субъективный идеалист.

Эти два направления в русской лингвистике, как уже сказано выше, имеют в основе своих теоретических заключений психический субстрат, что является идеализмом.

Психика имеет все в определении звуковой и иной специфики языка, но он первостепенный, не главный, потому что психика сама определяется материальными условиями жизни человека, условиями и результатом труда, изменение которого ведет к изменению психики, так же как и к изменению языка и всех других идеологических надстроек.

Вскрытием причин звуковой специфики и единства языков занимались и западно-европейские лингвисты Ф. де Соссюр, и Мейе, и Вандрисс, и Эд. Сепир, но не сделали долгожданного открытия.

Фердинанд де Соссюр пытается объяснить причину звуковой специфики и единства языков совокупностью двух факторов: первого – географического, т. е. пространства распространения языков, и второго – времени, т. е. времени распространения его (см.: *Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики. 1933. С. 174-191*).

Но идеалистичность, следовательно, антинаучность и этих попыток не вызывает сомнения, потому что ни географический фактор, ни фактор времени не в состоянии объяснить причины звуковой специфики и единства языков, так как сознание определяется не географией и не временем, а бытием, материальными основами жизни человека, его трудом, которые определяют и способ удовлетворения потребности в общении.

Причины звуковой специфики и единства языков вскрыты основоположниками марксистско-ленинской науки в их определениях языка, отношения сознания к действительности, роли труда в становлении человека и его мышления, его языка и других идеологических надстроек. Основоположники диалектического материализма К. Маркса и Ф. Энгельс в разделе «Святой Макс» Лейпцигского собора в книге «Немецкая идеология», отражая отношение Санчо к роду, пишут: «Таким образом, язык здесь рассматривается как продукт рода, однако тем, что Санчо говорит по-немецки, а не по-французски, он обязан вовсе не роду, а обстоятельствам. Впрочем, в любом современном, развитом языке стихийно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленный экономической и политической концентрацией» (Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. М., 1934. С. 414).

Нужно сказать, что «обстоятельства», вынудившие Санчо говорить по-немецки, вынуждали и продолжают вынуждать и до сих пор всех людей говорить на тех или иных языках, характеризующихся той или иной спецификой и единством звукового состава. Эти «обстоятельства», обусловленные совокупностью ряда факторов, обусловили стихийное возникновение не одного языка, как думали в свое время буржуазные лингвисты, а многочисленных языков большого географического распространения, часть из которых уже исчезла, а часть еще продолжает создавать новые обстоятельства, которые заставляют одних говорить на одном, других на другом языке.

Из чего могут состоять эти обстоятельства? Вот вопрос, который до сих пор еще не нашел своего полного осознания и продолжает интересовать лингвистов.

Стержневым элементом, обусловившим эти обстоятельства, которые обусловили многоязычие, и общим для всех людей безусловно нужно считать потребность жить, а чтобы жить – трудиться. Этот элемент общий. Он един для всех людей.

Другим элементом, обусловленным первым и участвующим в создании этих обстоятельств, нужно считать потребность в общении, которую испытывали и испытывают люди. Этот элемент также общий. Он также един для всех людей.

Третьим элементом, определяемым этими двумя первыми, является мышление, определяющее способы удовлетворения потребности труда и потребности общения. Этот элемент также общий и единый для всех людей как свойство, приобретенное людьми в процессе труда.

Четвертым элементом, входящим в состав этих обстоятельств, нужно считать средство, с помощью которого создается то другое средство, удовлетворяющее потребности общения. Этим элементом являются звуки в звуковой речи, движения и жесты – в ручной речи. Звуки по своему физическому свойству общи и едины для всех людей, но проявление их – частное, акустическое качество – первоначально разное.

Определяется первоначальная разность частного акустического качества звуков различных языков сравнительно большим количеством возможностей звукопроизводства речевого аппарата человека – пятого элемента обстоятельств, который реализует свои возможности в различных географических точках земного шара в различные отрезки времени и при сравнительно различных природных условиях, обеспечивающих человека одинаковыми по общим физическим свойствам, но разными по качеству проявления веществами, нужными для удовлетворения его низменных потребностей.

Речевой аппарат человека еще на первоначальных ступенях становления человека, когда он потребности общения удовлетворял наполовину ручным и наполовину звуковым способом, обладал сравнительно с потребностями общения большим количеством возможностей звукопроизводства. В одних природных условиях и в одинаковые отрезки времени человек использовал одни возможности звукового производства своего речевого аппарата, в других природных условиях и в другие отрезки времени он

использовал другие возможности звукопроизводства, что и легло в основу первоначального звукового многоязычия, наблюдаемого в мире, о котором академик Н. Я. Марр пишет: «У языков одно происхождение, но в начале не праязык, а праязычное состояние. Вначале многоязычие, и источник оформления и обогащения языка, залог его развития, в самом ходе и развитии жизни и ее творческих сил, в развитии хозяйства, общественного строя и мировоззрения, и как человечество от кустарных разобщенных хозяйств и форм общественности идет к одному общему мировому хозяйству и одной общей мировой общественности в линии творческих усилий трудовых масс, так язык от первичного многообразия гигантскими шагами продвигается к единому мировому языку».

В определении вторичного многообразия к перечисленным элементам, составляющим обстоятельства, в которых стихийно возникла речь, нужно прибавить «историческое развитие языка из готового материала», «скрещивание и смешение наций», «концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленный экономической и политической концентрацией» (Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. 1934. С. 4151).

Таким образом, фактор многообразия языков определяет звуковую специфику их, которая так долго причиняла неприятности буржуазным лингвистам, ослепленным идеалистическими методами констатации, описания и классификации звуков речи и поэтому неспособным видеть действительную причину звуковой специфики языков.

Первичное многообразие языков есть такое же первое историческое дело, о котором пишут К. Маркс и Ф. Энгельс, «что люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии делать историю». Но для жизни прежде всего нужны пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Таким образом, первое историческое дело – это производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни» (Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. 1934. С. 18).

Вторичное, т. е. современное многообразие языков, есть второе историческое дело, о котором там же К. Маркс и Ф. Энгельс пишут, «что сама удовлетворенная первая потребность ведет к новым потребностям», удовлетворение которых есть историче-

ское дело, включающее в свою орбиту первичное; таким образом, удовлетворение потребности общения в условиях наличия фактора первого исторического дела, наличия диффузных звукокомплексов различного характера предопределяет необходимость использования того, что уже имеется. Тут начинается своего рода традиция, обусловленная тем, что уже имеется, и тем, что оно в какой-то мере определяет дальнейшее развитие явления.

Чтобы лишний раз подтвердить правильность положения К. Маркса и Ф. Энгельса, что «стихийно-возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала... отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций... отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленный экономической и политической концентрацией», позволили себе привести длинную цитату академика Н. А. Марра, где он на материале фактов различных языков и археологических раскопок рассказывает, как все это могло происходить.

«Как уже упоминали мы, чувашский язык оказался яфетическим своими нормами. Определилось в значительной мере место чувашского языка среди яфетических. Разъяснилось не только название чувашей, оказавшееся, как было сказано, разновидностью племенного названия «шумер», или «ибер», но и название соседящих с чувашами черемисов или оказавшихся по названию сарматами; а так как термин «иберы», с которыми через шумеров отождествляются по названию чуваша, оказался особой древней формой племенного названия болгар, причем в неславянских болгарских словах действительно вскрылось иберское яфетическое достояние, а от племенного названия «сармат», разновидности «черемис», оказалось происшедшим название сербов, то появление парно соседящих народов болгар и сарматов и на Волге, в виде разноплеменных чувашей и черемисов, а на Балканах в виде одинаково славян, болгар и сербов, еще более обострило значение передавших им свои имена племен первоначального яфетического населения Европы и взаимоотношений яфетидов со славянами, финнами и турками.

Еще год тому назад я был вынужден замеченными мною фактами сделать заявление в Академии наук, что индоевропейские

языки представляют трансформацию яфетических языков, это вовсе не языки какой-либо расы. Индоевропейские языки представляют историческое состояние, яфетическое доисторическое одних и тех же языков. Год дальнейшей работы дал вскрыть племенное происхождение терминов родства в индоевропейских языках, за отсечением «сына», имеющего также яфетический прототип, но иного племени. Остальные термины оказались возникшими в италской среде: это иберские, этрусские и италские племенные основы с италским племенным оформлением, т. е. родиной индоевропейской речи в ее древнейшем слое намечается Европа, этрусско-италская Европа, следовательно Средиземноморье, из которого не исключается ни Северная Африка, ни Азия Хеттская. Не касаясь сейчас вопроса об индоевропейских элементах, вскрывшихся в Малой Азии с хеттскими изысканиями, не торопясь предрешать вопросы, правда ли это индоевропейские элементы, когда они действительно занесены сюда с Италского Средиземноморья, или они первые выходы индоевропеизма там же, в хеттско- и харийско-малоарийской среде, – одно ясно, что языки масс и здесь были не индоевропейские, и в каком бы месте ни возникала индоевропейская речь, носителем ее был лишь определенный господствующий класс, господствующее сословие, и из Малой Азии или Западной Европы, или из Африки, с ним, с таким господствующим классом, приносился, по всем видимостям, не готовый индо-европейский какой-либо конкретный язык или общий, никогда не существовавший праязык, а новая типологическая формация языков, переходная от доисторических яфетических к историческим индоевропейским, и куда ни заносилась она тем господствующим классом, в Азию ли или на окраины Европы, там на месте, с наличным населением в условиях его доисторического яфетического племенного состава, вырабатывался тот или конкретный уже современный индоевропейский язык, в Индии – санскрит, в Иране – персидский язык, в Восточной и Северной Европе в славянские и германские языки, каждый язык, не исключая, конечно, и русского, в своем определении, геоэтническом районе, в путях скрещения с продолжавшими в нем пережиточно существовать доисторическими яфетическими языками, совершенно так же, как греческий язык, выработался в свой своеобразный совершенный вид на месте своего находже-

ния, усваивая от скрещивающихся с ним пережиточных племен доисторического населения не только речь, но и мифы, и эпос. В Западной Европе этот процесс произошел два раза: первый раз в пределах Апеннинского полуострова, второй раз в более отдаленных от очага нахождения первичных индоевропейских норм района, где доисторические пережиточные языки оказались в преобладающем количестве, и потому получились так называемые новые романские языки совершенно особого типа, не изменившие архаичной природе доисторической речи, несмотря на громадное культурно-политическое давление римской государственности. Потому что часто, например, у французского языка больше общего и в настоящее время с яфетическими языками, чем с древними индоевропейскими языками» (Март Н. Я. Основные вопросы языкознания. 1936. С. 193, 194).

Другим не менее интересным является вопрос о том, почему языки современности по своей грамматической, лексической и звуковой специфике и единству стояли на ступенях развития «доисторических», как их определяет академик Н. Я. Март, яфетических и исторических индоевропейских языков с промежуточными? Каковы причины этого состояния языков современности? Этот вопрос у разных по мировоззрению лингвистов находит разное разрешение. Буржуазные лингвисты видят в этом примитивность развития мышления и языка народов, которые находятся на стадиях исторического развития, непримитивность развития мышления и языков народов, которые находятся на стадиях развития индоевропейских языков. Подтверждают они свои заключения наличием тех или иных легких для произношения звуков, развитых по-европейски грамматических структур и культурно-историческими достижениями, и т. д. Эти толкования и были положены в основу расистских «теорий» фашистами разгромленной гитлеровской Германии. На этих выводах пытаются оправдать империалистические цели государств, мечтающих о мировом господстве. В лженаучности, а следовательно, и реакционности этих «целевых выводов» нет сомнения. Как же можно объяснить тот очевидный факт, что язык древнего Гомера гораздо более развит, чем язык стремящихся к мировому господству? Если бы примитивность или непримитивность мышления, психического или иного склада определялась звуковой или иной благоденственностью языка, то эти наши

современники, мечтающие о власти над всем миром, должны были жить во времена фараонов, но это, к сожалению, не так – они живут в наше время и ведут себя, как неразумные.

Эта проблема сегодня со всей очевидностью может быть решена лингвистами диалектико-материалистического мировоззрения. Эти лингвисты принимают активное участие в строительстве общества, в котором не будет ни примитивных, ни отсталых, ни неполноценных народов, в котором все люди могут пользоваться одинаковыми правами в использовании всех благ природы и труда, без войн, без кризисов и безработицы, без эксплуатации человека человеком, без всякого рода и вида проституции.

Опираясь на объективные факты языков и истории человечества, академик Н. Я. Марр пишет: «Языки всего мира представляют продукты одного плоттогонического процесса, в зависимости от времени возникновения (следовательно, и времени нахождения в употреблении и количества людей, пользовавшихся им. – У. А.), принадлежа к той или иной системе, сменявшей одна другую, причем языки сменных систем отличают народы, отпавшие от общего мирового движения, независимо от того, вовлечены ли они снова мировым хозяйством, и мировой общественностью в круговорот мировой жизни, прошли новый исторический путь своего высокого культурного развития с языком оторванной от общего развития системы или с языком отжившей системы, или те или другие народы застряли и хозяйством и общественностью целиком на соответствующих ступенях развития человечества» (Марр Н. Я. Основные вопросы языкознания. 1936. С. 135.).

Как сказано выше, нет еще языков, которые бы пользовались одним и тем же звуковым составом. Но единство звукового состава должно быть достигнуто языком хотя бы большей части звуков. Это подтверждается тем, что и сейчас мы можем наблюдать почти во всех языках наличие звуков одного и того же места и способа образования. Факторами, ведущими к звуковому единству языки самых различных систем, являются:

- 1) единство функций языка в жизни всех людей,
- 2) единство происхождения путей развития языков,
- 3) единство материала, используемого для создания орудия общения,
- 4) единство речевого аппарата человека, как естественного орудия, используемого в звуковой речи,

5) единство акустических возможностей речевого аппарата,
6) единство стремлений речевого аппарата к отчетливому произношению только тех звуков, которые нужны для выражения значений или оттенков значений слов,

7) единство использования других выразительных средств, составляемых из звуков или сочетания звуков.

Совокупным действием этих единств только и нужно объяснить то, что мы отмечаем, т. е. звуки, которые встречаются во всех современных языках. Ими являются:

1. В составе согласных:

а) простейшие:

губно-губные – *п*
губно-зубные – *до*
язычно-зубные – *т*
язычно-зубные – *ц*
язычно-альвеол. – *с*
язычно-альвеол. – *ш*
среднеяз.-средненеб. – *к*
среднеяз.-средненеб. – *х*

б) сложные 1-й степени:

губно-губные – *б*
губно-зубные – *в*
язычно-зубные – *д*
язычно-зубные – *л*
язычно-альвеол. – *з*
язычно-альвеол. – *ж*
язычно-альвеол. – *р*
среднеяз.-средненеб. – *г*
среднеяз.-средненеб. – *и*

в) сложные 2-й степени:

губно-губные – *м*
язычно-зубные – *н*

2. В составе гласных звуков:

а) простейшие – нет

б) сложные 1-й степени:

переднерядные узкие – *и*
переднерядные средние – *э*
переднерядные широкие – нет

среднерядные узкие – нет
среднерядные средние – нет
среднерядные широкие – нет
заднерядные узкие – нет
заднерядные средние – нет
заднерядные широкие – а

в) сложные 2-й степени:

переднерядные лабиал. узкие – нет
переднерядные лабиал. средние – нет
переднерядные лабиал. широкие – нет
среднерядные лабиал. узкие – у
среднерядные лабиал. средние – нет
среднерядные лабиал. широкие – нет
заднерядные лабиал. узкие – нет
заднерядные лабиал. широкие – нет
заднерядные лабиал. средние – о

Все эти звуки встречаются почти во всех языках, исключение составляет английский язык, в котором звуки *t*, *d*, *n* имеют не язычно-зубное, а язычно-альвеолярное звучание. Причину этого исключения, вероятно, нужно объяснить каким-нибудь другим привлеченным извне фактором.

Данные инструментальной фонетики, может быть, и покажут, что некоторые из этих звуков не могут быть общими для всех сравниваемых языков, потому что те или другие стороны его образования в том или ином языке, вполне возможно, могут его отличать от соответствующих звуков других языков. Я сравниваю то основное слуховое впечатление, которое остается у слушателя, когда произносят в речевом потоке те или иные звуки. Тот или иной оттенок, который бывает у звука, объясняется структурой данного конкретного слога, соседством того или иного звука. Все сравнения, которые у меня встречаются, основываются на речевом впечатлении, охватывающем и произношение, и восприятие. Я считаю, что инструментальная фонетика, которой, благодаря деятельности младограмматиков, принято приписывать такое первостепенное значение, не имеет его. Она безусловно имеет значение, и отказываться от нее нет надобности, она нужна для объективной констатации звукового факта в том или другом

случае, когда от такой констатации будет зависеть успех научного определения характера движения изменений. Но для общей классификации по месту и способу образования звуков она не нужна, потому что в этом случае можно свободно опираться на речевое впечатление звучания.

В основе единства звуков, приведенных выше, лежит фактор единства человечества речевого аппарата с ограниченными возможностями звукопроизводства, с помощью которых человек удовлетворяет потребности общения. Отношения между этими возможностями и потребностями в их использовании в разные эпохи истории человечества могло быть разное. Могло быть такое время, когда этих возможностей было больше, чем потребностей в них. Это – эпоха становления звуковой речи. Тогда, видимо, и были заложены основы звукового разнообразия языков, потому что человек в одном месте совершенно стихийно мог использовать одни из этих возможностей, в другом месте – другие. Могло быть и так, когда потребностей было больше, чем возможностей звукопроизводства речевого аппарата человека. Это могло быть тогда, когда мышление человека было намного выше, чем раньше. Это время должно характеризоваться использованием возможностей речевого аппарата человека до пределов. Использование до пределов всех возможностей неизбежно должно было привести к общим звучаниям, возникающим без всякой связи друг с другом одним и тем же местом речевого аппарата при одном и том же способе образования звука. К такого рода заключениям приводят факты линий возможностей, которые человеком осмысливались не в одно и то же время, а по надобности, в разные этапы становления языка. Этих линий, которые можно называть измерениями, четыре.

Первое из них – горизонтальное измерение, т. е. осмысление звуков по месту образования. Возможности его ограничены. Это измерение должно было быть осмыслено в первую очередь как наиболее легкое, простое и доступное.

Второе из них – вертикальное измерение, т. е. осмысление звуков по способу образования. Возможности его также ограничены, но вместе с возможностями первого измерения они дают кое-какую силу речи, нужную для удовлетворения потребности общения. Эпоха использования возможностей и первого и второго измерений должна характеризоваться употреблением диффузностей.

Третье из них – глубинное измерение, т. е. осмысление определенной последовательности и сочетания звучаний того или иного места и способа образования. Осмысление глубинного измерения, т. е. использования последовательности произношения звуков, слогов и слов, обогащает возможности речевого аппарата человека настолько, что он не испытывает тесноты возможностей своего речевого аппарата. И в самом деле, какие только значения или оттенки значений в бесчисленном количестве не выражаются современными языками! Ведь слов в современных языках так много, что очень трудно установить их количество. И все это достигнуто в результате осмысления и введения в речевую практику третьего, глубинного, измерения возможностей речевого аппарата. Если бы этого не было, то человек давно бы отказался от звуковой речи, так же как он отказался от ручной, потому что она уже больше не в состоянии была удовлетворять потребности общения. Эта эпоха развития языка должна характеризоваться процессом расчленения диффузностей первых двух эпох.

Четвертым из них нужно считать потребность в общении, потребность в материализации сознания, которая и толкала человека на практическое осмысление и первого, и второго, и третьего измерений, так же как потребность теоретического осмысления того, что осмыслено практически, толкает на то, чтобы уяснить роль всех этих четырех измерений в становлении и развитии языка, как орудия общения, возникшего в результате удовлетворения настоящей нужды.

Вот почему звуковое единство различных языков, о чем говорилось выше, достигнутое в процессе осмысления всех измерений возможностей речевого аппарата, касается звуков только по месту и способу образования и не трогает пока единства сочетаний, звуковых процессов (ассимиляций, чередований и т. д.), на которых остановимся ниже.

Первые два измерения были осмыслены раньше. Они имеют узкий круг возможностей – процесс осмысления их мог быть недолгим. Использование этих возможностей до пределов и создало то звуковое единство, которое наблюдается почти во всех языках. Те немногочисленные факты, которые наблюдаются, главным образом, в яфетических языках и характеризуются придыхатель-

ными, придыхательно-огубленными звуками, объясняются тем, что в этих языках еще не закончен процесс расчленения диффузностей, потому что их осмысление теснейшим образом связано с практическим осмыслением третьего измерения, т. е. осмыслением последовательного произношения членораздельных звуков гласного и согласного типов. Из всех этих трех измерений осмысление третьего идет в последнюю очередь, так как оно является основным измерением, обогатившим возможности речевого аппарата до беспредельности. Яфетические языки в отношении осмысления третьего измерения находятся на той ступени, на которой рассматривается третье измерение по существу звучаний морфемного слогового типа, что предшествовало осмыслению сочетаний фонемного, звукового типа.

Придыхательные, огубленные и придыхательные звуки абхазского языка, независимо от места их образования, являются морфемами или сочетанием осмысленного согласного звука с неосмысленным призвуком гласного типа. Вместо двух сочетаний вокально-имплозивного и имплозивно-вокального характера, которое может быть при полном расчленении гласного призвука и уточнения звучания согласного, входящих в такие диффузные звучания, мы имеем только одно сочетание, это, конечно, не может ограничивать в какой-то мере осмысления третьего, т. е. глубинного, измерения, охватывающего все возможности речевого аппарата, связанные с осмыслением сочетаний звуков.

Звуки такого типа, как диффузные согласные абхазского языка, встречаются и в европейских языках, только в звуках абхазского языка осмысленным элементом диффузности является элемент согласного типа звучания, неосмысленным элементом – гласного типа звучания, в европейских языках наоборот: осмысленным звучанием – гласного типа, неосмысленным звучанием – согласного типа. Такие диффузности в европейских языках называются дифтонгами. Абхазские диффузности и европейские дифтонги – факты, говорящие о еще неполном и практическом осмыслении третьего измерения в речи.

Звуков, составляющих специфику того или иного из сравниваемых языков, не меньше, чем тех, которые составляют звуковое единство этих языков. Эти звуки составляют часть того язычного чисто русского, немецкого и абхазского колорита, который от-

личает звуковой состав этих языков друг от друга. Но это только часть. Звуковая специфика того или иного языка, определяемая, кроме специфических звуков, еще структурой слога, типами звуко сочетаний, местом ассимиляций или диссимиляций, выпадения или появления звуков, чередований и т. д., определяемых семантической тяжестью, которую несет звук в том или ином конкретном сочетании в слоге или слове.

Рассмотрим сначала звуковую специфику сравнительного характера, потом по возможности другие стороны этой специфики, связанные со структурой слога, слова, типами звуко сочетаний и т. д.

Та или другая звуковая специфика того или иного языка определяется стадией осмысленного расчленения диффузных звуко-комплексов и диффузодов. В русском языке диффузолы яфетического характера расчленены, создаются новые диффузолды, которых другие языки еще не имеют.

Современный русский язык характеризуется употреблением полатализованных согласных в больших масштабах, не встречающихся в других языках. За исключением нескольких звуков, а именно звуков *ц, к, г, ж, ш, х*, все остальные согласные из общего для всех языков состава могут быть и мягкими, например:

1. В составе согласных звуков:

а) сложные 1-й степени:

губно-губные – *пъ*
губно-зубные – *фъ*
язычно-зубные – *тъ*
язычно-альвеол. – *сь*
язычно-альвеол. – (*шь*)
язычно-альвеол. – *чь*

б) сложные 2-й степени:

губно-губные – *бъ*
губно-зубные – *въ*
язычно-зубные – *дъ*
язычно-зубные – *лъ*
язычно-альвеол. – *зь*
язычно-альвеол. – (*жь*)
язычно-альвеол. – *рь*

в) сложные 3-й степени:

губно-губные – *мъ*
язычно-зубные – *нъ*

Всего 15 мягких согласных звуков, составляющих звуковую специфику современного русского языка. Осмысление этих согласных звуков в русском языке происходило в течение последнего тысячелетия, начиная приблизительно с эпохи создания письменности.

Звуки *жь* и *шь* взяты мною в скобки, потому что они одновременно с мягкостью приобретают и долготу. Это, видимо, объясняется тем, что они, как *ч* в древнерусском языке, были мягкими, потом отвердели и теперь происходит новое смягчение. Но так как звучание не повторяется без смены структуры языка в целом, то они в виде нужного дополнительного качества получают и долготу.

Другим новым элементом, создающим звуковую специфику современного русского языка, нужно думать, является массовое проявление долготы всех согласных звуков, которое идет по нескольким путям.

Появление долгих согласных звуков на нынешнем этапе развития современного русского языка носит такой массовый характер, какой носило появление полатализованных согласных в предшествующий этап его развития.

Одним из путей, хотя и не новым, появления долгих согласных как мягких, так и твердых является долгота согласных в середине слова, например: масса, касса, Анна, Лидиванка и др.

Другим – появление долгих согласных для выражения качества признака предмета, например: злой – ззлой, красный – ккрасный, синий – ссиний, черный – ччерный, высокий – ввысокий и т. д.

Третьим – появление долгих согласных при образовании односоставных назывных предложений, выраженных одиночными существительными, например: ночь – нночь, дождь – ддождь, камень – ккамень и т. д. Нужно сказать, что предиктирование существительных в этих условиях происходит за счет долгого произношения начального согласного звука существительного-предложения. Появление долготы в односоставных предложениях-существительных требует инструментальной проверки, так как бесстрастная констатация факта звучания только и может уверить лингвистов, не допускающих такой «вольности» звучания. К заключению о такого рода долготе согласных я пришел на основе слуховых впечатлений и теоретических предложений.

Четвертым – появление долготы у мягких согласных в соседстве

с гласными заднего ряда, которое происходит не за счет удлинения отрезка времени произношения всего слова, а за счет сокращения отрезка времени произношения предшествующего гласного звука заднего ряда, например: угол – уголь, кроф – крофь, дан – дань и т. д. Долгота мягких согласных, наблюдаемая в этих случаях, также нуждается в дополнительной инструментальной проверке.

Пятым – проявление долготы согласных на границах приставок и предлога, являющихся согласными звуками или оканчивающихся на согласные корней. Эта долгота отмечается и некоторыми лингвистами-русистами (см.: *Аванесов Р. И. и Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. 1945*).

Всякое новое явление подобного рода, наблюдающееся в звуковом составе языка, вызывается какой-либо потребностью. Такая потребность в современном русском языке ощущается. Вызывается она потребностью дифференциации значения или оттенков значений. Заключается эта потребность в современном русском языке необходимостью отличить форму выражения одного значения от другого. В современном русском языке существительное бывает членом предложения и предложением в одной и той же форме. Функции члена предложения и предложения в целом противоположны. Раз так, то язык испытывает нужду как-нибудь отличить одну форму от другой. Если бы использование предикативного аффикса было не пройденным этапом в развитии языка, язык воспользовался бы им, как это мы наблюдаем в некоторых тюрко-татарских языках, в которых существительные, выражающие односоставные назывные предложения, оформляются с помощью предикативного аффикса, например, камень – *ташдыр*. Но так как русский язык предикативного аффикса в существительных теперь не имеет, а связка употребляется в этой роли только в будущем и прошедшем времени, русскому языку ничего другого не остается, как использовать долготу начального согласного существительного – назывного предложения, обозначающего тождество времени сообщения и состояния, тем более префиксальные явления свойственны современному этапу структурной спецификации русской грамматики. Долгота мягких согласных, соседствующих с гласными заднего ряда, также связана началом трансформации мягкости согласных и постепенным переходом их первоначальных функ-

ций к долготе в сочетании с мягкостью, так как одна мягкость не в состоянии выполнять функции элемента дифференциации значений: мягкость, или полатальность, согласных звуков в какой-то мере подвержена влиянию соседящих «мягких» или «твердых» гласных или согласных звуков.

Учет того, что в современном русском языке уже осмыслены согласные звуки по месту или способу образования, по мягкости, твердости, глухости, звонкости, а другие оттенки звучания (придыхательность, огубленность их) – этап уже пройденный, и остается теперь только речевое осмысление долготы, заставляет обратить внимание на слуховое впечатление от долготы согласных в определенных звукосочетаниях и сделать эти гипотетические предположения, которые, безусловно, нужно проверить инструментально.

Звуковая специфика современного русского языка в составе гласных характеризуется безударными гласными: *ь* вместо *а*, *о* после твердых, мягких и шипящих согласных и *э* после мягких согласных. Но эта специфика полного речевого осмысления еще не имеет. Она осмыслена пока только орфоэпически и ждет, безусловно, речевого осмысления, которое должно быть при новом усилении гласных...

На других элементах, составляющих полную звуковую специфику современного русского языка, нужно отметить особую структуру его слога, отличающуюся от структур слога тюрко-татарских языков места ассимиляции согласных в слоге, чередования гласных и согласных, выпадения и наращения их и т. д., но об этом ниже.

Звуковую специфику современного абхазского языка составляют лабиализованные и придыхательно-лабиализованные согласные звуки, которых в сравниваемых языках нет (см. выше в таблицах). Эта специфика абхазского языка может быть нарушена, если расширить число сравниваемых языков. Например, в адыгейском языке, хотя не в полной мере, но встречаются лабиализованные и придыхательно-лабиализованные согласные звуки. В связи с этим количество специфических согласных звуков может быть сокращено до известного минимума.

Кабардинский и грузинский языки имеют свою звуковую специфику, но эти специфичные для них звуки встречаются и в абхазском языке. В связи с этим нужно сказать, что эти языки, отличаясь определенной категорией звуков как друг от друга, так от

современных русского, французского, немецкого, английского и киргизского языков, могут в звуковом отношении объединиться с абхазским или адыгейским языками.

Современный киргизский язык в звуковом отношении отличается от русского языка язычно-зубным *дж*, гортанными звуками *к, г, х*, средненебным носовым звуком *н*, гласными звуками переднего ряда, долгими гласными – *аа, оо, уу, ээ*, от кабардинского, грузинского и абхазского языков только долгими гласными, от французского языка отсутствием носовых гласных и гортанных *к, г*, от английского и немецкого языков тем же.

Современный французский язык от всех других языков в звуковом отношении отличается своими носовыми гласными, которых, как уже видели, нет ни в одном из сравниваемых языков, но если расширить число сравниваемых языков, то может оказаться, что эти звуки будут общими с каким-нибудь другим языком.

Звуковая специфика – историческое явление, которое постепенно ликвидируется. Условием унификации звуковой специфики языков является единство возможностей речевого аппарата человека, которые осмысливаются по стадиям, все больше и больше сближаясь с едиными речевыми артикуляциями.

ФОНЕМА И МОРФЕМА

Фонема – это такой звук, который теснейшим образом связан с языком как специфическим общественным явлением и встречается только в сочетании с другими фонемами, составляющими слог или даже слово. Фонема вне такого сочетания встречается только в специальной лингвистической литературе, когда она является не творческим элементом живого языка, а объектом научного исследования.

Морфема – это тот элемент слова, который, сочетаясь с другим таким же, только и дает то, что принято называть первичной самостоятельной смысловой единицей речи, т. е. словом.

Морфема, также как и фонема, не встречается вне слова, вне сочетания, выражающего мысль, если не считать случаев, когда морфема выступает в качестве объекта специального научного исследования.

Если фонема встречается в составе слога или слова без стечения двух или больше согласных в превокальной или послевокальной позиции, то она бывает тождественна с морфемой, если же она в слоге, составляющем слово в сочетании с другим слогом или слоге-слове, которое в пре- и послевокальной позиции имеет стечение двух или больше согласных фонем, то границы фонемы и морфемы расходятся, потому что в первом случае фонема и морфема выражаются одним и тем же звуком, во втором же случае морфема выражается сочетанием двух или больше согласных фонем. Это в отношении согласных фонем и их связи с морфемами. Гласная фонема в современных, главным образом в индоевропейских, тюрко-татарских, финно-угорских, языках соответствует морфеме в составе слова и под ударением, хотя встречаются, особенно в тюрко-татарских, финно-угорских языках, случаи, когда гласная фонема соответствует морфеме в составе слога пред- или послеударной позиции и независимо от морфематичности согласных фонем, сочетающихся с ней. Чтобы проследить это схождение и расхождение фонемы и морфемы, возьмем слова типа *свс*, *вс*, *св*, затем слова со стечением двух и более согласных в после- и превокальной позициях и после этого перейдем к двух- и больше сложным словам, чтобы проследить схождение и расхождение гласных фонем с морфемами и степень расхождения согласных фонем с морфемами на интервокальном стыке двух слогов.

Слова русского языка *был*, *выл*, *пыл*, *мыл*, обозначающие совершенно самостоятельные значения, отличаются друг от друга внешне первыми элементами, которыми начинаются: *б*, *в*, *п*, *м*. Эти же элементы разграничивают их значения. Следовательно, мы можем допустить, что их значения выражаются первыми элементами, значит, это не простые звуки, а звуки, которые связаны со значениями слов до такой степени, что выполняют функции вещественной части слова, следовательно, эти элементы фонемы и морфемы в одно и то же время.

Нужно заметить, что в данном ряду, кроме фонемоморфематичности первых элементов этих четырех слов, наблюдается первостепенность и второстепенность элементов, составляющих слово, напоминающие первостепенность (главные) и второстепенность слов, составляющих предложение. Как и в предложе-

нии, в этих словах второстепенные элементы, образованные из сочетания звуков *ы* с *л*, создают ту звуковую обстановку, которая создает условия для реализации первостепенности, фонематичности морфематичности главных элементов: *б, в, п, м*. Но это не значит, что фонемоморфемой у этих слов всегда являются эти первостепенные элементы, что второстепенные элементы не являются фонемами или фонемоморфемами. В данном ряду выпячивается фонемоморфематичность этих элементов, в другом ряду может быть выпячена фонемоморфичность других элементов, например: *был – бил; выл – вил; пыл – пил; мыл – мил*. В таком ряду фонемоморфематичными первостепенной важности являются уже элементы *ы* и *и* каждой пары, а элементы *бл, вл, пл, мл*, как в первом ряду сочетание *мл*, создают звуковую обстановку, которая необходима для реализации фонемоморфематичной сущности элементов *ы* и *и*. В русском языке в большом количестве встречаются случаи, когда становится первостепенной фонемоморфематичность *л*, например, *был – биль; выл – выль; пыл – пыль; мыл – миль*. Тут уже, как видно, выпячена фонемоморфичность элементов *л* и *ль*, а элементы, состоящие из сочетания в отдельности *в, б, п, м*, создают только звуковую обстановку для реализации своих функций элементами *л* или *ль*. Точно такую же реализацию фонемоморфематичных элементов можно найти во всех односложных словах русского языка типа *согласная + гласная + согласная*, который сокращенно будет обозначать *с (согласная) + v (гласная) + с (согласная) = сvs* согласная + гласная = *сv*; гласная + согласная = *vc*.

Такой способ реализации функции фонемы свойствен не только русскому языку. Немаловажную роль играет он и в других языках.

В языках тюрко-татарской системы мы можем наблюдать фонематичность согласной фонемы последней позиции односложного слова типа *сvs* не только по линии разноместности образования и глухости, но и звонкости, например:

Тас - / тез/ тос - «друг»;

тас - /таз/ тоз - «березовая кора».

В таких словах значение регулируется больше гласными фонемами, например: *таз – туаз, тоз – «березовая кора»; туз – «соль»; тёз – «терпи»; тиз – «ставь в ряд»; тез – «быстрей»; тюз – «равнина».*

При одних и тех же согласных в тюрко-татарских языках мы можем получить столько новых слов, сколько гласных. Интересно

одно, что в тюрко-татарских языках в начальной позиции глухость или звонкость согласной фонемы нефонематична, например: *таз* или *даз* безразлично, *тос* или *дос*; *тюз* или *дюз*, *там* или *дам* и т. д. для значения слов роли не играет. В связи с этим мы можем констатировать, что в одних языках данной системы закрепилась звонкая согласная фонема в начальной позиции односложных слов, в других языках глухая в данной позиции. Например, азербайджанцы, киргизы и некоторые другие говорят *дос* – «друг», карачаевцы, балкарцы – *тос* и «друг».

При анализе подобного способа реализации фонемы вообще в русском и тюрко-татарских языках можно сделать следующие выводы:

1. Фонема как социально-отработанный звук, связанный с работой мозгового аппарата, может реализоваться только в составе значимого слога или слова. Фонема, взятая отдельно, – должна в большей степени, чем слова, которые Потебня называл «искусственным препаратом».

2. Суть фонемы и морфемы в таких сочетаниях совпадает, поэтому мы фонему в этих словах можем рассматривать, как фонемоморфему, или морфематичную фонему.

Первой характерной особенностью русского языка в таких сочетаниях является то, что слова по последней согласной фонеме могут отличаться в звуковом (внешнем) и смысловом (внутреннем) отношении мягкой или твердой фонемой одного места и одного способа образования, не считая звонких взрывных, фрикативных, которые, как известно, в русском языке в конце слов оглушаются, например: 1) при сонорной конечной фонеме: *был* – *быль*; *пыл* – *пыль*; *мыл* – *мыль*; *выл* – *выль*; *вар* – *варь*; *жар* – *жарь*; *пар* – *парь*; *мор* – *морь*; *мир* – *мирь*; *кон* – *конь*; *вон* – *вонь*; *сон* – *сонь*; *дан* – *дань*; 2) при взрывных губно-губных глухих: *тол* – *толь*; *кон* – *конь*; (*сын*) – *сынь*; *цел* – *цель*; *лан* – *лань*; *кан* – *кань*; 3) при фрикативных губно-зубных глухих: *граф* – *графь*; 4) при взрывных переднеязычных глухих: *быт* – *быть*; *бит* – *бить*; *мыт* – *мыть*; (*мут*) – *муть*; *мат* – *мать*; (*мет*) – *меть*; *пет* – *петь*; *дут* – *дуть*; *дет* – *деть*; *сыт* – (*сыть*); *сот* – *соть*; *жит* – *жить*; *рыт* – *рыть*; *лит* – *лить*; 5) при фрикативных переднеязычных глухих; *бес* – *бесь*; *вас* – *Вась*; *вес* – *весь*; *пас* – *пась*; *рис* – *рись*; *рус* – *Русь* и т. д. Притом мягкость или твердость фонем одного места и способа образования при других

одинаковых звуках обозначают то существительное и существительное, например: *пыл – пыль; кон – конь; цеп – цепь* и др., то существительное и глагол повелительной формы; *был – будь; выл – выль; вар – варь; жар – жарь; пар – парь; мор – морь; мир – мирь* и др., то прилагательное и глагол, например: *мыт – мыть; пет – петть; бит – бить* и т. д., могут и другие значения, например: *вас – Вась, рус – Русь; вес – весь* и др.

Второй, не менее интересной особенностью русского языка является то, что слова по первой согласной фонеме могут отличаться в звуковом (внешнем) и смысловом (внутреннем) отношениях не только мягкостью и твердостью, как это мы заметили выше, но и звонкостью и глухостью фонем одного места и разного способа образования и одного способа и разного места образования, например:

пыл;	пил;	пал;	пал;	пол;	пел
выл;	вил;	вал;	вал;	вол	вол
был;	бил;	бал;	боль	бел	
мыл;	мил;	мал;	мал;		
ныл;	нил;	-	-	ноль;	-
рыл;	-	-	-	роль;	-
тыл;	-	тал;	-	толь;	тел
	сил;	-	сил	соль-сол;	сел
	хил;	-	-	-	-
	кил;	кал;		каль;	-
	лил;			-	-
	шил;	шаль		шол	
	жил;	жаль		-	

Нужно отметить, что глухость и звонкость, мгновенность, фрикативность, аффрикативность и сонорность мягких и твердых согласных фонем в начальной позиции слов находят свою полную реализацию как признаки самостоятельных фонем, связанных с понятием морфематичности, тогда как в конечной позиции эту полную реализацию свою находили только мягкость, твердость взрывных, фрикативных, аффрикативных глухих и сонорных фонем. Если в конечной позиции мы имели полное ущемление признака звонкости взрывных, фрикативных, аффрикативных согласных фонем при сохранении всех других признаков и усиления мягкости и твердости, то в начальной позиции немного ущемляет-

ся мягкость и твердость при полном сохранении звонкости и глухости взрывных, фрикативных и аффрикативных согласных фонем.

Мягкость и твердость согласных фонем в начальной позиции слова играет фонематичную роль перед фонемой *а*, которая обозначается орфографически буквой *я*, после мягкой буквой *а*, после твердой – согласной фонемой, например: пять – п а т – пат; п^тяль – п а л – пал; мял – м а л – мал; б^тязь – б а с – бас; в^тязь – в а с – вас и т. д., перед фонемой *э*, которая после мягких согласных перед твердыми согласными в известных случаях русского языка обозначается буквой *е* или между мягким и твердым или мягкими согласными буквой *ё*, например: вёл – в о л – вол; мёл – м о л – мол; лёч – л о к – лок. При том мягкость согласной фонемы перед *э*, когда она не переходит в *о*, перед *и* и перед мягкими согласными фонематичности не имеет. Это только вариация одной и той же фонемы, например; бел – б э л; мел – м э л; сел – с э л; бил – б и л; пил – п и л; два – д в э; звезда – з в и з да и т. д. Это объясняется, видимо, потому, что такие сочетания не имеют противопоставления, связанного с выражением смысла типа в а л – вал; м о л – мол; м а л – маль и т. д.

Если сравнить согласные фонемы в начальной позиции, которые отличаются только мягкостью и твердостью, с такими в конечной позиции, то оказывается, что последних во много раз больше, чем первых. То же самое можно сказать и в отношении роли и распространяемости твердых согласных фонем в начальной позиции слова, что касается твердых фонем *ж, ш, к, г*, которые как фонемы в современном русском языке являются только твердыми.

В тюрко-татарских языках в отношении реализации согласной фонемы в последней или в начальной позиции слова-слога могло говорить только в обратном направлении, т. е. если для русского языка наиболее благоприятной позицией для согласной фонемы является начальная слова-слога, то для тюрко-татарских языков такой благоприятной позицией является конечная слова-слога; если для русского языка наименее благоприятной позицией является конечная в слове-слоге, то для тюрко-татарских языков – начальная позиция слова-слога, например: может быть дос и тос, но будет тоз, доз – «березовая кора», тос, дос – «друг», а в русском бил – пил, выл – был; пыл – выл – был.

В отличие от русского тюрко-татарские языки в односложных словах дают больше слов на гласные фонемы, мягкость или твердость в начальной и в конечной позиции фонематичность звука не выражают. Лишь на современной стадии развития тюрко-татарских языков происходит закрепление звонких или глухих согласных фонем к начальной позиции в слове вообще и в слого-слове в частности.

Из всего сказанного можно сделать следующие краткие выводы:

1. В односложных словах типа *свс*, *вс* не все фонемы одинаково важны для выражения значения слова: выражает значение слова одна фонема при содействии других, значит, мы можем сказать, что фонемы слов делятся на главные и второстепенные, что это перво- и второстепенность переходила от одной к другой в зависимости от ряда слов и оттенка значения.

2. В зависимости от позиции согласных в составе слов рассматриваемого типа сокращается в своем употреблении число фонем: в конечной позиции слов совершенно сокращаются звонкие согласные фрикативные и аффрикативные фонемы, зато увеличиваются в своем употреблении личные и твердые одноместные и односпособные фонемы; в начальной же позиции за счет частичного сокращения употребляемости мягких согласных фонем резко увеличивается число и употребляемость звонких фонем, которые не употребляются в конечной позиции слов русского языка. Этот очевидный факт говорит о том, что наиболее слабой для согласных фонем русского языка является конечная позиция, которая сокращает звонкие языковые фрикативные и аффрикативные фонемы, наиболее сильной является начальная позиция слов русского языка, которая позволяет реализоваться всему многообразию русских согласных фонем.

3. Сравнивая сильные и слабые позиции для реализации согласных фонем в слого-слове русского и тюрко-татарского языков, мы можем отметить, что они противоположны: для русских согласных фонем сильной позицией в слого-слове, как видели выше, является начало слога-слова, слабой – конец слога-слова, а в тюрко-татарских наоборот: сильной позицией – конец слога-слова, слабой – начало слога-слова. Затем, мягкость и твердость согласных как в начальной, так и в конечной позиции слога-слова русского языка, как видели выше, являются яркими призна-

ками самостоятельных фонем, что оказывает большое влияние на ослабление фонематичности гласных русского языка даже под ударением, в тюрко-татарских языках, наоборот, мягкость и твердость согласных фонем как и в начальной, так и в конечной позиции слога-слова является элементом привнесенным передне- или заднерядностью гласных фонем, сильных независимо от того под ударением они или нет.

У тюрко-татар и русских речевой аппарат один и тот же, потребности в речи у тех и у других одни и те же, функции речи одинаковы вообще, независимо от их национального и расового признака носителя речи, следовательно, с этих сторон нет причин к тому, чтобы позиции ослабляющей или усиливающей согласной фонемы были противоположны. Отсюда возникает вопрос: чем тогда объяснить то, что у русских звонкие согласные фонемы в конечной позиции слога-слова перестают звучать – оглушаются, а у тюрко-татар в основном звучание это сохраняется, что русские без всякого затруднения среднюю часть языка приближают к нёбу, когда произносят последнюю глухую согласную фонему слога-слова, чтобы этим выразить новое значение, следовательно, новое слово, а тюрко-татарин не только не различает этого в своем родном языке, но с трудом заставляет язык произносить мягкую согласную фонему в конце слога-слова, что он русские твердые звуки *ж, ш, к, з* перед переднерядными гласными фонемами произносит мягко и твердо произносить привыкает также с трудом, что русский все согласные в начальной позиции слога-слова произносит отчетливо, ясно, и тюрко-татарину в основном такие согласные безразличны не только на родном языке, но и на русском (проверка показывает, что киргизы-учащиеся слова – «били» или «были» могут произносить «пили», «били» или «пылы», «мыли», «былы», притом под всеми этими вариантами имея в виду значение «били» или «были»).

Очевидно, тут причина не в том, могут или не могут произносить те или иные звуки в начальной или конечной позиции русские или тюрко-татары, и не в том, как думают некоторые лингвисты (см.: *Черных П. Я.* К вопросу о причинах лингвистических изменений // *Русский язык в школе.* 1946. № 2), что русские экономят энергию в конце слова, поэтому они не только не произносят звонких согласных фонем в конце слов, но и проглатывают целые окончания слов, пропускают звуки, а тюрко-татары,

мы можем развить мысль уважаемого профессора, экономят силу, подчиняясь темпу жизни, в начале слов. Это, безусловно, смешно, потому что мягкость или твердость глухих согласных в конце слов русского языка, звонкость или глухость согласных в конечной позиции в тюрко-татарских языках зависит не от воли, желания или привычки каждого говорящего на данном языке. Эти элементы русского или тюрко-татарских языков объективно существуют вне нас и наших возможностей, что они выработаны языком в течение деятельности многих поколений создателей данного языка, следовательно, каждый элемент, сильный или слабый, большой или малый, связан с внутренним движением, развитием грамматики языка, а вынужденное развитие грамматики, приводящее ее к перестройке, – это не стремление людей экономить силы и время при ускоряющейся жизни, когда мы говорим, мы об этом не думаем, наша мысль всегда связана с желанием лучше высказать мысль, а соответствие или несоответствие между выражаемым значением и способом его выражения не столь важно. Здесь мы можем видеть движение мысли ввысь и вширь в связи с непрерывным развитием и расширением познания человека, когда содержание речи может приходиться к противоречию с формой, т. е. со словом, предложением, грамматикой вообще, и противоречия такого рода, как известно из марксизма-ленинизма, путем постепенных количественных изменений и скачка (революции, перестройки) создают новые формы для нового содержания. В процессе количественных изменений происходит выпадение отдельных элементов речи (ср. ассимиляции, выпадение звуков; проглатывание целых окончаний и др.) не потому, что хочет этого или не хочет человек, говорящий на данном языке, в целях экономии силы и времени, а потому, что язык постепенно перестает испытывать в этих элементах потребность для выражения значения, следовательно, эти элементы в коллективной практике «проглатываний», «недоговариваний» и т. д. атрофируются. При этом нельзя думать, что с ними вместе атрофируется значение, ими выражаемое. Потребности пока постоянны, а средства их удовлетворения временны. Потребность в практике коллективной деятельности людей непрерывно улучшает способ своего удовлетворения, при возникновении нового способа удовлетворения потребности и в экономике, и в культуре, и в языке старый

способ, сосуществуя некоторое время с новым, атрофируется, полностью уступив место и свои функции новому, более совершенному. Отсюда, нужно полагать, что в русском языке вообще конечная позиция слова для звуков ломается позицией, которая перестает быть местом выражения основного значения слова, а в тюрко-татарских оно еще сохраняет за собой слова главенства, начальная позиция для русского языка стала главной, а для тюрко-татарских языков она находится на втором плане. Перво- или второстепенность начальной или конечной позиций слов в выражении значений с помощью согласных фонем в русском и тюрко-татарских языках, очевидно, и является той основной причиной, когда тюрко-татарин, на своем речевом опыте испытав второстепенность согласных фонем в начальной позиции слов в выражении их значений, относительно безразличен к ним, но зато он, чувствуя первостепенность согласных фонем конечной фонемы слов, их произносит отчетливо, ясно и четко; в русском языке наоборот: первостепенность в выражении значений слов начальной, второстепенность конечной позиции, отсюда отчетливость и необходимость в этом произношения согласных в начальной позиции и большое количество разнообразных согласных фонем, и сравнительное безразличие к согласным конечной позиции при глухих мягких и твердых. Здесь можно было сделать тот вывод, который требует от нас название статьи, но проверим те выводы которые уже сделали, на структурно-осложненных словах.

В русском языке встречаются в большом количестве такие слоги-слова, которые состоят из стечения двух или больше согласных в начальной позиции, гласной и согласной или двух согласных, но не больше, в конечной позиции. И это большей частью также новые слоги-слова, которые образовались в результате выпадения редуцированных гласных переднего и заднего ряда древнерусского языка. Нужно полагать, что все слоги-слова с концевой на согласную образованы в результате такого выпадения этих ослабленных неударных гласных, например, дуб, зуб и многие другие. Слова этого типа, как известно, были двухсложными с гласной концевкой, которая впоследствии выпала, обратив звонкую согласную, которая, в силу определенной закономерности ослабления фонем в конце слов, стала в произношении глухой. Выпадение конечной гласной в данном случае нас не

интересует. Нас должно интересовать выпадение гласных между согласными полногласных слов, в результате которого мы в современном русском языке имеем односложные слова с несколькими (до четырех) согласными в начальной и до двух (не больше) согласных в конечной позиции слога-слова.

Ряд слогов-слов в русском языке характеризуются стечением в основном разноместных и разноспособных по образованию согласных фонем, если не считать двойные написания в орфографии, которые больше встречаются как косвенные формы слов-слогов типа *масс – масса*. Согласные фонемы, которые стекаются в конечной позиции слогов-слов русского языка, очевидно и не только русского, характеризуются главным образом стечением сонорного или фрикативного со взрывным, например: фонем *р, л, н* (меньше), *с, ш, з* с фонемами *т, к, п* – *борт, форт, сорт, сельдь, риск, чёрт, торт, лифт, серп, порт, рост, цирк, цинк, кольт, вольт*, косвенные формы (карт, торб, торбы). Встречается стечение сонорных и фрикативных, например, форм торф, тарт (шарж), взрывных с взрывными – такт. И очень редко стечение первых согласных в конце слогов-слов, например *вольф*. Интересно то, что в таком стечении согласных на конечной позиции слога-слова встречаются только глухие взрывные или фрикативные и сонорные, которые глухих пар не имеют.

Притом в связи с тем, что эти конечные взрывные в русском языке бывают только глухими, звонкие фрикативные, предшествующие им, оглушаются, например: лязг – ласк; мозг – моск, визг – воск.

На подобном стечении согласных в конце слога, да и не только в конце слога, происходит расхождение между фонемой и морфемой. Если при словах-словах фонемы были в то же время и морфемами, то теперь, при стечениях двух или больше согласных фонем, морфема в своем звуковом выражении начинает состоять уже из двух или больше фонем, следовательно, в этих условиях сила фонемы не может не быть слабее, чем в тех случаях, когда и фонема, и морфема выражались одним и тем же звуком.

Возьмем теперь слова-слоги, которые в превокальной позиции имеют стечение двух, затем трех и четырех согласных фонем. В таких словах, так же как и в словах со стечением двух

и трех согласных в вокальной позиции, пределы действия фонемы ограничиваются, за счет этого пределы действия морфемы расширяются. Но есть разница, заключающаяся в том, что в поствокальной позиции в русском языке стечение четырех согласных, относящихся к одному и тому же слогу, не бывает, редко встречается стечение трех согласных – *перст, холст* и некоторые другие, больше стечение двух согласных – это одно; другое – в поствокальной позиции встречаются только глухие и сонорные звуки; звонких взрывных и фрикативных, аффрикативных современный русский язык в поствокальной позиции уже не имеет, хотя орфография и сохраняет (столп – столб и др.). В превокальной позиции русского языка встречается стечение четырех согласных (встреч). Со стечением трех согласных встречается еще больше – это одно; другое – в большинстве слов русского языка встречается стечение двух согласных в превокальной позиции слога. Другой характерной чертой современного русского языка является то, что превокальная позиция слога не ограничивает, как поствокальная, количество глухих и звонких согласных всех способов образованием (взрывных, фрикативных, аффрикативных), хотя глухость или звонкость последующих взрывных, фрикативных согласных оказывает влияние на глухость и звонкость предшествующих в порядке регрессивной ассимиляции, потому что обычно эти согласные носят приставочно-префиксальный характер.

Слова-слоги с двусогласным превокальным стечением:

ткач	тьма	два	сжечь	–	прав
счёт	тля	груз	всё	–	мрак
	труд				
	сред	грош	все	–	мрас (мразь)
сход	прут (пруд)				
	смесь				
скат	плух (плуг)	глушь	сдас	–	
	слечь	где	(здал)		
спесь	плут	влечь			
	ртуть	вмиг			
	кровь				
	кров				
	смерть				

Первый столбик характеризуется превокальным стечением двух глухих согласных в словах-словах. В стечении могут быть мягкие и твердые согласные. Второй столбик характеризуется превокальным стечением двух согласных: первой – глухой или сонорной, второй – сонорной и глухой. В подобном стечении также могут быть мягкие и твердые, зависимые друг от друга, и независимые, например, *тьма*. В третьем столбике превокальное стечение двух разноместных звонких, которые могут быть мягкими и твердыми в обычном для современного русского языка порядке. Четвертый столбик характеризуется превокальным стечением двух согласных: первой – глухой, переходящей в звонкую, или звонкой, переходящей в глухую, второй – глухой или звонкой; сказать, что из всех позиций превокальная позиция, особенно, когда фонема стоит перед гласной, является в русском языке наиболее благоприятной: только тут мы можем наблюдать наиболее полную реализацию всех согласных фонем русского языка: и взрывных – глухих и звонких, мягких и твёрдых, и фрикативных – глухих и звонких, мягких и твердых; и аффрикативных и сонорных – мягких и твёрдых.

Эту картину можно наблюдать и в тех словах-словах, которые имеют стечение двух согласных и в превокальной, и в вокальной позициях. Например, слова-слоги со стечением двух согласных глухих и сонорных фонем и в превокальной, и в поствокальной позициях: *столп*, *счесть*, *хлыст*, *треск*, *хруст*, *трест*, *фрукт*, *крест*, *плеск*, *флирт*, *спирт*, *смерть*, *смерт* (*смерд*), *смерчь*, *столп* (*столб*).

В таких сочетаниях у части слов формы настолько совпали в современном русском языке, что на помощь к фонемам и морфемам приходит в произношении контекст, а в письме – орфография, например: *столп* – (*столб*) – Александрийский столп и телеграфный столп (*столб*). Значит, согласные в поствокальной позиции потеряли не только в фонетичности каждая себе, но они потеряли в морфематичности совместно. В словах *смерть* и *смерт* (*смерд*) в поствокальной позиции морфематичность также потеряна, но тут остались мягкость глухой *ть* в *смерть* и твердость глухой *т* в *смерт*, а между словами *смерть* и *смерчь* сохранена и фонематичность *ть* и *чь*, потому что разного места и способа образования, и морфематичность, потому что со-

четание *ть* с предшествующей *р* для слова *смерть*, *чь* с предшествующей *р* для слова *смерчь* сохранили формальную и звуковую разницу. В словах *флирт* и *спирт* (заимствованных) морфематичность поствокальных согласных, зато морфематичность превокальных согласных сохраняется полностью благодаря наличию разных составляющих морфемы *флирт*, *спирт*. В словах *хруст* и *хлыст* при утере морфематичности поствокальных согласных несут смысловую нагрузку морфемы – согласные фонемы и правокальные согласные *хр* и *хл*. То же самое со словами *крест* и *трест* – без гласной фонемы, то же самое со словами *трест* и *треск*, хотя тут морфематичность поствокальных согласных. К этим особенностям морфем, состоящих из одних глухих и сонорных согласных фонем, могут присоединиться стечение звонких согласных или звонких, глухих и сонорных только в превокальной позиции, например: *грусть* (ср. *хруст*), *блеск* (ср. *треск* или *плеск*), *гвость* (гвоздь) ср. *хвост*), *дрост* (дрозд) (ср. *трост*), *внутри*, *сверх*.

Груст-хруст. Фонематический вес *г* и *х* в сочетании с *р* создают морфемы *гр* и *хр*, что различает слова *грусть* и *хруст*. Такую роль играет мягкость и твердость *т* в конце этих слов.

В словах *блеск* – *плеск*, *гвость* (*гвоздь*) – *хвост*; *дрост* (*дрозд*) – *трост* большим фонематическим весом обладают *б* и *п*, *г* и *х* при мягкой и твердой *к* в поствокальной морфеме, *д* и *т*.

Для современного русского языка стечение трех согласных фонем в поствокальной позиции – явление редкое и, видимо, не характерное, стечение же четырех согласных в этой же позиции в русском языке вовсе не встречается, зато стечение трех согласных для современного русского языка в превокальной позиции – явление обычного порядка, редко, но встречается в этой позиции четыре согласных, и главным образом первая из них губно-зубная звонкая *в*. Интересно еще и то, что в превокальных позициях слогов или слов-слогов в основном сонорные или фрикативные с глухими или звонкими взрывными. В словах *стричь*, *стлать*, *склеп*, *льстец* в превокальной позиции по одной сонорной, которая дольше встречается непосредственно перед гласной, взрывной глухой и по одной фрикативной глухой. Нужно отметить, звонкость сонорной не влияет на звучание предшествующих глухих в сторону озвончения. Вместо сонорной непосредственно перед гласной иногда встречается фрикативная звонкая *в* – *сквозь* или взрывная глухая

ж – лжец. В словах *взрыв, сгреб, сгладь, сброд, мгла, вздор, вглубь, вблизи, вдруг, известь, взлёт, вздел* больше сонорных, главным образом перед гласной, фрикативных звонких перед сонорной и фрикативных глухих перед фрикативной звонкой. В таком сочетании первые озвончаются, следовательно, их фонематичность так же слаба, как звонких в поствокальной позиции. Вперемежку с сонорным и глухими, звонкими согласными иногда встречаются взрывные звонкие, как *д* или *г*, которые не оглушаются.

К третьей группе слов, имеющих в превокальной позиции стечение трех согласных, относятся следующие слова, в которых, как и в первых двух группах, согласные характеризуются принадлежностью своей к сонорным, к взрывным глухим и фрикативным звонким, которые переходят в глухие под влиянием последующих глухих взрывных, например: *вслать, вплавь, вклад, вправ, вокруг, вслух, впрямь, впрямь, впрок*. Часть этой категории слов встречается и без сонорных, например: *вспять, встать, вскользь, вскачь*. Во всех этих словах сочетание превокальных согласных, безусловно, составляет морфему, которая состоит из ряда фонем. В числе этих фонем, составляющих морфему, мы имеем первостепенные и второстепенные.

Первостепенными, оказывается, являются те, которые стоят в середине трех превокальных согласных, второстепенными – те, которые стоят непосредственно перед главными и последними, те, которыми начинаются слова, хотя есть случаи, когда эта первостепенность переходит к сонорной, стоящей перед гласной. В силу этого, мы и видим оглушение аффрикативных, которыми начинаются слова, отчетливость глухой взрывной и возможность варьирования сонорной в пределах *р* и *л* (ср. детское произношение слова *вокруг* – *фклуг*; если бы этой возможности мы не имели, то *л* вместо *р* должна была бы выразить другое значение, как в *вплавь* – *вправь*).

В силу этого случаи ассимиляции предшествующих звуков последующим: перехода глухих перед звонкими в звонкие, звонких перед глухими в глухие, реже мягких последующих на мягкость или твердость предыдущих. Все эти положения в такой же мере распространяются и на такие слова, которые имеют в превокальной позиции стечение целых четырех согласных, например: *взгрустить, взгляд, вздвоить, всплеск, встреча*.

Если во всех других языках дело обстоит так, как в русском, то можно было предположить, что это общее свойство физиологического характера, что в тех или иных очертаниях те или иные фонемы произносятся с теми или иными изменениями, но дело обстоит не так: в тюрко-татарских языках, например, в превокальной позиции слога-слова или слога бывает только одна согласная, только иногда встречается две, как стечение трех согласных в поствокальной позиции в русском языке, но зато в поствокальной позиции в тюрко-татарских языках встречается стечение двух, трех согласных – это одно; другое – согласная фонема требует более отчетливого произношения с глухостью и со звонкостью, и с мягкостью, и с твердостью в поствокальной позиции, а в превокальной позиции ни мягкость, ни твердость, ни глухость, ни звонкость со значением слова, как фонематические признаки, не связана. А в русском все это наоборот. Следовательно, все факты суть не физиологического характера, как иногда это пытаются толковать, а грамматические. Всякое грамматическое явление теснейшим образом связано с потребностью семантического характера, отсюда стечение трех-четырех согласных в превокальной позиции в современном русском языке, такое же самое стечение в поствокальной позиции в современных тюрко-татарских языках – как грамматическое явление, следовательно, вызванное, семантической потребностью, которая бывает исторической, потому что в одну эпоху развития языка находит одно выражение, в другую – другое, но без выражения не бывает. Нужно полагать, что в русском языке была эпоха, когда согласные больше стекались в поствокальной позиции, будет эпоха в тюрко-татарских языках, когда согласные могут стекаться в превокальной позиции слога-слова, как и в русском. Отсюда возможность неодинаковой важности для значения слова превокальной и поствокальной позиций для согласных слога-слова, отсюда важность превокальной позиции для русского языка, поствокальной позиции для тюрко-татарских языков, отсюда фонематическая весомость фонем в превокальной позиции русского языка, в поствокальной позиции для тюрко-татарских языков и отсюда больше фактов ассимиляции согласных в поствокальной позиции слогов современного русского языка, в превокальной позиции для современных тюрко-татарских языков.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Фонемы суть явления не физиологического характера, а грамматические средства выражения потребной мысли, что они эту свою основную роль выполняют только в составе слога, стоящего в составе слова, которое также должно состоять в составе предложения. Вне этих условий от слова нет слога, нет и фонемы. Следовательно, фонему нужно рассматривать только в составе слога-слова.

2. Слова состоят из двух, трех и больше фонем, но не все фонемы, встречающиеся в данном слове, одинаково важны в выражении значения данного слова – одни из них более, другие менее, третьи еще менее важны. Важность фонем предопределяется позицией в составе слога и слова: одна и та же фонема может быть очень важной, и важной во второй, третьей степени даже в составе одного и того же слова. Таким образом, оказывается, что и позиции бывают первостепенной и второстепенной важности. Для одних языков важна одна позиция слова, для других – другая позиция слова. Для современного русского языка важна превокальная, вообще начальная позиция слога, слова; предложенная для тюрко-татарских языков – поствокальная, конечная позиция слога, слова, предложения.

3. Фонемы важной позиции требуют отчетливого произношения, потому что их семантическая нагрузка, фонематический вес не позволяют им быть произнесенными неточно, фонемы же позиций важной второй степени допускают приблизительность произношения, т. е. в пределах одного места образования, одного способа произношения, следовательно, тут только и происходят всякие ассимиляции и выпадения звуков.

4. Позиции имеют свои позиции, тоже важные и менее важные. Фонематический вес целиком и полностью зависит от позиции в позиции.

Усложнение односложных слов всех типов вторым, третьим или большим количеством постпозитивных, или препозитивных, или же и тех и других слогов сопровождается рядом интересных грамматических и фонетических превращений, но их суть:

1) при усилении всех односложных слов вторым, третьим и большим количеством слогов пре- и постпозитивных или одно-

временно тех и других слово получает новое грамматическое средство выражения мысли – ударение, которое регулирует отношение слогов слова к выражению основной мысли его, падает обычно на тот слог, который отличает его внешне и внутренне, т. е. формально и семантически, от всех других слов. Русский язык от других языков тем и отличается, что этот основной слог слова может находиться в начале слова, в середине и в конце его, следовательно, ударение в русском языке может падать на первый, средний в последний слог слова. Притом слог этот, под ударением, может быть слогом-корнем, и слогом-суффиксом, и слогом-флексией, и слогом-префиксом. Остальные слоги слова, сколько бы их ни было, создают только морфематический фон, обстановку для реализации функций основного слога. Сочетание слогов тут имеет такое же значение, как сочетание фонем вокруг одной основной в словах-словах, когда в определенном ряду слов из трех фонем только одна выражает значение слова при содействии других.

Пыл – пила (род. п.)	бил – били
Пыль – пы ли	был – были
Мыл – мыла	вил – вили
Выл – выли	пил – пили

В этих словах ударение падает на слог корня, остальные слоги, вторые от начала, в смысле долготы, высоты, напряжения в музыкальности произношения одинаковы, потому что они общие почти во всех этих словах, например:

би - ли	бы - ли
ви - ли	вы - ли
пи - ли	пы - ли

Смысловую и звуковую разницу составляют первые слоги – *бы-, пи-, ны-, вы-, бы-, ви-*, которые и являются фундаментом каждого из них. Этот фундамент также имеет свои общие и частные стороны:

б + и	б + ы
в + и	в + ы
п + и	п + ы

В словах типа *пыла* (род. п.), *мыла*, *выла* и т. д. гласные вторых слогов настолько ослаблены, что они произносятся почти так же, как *и* в слогах *ли* первой группы, тут разница лишь в мягкости или твердости аревакальных, т. е. сильных в русском слоге соглас-

ных фонем. В случаях же, когда в таких словах ударение падает на второй слог, слог формальной принадлежности слова, или они колеблются, очевидно, наиболее важным слогом является слог-фонема или эта важность еще находится на полпути от первого на второй слог. Видимо, этим только и можно объяснить случаи *пила, жила, пела, плела* и т. д.

Ведь в самом деле, если бы было *пила* в перспективе, мы имели бы *пили* (ср. *пиль* – *пиль*; *жилъ* – *жилъ* и др.). Разница только в мягкости или твердости согласной *л*, которая легко может затушеваться, особенно если она не так связана с выражением смыслового оттенка слова.

Кроме этого, нужно полагать, что колебания в употреблении ударения еще связаны новым грамматическим способом выражения грамматического оттенка вида, одно- или многократности действия, например: *пила* – *пила*, *пела* – *пела*; *жила* – *жила* и пр. Это также не противоречит тому положению, что в слове имеется один наиболее важный слог, который, чтобы не зажаться в массе других слогов, используется в силу ударения; этот слог может находиться в любой позиции слова и в зависимости от этого ударение может быть в начале, середине или конце слова; в одних и тех же словах оно в одном случае может находиться в начале, в других – в конце – это будет дифференцировать в значениях отдельных форм слова: в одном случае будет наиболее важным один слог, в другом случае – другой, так же как фонемы (ср. *были* – *бил*, основная *и*; *биль* – *бил*, основное *ль* и *л*; *был* – *выл*, основное *б* и *в* и т. д.).

Мы разобрали примеры, когда усложняется слово постпозитивным слогом. Возьмем слово с препозитивными или пост- и препозитивными слогами:

за+был – за+бы+ла – за + бы-ли

за+бил – за+би+ла

за+выл – за+вы+ла

за+пил – за+пи+ла

у+бил – у+би+ла

у+был – у+бы+ла

В этих словах также один слог под ударением, если слово употребляется только в одном значении, например: *забыл* – *забыла*; *забил* – *забила* – *забили*; *убил* – *убила* – *убили*.

Основным в этих словах являются выражения двух или больше значений, но, конечно, встречаются случаи как подвижного ударения, так и колебания или возможности этого, например: *запил* лекарства – *запил*, но *запил* с точки – *запил*, с ударением на префиксе. Все неударные гласные русского языка, как известно, в той или иной степени редуцируются. Иногда эта редукция кончается выпадением гласного звука и обложением согласного в окончании слова.

В результате такого изменения звуков и выпадения гласных фонем в конце слов, видимо, и появились в русском языке существительные мужского рода и существительные женского рода третьего склонения. Это ослабление и выпадение, очевидно, и является также причиной и замены славянского полнослова неполногласием, особенно в слогах, в которых теперь имеется, как видели выше, стечение до четырех согласных (ср. *взгляд*, *встреча* и т. д.).

Все это заставляет думать, что в словах современного русского языка мы имеем в основном только по одной гласной фонеме независимо от того, сколько слогов имеет данное слово. Если бы было по-другому, то гласные не терпели ослабления и выпадения в неударных слогах, свободного произношения и пр. Во всяком случае, это твердо можно сказать в отношении гласных фонем *а*, *о*, *э*, которые встречаются только под ударением, а в первом предударении и в начале слова – только вариант фонемы *а*. Фонемы *у*, *и* и *ы* встречаются тоже под ударением, но они могут быть как фонемы, только очень слабые.

При усложнении односложных слов со стечением одной или нескольких поствокальных согласных вторым, третьим и большим числом слогов ослабленная поствокальная согласная слога (см. выше) из состава первого слога переходит ко второму слогу – это одно; второе – усиливается и, как превокальная согласная, возвращается и к своему первоначальному, исторически действительному звучанию, т. е. если была звонкой, становится звонкой, если была глухой, остается также глухой, например:

дуп – ду+ба	тас – та+за
зуп – зу+ба	муш – му+жа
глас – гла+за	груть – гру+ди
ток – то+ка	поп – по+па
бок – бо+ка	бот – бо+та и т. д.

Это лишний раз подтверждает то положение, что превокальная позиция для согласных в русском языке является сильной, наиболее благоприятной для полной реализации функций согласной фонемы, а поствокальная – наиболее слабой, как видели выше.

Третье – если имеет место стечение двух поствокальных согласных, то одна из них остается в первом слоге, как поствокальная – слабая, другая переходит ко второму слогу, как превокальная – сильная, например:

болт – бол+та	торт – тор+та	виск – виз+га
толк – тол+ка	март – мар+та	риск – рис+ка
мост – мос+та	тост – тос+та	треск – трес+ка
смерть – смер+ти	грусть – грус+ти	сверх – вер+ха
ляск – ляз+га	серп – сер+па	спорт – спор+та
чёлн – чёл+на	дряск – дряз+га	смерт – смер+дить
столп – стол+ба	горб – гор+ба	цинк – цин+ка

Если последняя согласная из двух поствокальных исторически была звонкой, но в силу того, что очутилась в поствокальной позиции (слабой), стала глухой сама и предшествующую звонкую оглушила, то при переходе ее в состав второго слога становится опять звонкой и озвончает поствокальную согласную предшествующего слога, если же эта согласная была глухой, то, конечно, она остается глухой и после перехода в состав второго слога, например:

лязг – ласк – лаз+га; дрязг – драск – драз+га; столб – столп – стол+ба; столп – столп – стол+па; треск – трес-ка.

Четвертое – если поствокальных согласных три, то при усложнении такого слова следующим постпозитивным слогом первая согласная из трех остается в предшествующем слоге, как поствокальная, а следующие две согласные переходят в состав следующего слога, уже как превокальные, превращаясь в звонкие, если они исторически были звонкими, этим превращаясь в звонкую и ту, первоначальную, независимо от того была она звонкой или глухой исторически или не была, если только данная согласная имеет звонкую пару, например:

вол – вола; холст – хол+ста; толст – тол+ста и др.

Подобное деление согласных фонем на стыке двух слогов слова встречается и во всех других производных основах и корнях, например:

предмет – пред + мет
чрезмерно – чрез+мер+но
кормилица – кор+мили+ца
журнал – жур+нал
газетчик – газет+чик

Нет в русском языке случаев, когда оба согласных стыка двух слогов относились бы к предшествующему слогу, но зато есть, хотя очень редко, случаи, когда обе согласных имеют стремление ко второму слогу: *окно* – *ок+но* или *о+кно*, но никогда *окн-о*.

На стыке открытого слога – префикса и слога – корня или основы со стечением двух, иногда и больше превокальных согласных перехода одной из последних или всех к открытому слогу приставки почти не бывает.

украсил – у+кра+сил
приглянулся – при+гля+нулся
поспал – по+спал
пристрелялся – при+стре+лял+ся или пристре+лял+ся
усмотрел – у+смо+трел
захлопнуть – за+хлоп+нуть
заснуть – за+снуть или зас+нуть
запретить – за+пре+тить
выследить – вы+сле+дить

На стыке закрытого слога – префикса и слога – основы или корня, начинающегося гласной, поствокальная согласная слога-приставки всегда переходит к слогу-корню или основе, если она даже тоже приставка или соединительная гласная, например: *разукрасить* – *ра+зу+кра+сить*; *разошелся* – *ра+зо+шел+ся*, *безобразный* – *бе+зо+браз+ный*; *разопрел* – *ра+зо+прел* и др.

В основах некоторых слов встречаются случаи, когда в поствокальной позиции остаются из трех две согласные, передавая третью следующему слогу как превокальную, но в этих случаях обычно одна (последняя из двух оставшихся в поствокальной позиции предшествующего слога) обычно в произношении выпадает и поэтому получается точно так, как если поствокальных согласных всего было две, одна из которых стала превокальной следующего слога, а другая осталась поствокальной предшествующего.

Например:

праздник – празд+ник – праз+ник
наездник – наезд+ник – наез+ник

честно	– чест+но	– чес+но
лестно	– лест+но	– лес+но
солнце	– солн+це	– сон+це
сердце	– серд+це	– сер+це
ландшафт – ланд+шафт – лан+шафт		

Нужно сказать, что чтобы избавиться от лишних звуков, слово в русском языке их передает из превокальной позиции в поствокальную, где они очень легко поддаются изменению, затем и отпадают потому, что морфематичность слога больше выражается под ударением гласной и превокальными согласными, очень мало гласной неударенной и немного больше поствокальными согласными.

Из всего, что сказано выше о согласных в составе слогов-слов русского языка, следует сделать следующие очевидные выводы:

1. Согласных фонем, в отличие от гласных, в составе одного из многосложных слов русского языка оказывается во много раз больше, чем гласных. Подавляющее большинство превокальных согласных звуков слога русского языка оказываются фонемами, являющимися морфемами, когда превокальная согласная фонема одна; составными частями морфемы – когда их несколько меньше, чем в превокальной позиции, но встречаются, как видишь выше, согласные фонемы и в поствокальной позиции слога. Если в превокальной позиции встречаются и звонкие и глухие, и мягкие и глухие, и мягкие и твердые согласные фонемы, то в поствокальной позиции слога встречаются только глухие и сонорные, мягкие и твердые согласные фонемы; звонкие звуки в поствокальной позиции слога встречаются только на стыке двух слогов и являются результатом влияния согласных или даже гласной второго слога, поэтому такие звуки лучше всего называть комбинированными вариантами поствокальных согласных фонем слога-слова языка.

2. Все согласные фонемы русского языка имеют стремление к превокальной позиции в слоге, в связи с этим, если на стыке двух слогов имеется одна согласная, то она всегда относится ко второму слогу, если таких согласных две, то больше первая относится к предшествующему слогу, поэтому она может всегда испытывать влияние второй согласной фонемы, которая всегда относится ко второму слогу; редко, но встречаются случаи, когда обе интерво-

кальные согласные относятся ко второму слогу, как превокальные. Как видели выше, это наблюдается меньше в основах слов, больше на стыках приставок и основ. На этих стыках свободно лишаются своей поствокальной согласной слогги-приставки, если следующий слог начинается с гласной. Если интервокальных согласных три, то одна относится к первому слогу, две – ко второму или, если окажется, что две первые имеют притяжение к первому слогу, последняя из них в произношении выпадает.

3. Три превокальные согласные первого слога основы, когда к ней присоединяется приставка, всегда относятся к своему слогу и произносятся, за малым исключением, отчетливо без чередования или перехода.

Сравнение согласных и гласных русского языка в качественном и количественном отношении показывает, что в количественном отношении и суммарно в качественном отношении согласные больше фонематичны, чем гласные. Этим только и объясняется то, что в русском языке в составе любого слова встречается только одна гласная фонема, которая находится всегда под ударением: другие гласные фонемы являются или комбинированными вариантами гласной фонемы под ударением, или фонемами в потенции, когда они в другом ряду слов для выражения другого значения могут перетянуть на себя ударение, превратив таким образом первую фонему в фонему в потенции, чем орфограммами с фонематическими чертами, но об этом ниже в статье «Фонематический вес». Этим только и нужно объяснить то, что русские гласные звуки связаны с «аканьем» и «оканьем» в диалектах, с редуцированием гласных в неударенных слогах, потому что значение слов не зависит от их точного и отчетливого произношения. Усиление отчетливости ударенной гласной ослабляет отчетливость неударенных гласных, органы произношения ослабляют свое напряжение, потому что надобности в этом нет.

Фонематическое ослабление гласных вообще в современном русском языке приводит к фонематическому усилению согласных вообще, поэтому это семантическая нагрузка слова, выражаемая главным образом одной какой-либо морфемой того или иного рода, всегда одна и та же, она не теряется, не проходит, она только меняет способ своего выражения на более легкий, простой, современный, следовательно, гласные, ослабляясь, сами усиливают

согласные тем, что часть их семантической нагрузки переходит к согласным. В силу этого фонематичность согласных русского языка больше, чем фонематичность гласных вообще. Фонематичность такого рода определяется фонематическим весом фонем того или иного языка, а фонематический вес – это семантическая нагрузка фонемы в конкретном слоге и слове, которая и контролирует в коллективном языкотворчестве народа необходимость отчетливого, без колебания оттенков звучания, или неотчетливого, слабого, безразличного с точки зрения оттенков звучания фонемы, произношения ее и даже выпадение ее. Фонематический вес и является той причиной звуковых изменений в языках, которая не перестает интересовать различных лингвистов мира.

Фонематический вес согласных русского языка больше фонематического веса гласных, если говорить вообще, если не конкретно, то на первом месте по фонематическому весу в русском языке стоит гласная фонема под ударением, на втором – превокальная согласная слога, независимо от того в начале слова этот слог или в середине и конце слова, на третьем месте стечение двух превокальных фонем, на четвертом месте стечение трех и больше превокальных согласных слога, на пятом месте поствокальная согласная (одна и две) слога и на шестом месте неударенные гласные русского языка, которые зависят не только от позиции от ударенного, но и от мягкости или твердости предшествующих превокальных согласных фонем. Поэтому недостаточно изучение только одной техники образования звуков, констатации наличия образцов звуков того или иного языка, надо еще изучать фонетику с точки зрения ее семантической нагрузки в слове и слоге, с точки зрения фонематического веса ее.

Фонематический вес как фактор фонетических изменений имеет распространение в языках самых различных систем, засвидетельствованных письменными памятниками прошлого, предполагаемых и ощущаемых живым употреблением живых поколений различных народов современности, потому что это – выражение семантической нагрузки значимой части слова, распадающегося на составные элементы – слоги и звуки, без которых не было бы ни языка, ни слов и, конечно, ни фонематического веса. Но способы конкретного проявления различны: в одних языках, как мы заметили выше на фактах русского языка, большим

фонематическим весом обладают больше согласные фонемы со своей особой внутренней классификацией в зависимости от позиции в слоге, меньше гласные фонемы тоже со своей внутренней классификацией, но уже в зависимости от ударения, в других языках, как мы увидим ниже на примерах, главным образом из тюрко-татарских языков, большим фонематическим весом обладают гласные фонемы со своей, совершенной другой, отличной от классификации гласных фонем русского языка, классификацией в зависимости от последней гласной фонемы, корня или основы слова, меньшим фонематическим весом обладают согласные со своей внутренней классификацией в зависимости от позиции согласной фонемы в составе слога.

В акустико-физиологическом отношении фонетика русского и тюрко-татарских языков почти не отличаются друг от друга.

Сравнение показывает, что почти все звуки русской фонетики имеют употребление в тюрко-татарских языках и несколько звуков фонетики тюрко-татарских языков не имеет употребления в русском языке. К ним можно отнести *дж*, *г* (среднеязычный носовой), *к* (глубокозаднеязычный фриктивный и взрывной), переднерядные среднего и верхнего подъема лабиализованные гласные. В отдельных языках тюрко-татарской системы встречаются и другие согласные и гласные фонемы, которых нет в русском языке, но это отдельные частности, поэтому в данном исследовании нет надобности останавливаться на них. Несмотря на эту, казалось бы, общность фонематических систем двух языковых типов, эти две фонетики в своем употреблении и связи с семантикой речи отличаются друг от друга коренным образом.

Если же сравнить русский и кабардинский (кабардино-черкесский) язык в акустико-физиологическом отношении, то окажется, что основное число и согласных, и гласных фонем кабардино-черкесских языков отличается от гласных и согласных русского языка. Это смычно-гортанные, гортанные, глубокозаднеязычные, целый ряд сонорных звуков, которых нет в фонетике русского языка, это большое количество гласных фонем русского языка, которых нет в ряде других языков. Между тем фонемы русского и кабардино-черкесских языков в своем употреблении и специфике семантической нагруженности гораздо ближе стоят друг к другу, чем тюрко-татарские языки. В языках, также как и в русском, большим фонемати-

ческим весом обладают согласные фонемы, чем гласные, потому что в кабардино-черкесских языках семантическую нагрузку слога, суффикса или целого слова несут только согласные, их различные оттенки только и регулируют значения слов, тогда как гласные в этих языках, независимо от ударения и других моментов, служат облегчением произношения согласных, попадая в промежутки между ними. Они никак не могут обладать большим фонематическим весом, потому что гласные и в кабардино-черкесских, и в абазинском, и в других языках находятся в процессе становления; это еще лабиализованные и нелабиализованные придыхания с мягкими, твердыми, носовыми и смычно-согласными звуками, которые, по мере отделения гласных от диффузных согласных (лабиализованных, смычно-гортанных и др.), будут терять в фонематическом весе, потому что часть его будет переходить с гласным, одни, очистившись от гласного нелабиализованного придыхания, от своеобразного оттенка его фонематичности, будут совпадать в звучании с другими, очистившимися тоже от гласного, но лабиализованного придыхания, значит, будут сливаться, что приведет к быстрому, неудержимому сокращению количества согласных фонем и такому же увеличению количества гласных фонем. Это целая революция в языке, целый переворот, когда фонематическое господство одних (высшая степень семантической нагрузки фонем) будет смежно с фонематическим господством других. Фонематическое же господство создает все необходимые условия для количественного и качественного увеличения фонематического веса господствующих фонем, количественного и качественного уменьшения фонематического веса, затем и к сокращению в употреблении в составе слога или слова подчиненных фонем, что в свою очередь приводит к семантической перегрузке, которая разряжается сменой фонематического господства одних фонем и фонематическим господством других.

Тюрко-татарские языки с точки зрения фонематического веса стоят на противоположном полюсе кабардино-черкесских и славянских языков, т. е. в тюрко-татарских языках фонематическое господство принадлежит гласным фонемам, тогда как в кабардино-черкесских и славянских языках оно принадлежит согласным фонемам. Это мы видели на примерах русского языка, а другие славянские языки находятся на одном полюсе с русскими.

В связи с фонематическим господством согласных в тюрко-татарских языках мы имеем:

1. Большое количество гласных фонем вообще во всех тюрко-татарских языках, их число достигает от 6 (предельно низкое число в отдельных языках тюрко-татарской системы) до 14–10 (предельно высокое число в других тюрко-татарских языках). К первой группе тюрко-татарских языков относятся узбекский, по числу гласных фонем следующей группой идут карачаевский, балкарский, турецкий (османский), уйгурский, которые имеют 8 гласных фонем, к третьей группе относятся азербайджанский, казахский, каракалпакский, которые имеют 9 гласных фонем, к последней группе относится киргизский, который, по свидетельству одного из лучших знатоков киргизского языка И. А. Батманова (см.: *Батманов И. А. Фонематическая система современного киргизского языка*. Фрунзе: Киргосиздат, 1946), имеет 76 гласных фонем, из коих 8 кратких, 6 долгих.

2. Сужение функций ударения ударенного слога в тюрко-татарских словах, когда оно играет роль только установления границы слова без дополнительных грамматических функций.

3. Наличие закона гармон и гласных (сингармонизм), который характеризуется произношением в аффиксах гласных того рода, какого гласные корня, или в сложных и заимствованных словах основы, а в киргизском языке произношением гласных в аффиксах одного рода и лабиализованности и нелабиализованности с гласными корнями основы слова.

4. Деление гласных на две группы: 1) корневые (основные), 2) аффиксальные, т. е. такие, которые встречаются в основах или даже корнях слов, к этим относятся гласные *а, о, е, э*, и такие, которые встречаются больше в аффиксах, к ним относятся гласные *ы, и, у*. Однако встречаются в аффиксах и *а, о, е*, также как и *ы, и, у* в основах.

В корнях слов, особенно в их первых слогах, в большинстве тюрко-татарских языков встречаются *а, е, о* в аффиксах и иногда в последних слогах корня или основы *ы, и, у*. (Исключение составляет язык казанских татар, у которых вместо *а, о, е* в основах и первых слогах встречаются *ы, и, у*, а в аффиксах вместо *ы, и, у* встречаются *а, о, е* – вообще, наоборот. Это очень интересный вопрос, но им до сих пор никто не занимался. Я оставляю его до более

подходящего времени в смысле возможности вплотную заняться им. И. А. Батманов в своей новой книге «Фонетическая система современного киргизского языка» (Фрунзе, 1946) пишет, что аффиксальные *н, и, у* являются комбинированными вариантами корневых *а, о, е*.

<i>ы</i>	–	комбинированный вариант <i>а</i> : <i>ат</i> – конь, <i>ат+ы</i> – его огонь
<i>у</i>	–	<i>о</i> : <i>от</i> – огонь, <i>от+у</i> – его огонь
	–	<i>ё</i> : <i>ёт</i> – желчь, <i>ёт+у</i> – его желчь
<i>и</i>	–	<i>э, е</i> : <i>эт</i> – мясо, <i>эт+и</i> – его мясо

В этих словах звуки *ы, и, у* имеют суффиксальное значение: они выражают значение 3-го лица ед. числа, которому что-то принадлежит. Какой из этих гласных звуков является притяжательным аффиксом 3 лица ед. числа, сказать трудно. Поэтому можно допустить, что эти звуки являются вариантами *а, о, э*, но и один из гласных звуков *а, о* ни в одной позиции слов тюрко-татарских языков не выражал значения притяжательного аффикса 3-го лица ед. числа. Кроме этого, эти звуки встречаются в основах слов, как *а, о, э /е/*, и тут они никак не могут быть комбинированными вариантами своих основных гласных звуков, например: *туз* – равнина, *туз* – соль; *тиз* – ставь в ряд что-нибудь, *кыш* – зима. Если такие слова изменить так, как мы изменили первые, то окажется, если идти по этому принципу, что гласные звуки *у, ы, и* являются своими собственными комбинаторными вариантами, например:

<i>туз</i>	– равнина,	<i>туз + у</i>	– откровенно говоря или его равнина;
<i>туз</i>	– соль,	<i>туз+ у</i>	– его соль;
<i>тиз</i>	– ставь в ряд,	<i>тиз+им</i>	– ряд;
<i>кыш</i>	– зима	<i>кыш+ы</i>	– его зима.

Кроме этого, звуки *ы, и, у* выступают как самостоятельные фонемы и в аффиксах, например, суффикс *-лы-, -ли-, -лу-, -лу-* с узкими гласными, выражающий значение наличия в таком предмете элементов того, что обозначает слово, и которому они присоединяются (*тузлу суп* – соленый суп, *ташлы сырт* – каменное плато и т. д.), противостоит суффиксу *-ла-, -ле-* – суффиксу множественного числа без конечного *р*, который в номинативной форме в некоторых тюрко-татарских языках уже выпал; суффикс винительного падежа киргизского языка *-ды-, -ди-, -ду-* отличается от суффикса местного падежа того же языка *-да-, -де-, -до-* только этими аффиксальными гласными звуками.

Таким образом, в одном набавлении понятие *комбинированный вариант* применим к этим звукам, в другом – нет; установить закономерность того и другого направлений не представляется возможности, потому что ни ударенность слога, ни неударенность его, ни что-нибудь другое не имеет к этому никакого отношения. Поэтому еще кажется, термин «комбинированный вариант», применяемый в тюрко-татарских языках, будет вводить только в заблуждение. Лучше не применять в тюрко-татарских языках.

5. Одинаково отчетливое произношение гласных и в основах и в аффиксах слов независимо от ударения позиции в слове. Некоторые представители тюркской нации пытаются провести аналогию между ударенными и неударенными гласными русского и тюрко-татарских языков. Нужно сказать, что эти попытки, если не говорить об узбекском языке, беспредметны и фактической основы не имеют, но нельзя отрицать возможности того, что под влиянием русского языка мы в тюрко-татарских языках будем иметь разницу между ударенными и неударенными гласными, так же как мы такую разницу приблизительно имеем в нынешнем узбекском литературной языке, который под влиянием фарси имеет разницу между гласными основы и аффиксов, начальной, конечной и промежуточной позиций.

6. Наличие системы полногласия в основах и аффиксах слов тюрко-татарских и в аффиксах слов, заимствованных из других языков.

7. Навязывание оттенков мягкости и твердости, лабиализованности и нелабиализованности согласным фонемам слова. Известно, что у согласных звуков большинства языков тюрко-татарской, системы мягкость и твердость или лабиализованность и нелабиализованность признаками фонематичности не являются, в словах встречаются. Более того, можно сказать, что все слова языков тюрко-татарской системы делятся на 2 (мягкие и твердые) или 4 (мягкие нелабиализованные, мягкие лабиализованные, твердые нелабиализованные и твердые лабиализованные) группы, потому что требуется иметь в слове или только «мягкие» лабиализованные гласные, или «мягкие» нелабиализованные гласные, или «твердые» лабиализованные гласные, или «твердые» нелабиализованные гласные, которые заставляют произносить согласные

фонемы данного слова или при мягком, или при твердом укладе языка и или при втянутых, или не втянутых для тюрко-татарских языков оттенки мягкости, твердости, лабиализованности и нелабиализованности согласных. Это настолько очевидно и бесспорно, что можно предположить о возможности возникновения в тюрко-татарских языках мягких и твердых согласных фонем, более того, могут быть согласные фонемы порядка лабиализованных языков.

Все это может произойти, конечно, при том, когда фонематическое господство гласных тюрко-татарских языков будет сменено фонематическим господством согласных, которые начнут семантически усиливаться за счет сохранения семантически ослабленных гласных. Таким образом, оказывается, что гласные тюрко-татарских языков, в отличие от гласных русского языка, обладают фонематическим весом исключительной силы, что семантическая нагрузка их высшей степени, но можно сказать, что это исключительная, ведущая фонематичность гласных тюрко-татарских языков явление не вечное, а преходящее. Доказательством этому может являться то, что в самой системе тюрко-татарских языков мы имеем такие экземпляры, которые до сих пор сохраняют гармонию сильной степени в четырех направлениях: 1) переднерядные нелабиальные; 2) переднерядные лабиальные; 3) заднерядные нелабиальные; 4) заднерядные лабиальные. В киргизском языке все эти возможные четыре линии гармонии гласных имеют употребление и в наши дни. В других тюрко-татарских языках полностью сохраняются линии передне- и заднерядности гармонирующих гласных слова, частичности лабиальности и нелабиальности. К этим языкам можно отнести в основном все, за исключением киргизского и узбекского. А в узбекском языке сохраняется частично гармония передне- и заднерядности, гармония гласных по линии лабиальности и нелабиальности для узбекского языка уже дело прошлого. В связи с этим, в отличие от согласных других тюрко-татарских языков, согласные узбекского начинают искать все больше и больше роль фонем ведущего фонематического веса, но об этом более подробно ниже. Эти изменения, которые произошли в узбекском языке на наших глазах, сократили число гласных фонем: *a, o, э, и, у*. Среди этих фонем отсутствуют общетюрко-татарские *и, ы* – одна широкая переднего рода среднего подъема лабиализованная и другая узкая верхнего подъема заднего ряда нелабиализованная.

В отличие от других тюрко-татарских языков, узбекский допускает произношение варианта гласной фонемы в неударенных слогах, например, узбеки произносят и пишут общетюрко-татарское *ата* – «отец», *ота* – «отец»; *бала* – «ребенок», *бола* – «ребенок», *базар* – «базар», *бозар* – «базар»; *ана* – «мать», *она* – «мать» и т. д. Эти изменения привели к тому, что в узбекском языке *л* уже произносится, как русская мягкая *л* перед главными заднего ряда, таким образом оказывая влияние на произношение последующих гласных фонем, например: *салам* – «привет», *села́м* – «привет», и мн. др.

Это, видимо, в узбекском языке прошло в результате большой семантической перегрузки гласных фонем, которые в конце-то концов начали прибегать к помощи согласных фонем в выполнении своих функций, что и привело их к все больше и больше усиливающемуся ослаблению гласных фонем и усиливающемуся укреплению согласных фонем. Это путь развития фонетики, безусловно, общий для всех языков, потому что потребности и условия их удовлетворения одни и те же.

Фонематический вес согласных фонем тюрко-татарских языков противоположен фонематическому весу согласных фонем русского языка: если по степени семантической нагрузки согласные фонемы русского языка в основе занимают ведущее положение, то до этой же степени согласные фонемы тюрко-татарских языков занимают ведомое положение. Это мы видели из того, что гласные фонемы тюрко-татарских языков навязывают согласным и мягкость и твердость, лабиализованный оттенок и т. д., тогда как все подобные оттенки в русском языке навязывают согласные гласным.

В русском языке в зависимости от пре- или поствокальности согласные фонемы слога повышают семантическую нагрузку согласной фонемы, и наиболее благоприятным местом для полновесной согласной фонемы в русском языке, как видели выше, является превокальная позиция слога, а в тюрко-татарских языках наоборот, поствокальная позиция слога. Все согласные фонемы тюрко-татарских языков могут встречаться в поствокальной позиции слога, например: *таб* – «рубец», *тап* – «подобно», *таз* – «таз», *тас* – «потеря», *так* – «повесть», *таг* – «гора», *тал* – «тополь», *там* – «капай», *танг* – «заря», *тар* – «полено», *таш* – «камень» и др. Таких примеров можно привести много. Во всех этих примерах согласные фонемы

независимо от их звонкости и глухости могут встречаться в поствокальном положении в слоге и не чередоваться противоположным звучанием, потому что от их точного звучания во многом будет зависеть значение слова. Затем, как познакомились выше, согласные фонемы в превокальном положении в слоге могут стекаться до четырех, а в поствокальном положении редко до трех, немного больше до двух и много по одной согласной фонеме. В тюрко-татарских языках наоборот, т. е. в превокальном положении не больше одной согласной, в поствокальном положении до трех. Притом, если поствокальное положение согласных в слогах русского языка не имеет звонких согласных и эта позиция сравнительно с превокальным положением согласных фонем слабая, то в тюрко-татарских все наоборот, т. е. среди слабых в фонематическом весе согласных еще больше ослабляет превокальное положение в слоге. Этим только и объясняется то, что в превокальном положении слога в одних и тех же слогах с одними и теми же значениями можно встретить массу других фонем, например: *кел-гел* – «приходи», *кет-гет* – «уходи», *кук-гун* – «день», *тенгиз-денгиз* – «море», *торт-дорт* – «четыре», *тонгуз-долгуз* – «свинья», *сут-зут-зуг* – «молоко», *бышлах-пышлах* – «сыр», *джау-жа-зау* – «масло», *бар-пар-вар* – «есть» и др. Часть этих фонем закрепились в одних тюрко-татарских языках, часть в других. Если в одном закрепились форма «торт», то употребление формы «дорт» в нем не вызывает напоминания или другое значение, а лишь обращает внимание на орфографическую невыдержанность, точно так же, как если бы вместо «мылако» произнесли бы «молоко». Такую возможность свободного произношения согласных приблизительно одного места образования в превокальной позиции слога тюрко-татарских слов можно наблюдать еще ярче в слогах-морфемах в составе двух и больше сложных слов, например: превокальная согласная слога-суффикса множественного числа в киргизском языке в зависимости от предыдущей поствокальной согласной первого слога может быть и *-лар*, и *-дар*, и *-тар*; слога-суффикса дательного падежа: *-а*, *-за*, *-ка*, *-ка*, *-ха*, *-га* и т. д. Все это воочию доказывает слабость фонематического веса согласных.

ФОНЕМАТИЧЕСКИЙ ВЕС

Фонема – это звуковое «вещество», выделяемое путем смыслового и звукового расчленения из диффузного смыслозвукокомплекса – слова для нужд образования морфем и слов. Выделение ее связано с потребностью создания другого, более сложного «вещества» – морфемы или даже слова – этих мелких семантических единиц, из разнообразнейших сочетаний которых создается орудие общения – язык.

Причины расчленения диффузных смыслозвукокомплексов в слова, слов в морфемы и затем уже в фонемы кроются не в одном физиологическом, звуковом и других подобных фактах, а в самой сущности звуковой речи, призванной в процессе труда и, следовательно, в процессе развития познания и мышления сопровождать его, закрепляя словесно его достижения, содействуя этим его все более ускоряющемуся движению вперед, сплачивая коллектив тружеников отправлением функций орудия общения людей друг с другом.

Одной из многочисленных сторон сущности звуковой речи является то, что с помощью ограниченного количества звуков, производимых звуковым аппаратом человека с ограниченными возможностями, она должна была закреплять все то бесконечное, беспредельное, что человечество познавало в процессе трудовой производственной деятельности всех предыдущих поколений людей, а такое закрепление само по себе выдвигало наряду с другими факторами новую функцию – функцию общения этих людей, передававших все материальные и духовные ценности друг другу, старшие младшим, в интересах улучшающейся жизни и условий труда и тесного общения членов трудового коллектива.

Отношение физиологии речи и семантики, отношение физиологического фактора и фактора семантики

Отраженные технические возможности и возникающие потребности закрепления достижений мышления с неограничен-

ными потребностями общения и отношение к звуковой речи как форме общения и есть та причина, которая толкала на расчленение смыслозвукокомплекса в слова, слова в морфемы и фонемы, морфемы в фонемы. Если допустить, что не было этих расчленений в истории звуковой речи, то человек, чтобы обозначить бесконечное количество предметов, понятий, их признаков, действий и т. д., которые он непрерывно использовал и включал в сокровищницу мышления, должен был произносить такое же количество разнообразных звукокомплексов, сколько предметов, понятий, признаков их и действий и т. д. он уже осознал. На это у него не хватало бы физиологических возможностей. Говорят, что у среднего писателя лексикон доходит до 7–9 тысяч слов. Мог ли этот писатель без фонем, морфем и слов произносить 8–9 тысяч диффузных звукокомплексов, не похожих друг на друга? Конечно нет.

Неумолимая потребность речи стояла перед человеком во все времена истории. Она стоит и теперь, она останется и в будущем, потому что человек всегда будет испытывать потребность труда, трудового коллектива, общения не только живых с живыми, но живых с мертвыми, живых с теми, которые будут впереди. Отсюда неумолимая потребность человека в создании слов не только для осознанного, осознаваемого в процессе труда, но и для того, что должно быть сохранено в будущем. Немаловажно и необходимо также создание равного количества с количеством осознанных, осознаваемых предметов, понятий, признаков их, действий и их признаков слов, но слов легких, музыкальных, благозвучных и т. д. в произношении. Единственной возможностью более или менее сносного удовлетворения этой неизбежной потребности был путь отшлифовки существующего количества смыслозвукокомплексов, созданных на стадии перехода от ручной к звуковой речи, прикрепления их к расчлененным для представления предметов, понятий, действий, признаков и употребления их в определенном, нужном, творческом порядке друг за или перед другом. Это также является выразительным средством, потому что с помощью двух слов давало возможность нарекать четыре и больше осознанных предметов, действий и т. д.

Это уже грамматика. Вспомните значение порядка употребления слов в аморфных языках. Расширение возможностей этого способа удовлетворения потребностей ставило перед человеком задачу

дальнейшего расчленения слов в морфемы, потому что 10 отшлифованных слов, прикрепленных к тем или иным значимостям, могло дать 100–200 сочетаний, а 20 морфем, полученных путем расчленения этих 10 слов, могли дать 1000–2000 сочетаний слов, а расчленение 20 морфем в фонеме могло дать 40–50 фонем, сочетания которых могли дать 10 000–20 000 морфем, сочетания же 10 000–20 000 морфем могли дать 100 000–200 000 слов современных языков, а сочетания такого количества слов в предложениях дают выше требуемое количество предложений. Таким образом, отношение физиологического и семантического, ограниченного и неограниченного в удовлетворении потребности общения служило единственной причиной, вызывавшей расчленения диффузных слов в морфемы, морфем в фонемы. Здесь действовал тот же закон, который действовал в создании человеком орудий производства, в развитии высокой техники, промышленности. Руки человека – орудие труда. Но так как орудие труда ограничено в своих возможностях производить ту или иную работу, ограниченность эта толкает руки человека создавать новые виды орудия, с помощью которых руки человека лучше справляются с тем ограниченным количеством видов труда, которые нужно человеку выполнить, чтобы удовлетворить свои живые потребности.

В связи с таким объективным ходом развития языка, когда и слова, и морфемы, и фонемы, и их новые сочетания в новые морфемы, новые сочетания этих новых морфем, новые слова, новые сочетания новых слов, новые, современные предложения, суждения лингвистов о том, что и фонемы, и морфемы, и слова, и предложения человек получил в готовом виде, кажутся наивными, детскими и смешными. Много, очень многое еще бытует в наших больших и малых лингвистических исследованиях от этих наивных, детских и смешных суждений, бытует и мешает движению вперед осознания сущности речи и ее многочисленных элементов, начиная от фонемы и кончая предложениями и даже целыми высказываниями. Видно, не так легко человеку удастся осознание всего того, что происходит в реальной действительности и в нем самом.

Из всего сказанного выше следует заключение, что фонема родилась в адских муках расчленения слов и морфем, чтобы удовлетворить потребность общения и облегчить способ этого удов-

летворения. Значит, фонема имеет свои собственные функции, которые она должна выполнять в речи. Это ее жизнь, ее судьба, ее живительные соки, ее кровь. Нет фонем без функций, так же как нет функций такого рода без фонем. Потеря функции – смерть фонемы, выбытие ее из системы, исчезновение ее, непроизношение ее – значит отсутствие ее артикуляции, хотя физиологически она возможна, потому что выбытие фонемы не есть атрофирование органов данной артикуляции. Адыгеец произносит трудную фонему потому, что она живет в его речи, а живет она в его речи потому, что она имеет свою функцию, для выполнения которой она вызвана потребностью, а русский не произносит этой трудной фонемы потому, что она не живет в его речи, а не живет она в его речи потому, что не имеет функции: для несуществующей функции фонема не может быть вызвана, потому что нет потребности в ней.

Тут физиология ни при чем, следовательно, она не может быть причиной наличия той или иной фонемы в том или ином языке, как думают идеалистически мыслящие лингвисты.

Разное количество и наличие специфических фонем в фонетике как системах русского, киргизского и адыгейского языков – представителей трех различных языковых систем, с которыми мы познакомились выше, вызываются не потому, что русский имеет физиологические возможности, отличные от киргиза и адыгейца, а потому, что при одинаковых абсолютно физиологических возможностях язык выделяет путем расчленения же фонемы, которые необходимы для него.

Современные фонетисты изучают все особенности, все тонкости артикуляции того или иного звука, упуская основное, главное, первостепенное в звуке. Не в тех или иных артикуляционных особенностях того или иного звука дело. В слове «мълоко» не то важно, что слышится *з*, *о* или *а*, или какой-нибудь другой звук в первом или втором слоге этого слова, а то, что вызывается данный звук необходимостью выражения смысла слова или он в данном сочетании играет роль фонемораздела.

Такой стороной звуков наши лингвисты не занимаются, и поэтому им очень трудно бывает решить проблему, которая стоит на очереди осознания. Это, по существу, является причиной того, что мы до сих пор не знаем, почему фонема *о* в первом и втором слоге слова «молоко» произносится как *з* и *а*.

Для правильного решения задач, стоящих на очереди осознания в области фонетики, нужно фонему рассматривать как «вещество», отмеченное нами в течение многих тысячелетий речевой практики в самой речи, – «вещество», имеющее функцию, которую она призвана выполнять. Фонема по функции смысло-различитель, звук же – фонемоморфема. Нас должны интересовать в первую очередь фонемы и затем звуки – фонеморазделы, потому что они показывают границы фонем и фонемоморфем и в тюрко-татарских, и в славянских, и в иных языках.

Число фонем в том или ином языке точно ограничено. Мы не можем ни убавить, ни прибавить их количество, потому что семантически они удовлетворяют потребности данного языка, они семантически обусловлены.

Это нужно нам для создания письменностей, так как обозначение получает фонема, но не фонемораздел – звук. Но для понимания фонематических процессов, которые всегда происходят в языках и которые до сих пор не осознаны, только описаны в изучении языков Европы и Азии, нужно фонему рассматривать с точки зрения семантической весомости в системе, т. е. нужно каждую фонему взвесить с точки зрения того, насколько она наполнена семантикой фонемности. Это очень трудно сделать простой констатацией фонем, не связанных друг с другом в слове, потому что фонема как фонема выступает только в своей стихии – в слове, вне слова она простой физический звук, производимый речевым аппаратом.

Язык – способ производства ценностей надстроечного характера. Орудиями производства здесь выступает мышление, общее как для производства материальных, так и духовных ценностей, без которых не может быть никакого производства. Органы произношения – собственные орудия производства речи, ставшие таковыми после того, как расчленились функции орудий производства материальных ценностей и орудий производства речи, которые выполнялись на первых этапах развития человеческого общества руками, и слова, морфемы и фонемы. Так же как в производстве материальных ценностей человек имеет орудия производства – топор, молот, машины сложных и простых конструкций, станки и т. д., созданные руками, в производстве, называемом язык, мы имеем орудия производства, созданные органами произношения.

Жизнь – способ производства ценностей физико-биологического характера. Она также имеет орудия производства, которые базируются на саморазвитии материи, создавшей путем химического соединения элементов, составляющих организм, воспроизводящий то, что называется «жизнь». Воспроизведение жизни непрерывно, так же как воспроизведение материальных и духовных ценностей. Оно с каждым разом все больше и больше усложняется, потому что усложняются естественные и материальные условия, в которых происходит воспроизводство, усложняются и сами способы и орудия производства. Этот процесс дал нам такие совершеннейшие орудия производства, как сам человек, как руки его, как мышление, как язык и многие другие.

Самым главным, первичным, естественным орудием производства жизни является сам человек со всеми своими органами – орудием труда (руки), орудием мышления (голова), общения (язык) и т. д.

Всякое орудие имеет стоимость, потому что возникает для удовлетворения потребностей разного характера. Первичные орудия, созданные также в процессе труда в течение многих миллионов лет, имеют стоимость, пределы которых нельзя установить, значит, они бесценны. Имеют стоимость и вторичные орудия производства, созданные руками и органами произношения человека, а поскольку нельзя установить границы стоимостей, значит, и они бесценны в совокупности, как воздух, как вода, потому что отсутствие их есть отсутствие жизни человечества.

Вторичные орудия производства, созданные руками и органами произношения для удовлетворения потребностей жизни, если взять отдельные виды этих орудий, имеют стоимость, которую можно определить как стоимость, вызванную спросом, потребностью общественной социально-экономической жизни, следовательно, она определяется как стоимость вообще плюс спрос и равняется потребительной стоимости, которая не только регулирует производство этих орудий, но и стимулирует их усовершенствование, портативность, облекая массовое употребление путем отшлифовки, расчленения, выделения элементов соединения для более удобного и решительного соединения в новые формы, сочетания и т. д. для обозначения новых значимостей. Стоимость искусственных орудий абстрагирует их производство, объективи-

рует, ставит их вне видимой зависимости от производителей, а потребительная стоимость, которая лежит в основе стоимости вообще как причина, вызывающая ее к жизни производства орудий, все больше и больше конкретизирует их функции и употребление потребителями. Стоимость вообще как абстрактная величина известной ценности, созданной руками человека, противостоит потребительной стоимости как конкретной ценности, созданной человеком для удовлетворения конкретных ценностей. Если нет потребительной стоимости, нет и стоимости вообще: они две противоположные стороны одного и того же. Всякая стоимость в потенции – потребительная стоимость, абстрагирование потребительной стоимости – стоимость вообще.

Если употребление орудий материального производства и продуктов – орудий, производимых с их помощью, имеет формулу деньги-товар-деньги или товар-деньги-товар для воспроизводства и личного потребления, то орудия речи – слова, морфемы, фонемы – имеют формулу произношение-восприятие-произношение (п-в-п) или восприятие-произношение-восприятие (в-п-в) для личного и общественного потребления, для лучшего производства материальных основ жизни и для воспроизводства самих орудий производства речи.

Потребительная стоимость – это семантический вес для речи вообще, который постоянен и один для всех языков, он не снимается, он господствует над всеми явлениями языка, он усиливается, осложняется по мере развития социально-экономических условий общественной жизни и требует постоянного улучшения своего выражения – портативности выражения мысли. Потребительная стоимость – это для слов семантический вес, так как семантический вес речи выражается словами-синтагмами. Потребительная стоимость для морфем – морфематический вес, так как синтагмы образуются с помощью морфем, которые могут состоять из одной и нескольких фонем. Потребительная стоимость для фонем – фонематический вес, так как морфемы образуются из фонем. Фонемы, как видели выше, в зависимости от стадии развития языка бывают однозвучными, двухзвучными, трех-, четырех-, пяти- и шестизвучными.

С синтагматическим и морфематическим весом познакомимся в соответствующих главах данной работы. Здесь же познако-

мимся с фонематическим весом, так как он лежит в основе и морфематического, и синтагматического веса.

Фонемы вызваны к жизни путем расчленения диффузных слов для лучшего выражения расчленившегося семантического веса речи вообще. Процесс их выделения никогда не прекращается и не прекратится, пока существует развивающийся семантический вес.

Как мельчайшие звуковые единицы – носительницы семантического веса – фонемы, при учете их количества и установлении их звуковой характеристики в лингвистической литературе, обладают одним и тем же семантическим весом – это их общая стоимость как звуковых единиц, произведенных в процессе труда в течение долгих тысячелетий. Мы не можем сказать, что «фонема» *а* семантически весомей фонем *о, э, и, у, т, л, м* и т. д. в том или ином конкретном языке. В лингвистической литературе в лучшем случае только так и характеризуются до сих пор фонемы вообще. Но этого, оказывается, недостаточно, чтобы понять всю их сущность в речи. Потребительная стоимость фонем возникает только в потреблении, только в составе морфем или слогов и слогов-слов, только в процессе отправления своих семантических речевых функций, что я называю *фонематическим весом*. Фонематический вес регулирует расчленение диффузных звуков, отчетливое их произношение, стремясь так их отшлифовать, чтобы они и музыкально, и физиологически, и семантически, и фонематически были легко производимы и воспринимаемы. Фонематический вес – основа их рождения, жизни и смерти, так же как потребительная стоимость – основа рождения товара, его жизни и смерти.

Степень семантической насыщенности фонемы называется фонематическим весом. Семантическая насыщенность или фонематический вес фонемы в составе морфем, слогов и слогов-слов всегда бывает трех степеней: фонематический вес первой, второй и третьей степени.

Фонематическим весом первой степени обладает фонема или фонемы, составляющие основную часть слова, основной составной элемент морфемы, если она состоит из нескольких фонем. Если же она состоит из одной фонемы, то она одна в своем собственном морфемном составе обладает фонематическим весом первой степени. Гласные фонемы русского языка под ударением всегда обладают фонематическим весом первой степени, потому

что определяют характер значения не только данной морфемы, но и всего слова. Гласные фонемы в предударном первом слоге слов языка обладают фонематическим весом второй степени, а гласные в других слогах слов русского языка обладают фонематическим весом третьей степени.

Фонематическим весом первой степени в согласных обладают превокальные согласные слога или слога-слова русского языка, так как они ни при каких обстоятельствах не теряют отчетливости своего произношения, потому что в противном случае они не в состоянии будут выполнять свои фонематические функции.

Фонематическим весом второй степени обладают согласные фонемы поствокальной позиции слога или слога-слова русского языка, так как они в этом случае в зависимости от последующих согласных или гласных фонем теряют отчетливость своего произношения, потому что это им не мешает выполнять функции второстепенных фонем в слоге. Все ассимиляции и диссимиляции согласных звуков русского языка происходят в поствокальном положении. Фонематическим весом третьей степени обладают согласные фонемы поствокальной позиции слога или слога-слова русского языка, которые сохраняются только в орфографии, но отнюдь не в орфоэпии. Бывают случаи, когда в составе одного и того же слова (когда рассматривается фонематический вес гласных) одна и та же гласная фонема, т. е. гласная фонема одного и того же подъема, ряда и лабиализации или нелабиализации, встречается во всех трех степенях фонематического веса, например: *молоко* – *мзлоко*. В этом слове *о* под ударением имеет фонематический вес первой степени *о*, пока в первом предударном слоге – фонематический вес второй степени, потому что, как бы она ни произносилась, но звучать не может, *о* во втором предыдущем слоге обладает фонематическим весом третьей степени, потому что она в данном слове никаким фонематическим весом не обладает, а сохраняется в орфографии в силу консервативности письменной речи вообще. В слове *боб*, произносимом *бон*, превокальная звонкая согласная фонема *б* имеет фонематический вес первой степени, потому что оглушение или смягчение ее при произношении граничит с выражением другого значения (*нон*) или бессмыслицей, а поствокальная согласная фонема *б* или *п* обладает фонематическим весом второй степени, так как она выпасть не может, но, когда

она при изменении слова *боб* в *боба* становится превокальной следующего слога *бо-ба*, сохраняет отчетливость своего значения. Это закономерность современного русского языка. Она в таком виде может встречаться и в других языках, но не все языки имеют аналогичную закономерность фонематического веса. У некоторых, как увидим ниже, закономерности фонематического веса абсолютно противоположны закономерностям русского языка. Это зависит от стадии развития языка, на которой он в данный момент находится, с одной стороны, с другой же – это объясняется некоторыми сходствами фонематических и иных изменений различных стадий. С этим мы также познакомимся ниже.

Отношение между согласными и гласными фонемами одного и того же языка характеризуется также степенями фонематического веса. В одних языках фонематическим весом первой степени обладают согласные фонемы и фонематическим весом второй степени гласные (русский, адыгейский), в других языках наоборот, в третьих (переходящая ступень) отношения между гласными и согласными характеризуются одинаковым фонематическим весом и согласных и гласных (грузинский, чеченский и ингушский, некоторые другие).

Объясняется это тем, что точно так же, как развитие происходит скачкообразно и в обществе, и в живых отношениях, и в природе, в языке не бывает так, чтобы гласные и согласные (противоположности) развивались одинаково, одновременно. На одной ступени развития языка развиваются гласные и подвергаются всем изменениям, на другой ступени – согласные и подвергаются изменениям. Встречаются и такие языки, которые испытывают муки переходной ступени от первой ко второй, и тогда обычно и согласные и гласные пользуются одним и тем же фонематическим весом, но это не навсегда, это только до поры до времени, это только относительное равновесие, которое должно разразиться бурной перестройкой всей грамматической структуры языка, перестройкой, которая почти ничего не оставит от старого строя, это своего рода революция, которая происходит во всей остальной и сложной структуре языка.

ПЕРЕХОДНОСТЬ ФОНЕМАТИЧЕСКОГО ВЕСА

Фонематический вес того или иного языка в своих специфических проявлениях не является постоянным признаком языка, характеризующим его на всех этапах его развития. Фонематический вес переходен. На одних этапах своего развития язык может характеризоваться фонематическим весом гласных, на других этапах этот же язык может характеризоваться фонематическим весом согласных. Промежуток времени между периодом, когда язык характеризовался большим фонематическим весом гласных, и другим периодом, когда он начал характеризоваться большим фонематическим весом согласных, огромен. Он может определяться тысячами лет. От одного такого этапа до другого происходит постепенное незаметное усиление фонематического веса фонем одного порядка (например, гласных) за счет ослабления фонематического веса фонем другого порядка. Этот процесс происходит в течение долгого времени. И сопровождается рядом других процессов, перестраивающих морфологическую и синтаксическую структуру языка. Это, главным образом, процессы, связанные с использованием ударения, порядка фонем в слове и слоге, порядка морфемы, порядка слов в предложении, порядка флексии (профиксация, инфиксация и флексия).

При большем фонематическом весе гласных, т. е. при усилении фонематического веса гласных за счет ослабления фонематического веса согласных, происходит прикрепление ударения к одному слогу, потому что ударение как бы является гласной фонемой, которая не регистрируется, но которая играет большую роль в процессе их усиления. Ударение, усилив гласные, нужные для выражения значения, отодвигается на задний план, становится, так сказать, в резерв, на отдых, выходит из употребления. Ударение в этот период уже не является средством выражения ни лексического, ни грамматического значения, оно только фиксирует границы слов и границы фраз-предложений. Отчетливое произношение гласных во всех слогах снимает необходимость использования ударения для дифференциации значения слов путем выпячивания той или иной морфемы.

При большем фонематическом весе согласных, т. е. при усилении фонематического веса согласных, когда гласные «проглатываются», когда они точной артикуляции для своего произношения не требуют, мы прибегаем к использованию ударения для усиления произношения нужной гласной фонемы, что дифференцирует значения одинаковых звуковых комплексов. В одном случае такой звуковой комплекс с помощью ударения может усилить гласную в первых слогах, в другом случае – в последних, средних и т. д. Отсюда перекочевка ударения, отсюда язык с подвижным, непостоянным ударением. Это – первое. Второе, когда при усилении фонематического веса гласных они как наиболее весомые звуки стремятся к началу слова, к началу слога. Стремление гласных к началу слова и слога ведет само по себе к ослаблению превокальных согласных. Ослабление превокальных согласных ведет к тому, что ассимиляции веса начинают происходить в превокальной позиции слога. Но так как гласные сами, одни, не в состоянии обеспечить выражение смысла без согласных, то согласные концентрируются в поствокальной позиции слога как фонемы второй степени фонематического веса. Это место, где происходит нужное для следующего этапа развития языка усиление согласных в сочетании уже с ослабевающими гласными.

Сосредоточение согласных в поствокальной позиции слога-слова и в конце слова совпадает с усилением агглютинации, с усилением морфем, выражаемых главным образом согласными фонемами в сочетании ослабевающих гласных, которые стремятся к фиксации только фонеморазделов. Агглютинирование такого рода в поствокальной позиции слога-слова или в конце многосложного слова сопровождается усиливающейся разработкой флексий (падежных окончаний, личных окончаний, окончаний для числа, рода, одушевленности, неодушевленности и т. д.).

Сосредоточение согласных в превокальной позиции – усиление их за счет ослабления гласных. Этот процесс сопровождается агглютинацией слова с начала его, т. е. процессом разработки наслаивающихся один на другой префиксов за счет ослабления флексий и суффиксов, которые или совсем выпадают, или окаменевают и становятся элементами корня. Дальнейшее усиление префиксации и превращения суффиксов в основных носителей функции корня приводит еще и к тому, что первоначальные элементы корня ослабевают и выходят из употребления. В результате

чего вместо одного слова появляется другое, вместо одной грамматической формы – другая. Процесс такого изменения долгот и медлен, новое сопровождается старым, чтобы незаметно передать новому свои функции. Поэтому ни процесс, сам по себе ни исчезновение старого не ощущаются говорящими индивидами. Они практикой своего употребления рожают новое, усиливают его, убивают старое и хоронят его.

Вызываются все эти процессы не внешними какими-либо факторами, не людьми, не влияниями, не дефектами речевого аппарата человека, а внутренними соотношениями сил выражаемого и выражающего, семантики, вечной и беспрерывно питающейся животворными соками трудовой, следовательно, познавательно-творческой деятельности всего коллектива, состоящего из индивидов-тружеников, и звуковой стороны, которая вызвана к жизни как материализация развивающегося познания. Нет готовых форм, предназначенных только для одной цели, готовых способов материализации познания. Они возникают для удовлетворения потребности из того материала, который под руками, который легко использовать, но так как материал может быть использован до конца, человек для удовлетворения берет другой материал, лежащий дальше и глубже первого, который добывается труднее первого. Раз использование материала пошло по новому пути, то этот материал за счет сокращения использования до возможных пределов первого материала стремится занять господствующее положение, он входит в моду, он используется также до пределов. Использование до пределов второго материала вызывает необходимость использования третьего и т. д., которым в ходе развития может быть видоизмененный первый, сочетание первого и второго и т. д. Этот путь развития является общим, всеобъемлющим для всякого явления. В отношении языка материалами, используемыми поочередно, являются гласные и согласные. Использование гласных как стержневых в выражении значений приводит к пределу возможностей этого использования. Человек вводит в употребление все возможности элементов гласных звукообразований, свойственных данной стадии языка. Когда же начинается видоизменение, перестройка языка, что никак не может быть выходом из кризисного состояния, тогда значение, не вмешиваясь в использование до основания формы гласных звукообразований, вливается в пустые, до сего момента служившие элементами, сопровождающими гласные звукообразо-

вания согласного типа звуков. Раз начался отлив семантики от гласных и прилив к согласным, то употребление гласных сокращается до минимума, до возможных пределов. Как бы антагонистичны ни были гласные и согласные, они совсем избавиться друг от друга не могут, потому что гласные сами без сопровождения согласных в силу ограниченности физиологических возможностей речевого аппарата человека обойтись не могут, так же как и согласные без сопровождения гласных. Когда же приходит к концу использование согласных звукообразований типа данной стадии развития языка, начинается использование гласных звукообразований, которые за это время более расчленились и будут произноситься речевым аппаратом уже более натренированным, что им дает новые, ранее использованные звучания. Притом с более развитой системой согласных, которые в той или иной степени силы могут сочетаться с гласными и превокально, и поствокально, затем могут сочетаться также и с согласными.

В этом случае на творческую обработку попадают согласные, стержнем, основным выражением смысла оказываются гласные, уже бывшие на обработке.

И так от одной стадии к другой, от одного способа сочетания к другому, отнюдь не по готовым путям и разведенным возможностям, а вслепую, подчиняясь требованию потребности семантики, питающейся жизнотворными соками труда миллионов индивидов как в горизонтальном, так и в вертикальном разрезе жизни, как в синхроническом, так и диахроническом аспекте деятельности людей. Переходность фонематического веса трудно наблюдать одному поколению людей. О ней могут судить современники, начиная с письменных, памятников до живых фактов употребления или на материалах языков различных систем. Только это может оказать соответствующую помощь исследователю в восстановлении эволюции развития языковых средств.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ФОНЕМА

«Язык есть важнейшее средство человеческого общения», – пишет В. И. Ленин в работе «О праве наций на самоопределение», определяя условия и задачи национального движения. И это верно.

Как сказано ранее, язык (всякий) возник «в результате настоятельной нужды в общении людей»; следовательно, язык – орудие удовлетворения потребности людей в общении, как материализации ее, как превращения ее из ничего в явление объективного характера, занимающее такое же место в жизни человека, какое занимает орудие производства.

И если это так, то язык – орудие общения, – как и всякое другое орудие (топоры, машина, пулемет, самолет и т. д.), должен состоять из чего-то, из какого-то материала. Если орудия производства делаются из камня, дерева, металла и т. д., в зависимости от усложненности выполняемой ими функции и задач, стоящих перед человеком в различные эпохи развития общества и его материально-производственных основ, то язык как орудие общения складывается из слов, состоящих из морфем, которые в свою очередь происходят из звуков, а они являются «движущимися слоями воздуха». Стало быть, звуки – это вещество природы, ее материальные единицы, использующие прием постоянной и непрерывной шлифовки.

Функции орудия производства, того или другого вида труда остаются одними и теми же, но сами орудия меняются в зависимости от усложнения условий жизни и объекта труда. А усложнение функций ведет к необходимости замены формы орудия, усовершенствования его, а замена формы орудия и необходимость усовершенствования его ведут к тому, что средство, из которого сделано это орудие, не отвечающее уже новым усложненным функциям, заменяется другим средством, другим материалом, более крепким, более подходящим, более соответствующим. Пер-

вобытный человек для производства определенных видов несложного труда и неусложненного объекта создал орудие из камня. Затем усовершенствовал его, приделав палку, получил метательное орудие. Понадобилось новое орудие – обтесал камень, превратив его в каменный топор. Для удобства пользования пробил в нем дырку, затем вставил в нее палку-топорище – получился топор. Далее человек изобрел топор из бронзы, он тоже пришел в негодность. Человек изобрел топор из железа и т. д. Эволюция шла постепенным усовершенствованием орудия: камень–железо–сталь.

Орудие общения человек начал создавать из звуков, производимых речевым аппаратом, которые сначала были словами. Значит, функции остались, но средство, из которого было создано их орудие, изменилось: то этим средством были движения руки, гримаса лица, то им стали звуки, диффузные, нерасчлененные слова. С течением времени, когда функции общения усложнились еще более, когда орудие общения, созданное из диффузных слов, стало приходить в ветхость, диффузные слова стали расчленяться, что из соединения расчлененных, укрепленных внутренне, ставших устойчивыми, стали образовываться новые виды слов, из которых человек создал орудие, более усовершенствованное, более богатое и отвечающее новым требованиям, предъявляемым к ним новыми условиями общения. Таким образом, создались более крепкие, более конкретные слова, состоящие из новых образований – слогов. Это точно так же, как соединение каких-то двух металлов, чтобы этого нового металла было в достаточном количестве для обеспечения более крепкого, богатого орудия. Соединение чугуна и железа дает сталь, сталь крепче железа, топор, сделанный из стали, крепче топора из железа. Затем в других, еще более усложненных условиях слова составляются из слогов, состоящих из членораздельных звуков. В этом случае слово получает еще большую самостоятельность и смысловую силу, кроме этого, таких слов с помощью разнообразных сочетаний звуков в составе слогов и слогов в составе слов можно составлять в несколько раз больше, и они окажутся более лучшими для создания лучшего орудия общения. Это встречается и в производстве, когда чугун смешивается и еще с чем-то, а железо – тоже, и сталь, сплавляемая из нового состава чугуна и железа, становится еще крепче, а орудие, сделанное из такой стали, лучше выполняет функции.

Таким образом, все лучшие и лучшие виды орудий возникают в результате необходимости лучшего выполнения усложнившихся функций данного орудия. Это закон диалектики, который имеет место во всем том, что создает человек для удовлетворения тех или иных потребностей. Каждый новый состав металла осмысливается и включается в сокровищницу знаний. Так и в языке, так язык тоже создается человеком.

Необходимость привела к расчленению слова, ликвидировав диффузность его, это дало возможность создания нового элемента, который мог быть включен в состав нового средства для орудия, слога; осмысление и использование слога до конца привело к выделению мельчайшего элемента речи – звука, который может быть включен в состав слога. Развитие всех сторон языка подчинено закону лучшего удовлетворения потребности, следовательно, все элементы, добытые и использованные в развитии материала орудия общения – языка, осмысливаются и входят в сокровищницу знаний. Отсюда имеют значение для создания орудия общения и его использования на практике не только слова, из которых создается это орудие, но и слоги, которые создают слова, но и звуки, из сочетаний которых создаются слоги...

«Язык, – пишет Н. Я. Марр в статье «К семантической палеонтологии», – создание коллектива в производстве. Нет ни одного слова, ни одной формы, ни одного звука, ни одного лингвистического явления, не прошедшего через осознание, созданное и нормировавшееся коллективом, впоследствии массовым производством». Дальше в работе «Язык и письмо» он пишет: «...звуковой материал и есть то средство, орудие (из чего создается орудие общения. – У. А.). Будет, однако, правильнее сказать: не просто природой созданное орудие, а вещество, организующее общественно оформленное орудие не только звукового языка, но вообще речевой культуры, зависевшей в своем росте и развитии от роста производства и социальной структуры».

Звук, который возник в результате расчленения диффузного слова и составляющих его слов или слогов, социально осмысленный, используемый для составления слога, могущего в сочетании с другим слогом составить слова или самому быть словом, я называю *фонемой*. Она – не слово, не слог и не «сумма акустических впечатлений и движений», как определяет ее Фердинанд де Сос-

сюр, первый в Европе обративший на нее внимание, а осмысленное семантически, акустически и физиологически «вещество», возникшее в результате расчленения диффузного слова, и из сочетания которого с другим таким же «веществом» или «веществами» синтезируется слово или значащие части его – слоги.

Определяя фонему в работе «О происхождении языка», Н. Я. Марр совершенно правильно пишет: «Каждое слово звуковой человеческой речи есть в источнике акт осознанного, а не аффекционного, или непроизвольного, действия. Животная речь пользуется в своем зачаточном состоянии аффекционными средствами, данными природой, у одних – звуками, например у птицы, у других – движениями, например у муравья. Звуковые средства птиц громадны в отношении пения, но это непроизвольный звук, это не звук языка. В языке не звук, а фонема, отработанный человечеством членораздельный звук, сопровождаемый работой мозгового аппарата, раньше влиявшего в тех же целях на руку, звук, направляемый мышлением, как раньше направлялись им движения руки, жесты и мимика линейной речи».

Ко всему этому нужно добавить еще и то, что фонема возникает из самого слова, рождается им в труде и родовых муках, которое, как видели выше, расчленяется, отшлифовывается, достигает четкой дифференциации в произношении звуковых элементов. Рождается она словом для самого же слова, но не для того и такого, из которого она родилась, а для другого или для многих других, новых, недиффузных, имеющих границы и свою семантическую и звуковую самостоятельность, не похожих на те, которые могут иметь общие с ними фонемы, но которые на него не похожи. Другое понимание фонемы неизбежно приведет к неправильным толкованиям причин фонетических и даже грамматических изменений, которые выше преграждают пути всестороннего развития науки о языке – лингвистике.

Оформление фонемы в звуковом языке явилось таким же скачком в развитии языка, каким был переход ручной и физиологической речи к звуковой, потому что фонемы в своем сравнительно небольшом количестве создали ту могущественную фонематическую базу, с помощью которой человек в течение многих тысячелетий создал такое многообразие слов, грамматических

форм и синтаксических структур современных языков. Если бы не такая творческая сила фонемы, человеку пришлось для многих сотен тысяч осознанных предметов, их признаков, действий, для многих сотен явлений, их признаков, для многих сотен понятий, которые не ощущаются как предметы, как явления, создать много сотен тысяч слов при ограничениях физиологических возможностей. Нужно сказать, что человек еще не все возможности фонем в области словотворчества использовал, что еще много перспектив для создания новых слов, новых названий, если будет в них нужда. Например, из сочетания двух фонем – *о* и *н* – можно создать два слова: он, но, из сочетаний трех – *л*, *о*, *м* – можно создать более восьми, и только три из них используются русским языком.

По характеру отшлифованности фонем своих современные языки мира распадаются на две группы: первая группа – языки, в которых фонемы строго отшлифованы и имеют для каждого отдельного языка строго ограниченное число фонем, вторая группа – языки, в которых исторический процесс отшлифовки или не прошел или прошел давно, и фонемы потеряли свою отшлифованность. К первой группе можно отнести индоевропейские, тюрко-татарские и некоторые другие языки, которые по стадии развития находятся между тюрко-татарскими и индоевропейскими языками. Ко второй группе можно отнести языки яфетические, в которых процесс отшлифовки еще не закончен, китайский и некоторые языки Тихоокеанского бассейна, в которых процесс отшлифовки фонем давно закончен, и в силу этого фонематическая система этих языков, правда, на другой ступени развития, но имеет неотшлифованный характер. В силу этого общего для них положения, напоминающего первое и второе детство человека, у них сейчас идет один и тот же процесс – процесс отшлифовки фонем.

Чтобы ясней изложить свои мысли в этом вопросе, я позволю себе остановиться сначала на характеристике фонетической системы языков первой группы, дабы потом на этой базе перейти к характеристике фонетической системы языков второй группы языков.

Исторический ход развития русского языка привел к тому, что современный русский язык имеет сейчас следующий состав фонем: гласные – *а, о, у, э, и, ы*, и согласные – *б, б', в, в', г, г', д, д', ж, ж', з, з', к, к', л, л', м, м', н, н', п, п', р, р', с, с', т, т', ф, ф', х, х', ц, ч', ш, ш'.*

Как известно, фонемность гласных русского языка реализуется или в односложных слогах, например: *мал, мол, мёл, мул, мил, мыл; пал, пол, пэл, пыл, пуль* (заимствованные деньги) или под ударением в двух или более сложных словах: *запас, запал, забыл, забил*.

Три первые из них – *а, о, э*, называемые широкими, используются в двух или больше сложных словах только под ударением, три последние из них – *у, и, ы*, называемые узкими, могут встречаться и в других слогах.

Фонемность согласных звуков русского языка реализуется в составе слога-слова или слога-фонемы. Притом в превокальной позиции слога могут реализоваться почти все согласные фонемы – глухие и звонкие, твердые и мягкие, взрывные, фрикативные и аффрикативные нормальные и долгие, сонорные, губно-губные, губно-зубные, передне-, средне- и заднеязычные, например: *пал – п ал, мал – м ал, бас – б ас, вал – в ал, рат – р ат, сат – с ат, зат – з ат, лат – л ат, вол – в ол, фонарь – фитил* и др.

В этих словах-парах смыслоразличителями являются превокальные мягкие и твердые, глухие и звонкие, взрывные, фрикативные, сонорные, согласные звуки.

В поставленной позиции слога-слова реализуются только глухие взрывные, фрикативные и аффрикативные мягкие и твердые согласные и сонорные звуки.

Звонкие согласные фонемы, если не считать сонорных, в поствокальной позиции слова-слога не встречаются, в поствокальной позиции предыдущего слога звонкие согласные фонемы встречаются только в том случае, если превокальная согласная следующего слога звонкая или сонорная, которые помогут поствокальной согласной сохранить свою звонкость.

Нужно сказать, что согласные фонемы русского языка весомей, чем гласные, но и они в своей среде имеют сильные и слабые, сильными в них являются сонорные (*р, м, н, л* и мягкие и твердые). Они свое звучание сохраняют при всяких обстоятельствах. За ними идут все остальные согласные фонемы и твердые и мягкие – в превокальной позиции слога или слога-слова, на третьем месте стоят глухие – твердые и мягкие – в поствокальном положении. Таким образом, слог действует на позиции, которые играют большую роль в реализации фонемности и гласных, и согласных

русского языка. Ударный слог – место полной реализации гласной фонемы, превокальная позиция слога – место для полной реализации звонких согласных, превокальная и поствокальная позиция слога одинаково важны для сонорных. Поствокальная позиция слога-слова – место для наиболее полной реализации твердых и мягких согласных. Звонкие согласные фонемы могут реализоваться в поствокальной позиции, если это стык двух слогов или слов, притом второй из этих слогов или слов должен иметь превокальные звонкие согласные, чтобы поствокальные звонкие согласные предыдущего слога сохранили свое звучание. Поствокальные глухие согласные фонемы могут сохранить свою глухость на стыке двух слогов или слов в том случае, если следующий слог или слово имеет превокальную глухую фонему. Это неслучайный и постоянный признак русского языка. Он имеет глубокие исторические корни, связанные с диалектикой развития языка.

В отношении звуковых особенностей русские фонемы – гласные и согласные – делятся на четыре группы: 1) однозвучные, 2) двухзвучные, 3) трехзвучные, 4) четырехзвучные.

К однозвучным относятся все твердые глухие согласные, которые могут быть губно-губными (*п*), губно-зубными (*ф*), переднеязычными (*т, с, ш, ц*), среднеязычными (*кх*). Эти фонемы являются однозвучными, потому что при образовании их участвуют только одни из органов речи.

К двузвучным относятся все звонкие твердые, взрывные, фриктивные, гласные и все глухие мягкие, которые могут быть губно-губными (*ба*), губно-зубными (*вф*), переднеязычными (*дзж, ж, р, с, ш, д, ч, л*), среднеязычными (*гх*), потому что при их образовании принимают участие два органа: при *б, в, д, з, ж, р, л, г* соответствующих органов речи слоговые связи, при *т, с, ч, т, ф, п*, органов речи и приподнятая к небу средняя часть языка при *и*.

К трехзвучным фонемам относятся все мягкие звонкие согласные, все твердые носовые, которые бывают губно-губными (*б*), зубно-губными (*в*), переднеязычными (*д, з, ж, р, л*), среднеязычными (*гх*), потому что они их образовали, играют роль три звука: шум соответствующих органов речи, голосовые связки и приподнятая к небу средняя часть языка.

К четырехзвучным относятся все мягкие сонорные и все гласные, которые могут быть губно-губными (*и*), переднеязычными (*и*), переднерядными нелабиализованными (*и*, *э*), среднерядными нелабиализованными (*ы*), заднерядными нелабиализованными (*а*) и заднерядными лабиализованными (*о*, *у*), потому что при их образовании принимают участие четыре звука: при *м*, *н* – шум соответствующих органов речи, голосовые связки, носовая полость и приподнятая к небу средняя часть языка, при *и*, *э* – узкий и средний раствор рта, голосовые связки, спокойно-нормальное состояние губ при раскрытом рте и язык, передней частью прижатый к нижним зубам, прибугренный и приближенный к небу, *ы* – раствор рта, голосовые связки, спокойно-нормальное состояние раскрытых губ и язык, передней частью прижатый к нижним зубам, а средней частью прибугренный и приближенный к средней части неба, при *а* участвуют голос, проходящий через широко раскрытый рот, приближенный к задней части рта язык и находящиеся в спокойно-нормальном состоянии раскрытые губы, при *о*, *у* участвуют голос, проходящий через узко- или среднераскрытый рот с собранием в заднюю часть, прибугренный язык и вытянутые вперед округленные губы.

Однозвучные фонемы русского языка являются простейшими, потому что они ни при каких обстоятельствах не подвержены дальнейшему членению, это звуки речи – элементы, которые, соединяясь с другими простейшими, могут дать новые фонемы. Образование их связано с расчленениями сначала диффузного слова, потом диффузной морфемы, которая расчленилась в диффузные четырех-, трех- и двухзвучные фонемы, и последняя распалась на два элемента, одним из которых является однозвучная простейшая фонема. Вызывалось такое расчленение не само по себе в силу стремления звуков к расчленению и не потому, что органы произношения усовершенствовались свои артикуляционные приемы, т. е. самоусовершенствовались, потому что нет на свете ни одного явления, ни одного элемента, который шел вперед без причин, вызывающих это движение; вызывалось это тем, что развивающиеся условия усложняющегося труда с новыми усовершенствованными орудиями и организация коллектива развивали мышление, а развивающееся мышление усложняло удовлетворение потребности общения, т. е. усложнялось производством

орудия общения – языка. Н. Я. Марр пишет, что первобытный человек, начавший пользоваться звуковым языком, сначала имел несколько звукокомплектов-слов, число их, по Н. Я. Марру, было 4: сал, бер, йок, рож. Их могло быть больше и меньше. Дело не в этом, а в том, что человек для удовлетворения усиливающихся потребностей в связи с увеличением осознанных предметов с осознанными качествами и признаками их придумывал не новые слова-комплексы, а натягивал старые, переживал уже то, что было в употреблении, потому что сочетание четырех или больше слов-комплексов уже не хватало на прямое обозначение осознаваемых предметов, значит, нужно было расчленение этих четырех до восьми, до шестнадцати, до тридцати двух и т. д., которое давало ему возможность иметь все больше и больше сочетаний, следовательно слов. Может даже быть так, что путем расчленения целые слова-комплексы нерасчлененных звуков в современных языках сохранились в виде только простейших фонем, каковыми являются *n, m, e, ш, ф*, может быть и так, что от многих слов не осталось ни слова, потому что при расчленении их элементы совпали с теми или иными элементами, полученными раньше. Так случилось с фонемами *ь, ъ, а, и, т, д*, которые при дальнейшем расчленении совпали с гласными *о, и, е, я, у, ю*, современного русского языка, а некоторые из них (*ъ, ь*) при еще большем расчленении слились с согласными – простейшими и двухзвучными, каковыми являются твердые и мягкие согласные.

Расчленение звуков ведет к обогащению выразительных возможностей языка до определенных пределов, дальше оно превращается в расчленение, ведущее к обеднению выразительных средств языка, потому что это – переход количественных изменений в качество, а оно может быть для данного развития отрицательным, а отсюда дальнейшее количественное изменение этого качества и образование новых диффузных фонем, напоминающих расчленявшиеся раньше, но на другой основе и ступени развития. Это фонемы-рождения и фонемы-диффузоиды, образованные от сочетания простейших. Расчленение диффузоидов могло привести через обогащение выразительных возможностей языка к такому состоянию простейших однозвучных *n, ф, т, с, ж, х, к, д* и смычно-гортанных глухих твердых *л, р*, которые встречаются после в яфетических языках (см.: *Марр Н. Я. Абхаз-*

ский аналитический алфавит), первые 7 из которых сохранены и в современном русском языке (*п, ф, т, с, м, ш, х, к*). Это то новое качество, отрицательно отражающееся на возможности средства выражения мысли, которое получают в результате расчленения, но оно не останавливается на достигнутом, в случае остановки оно бы вымерло, оно идет на дальнейшее движение вперед, но не по линии расчленения (таких возможностей у этого нового качества уже нет), а по линии соединения с другими простейшими, например $m+c = ц$ $m+ш=ч$, и их число доходит до 9 (*п, ф, ж, с, ш, х, к, ч, ц*) по линии образования новых, качественно отличных диффузоидов путем соединения простейших (*п, т, ф, с, ш, х, к, ч, ц*) с простейшими голосными (звучание голосовых связок), диффузоидов новой ступени развития языка (*б, в, д, з, ж, г, дж, х, р, л*), и число их доходит до 19. Отсюда соотносительность однозвучных и двухзвучных, так называемые глухопары (*п, б, ф, в, т, д; с:з, ш:ж; к:г; дж, х:х*) (последние две звонкие фонемы сейчас в современном русском языке находятся в процессе производства: русское фрикативное *г* и звук на стыках слов). В дальнейшем образуются переднезвучные *м, н* (*кг*) посредством соединения с однозвучными *п, т, у* двухзвучных. Вследствие появления трехзвучных диффузоидных фонем число согласных фонем становится *п, б, м, ф, в, т, д, н, с, з, ш, ж, к, г, ц, х, х, ч, дж, ц, р, в*, три из которых в русском языке находятся в процессе образования (*н, дж, х*).

В период образования согласных фонем, описанных выше, русский язык имел богатую систему гласных фонем всех оттенков: нелабиализованных заднего ряда – *а, ы*, нелабиализованных переднего ряда – *э, и*, лабиализованных заднего ряда – *о, у*, лабиализованных переднего ряда – *ъ, ъ*, назализованных заднего ряда – *ж*; назализованных переднего ряда – *а*. Произношение гласных фонем этого периода не подчинялось никаким фонетическим и другим условиям. Ударение в русском языке в этот период подчинялось силе гласных фонем и было постоянным, потому что обычно, когда гласные являются основным фонетическим средством выражения смысла слова, надобности использования ударения в качестве средства дифференциации грамматического значения не бывает. Ударение используется как средство выражения грамматического значения в том случае, когда глас-

ные не в состоянии выражать значения слов, когда это значение выражается согласными, как в современном русском языке. В этот период русский язык должен иметь полногласные сочинения слов. В этот период, кроме всего этого, характер звучания одних и тех же согласных фонем русского языка целиком и полностью зависел от характера звучания гласных. Согласные звуки в слогах с гласными *а, ы* были твердыми с чистым, открытым оттенком звучания, с гласными *э, и, ь* были мягкими с открытым оттенком звучания, с гласными *о, у* – твердыми с лабиализованными. Все эти оттенки согласных фонем русского языка в тот период не могли иметь самостоятельный характер – они были прозвуками соседних гласных, но с течением времени, когда они уже начали переставать отвечать настоящим требованиям потребности развития языка, эти оттенки согласных стали начинать носить характер самостоятельности, фонемности, как основные звуковые средства выражения мысли и основные творческие элементы. Это могло бы дать согласные фонемы, лабиализованные глухие и звонкие, твердые и мягкие лабиально-нелабиализованные, глухие и звонкие, твердые и мягкие лабиально-назализованные, как это имеет место в языках (см.: *Март Н. Я.* Абхазский аналитический алфавит). Несмотря на эти возможности, эта трансформация фонем дала глухие и звонкие, твердые и мягкие согласные нелабиализованные: *б, б, п, п, м, м, в, в, ф, ф, г, ж, з, з, с, с, т, т, д, д, н, н, р, р, л, л, к, х, ц, ч, ш*. Закрепились эти согласные фонемы в современном русском языке, потому что при образовании мы имеем мягкую и простую артикуляцию для одно-, двух-, трех- и четырехзвучных согласных фонем, не закрепились лабиально-назализованные, потому что в том отношении мы имели согласные фонемы пяти-шестизвучного характера, требующего одновременного участия почти всех органов произношения, что было бы слишком сложно и трудно в смысле артикуляции, – это одно; другое – согласные звуки пяти-, шестизвучного характера было звуками пройденного, яфетического этапа, давшего русскому языку или языкам, которые легли в основу древнерусского языка, то количество гласных фонем, которые легли в основу фонем, имеющих в современном русском языке. Назализованные гласные фонемы лишь укрепили отчетливость произношения носовых согласных, образованных на какой-то нашей стадии развития языка.

Семантическая весомость согласных, приобретенная ими в результате исчерпания выразительных возможностей гласных, укрепила систему согласных фонем русского языка, укрепление ее привело к тому, что почти все ранее несамостоятельные <...>. отделение глухого, звонкого, твердого и мягкого произношения согласных фонем укрепились, установили свою осмысленную, четкую артикуляцию и этим лишили некоторые функции ослабляющихся гласных, лишение некоторых функций гласных привело некоторые из них к совпадению в звучании с другими и поставило перед ними необходимость и неизбежность выхода в отставку части гласных фонем, как потерявших функции (потеря функции во всех явлениях ведет к потере деятельности, и потеря деятельности к остановке, остановка же – смерть). Гласные фонемы *ѣ, ъ* в древнерусском языке были гласными звуками лабиализованными среднего и переднего ряда среднего подъема, переднего ряда нижнего подъема.

Рядом с тем, что эти гласные фонемы служили выражению стыка слова как гласные, они служили еще элементами, смягчающими или придающими твердость в произношении согласных. Когда согласные звуки получили фонемность в своем твердом и мягком произношении, надобность в *ѣ* и *ъ* как элементах придания мягкости или твердости согласным сама по себе отпала, и существование их наполовину стало ненужным.

Вторая же функция – функция гласной фонемы, когда гласные стали семантически слабыми, в своем звучании стали вариантами других гласных фонем, более простых и легких, и совпали с ними (*ѣ* с *о*, *ъ* с *э*), и фонемы *ѣ, ъ* прекратили свое действие, вымерли. То же самое случилось с *ѣ*. Потеря половины функций – смягчения или отведения предыдущих согласных – и ослабление семантического веса изменили произношение оставшихся гласных фонем (*а, ы, и, о, у, э*), привели к тому, что в современном русском языке в зависимости от ударения они произносятся отчетливо (под ударением) и нечетливо (редуцированно) в неударных слогах. Это ослабление и выпадение гласных фонем привело еще и к тому, что в русском языке появилось неполногласие и стечение двух, трех и четырех согласных в превокальной позиции слога.

В результате таких трансформаций, происходивших в течение последнего известного нам тысячелетия, в русском языке оказа-

п:

б: абочинъ, абък

б: абит, абрит

р: рас, трах

р: рафкнул, трэснул и т. д.

л:

л:

л:

ц: купца, нъходица, бодрица и т. д.

Интересно еще и то, что как внутреннее качество самой фонемы, не развернутое еще и не осмысленное, не фонемизированное, в природе личной фонемы имеются элементы, видимо связанные с увеличением площади смыкания или сужения органов произношения. Это можно заметить, если произносить попеременно *цеп – цепь, кроф – крофь, угол – уголь, кон – конь, сам ходит – ходить* и т. д.

Притом промежуток времени произношения слов с мягкими и твердыми согласными, фонемами, одинаков, конечно, если количество фонем в том или другом слове одно и то же. Время на произношения долгой фонемы, оказывается, берется у соседней гласной фонемы, которая вследствие этого начинается произноситься хотя неосмысленно, но кратко. Это также можно наблюдать, если произносить попеременно слова с мягкими и твердыми согласными одной и той же конструкции, например: *угол – уголь, кроф – крофь, кон – конь, цеп – цепь* и т. д.

Нужно предполагать, что ближайшее будущее время русского языка связано с новым обогащением согласных фонем за счет использования долготы согласных и краткости произношения гласных фонем. К концу этого нового русский язык получит вполне осмысленные нормальные и долгие мягкие и твердые глухие и звонкие согласные, нормальные и краткие, мягкие и твердые лабиализованные и нелабиализованные гласные фонемы. В то же время нельзя думать, что это пройдет за счет простого увеличения количества согласных фонем. Можно ожидать, что твердые согласные фонемы все будут нормальными и долгими, а мягкие только долгими, например: *б, б, б, в, в, в, ф, ф, ф* и т. д. – всего около 40, а гласных около 10: *а, о, у, и, ы, э (е), я, ю, ё*; переднего ряда верхнего подъема лабиализованная *ю*, нелабиализованная *и*, среднего подъема лабиализованная *е*, нелабиализованная *э (е)*, нижнего

подъема нелабиализованная *я*, заднего ряда верхнего подъема лабиализованная *у*, нелабиализованная *ы*, нижнего подъема лабиализованная *о*, нелабиализованная *а*.

Все эти гласные фонемы если не все, то часть из них могут быть краткими, особенно такие, которые в составе слога часто или всегда сталкивались с долгими согласными фонемами.

Таким образом, каждая фонема – живой организм, имеющий свой день рождения, своих родителей, свой путь развития, становления, следовательно, фонетическая система каждого языка должна рассматриваться не только в горизонтальном положении, как сообщество звучаний и артикуляционных движений и их акустических результатов, но и в вертикальном, динамическом, хронологическом резерве, чтобы увидеть причины, вызвавшие к жизни как одну фонему, так и всю фонетическую систему того или иного языка, иначе – ни передвижения фонем, ни ассимиляции-диссимиляции, ни чередование, ни появление долгих или кратких, ни назализованных, ни лабиализованных, полатилизованных, ни появление новых фонем, ни исчезновение некоторых, ни увеличение, ни уменьшение общего количества их, ни соотношение звонких, глухих, твердых и мягких – причин всех этих явлений нельзя понять. Такое изучение, такой подход к исследованию фонетических явлений и не только фонетических, но и морфологических и синтаксических явлений поможет лингвистической науке очиститься от всей той шелухи и гущи, которые не дают ускоренным шагом двигаться вперед.

Мы познакомились с путями развития фонетической системы и отдельных фонем русского языка, языка индоевропейской системы. Теперь перейдем к изучению фонетической системы и отдельных фонем иной, противоположной системы языков, именно тюрко-татарской. Я пишу «противоположной», потому что фонетическая система русского языка по своим фонетическим явлениям больше напоминает фонетические явления, стоящие далеко от русского языка, языков яфетического характера, чем языков тюрко-татарской системы, хотя по качеству звучания фонем и русский, и тюрко-татарские языки, казалось бы, должны были стоять друг к другу гораздо ближе, чем яфетические и русский. Это объясняется тем, что в русском и яфетических языках семантически сильные – согласные, а в тюрко-татарских – гласные, отсюда противоположность фонетических явлений.

Тюрко-татарские языки, как известно, яфетической теорией отнесены к агглютинативной стадии развития языков, потому что грамматический строй в основном характеризуется большим количеством аффиксов, наслаивающихся один на другой с конца основы, которые имеют по одному грамматическому значению, например, если в русском слове *дерево* окончание *о* имеет три значения: единственного числа, среднего рода и винительного или именительного падежа, то в тюрко-татарских языках каждое окончание или аффикс имеет только одно свое собственное единоличное значение. Чтобы сказать в русском языке «я вижу деревья», в слове *деревья* для винительного падежа и множественного числа мы имеем один звуковой элемент – флексию *ья*, то в тюрко-татарских языках мы должны были бы употребить два элемента: «мен терек-ле-ни кёреме» (множественное число или винительный падеж). И каждый аффикс присоединяется в конце слова друг к другу. Это одна сторона дела, другая сторона особенностей тюрко-татарских языков заключается в том, что они имеют широко развитую сеть падежных флексий, элементов флактивной стадии языка вообще. Но в отношении фонетических явлений языки тюрко-татарских языков очень близки к некоторым индоевропейским языкам, например французскому. Это не потому, что они находятся на одной стадии развития, а потому, что фонетическое развитие через определенные промежутки времени проходит через такие этапы движения, которые хотя и не являются точным повторением один другого, но отдельные признаки, отдельные стороны развития фонем, отдельные особенности образования их и изменений имеют много общего.

Таким образом, языки различных стадий развития иногда имеют больше сходных фонетических черт, чем языки одной и той же стадии, как русский и яфетические (кабардино-абхазские) французский и тюрко-татарские. Об этом более подробно в главе «Фонетический вес».

Тюрко-татарские языки, как и языки флективного строя, неоднородны: среди них есть такие, которые идут впереди системы, есть и такие, которые сохранили очень много интересных архаических форм и явлений. Нужно сказать, что в фонетическом отношении узбекский язык ушел далеко вперед от других тюрко-татарских языков, а вот киргизский язык сейчас в употреблении

имеет очень много такого, что в других языках системы и следов не имеет. Это ничуть не значит, что в умственном отношении носители пережиточных явлений стоят далеко позади, а носители новых явлений движутся впереди. Если бы это было так, то носители шатинского или древнегреческого языков должны были бы стоять выше носителей английского языка на теперешней его стадии развития. Тут причины носят другой, более глубокий и лингвистический характер, о которых я собираюсь писать ниже.

Итак, для сравнительного исследования возьмем фонетическую систему киргизского языка, как наиболее характерную и богатую своеобразными фонетическими явлениями.

Современный киргизский язык имеет 36 фонем. Из них 16 гласных фонем (а, ы, о, у, и, э, у, е, аа, ыы, оо, у, у, ээ, уу, ее, ии) и 20 согласных фонем (п, б, м, т, д, с, з, н, р, л, ч, к, г, д, х, й, ы, ш) и 4 фонемы, внедряемые литературным языком (в, ф, ц, ж).

Гласные фонемы киргизского языка, как и всех других тюрко-татарских языков, в отличие от гласных русского языка, реализуются во всех слогах слова и никогда не зависят от ударения. Неточное произношение гласной фонемы любого слова в киргизском языке может привести к произношению другой гласной фонемы, следовательно, другого слова с другим значением, например: *эрик* – «слива», *ирик* – «двухгодовалая овца», *эрин* – «лень», *ирин* – «гной». Суженное произношение гласной э в предударном слоге ограничено возможностью произношения вместо одного другого слова. Объясняется это тем, что в киргизском языке в качестве гласных фонем встречаются почти все гласные звуки, которые может образовать речевой аппарат человека. Поэтому в какую бы сторону ни делалось отклонение произношения гласной в слоге, обязательно надо произносить какую-нибудь другую гласную фонему, которая с данными согласными в данных сочетаниях употребляется для выражения другого значения. Обычно бывает так, чем больше гласных фонем в языке, тем необходимей точное произношение каждой из них, чем меньше их в языке, тем больше случаев его подвижного употребления, потому что ударение как дополнительный грамматический момент больше необходимо для гласной фонемы там, где она слабее согласной, а там, где гласная сильнее, ударение не связано с гласной фонемой и имеет

другие функции, связанные с выражением семантической весомости морфемы.

В связи с этим, нужно полагать, что древнерусский и старославянский языки имели постоянное ударение, потому что они имели большое количество различных гласных, которые должны были произноситься во всех слогах одинаково отчетливо, как сейчас в киргизском и других тюрко-татарских языках. Ударение стало подвижным в русском языке в связи с разложением состава гласных и сокращением их количества, когда возникла необходимость точного произношения только одной гласной под ударением. Подробнее об этом ниже.

Но в киргизском языке, как и в других тюрко-татарских, гласные фонемы по употреблению делятся на две группы: на зависимые и на такие, от которых зависят первые, т. е. на такие, которые встречаются в основах, и на такие, которые встречаются в многочисленных агглютинирующих аффиксах, на основные и аффиксальные, на широкие и узкие. Правда, есть разнობой в таком делении гласных в системе фонем некоторых тюрко-татарских языков, как, например, в татарском, в котором основными являются узкие, а аффиксальными – больше широкие, но общая тюрко-татарская зависимость одних гласных от других не нарушается и в татарском языке. Такая зависимость гласных друг от друга называется *сингармонизмом*.

Основными, или коренными, гласными фонемами в киргизском языке являются: *а, о, е, э (е)* – краткие, или нормальные; *аа, оо, ее, ээ (ее)* – долгие.

Аффиксальными, или зависимыми, являются: *ы, у, и, у* – краткие, или нормальные, *ы, ы, уу, ии, уу* – долгие.

Гласные киргизского языка, как я уже отмечал выше, обладают исключительно большим семантическим весом. Их вес можно сравнить тоже с исключительно большим семантическим весом согласных фонем русского языка. Но так же, как согласные русского языка, гласные киргизского языка в зависимости от позиции в слове могут быть в своей среде семантически более или менее весомыми. Как видно выше, согласные русского языка бывают семантически более весомыми в превокальной, менее весомыми, если взять вообще все, в поствокальной позиции слога-слова или слога. Гласные киргизского языка точно так же оказываются более

весомыми семантически в предыдущих частях (в основах), менее весомыми в последующих частях (аффиксах) слова. В силу этого подверженными всяким изменениям являются согласные фонемы русского и гласные тюрко-татарских (киргизского) языков, стоящие в первом в конце каждого слога, во втором – в конце каждого слова, так как гласных не может быть в одном слоге несколько.

Зависимость аффиксальных гласных от основных (корневых) гласных фонем в киргизском (тюрко-татарском) языке проявляется, во-первых, в том, что ряд корней гласной фонемы подчиняется ряду аффиксальной гласной фонемы, т. е. все гласные фонемы аффиксов, присоединенных к этому корню, должны быть того же ряда, например: *ата* – «отец», *ата+быз+ды+кы+дыр* – «что-то нашего отца», если же последняя корневая гласная фонема переднего ряда, то все гласные фонемы аффиксов, присоединяемых к этому корню, должны быть только переднего ряда: *эне* – «мать», *эне+биз+ды+кы+дар* – «что-то нашей матери». Аффиксы этих двух слов отличаются друг от друга только качеством гласных, встречающихся в них, которые полностью зависят от ряда всех или последней корневой гласной фонемы слов, к которым они агглютинируют. Во-вторых, лабиализованность или нелабиализованность последней корневой гласной фонемы слов, к которым агглютинируют аффиксы, подчиняет почти все гласные фонемы, которые встречаются в этих аффиксах. В вышеприведенных двух примерах корневые гласные нелабиализованы, поэтому гласные фонемы аффиксов также нелабиализованы. Но если взять корень с лабиализованными гласными, то аффиксы, которые будут агглютинировать к нему, тоже будут почти все лабиализованы, например: *той* – «праздник», *той+у+буз+ну+ку+дур* – «что-то нашего праздника»; *кыз* – «глаз», *коз+у+буз+ну+ку+дур* – «что-то нашего глаза». Этот закон в лингвистике называется законом сингармонизма. По этому закону гласные фонемы киргизского (тюрко-татарских) языка делятся еще на четыре группы:

Гласные заднего ряда нелабиализованные: *а, аа* – корневые; *ы, ыы* – аффиксальные.

Гласные заднего ряда лабиализованные: *э(е), ээ(ее)* – корневые, *и, ии* – аффиксальные.

Гласные переднего ряда лабиализованные: *е, ее* – корневые; *у, уу* – аффиксальные.

Деление гласных фонем киргизского языка, да и не только киргизского, на корневые и аффиксальные оправдывается не во всех словах, потому что слова, в корнях которых встречаются аффиксальные (узкие): *ички* – «напитки», *жузум* – «виноград», *ытым* – «моя песня», *туз* – «соль», встречаются аффиксы, в которых встречаются корневые гласные, например: аффиксы неправильного, местного, исходного падежей всегда имеют корневые гласные, т. е. широкие гласные, имеют корневые (широкие) гласные и аффиксы отрицания, множественного числа и др. Наличие аффиксальных гласных в основах объясняется многими причинами: тем, что такие основы являются в прошлом аффиксами, занявшими в настоящем позицию упроченных корней, тем, что в таких основах узкие гласные дифференцируют значения двух или более слов, например: *эчки* – «коза», *туз* – «соль», *тез* – «березовая кора» и т. д. Наличие корневых гласных в аффиксах в современных тюрко-татарских языках имеет исключительно дифференцирующее значение. Есть аффиксы с этими же согласными звуками, но с другими аффиксальными гласными, например: неправильный падеж имеет окончание *га, ге – ке, ка* и т. д. с узкими гласными, но с этими согласными в тюрко-татарских языках встречаются другие аффиксы.

Уйго – «в дом – домой», гласная широкая; *уйгу* – «домашний», гласная узкая.

Уйдо – «в доме», местный падеж; *уйду* – «дом», винительный падеж.

Уйдон – «из дома», исходный падеж; *уйдун* – «дома», родительный падеж и т. д.

Такие аффиксы дифференцируются только гласными. Так как, по Ф. де Соссюру, язык дуплетов не терпит, тюрко-татарские языки возможности таких дуплетов обходят использованием корневых гласных в аффиксах, аффиксальных гласных в корнях. Но случаев такого смешения сравнительно мало, поэтому деление тюрко-татарских гласных на корневые аффиксальные в основном соответствует действительности.

Употребление термина «слабые» фонемы в отношении аффиксальных гласных и тюрко-татарских, следовательно, и киргизского языка нужно понимать условно, потому что слабость фонемы обычно заключается в том, что произношение ее безразлично, она точной, напряженной артикуляции не требует, она может ис-

чезнуть и т. д., и т. д. Слабость аффиксальных гласных тюрко-татарских языков заключается в том, что они заранее определены, их характер и звучание для говорящего автоматически члены: каковы корневые гласные, таковы и аффиксальные, поэтому их в письме можно опускать – все равно они будут произноситься. Слабость их, кроме этого, заключается еще и в том, что то или иное произношение их, конечно, только в пределах аффиксальных, не меняет значения слова. Погрешности в произношении аффиксальных может только выдать нетюрко-татарское происхождение говорящего. Это имеет только орфоэтическое значение. Это не та слабость, по которой мы определяем наличие чередования, ассимиляции, диссимиляции звука, эта слабость пока показывает, по каким путям и с какой стороны идет ослабление в составе гласных фонем тюрко-татарских языков. Анализ употребления гласных фонем в других тюрко-татарских языках показывает, что гласные фонемы сейчас находятся на пороге ослабления, следовательно, сокращения количества. В киргизском языке до сих пор сохраняется гармония аффиксальных гласных по четырем линиям: по заднерядности и нелабиальности, по заднерядности и лабиальности, по переднерядности и нелабиальности и по переднерядности и лабиальности, а в некоторых других тюрко-татарских языках (азербайджанский, узбекский, татарский и др.) гармония в аффиксальных гласных происходит по двум линиям: по заднерядности и нелабиальности (лабиальность в большей части уже слилась с нелабиальностью) и по переднерядности и лабиальности (лабиальность и в этом случае совпала с нелабиальностью). В узбекском литературном языке в некоторых случаях в аффиксальных гласных гармонии гласных и вовсе нет.

В связи с разложением гармонии гласных сокращается количество и гласных фонем, например, в узбекском их уже 6, в уйгурском – 8, в казахском – 9 (см.: *Батманов И. А.* Фонетическая система современного киргизского языка. Фрунзе, 1946).

Киргизский язык, в отличие от других тюрко-татарских языков, имеет большое количество долгих гласных, следовательно, как противопоставление им имеет и краткие. Но понятие «краткие» тут нужно понимать условно, потому что это не такие краткие, как понимается это слово в лингвистике, а обычные, нормальной долготы гласные, которые называются краткими,

потому что противостоят настоящим долгим. Элементы настоящей краткости киргизские гласные фонемы не имеют, но они в аффиксальных, и краткость их не фонематического характера, а характера невозможного звучания своеобразных аффиксальных (зубных) гласных фонем.

Долгие гласные фонемы киргизского, которые орфографически обозначаются в новой киргизской письменности сдваиванием соответствующей буквы (*аа, оо, оо, уу, уу, ыы, ии, ее*), имеют большое распространение, например:

мал – «скот», *маал* – «время»

эр – «муж», *ээр* – «седло»

болук – «толстый», *боолук* – «вязко»

бу – «это», *буу* – «пар»

И. А. Батманов в своих работах, посвященных фонетической системе киргизского языка в сравнительном аспекте с другими тюрко-татарскими языками, особенно в последней своей работе «Фонетическая система современного киргизского языка», из которой иногда я беру примеры, пишет, что образование долгих гласных корнями своими в некоторых своих случаях уходит в глубокую древность. В связи с таким мнением он находит, что в системе долгих гласных фонем встречаются ряд жестов: общетюрко-татарский пласт, засвидетельствованный и в наиболее древних письменных памятниках – орхонских надписях; пласт, связанный с заимствованиями из других языков (персидский, арабский и др.), и, наконец, пласт – образования в самих отдельных тюрко-татарских словах (киргизский, туркменский, азербайджанский и др.). И. А. Батманов пишет, что пути образования долгих гласных в тюрко-татарских языках еще не описаны, что они еще малоизвестны в лингвистической науке, но вполне правильно предполагает, что долгие гласные в некоторых тюрко-татарских языках образованы в течение известного по письменным и другим памятникам исторического отрезка времени путем стяжения гласных, усиление которых при этом создавало условия для упрочивания согласных фонем между ними. Это наблюдается как в словах, заимствованных из других языков, так и в словах самих тюрко-татарских языков (см.: *Батманов И. А. Фонетическая система современного киргизского языка. С. 32–48*).

Этими согласными, которые между стяжаемыми гласными утрачиваются, по свидетельству как известных исследователей

тюрко-татарских языков, так и данных тюрко-татарских языков, являются некоторые среднезадненебные фрикативные звуки, с одной стороны, и полугласные, с другой стороны. Иными словами, образование долгих гласных в тюрко-татарских языках идет по линии утрачивания ряда согласных между гласными и по линии их дефектов.

Долгие гласные в словах *шаар, саит, маал, тала, маа* и других образованы путем утраты фрикативных согласных между гласными. Эти слова в отдельных языках, в которых не встречаются долгие гласные, до сих пор употребляются с этими утраченными согласными.

Долгие гласные в словах киргизского языка *суу, тоо* и т. д. образованы путем замены дифтонгов, в результате долгого и тяжелого процесса звуковых изменений этих слов.

Слово *тоо* киргизского языка в других языках тюрко-татарской системы произносится *таг* (казахский), *даг* (азербайджанский). Нужно полагать, что необходимость лабиализованного произношения в конце основы *а*, обусловлено тем, что конец основы в тюрко-татарских языках является наиболее весомым семантически для согласных фонем (превратила гласную *а* в *о* (*то*), что ослабило полугласную, как согласную, усилило как гласную, в результате чего получилось *тоо*, то же самое нужно сказать в отношении слов *суу*.

Причины, приведшие некоторые тюрко-татарские языки к долгим гласным фонемам, как и наличие других фонетических изменений, в науке о языке неизвестны. Дается описание, но ни один исследователь не делает ничего для того, чтобы обнаружить их. Это положение в одинаковой мере распространяется как на исследования дореволюционных тюркологов, так и на исследования современных советских лингвистов. Виной всему этому являются попытки буржуазных лингвистов объяснить причины фонетических изменений в индоевропейских языках, которые не только не привели к каким-нибудь результатам, но влекли разочарование в умы последующих поколений лингвистов, что отражается на результатах исследований советских лингвистов. Недавно говорят, что привычка – вторая натура. Нужно было бы нам вести борьбу против тех привычек и приемов в области изучения лингвистических фактов, которые в большей или меньшей мере

мы унаследовали от буржуазной лингвистики. Они мешают нам, они тормозят наше наступательное движение вперед, к сияющим вершинам советской лингвистической науки.

Причины образования долгих гласных, так же как и других фонетических изменений, лежат в чисто фонетических, физиологических или иных, вносимых извне факторах, а в диалектической сущности отношений семантического к фонетическому, мышления и способа его материализации внутреннего к внешнему, содержания к форме, в отношениях потребности в общении орудия и удовлетворения материала, из которого это орудие изготавливается, в необходимости улучшения качества этого материала: легкости произношения, удобства сочетаний звуков, музыкальности звучания в песенной связи и на базе отчетливости произношения звука как смысловоразличителя.

Согласные фонемы киргизского языка, как и других тюрко-татарских, реализуются как фонемы в основном на поствокальной позиции слога и слога-слова. Поствокальная позиция слога и слога-слова для согласных фонем являются такой, какой является превокальная позиция слога и слога-слова для согласных фонем русского языка. Точно так же, как превокальная позиция слога и слога-слова почти не имеет фактов фонетических изменений в русском языке, поствокальная позиция слога или слога-слова не имеет случаев фонетических изменений в тюрко-татарских языках, в том числе и в киргизском сколько бы этих согласных не было на этой позиции, а их в русском языке бывает до 4, а в киргизском до 3. Ассимиляции, утрачивание согласных фонем, переход их в другие звуки в русском языке встречается на поствокальной, но не на превокальной позиции слога или слога-слова, а в тюрко-татарских языках, в том числе и в киргизском, на превокальной, но не на превокальной позиции слога или слога-слова. Это так же верно, как верно то, что гласные фонемы русского языка под ударением, а тюрко-татарских языков, в том числе и киргизского языка, во всех слогах, потому что, оказывается, для русского языка семантически более весомыми являются согласные, и они всегда стремятся к началу слога или слова, а менее весомые гласные – к концу слога или слова, с отдельными исключениями, а для киргизского языка семантически более весомыми являются гласные, и они стремятся к началу слога или слова за тем или иным пережиточным или новым исключением. Второе место по

семантической весомости в русском языке занимают гласные под ударением, третье место – поствокальные согласные, второе место по семантической весомости в тюрко-татарских языках занимают поствокальные согласные и третье – превокальные согласные фонемы.

Исключением для согласных в русском и киргизском языках являются случаи изменения превокальных согласных русского языка, например: *дождик* – *дожик*, но и это слово отвело новую фонему, образованную от изменений *ж* и *д* на стыке двух слогов, на превокальную, сильную позицию следующего слова *до-жик*; поствокальных согласных тюрко-татарских языков, например: *ке* вместо *кел*, *ба-ра-ма* вместо *барамак*, *кызла* вместо *кызлак*, *ктесе* вместо *кетесан* и т. д. Первые примеры в узбекском и казахском языках, вторые в карачаево-балкарском. Такие примеры как исключения из общей закономерности звуковых изменений на соответствующих позициях слогов для согласных встречаются не как система, а как исключение, может быть, это предвестники будущего хода фонетических изменений.

За исключением перечисленных выше случаев, когда вкладывают сонорные и поствокальной позиции слога или слога-слова в тюрко-татарских языках, самыми сильными в системе согласных фонем тюрко-татарских языков являются сонорные *м*, *н*, *п*, *р*, *л*, которые одинаково сильно встречаются и в превокальной, и в поствокальной позициях слога или слога-слова.

Глухие фрикативные *с*, *т*, и аффриката *ч* и на поствокальной, и на превокальной позиции слога и слога-слова реализуются одинаково, хотя в отдельных языках тюрко-татарской системы вместо *с* иногда и на превокальной и на поствокальной позициях употребляется *ш* (казахский, ногайский), что является отличительной чертой этих языков, и *с* в них как фонема не встречается или встречается редко. Фонема *ч* на поствокальной позиции предыдущих слогов, если следующий слог начинается какой-нибудь взрывной фонемой, вопреки закономерностям, переходит в *ш*, например: *акач* – *агачдан* – *агашдан*, *пурч* – *пурччу* – *пуришчум* и т. д. При этом согласная фонема, которая диссимилирует *ч*, не меняет своего звучания, т. е. звонкая глухой не становится.

В некоторых языках и диалектах тюрко-татарской системы (балкарский диалект балкарского языка и др.) фонема *ч* перехо-

дит в *ц*, т. е. там, где в других языках встречается *ч*, в этих встречается *ц*. Это так называемые цокающие диалекты и языки тюрко-татарской системы.

Киргизский язык имеет фонемы *и*, *с*, *ш*, и *ч*; фонема *ц* в киргизский язык вводится с заимствованиями из русского языка и через русский язык, например: революция, цивилизация, авиация и т. д.

По семантической весомости на поствокальной всегда, на превокальной позиции не всегда идут за сонорными глухие согласные фонемы *п*, *т*, *к*, *д*, которые на поствокальной позиции слога или слога-слова никогда не теряют своего звучания, на превокальной позиции во вторых, третьих и больше слогах *п*, *т*, *к* переходят в звонкие *б*, *д*, *г*. Притом, если они называются на стыке слогов, одна интервокально, то, если им предшествуют глухие, они могут сохранить свое звучание *т*, *т*, *к*, *к*, если им предшествуют звонкие или сонорные предшествующего слога, то они произносятся, как звонкие, например: *тярт* + *кул*, *коп* + *ке*, *беш* + *ка*, *но тар* + *ча* и т. д.

Согласные фонемы *б*, *д*, *ч*, *дж* реализуются на превокальной позиции слога и слога-слова, поэтому очень трудно сказать вообще о их фонемности, потому что они почти никогда и не в одном тюрко-татарском языке не встречаются как смысловоразличители, например, встречаются слова *жигит*, *чатун* – *хатун* и т. д. Фонема *б* всегда встречается только в превокальной позиции, в отличие от нее *п* употребляется только в заимствованных словах (партия, папирос, которые киргизами, не усвоившими правильную орфоэпию этих слов, произносятся как *баржа*, *бартия*, *бабурос* и т. д.).

Фонема *з* реализуется и на поствокальной, и на превокальной позициях, хотя в поствокальной позиции она произносится как глухая *с* в абсолютном конце слов.

Фонемы киргизского языка, как и русского, бывают: однозвучными, двухзвучными, трехзвучными, четырехзвучными.

Однозвучные губно-губные: *п*; переднеязычные: *т*, *с*, *ш*; среднеязычные: *к*, *х*; заднеязычные: *к*.

Двухзвучные губно-губные: *б*; переднеязычные: *д*, *з*, *р*, *л*; среднеязычные: *п*, *ф*; заднеязычные: *г*, *к* и др.

Трехзвучные губно-губные: *м*; переднеязычные: *дж*, *н*; среднеязычные: *н*.

Четырехзвучные переднерядные нелабиализованные: *ц*, *э*, *иц*, *эз*, лабиализованные: *о*, *у*, *оо*, *уу*; заднерядные нелабиализованные: *а*, *ы*, *аа*, нелабиализованные: *о*, *у*, *оо*, *уу*.

Отличают фонемы русского и киргизского языков друг от друга *дж, н, к, ч, и о, оо, у, уу, аа, ыы, ии, уу, оо, ээ, с, з, н, р, л, т, ж, ж, х*, которых не имеет киргизский язык, потому что личность в киргизском языке не имеет фонематичности, а фонемы *в, в, ф, ф, ц, ж* киргизскому языку не свойственны и вводятся теперь с заимствованными словами. Но основное различие не в этом учете отдельных фонем, а в тех закономерностях, которые действуют на современных этапах развития русского и киргизского языков, описанных выше и вызванных к жизни семантическим весом согласных и гласных вообще и конкретно по позициям в слогах и сочетаниях с гласными слога. Эти закономерности противоположны как закономерности, свойственные этапам развития языков вообще, через которые прошел русский язык, но киргизский и другие тюрко-татарские еще не прошли, но пройдут.

Фонетическая система яфетических языков Кавказа (кабардино-черкесских, абхазо-абазинских и др.) по составу фонем, по качеству звучания и по физиологической стороне своей коренным образом отличается от фонетической системы тюрко-татарских и индоевропейских языков, потому что ни тюрко-татарские, ни тюрко-европейские языки такой артикуляции на современном своем этапе развития не имеют, какую имеют яфетические языки. Больше трех четвертей артикуляции в яфетических языках не только не встречаются в тюрко-татарских и индоевропейских языках, но не имеет ничего даже близкого. Яфетические языки в области согласных фонем отличаются от согласных иных языковых систем не только своими фонемами – сотнями и десятками (лабиализованными, смычно-гортанными, межверевочными согласными фонемами), но и единицами (простыми, наиболее расчлененными звуками), которые описаны Н. Я. Марром в его работе «Абхазский аналитический алфавит» (см.: *Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 2: Основные вопросы языкознания. С. 321–351*).

Отличия эти характеризуются не только большим количеством фонем, например: в абхазском до 73, в кабардино-черкесском до 53, в адыгейском до 64, тогда как в тюрко-татарских и индоевропейских намного меньше, но и количеством элементов звучания, т. е. количеством органов произношения, принимающих участие в образовании той или иной согласной или гласной фонемы.

Если в русском и тюрко-татарском языках количество этих элементов не свыше 4 (ср. однозвучные, двухзвучные, трехзвучные и четырехзвучные), то в языках яфетической системы элементов звучания встречается до 8–9, т. е. при образовании некоторых согласных фонем принимают участие почти все органы произношения. Это характеризуется тем, что в русском и тюрко-татарских языках диффузоидных фонем почти наполовину меньше, чем в яфетических языках. Яфетические языки имеют такие согласные фонемы, которые, с течением времени расчлняясь, могут дать еще по две-три новые фонемы – и гласные, и согласные, особенно гласные.

Адыгейский язык имеет, как упомянули выше, до 64 согласных и гласных фонем: *м, н, р, хъ, хъу, в, ф, з, с, л (л, лъ, жъу, шъу, ш, жъ, жъ, ш, ж, ш, ч, х, ху, й, у/фау и п, пу, б, п, т, д, т, к, к, ку, къ, счу, I, Iу, цI, ц, дзу, цу, кI, дж, ч, чI, чъ, э, а, е, и, о, у*, из коих гласных кратких первичных 57: *б, п, пI, пIу, в, ф, т, тI, тIу, д, з, с, ш, шъ, ш, шI, шъу, ж, жъ, жъ, хъу, дж, ч, ьъ, ц, цу, цI, дз, р, лI, лъ, н, м, х, хъ, хъу, ху, з, зъ, зъу, гу, к, кI, кIу, ку, къ, къу, I, Iу, дж, й, у, дзу*). Ввиду того что вообще трудно использовать самостоятельные буквы для обозначения согласных фонем адыгейского языка, я даю их принятие в адыгейской письменности.

Гласные фонемы адыгейского языка реализуются, как и в кабардинском и черкесском, только под ударением. Буквы, которые в письме употребляются в неудачных слогах, по существу обозначают звуки типа гласной фонемы, сопровождающие различные согласные фонемы в качестве элементов их звучания. В связи с этим нужно отметить, что неудачных гласных в адыгейском языке нет: та или иная гласная фонема в адыгейском языке произносится более или менее отчетливо под ударением, а ударение падает на тот слог, который является наиболее весомым в семантическом отношении. Гласные фонемы, встречающиеся в письме в неударенных слогах, обычно играют роль или составного элемента звучания согласной диффузной фонемы (вспомните, лабиализованные, придыхательные, мягкие, смычно-гортанные или назализованные).

Других функций гласные фонемы в неударных словах не имеют. Следовательно, нужно говорить, что гласные фонемы в

адыгейском языке бывают только под ударением, а звуки, неосмысленные еще язычно, встречаются в других слогах в качестве составных элементов звучания согласных фонем или в качестве семантических различителей.

В связи с этим можно говорить, что адыгейские слова всегда бывают односложными, так как слогом нужно называть группу, состоящую из одной гласной фонемы или из одной гласной фонемы в сочетании с согласными, а другие «гласные», встречающиеся в адыгейских словах слога, сему не образуют, лишь указывают границы сем, состоящих из диффузных фонем яфетических языков. Вернее, слог в яфетических языках имеет другую природу, чем в индоевропейских и тюрко-татарских языках. Гласная фонема слога является составным элементом согласной фонемы (лабиализации, придыхания, смычно-гортанности и т. д.), которая под ударением усиливается семантически и выделяется как особая фонема, оказываясь же в неударном положении, она ослабляется семантически и становится только приматом согласной фонемы, которая за счет семантического ослабления и усиливается на неударных позициях, особенно перед ними. Значит, необходимость перетягивает на нужную морфему ударение, семантически укрепляет гласную и лишает гласную фонему семантической весомости, составляя ее в резерв составной фонемы. Таким образом, гласная фонема в адыгейском языке может в одном месте исчезнуть, чтобы появиться в другом месте слова, более важном для выражения данного значения. Этими особенностями, правда, в меньшей степени, характеризуются и гласные русского языка.

В одном случае *о* подчинена семантической весомости *ч* и является ее придатком, в другом случае этот резервный придаток получил свою семантическую весомость и произносится отчетливо. Такую метаморфозу гласных фонем проводит ударение, которое является средством, отмечающим место семантической весомости в слове в тех языках, в которых гласные являются второразрядными после согласных.

Этой стороной адыгейский, кабардинский, черкесский и некоторые другие яфетические языки напоминают собой законы употребления гласных фонем в русском языке, хотя качество гласных

фонем русского языка – результат развития другой более высшей ступени развития, если качество гласных фонем адыгейского <...> языка. Гласные фонемы адыгейского языка занимают качество гласных русского языка, но не тем, что адыгейский язык, заимствуя из русского языка слова, заменит свои гласные, как некоторые могут думать, гласными русского языка или под влиянием произношения гласных русского языка гласные адыгейского языка отшлифуются. Это вполне могло бы так именно и случиться, если бы не мешали некоторые фонетические обстоятельства вообще яфетических языков: природа согласных фонем, их способы сочетания и семантическая роль. Адыгейский язык, как и многие другие яфетические языки, когда-нибудь придет к гласным, качественно одинаковым с гласными русского языка, но этот путь лежит не прямо, а через потерю даже тех общих черт в употреблении гласных, которые адыгейский язык имеет, через приобретение и потерю новых противоположных своему и русскому языку, к сегодняшнему положению. Несмотря на общую черту в употреблении гласных в адыгейском и русском языках, они находятся на противоположных полюсах: в адыгейском языке гласные будут разрабатываться еще до степени тюрко-татарских языков, а в русском языке гласные эти получились в результате утраты сильно развитой системы гласных древнерусского языка. Но интересно то, что общие черты в фонематичности гласных русского и адыгейского языков создали общие нормы грамматического использования ударения путем перенесения его на нужный слог слова.

Предположение, что общие черты в употреблении гласных фонем в русском и адыгейском языках должны обуславливать непременность общих черт в использовании согласных фонем этих языков, хотя они по качеству значения и физиологической стороне отличаются друг от друга коренным образом, правильно. Проверка фактов русского и адыгейского языков убеждает нас в том, что такое предположение правильно, потому что, как и в русском, в адыгейском языке более весомыми в семантическом отношении являются согласные – это первое; второе – это определяет их количество, большой процент их превокальности; третье – поствокальными в адыгейском языке являются такие согласные фонемы, которые являются составными элементами стержневого, корневого

слова-слога гласной фонемы и их произношение может привести к искажению смысла, обычно на поствокальной позиции встречаются сонорные, аффрикаты, фрикативные и в отдельных случаях глухие взрывные или либиализованные и придыхательные согласные фонемы корня, которые в силу переноса ударения вперед на другой слог теряют свою гласную открытого слога, заменив ее придыханием или лабиализацией согласной фонемы. Общим, кроме этого, между русскими и адыгейскими согласными является еще и то, что в превокальном положении в адыгейском языке стекаются до 4–5 согласных, каждая из которых придает тот или иной грамматический оттенок слову, образует новое слово, новую форму. Поэтому можно сказать, что хотя фонетическая система адыгейского языка очень многим отличается от фонетической системы русского языка, они имеют одно творческое начало, связанное с семантической слабостью гласных и силой согласных, отсюда семантически сильное в начале слова, в начале слога, семантически слабое в конце слова или слога, отсюда и в морфологии начало слова или слога семантически более весомо, чем конец, а поэтому в русском языке все больше и больше грамматическое значение предлогов и ослабление значения флексий (выпадение флексий, «проглатывание» при произношении, совпадение флексий с разными значениями друг с другом, например флексии третьего склонения, совпадение флексий прилагательных в немногих падежах – в общем, стремление в грамматике русского языка сосредоточить наиболее весомое семантически в начале слова, слога, предложения, перед словом.

Образование новых форм в современном адыгейском и русском языках одинаково, но материал, из которого образуются эти новые в языке формы, в звуковом и физиологическом отношении разные, потому что в русском языке эти явления происходят на высшей стадии развития языков, чем в адыгейском, кабардинском, черкесском и других яфетических языках. В русском языке мы имеем расчлененную систему согласных фонем, а в адыгейском и других яфетических языках это расчленение согласных звуков до предела еще не дошло. Это видно из того, что в русском языке согласные фонемы бывают однозвучные, двухзвучные, трехзвучные и четырехзвучные, притом та диффузность русских согласных фонем в четырехзвучных, трехзвучных и двухзвучных фонемах дальнейшему расчленению не подвергается, потому что

элементы, составляющие такие согласные фонемы, необходимы для самостоятельного существования, следовательно, для отправления их непосредственных функций вещества, из которого создается орудие общения, тогда как согласные фонемы адыгейского и других яфетических языков наряду с одно-, двух-, трех-, четырехзвучными имеют пяти-, шести-, семи- и больше звучное. Диффузность согласных фонем, так удачно выполняющая свои функции на данной стадии развития яфетических языков, является обременительной на других стадиях их развития, и тогда часть яфетических диффузоидов следует выделить из своего состава, родить новые гласные, согласные фонемы, которые эти языки сейчас не имеют. При таких трансформациях эти языки пришли к такому состоянию, когда они потеряют свои общие черты с одними языками, но приобретут общие черты с такими языками, с которыми они их сейчас не имеют.

Как было сказано выше, Н. Я. Марр фонемой называет членораздельный звук, отработанный человечеством, который требует работы мозгового аппарата при своем произношении. Это вполне правильно, но нужно членораздельность понимать относительно стадии развития каждого языка, фонемы которого определяются. Как видели выше, членораздельность звука для русского языка находится в пределах однозвучности – четырехзвучности, т. е. фонемами в русском языке являются и такие звуки, которые имеют только одно звучание (однозвучные), и такие, которые имеют два звучания (двухзвучные), и такие, которые имеют три звучания (трехзвучные), и такие, которые имеют четыре звучания (четыrehзвучные). Если понимать членораздельность как однозвучение, т. е. расчленение звукокомплекса до одного предельного звучания, характеризующего участие только одного органа произношения, то двух-, трех- и четырехзвучные комплексы нельзя было бы понимать как фонемы. То же самое и в тюрко-татарских и некоторых других языках. Членораздельность относительна, условна, Н. Я. Марр, когда он пользовался словом «членораздельный», имел в виду наиболее расчлененные звуки данного языка, которые произносятся, как однозвучные. Одной из причин, обуславливающих на месте одного другой звук в семантически слабых позициях слога, слога-слова, является условность членораздельности.

Членораздельность для яфетических языков еще более условна и относительна, потому что диффузность звуков в этих языках стоит еще на той ступени, когда диффузные звуки по мере необходимости в составе слова или слога до сих пор продолжают выделять из себя то или иное фонемизированное звучание, например, фонемизация под ударением лабиализации или нелабиализации, когда этого потребует смысл, фонемизация назализации согласной фонемы диффузного комплекса звуков, считающихся самостоятельной фонемой. Членораздельность некоторых звуков в яфетических языках граничит с членораздельностью морфем, т. е. по своему составу, смыслу и артикуляции наиболее диффузные фонемы яфетических языков в то же самое время являются морфемами.

Итак, фонемы – это смысловоразличитель, семантически и фонетически отработанный человечеством из материала диффузных слов, слогов и морфем, состоящий из одного и больше звучаний, служащий материалом для образования новых фонем и требующий работы мозгового и речевого аппарата при его использовании в процессе высказывания. Фонема – историческая категория, она может появиться и исчезнуть в зависимости от исчезновения или появления своей семантической функции.

О ХУМАРИНСКОМ ГОРОДИЩЕ

Карачай чрезвычайно богат памятниками старины. Эти памятники говорят о том, что в древнее время и Средние века на территории Карачая жизнь протекала интенсивно. Развалины древних городов, поселений и сохранившиеся до сих пор храмы (Сынты, Чуана), а также десятки других памятников старины являются свидетелями высокой культуры, процветавшей в древности на нынешней территории Карачая, в частности Карачаевского района.

Карачаевские памятники старины еще до революции привлекали внимание ученых. Еще в начале XIX века (до присоединения Карачая к России) ряд памятников на территории Карачая обследовал Клапрот, который остатки древних поселений здесь склонен был считать франкскими.

После присоединения к России (1828) в археологическом отношении Карачай был исследован почти 20 учеными ¹, которые памятники старины Карачая склонны были считать византийскими и отчасти генуэзскими. При всеобщем преклонении перед византийской культурой ни один из них даже не допускал мысли о том, что местные жители могли построить сколько-нибудь культурное сооружение. Такая постановка вопроса вполне соответствовала колониальной политике царизма, пытавшегося «восстановить христианство» на Кавказе и «приобщить к цивилизации» его народы.

Вместе с тем ненаучно рассматривалась и история кавказских народов. Только после победы советской власти началась научная разработка истории народов Кавказа. Но многие вопросы этой истории, к сожалению, и до сих пор не нашли своего разрешения.

В числе неразрешенных вопросов особое место занимает происхождение того или иного народа, в частности тюркских народов Кавказа.

Глубокое и всестороннее исследование памятников старины Карачая поможет правильному разрешению этого вопроса.

Для выяснения времени заселения Кавказа тюркскими племенами, для выяснения происхождения, в частности, карачаевцев и балкарцев большое значение имеет в первую очередь исследование так называемого Хумаринского городка, где в 1962 году обнаружены каменные плиты с древнетюркскими руническими надписями, бесспорно доказывающими древность тюркских народов на Кавказе.

О Хумаринском городке писали многие ученые (Фелицын, Апостолов, Дьячков-Тарасов, Сысоев, Талицкий и др.), которые считали, что это был средневековый генуэзский городок (фактория) (XIV–XV вв.). Н. Е. Талицкий, в 1908 году осмотревший остатки этого городка, писал, что на Хумаринских высотах видны следы древнего городища, по мнению археологов, – генуэзской крепости ². Советский археолог Д. М. Павлов Хумаринский городок считал византийским. Он писал, что около этого городка был найден крест

¹ Павлов Д. М. Искусство и старина Карачая // СМОМПК. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 236.

² Талицкий Н. Е. Очерки Карачая // СМОМПК. Вып. 40. Тифлис, 1909. С. 37.

с надписями на греческом языке, обозначенными VI веком новой эры¹.

Развитие советской исторической науки дает возможность по-новому подойти к объяснению памятников старины Карачая, в частности Хумаринского городка.

Данные науки говорят о том, что почти все памятники старины на Кавказе принадлежали предкам современных кавказских народов – грузин, азербайджанцев, армян, чеченцев, кумыков и других.

После скифов и сарматов главную роль на Северном Кавказе стали играть тюркские народы (по крайней мере с IV–V в. н. э.). Гунны, сабиры, булгары, хазары, гузы, печенеги, кипчаки и, по-видимому, аланы были тюркскими племенами. До прихода монгольских захватчиков тюркская культура на Северном Кавказе расцветала. Тюркские племена занимались земледелием и скотоводством, а также ремеслом и торговлей. У них были хорошо укрепленные города, боевые башни и т. д. Эти укрепления обычно строились в хорошо защищенных местах. Характерно, что на территории Карачая они строились в основном в предгорной части Кавказского хребта. Как правило, они строились на высотах, защищенных обычно с трех сторон скалами (с четвертой стороны делали защитную стену и вал; иногда стену делали со всех четырех сторон).

Как утверждает большинство археологов (Крупнов, Кузнецов, Алексеева и др.), вышеозначенные укрепления принадлежали аланам. Если это так, то, судя по древнетюркским надписям, найденным в Хумаринском городке, аланы – турки (по крайней мере в своей основной массе).

Что касается концепции об аланском происхождении осетин, усиленно защищаемой профессором В. И. Абаевым (до революции В. Миллером) и другими, то она является неубедительной. Скорее всего прав видный азербайджанский ученый А. Бакиханов, который в своих исторических работах считает, что предками осетин были те иранцы (выходцы из Центрального Ирана), которые Сасанидами были поселены у Крестового перевала, на южном склоне Главного Кавказского хребта, для защиты Иранского государства от нападения как раз аланов и других севе-

¹ Павлов Д. М. Искусство и старина Карачая // СМОМПК. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 251

рокавказских племен. Это мнение А. Бакиханова подтверждают многие факты, в частности самоназвание осетин – *ирон*.

Очевидно, часть немногочисленных иранцев, живших у перевала, позже перешла на северный склон хребта, где и образовалась осетинская народность. Безусловно, в ее формировании сыграли немаловажную роль и тюркоязычные аланы: в современном осетинском языке имеется много сотен тюркских слов (даже главная река Осетии – Терек или Терк, что по-карачаевски означает «быстрый», имеет тюркское название).

Некоторые осетинские ученые в подтверждение концепции об аланском происхождении осетин приводят такие доказательства, которые подтверждают мнение У. Б. Алиева и других о том, что аланы в своей основной массе были тюркоязычными. В частности, «доказывается»: одного аланского вождя называли Базук, а базук по-осетински – предплечевая кость. Следовательно, аланы – предки осетин и т. д. А ведь это название осетины переняли у тюрков! (Например, базук у караево-балкарцев – тоже «предплечевая кость», а *базык* – «толстый»).

Кроме того, слово *алан* у осетин не употребляется, а карачаевцы и балкарцы, обращаясь друг к другу, часто употребляют слово *алан* (аланла) в значении *друг, приятель* (друзья), *аланец* (аланцы).

Не будем описывать развалины Хумаринского городка. Это описание дано во многих работах, среди которых особое значение имеет недавно вышедшая статья научного сотрудника Института этнографии АН СССР археолога Кузнецова, первым обратившего внимание ученых на древнетюркские надписи Хумаринского городка (см.: Кузнецов В. А. // Советская археология. 1963. № 1. Янв.).

В статье Кузнецова помещены фотоснимки каменных плит с древнетюркскими надписями. Эти надписи, по мнению Кузнецова, принадлежали булгарам, а по мнению тюрколога профессора Щербака, печенегам.

Думается, что дальнейшее изучение истории аланов, памятников старины, связанных с этой историей, поможет выяснению истины. Скорее всего, вышеозначенные надписи, датируемые примерно VI веком н. э., принадлежали аланам, предкам карачаевцев и балкарцев.

Библиография

Фелицын Е. Д. Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. (Полагает, что Хумаринский городок – генуэзский – К. Л.)

Апостолов Л. И. Географический очерк Кубанской области // СМОМПК. 1897. Вып. 23.

Дьячков-Тарасов А. В горах Большого и Малого Карачая // СМОМПК. 1900. Вып. 28.

Сысоев В. М. Карачай // СМОМПК. 1913. Вып. 43.

Сысоев В. М. Древности по верхнему течению реки Кубани // Материалы по археологии Кавказа. М., 1904. Вып. 9.

Талицкий Н. Е. Очерки Карачая // СМОМПК. 1909. Вып. 40.

Павлов Д. М. Искусство и старина Карачая // СМОМПК. 1926. Вып. 45.

Кузнецов В. А. // Советская археология. М., 1963 № 1.

О НЕКОТОРЫХ АЛАНО-ТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКАХ В ВЕРХОВЬЯХ КУБАНИ

Территория Карачаево-Черкесии чрезвычайно богата памятниками старины. Широкую известность имеют Зеленчукские, Сентинский и Чуанинский средневековые храмы, башни Адиух, Гошаях-Кала, Маmia-Кала. Во многих местах области сохранились развалины древних городов и укреплений. Эти памятники служат свидетельством обитания здесь народов с развитой культурой. Они помогают ученым полнее исследовать историю народов Северного Кавказа, и в частности нашей области. Особую ценность в этом отношении представляют письменные памятники.

В последние два года известным советским археологом В. А. Кузнецовым обнаружены черепок и каменные плиты с древнетюркскими руническими надписями, расшифровкой и исследованием которых сейчас занимается видный тюрколог профессор А. М. Щербак. Черепок найден в районе Зеленчукских аланских храмов, а каменные плиты – в развалинах Хумаринского средневекового городища.

Хумаринское городище, построенное в труднодоступном месте, представляет собой сильно укрепленное оборонительное сооружение с цитаделью и широкой (до семи метров) каменной стеной. Камень укладывался после тщательной обработки и на прочном

растворе. На многих плитах отчетливо сохранились знаки древнетюркских надписей – рун. По мнению В. А. Кузнецова, такое мощное сооружение под силу было только феодальному строю. Он считает, что Хумаринское городище было построено около X века и принадлежало древним булгарам. Возможно, оно возникло гораздо раньше, ибо здесь был найден крест с надписями на греческом языке, датированными VI веком (см.: *Павлов Д. М. Искусство и старина Карачая // СМОМПК. Махачкала, 1926. Вып. 45. С. 251*).

Хумаринское городище не было единственным укреплением в этом районе. Развалины других укреплений в верховьях Кубани (Гиляч, Кызыл-Кала и др.) являлись элементами целой системы сооружений, воздвигнутых здесь.

Недавно учитель сары-тюзской средней школы Д. А. Джашаев сообщил об остатках древнего укрепления и погребений. 14 марта этого года мы обследовали эти памятники. Они находятся примерно в 10–12 километрах к северо-востоку от Сары-Тюза, в местности Токмак-Кая. Из обследованных нами памятников здесь особую ценность представляют так называемые аланские катакомбы с древнетюркскими надписями.

Как известно, для захоронения умерших аланы выбивали в скалах или песчаниках овальные катакомбы – могильники с куполообразным потолком. Таких катакомб в местности Токмак-Кая мы обнаружили 27. Они аналогичны аланским катакомбам на Рим-горе, и других местах, но в отличие от них имеют надписи на древнетюркском языке.

На некоторых из Сары-Тюзских катакомб надписи и знаки сделаны у входа, причем на большинстве из них выбиты тринадцать вертикальных палочек и знак, напоминающий стрелку-указатель. Особое внимание привлекает одна катакомба, расположенная особняком и имеющая надписи внутри. Очевидно, здесь захоронен представитель знати, какой-нибудь предводитель. В эту катакомбу ведет узкий и длинный вход. Сама катакомба овальна, имеет диаметр у основания около двух метров и высоту около полутора метров. Поперек куполообразного потолка выведены знаки и надписи древнетюркскими рунами, а также надпись арабским шрифтом, конец которой читается «таш» (камень).

Насколько нам известно, надписи на аланских катакомбах до сих пор не обнаружены. Такие надписи, как видно, впервые обнаружены на Сары-Тюзских катакомбах.

Обнаружение древнетюркских надписей в верховьях Кубани имеет, как справедливо подчеркивает В. А. Кузнецов, принципиальное значение для археологии и истории Северного Кавказа. Оно ставит перед наукой новые проблемы и открывает новые пути разрешения важных вопросов о времени обитания на Кавказе тюркоязычных народов, об этническом составе аланов, о происхождении карачаевцев и балкарцев.

Древнетюркские памятники в верховьях Кубани, в центре средневековой Алании дают основание утверждать, что тюркоязычные племена составляли значительную, а возможно и преобладающую часть населения Аланского союза, и считать аланов прямыми предками современных карачаевцев и балкарцев. Изучение и расшифровка надписей на аланских катакомбах послужат, на наш взгляд, важным фактором в пользу этого мнения.

У карачаевцев и балкарцев неизменным элементом обращения друг к другу является слово *алан* в значении «друг», «приятель», «свой человек». Взрослые, обращаясь к детям, употребляют это же слово в уменьшительном (ласкательном) значении – *аланчык* (маленький алан). При этом надо иметь в виду, что слово *алан* у других народов вообще не бытует.

Известно, что уже в I веке н. э. аланы на Северном Кавказе играли значительную роль. Аланские имена, упоминаемые в летописях и на Зеленчукской плите XI века, надо считать бесспорно тюркскими. Грузинская летопись приводит имена аланских вождей Базука и Анбазука. Эти имена этимологически объясняются из карачаево-балкарского языка. *Базук* – «предплечевая кость», но скорее всего аланского вождя звали *Базыкъ* (в грузинском алфавите нет твердого *ы*) – «толстый, солидный». Имя *Базык* и теперь бытует у карачаевцев и балкарцев (например, Семенов Базык в Теберде). *Анбазук* – видимо, *Эм Базыкъ* – «претолстый, самый солидный». В Зеленчукской надгробной надписи XI века (шрифт греческий) приводятся аланские имена *Сахир*, *Бакатар*, *Анбалан*, *Лаг*. Имя *Бакатар* можно объяснить как *багъатыр* (в греческом тоже нет твердого *ы*) – *батыр* («богатырь, герой») или как *бек атар* («сильно стреляющий», в значении «меткий»). *Анбалан* – *ал бала* («первенец») или как *акъ бала* («белый ребенок», в значении «красивый»).

Топонимика территории расселения аланов является в основном тюркской, имеющей этимологию в карачаево-балкарском языке: «Терек» – *терк* – «быстрая», «Ачалуки» – *ачылыкъ* – «кислая» (вода),

«Бештау» – «птигорье», «Кубань» – *Къобан*, в значении «река», «Кара-кая» – «черная скала», «Архыз» – *аргъы ыз* – «дальняя граница», «крайняя линия», «Чуана» – «Шуана» – *сууана* – «мать воды» (в значении «бог воды), Теберди – *тейри берди* – букв. «Бог дал» (Божий дар).

Территорию Карачая многие авторы и в более поздние времена продолжали называть Аланией, а мегрелы карачаевцев и поныне называют аланами. Известный арабский географ и путешественник XIV века Абульфеда писал, что на восток от абхазов живут аланы и асы, которые являются тюрками и исповедуют христианство. Профессор В. И. Абаев по этому поводу говорит: «Я думаю, что свидетельство Абульфеды представляет результат точной осведомленности и имеет определенную ценность. Он знал карачаевцев и балкарцев под названием *аланов* и *асов*... До наших дней за территорией Карачая закреплено название Аланы (в устах мегрелов), а за Балкарией – название Асы» (Абаев В. И. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. С. 131).

Данные карачаево-балкарского устного народного творчества также говорят в пользу изложенного выше мнения.

Можно надеяться, что дальнейшее исследование древнетюркских памятников на территории Карачаево-Черкесии и, в частности, анализ надписей в аланских катакомбах, в значительной степени подтвердит мнение об аланском происхождении карачаевцев и балкарцев.

ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ЯЗЫКА КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

Язык карачаевцев и балкарцев в научной литературе встречается под несколькими названиями: *карачаевский диалект*, *балкарский диалект*, *карачаево-балкарский язык*, *карачаевский язык*, *балкарский язык*.

До Октябрьской революции язык карачаевцев и балкарцев назывался *карачаевским диалектом* или *балкарским диалектом*. С первых лет советской власти и создания письменности до 1937 года он стал именоваться *карачаево-балкарским языком*. С 1937 года, когда карачаево-балкарская письменность на латин-

ской основе была заменена письменностью на основе русской графической системы, он стал называться в изданиях карачаевских *карачаевским языком*, в изданиях балкарских – *балкарским языком*.

Такой разнотой в наименовании одного и того же языка объясняется рядом причин. Основной из них является то, что народ-носитель его существует под двумя этническими наименованиями: балкарцы и карачаевцы. Балкарцы живут по юго-восточную сторону отрогов горы Эльбрус, а карачаевцы – по северо-западную сторону этих отрогов. В силу этого балкарцы относятся к Кабардино-Балкарской автономной советской социалистической республике (в наст. время КБР. – *Изд.*), а карачаевцы – к Карачаево-Черкесской автономной области (в наст. время КЧР. – *Изд.*). Такое территориальное и этническое деление народа на две части вошло в традицию определения и национальной принадлежности представителей карачаевцев и балкарцев.

До 1937 года карачаевцы и балкарцы пользовались единой письменностью и орфографией, едиными учебниками и другими изданиями на родном языке. При переходе на русскую графическую систему письменности в 1937 году для Балкарии был утвержден один, для Карачая другой вариант алфавита. Это привело к тому, что учебники и другая литература на родном языке издаются для Карачая на карачаевском, для Балкарии на балкарском варианте алфавита. В настоящее время ставится вопрос об унификации карачаевского и балкарского вариантов алфавита и создании единой орфографии, чтобы пользоваться едиными учебниками в школах и иметь возможность читать в Балкарии и Карачае художественную и иную литературу.

Нужно думать и надеяться, что в ближайшее время этот вопрос будет решен положительно, и язык, как и до 1937 года, будет называться карачаево-балкарским.

Степень изученности диалектов языка карачаевцев и балкарцев

Детальным изучением диалектов языка карачаевцев и балкарцев, относящегося к кыпчакско-огузской подгруппе тюркских языков, до сих пор почти никто не занимался. Из дореволюционных исследований, посвященных этим вопросам, следует назвать две работы известного венгерского тюрколога W. Pröhle. Одна из

них называется «Karatschaische Studien». В ней дана специфика карачаевского диалекта. Вторая называется «Balkarische Studien». В ней исследуется специфика малкарского диалекта. В этих работах дано точное описание двух основных диалектов языка карачаевцев и балкарцев.

Из работ советского периода следует назвать исследование балкароведа доцента А. М. Аппаева «Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку», которое в 1941 году было представлено и защищено в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Ленинградском университете.

Как видно и по названию, работа А. М. Аппаева написана без учета данных карачаевского диалекта. В языке той части народности, которая относится к Кабардино-Балкарии, А. М. Аппаев находит 4 диалекта: малкарский, хуламо-безенгиевский, чегемский и баксанский. Внимательное изучение работы А. М. Аппаева и данных языка приводит к заключению, что хуламо-безенгиевский, чегемский и баксанский диалекты (в толковании А. М. Аппаева) отличаются друг от друга одним только усилением взрывного компонента аффрикаты ж в Баксане и усилением фрикативного компонента этой аффрикаты в Хуламо-Безенги и Чегеме. В малкарском диалекте этому звуку противопоставлен фрикативный звук з, в карачаевском – четкая аффриката ж. Других различий между диалектами хуламо-безенгиевским, чегемским и баксанским А. М. Аппаев не находит ¹. Да их и нет! Трудно думать, что этих различий достаточно для выделения 4 диалектов в одной только Балкарии, как делает А. М. Аппаев. Факты говорят, что в Балкарии имеют распространение только два диалекта языка карачаевцев и балкарцев – это диалекты *малкарский* и *хуламо-безенгиевско-чегемско-баксанский* (см. ниже).

Все остальные работы (школьные учебники, исследования А. К. Боровкова, У. Д. Алиева, У. Б. Алиева, А. М. Байрамкулова и др.) дают описание того диалекта, который лег в основу литературного языка, преподается в школах и на котором выходят газеты, журналы и произведения писателей и поэтов Карачая и Балкарии.

¹ Аппаев А. М. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960.

Диалекты языка карачаевцев и балкарцев

Язык карачаевцев и балкарцев членится на три диалекта. По количеству говорящего на них населения эти диалекты можно назвать и расположить так:

1. *Карачаевский диалект*, распространенный на территории Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края.

2. *Баксано-чегемско-хуламо-безенгиевский диалект*, распространенный на территории Кабардино-Балкарии по ущельям рек Баксан, Чегем, Хулам и Безенги.

3. *Малкарский диалект*, распространенный по ущелью реки Черек Кабардино-Балкарии.

Основными из названных диалектов являются *карачаевский* и *малкарский*, а *баксано-чегемско-хуламо-безенгиевский* – промежуточный. Он по фонетике и отдельным грамматическим явлениям близок к карачаевскому, по лексике и другим грамматическим особенностям – к малкарскому диалектам.

Можно предположить, что в давние времена, до прихода на нынешнюю территорию, *промежуточный диалект* (для краткости так будем называть баксанско-чегемско-хуламо-безенгиевский диалект в дальнейшем) и карачаевский составляли один общий диалект, противостоящий малкарскому диалекту. Но, после того как карачаевцы оказались по одну сторону отрогов горы Эльбрус, в верховьях реки Кубань, а баксанцы, чегемцы и хуламо-безенгиевцы по другую сторону этих отрогов, в верховьях рек Баксан, Чегем, Хулам, Безенги, т. е. в соседстве с малкарами, вместе с которыми впоследствии вошли в состав Кабардино-Балкарской АССР под общим этническим наименованием *балкарцы*, последние, сохранив свои фонетические нормы, испытали грамматическое и лексическое влияние малкарского диалекта.

Следует отметить, что в основу создающегося карачаево-балкарского литературного языка положены нормы карачаевского и промежуточного диалектов языка карачаевцев и балкарцев. На данной диалектной базе печатаются газеты, журналы, учебники, художественная, политическая и научная литература. Эти два диалекта при общих чертах, обуславливающих их отношение к одному языку, имеют и свои специфические черты в фонетике, грамматике и лексике. Эти черты регулируются устанавливающимися нормами литературного языка.

Фонетические различия диалектов языка карачаевцев и балкарцев

1. Замена ч > ц

Аффриката ч карачаевского и промежуточного диалектов в малкарском во всех случаях заменяется аффрикацией ц.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
челек	челек	целек	челек (ведро)
чибин	чибин	цибин	чибин (муха)
тиккич	тиккич	тихкиц	тиккич (дратва)
эркеч	эркеч	эркец	эркеч (козел)
к, алач	к, алач	к, алац	к, алач (калач)
к, умач	к, умач	к, умац	к, умач (кумач)
кече	кече	кеце	кече (ночь)
ички	ички	ицхи	ички (напиток)
к, очхар	к, очхар	к, оцхар	к, очхар (баран)
ахча	ахча	ахца	ахча (деньги)
аҒашчы	аҒашчы	аҒашицы	аҒашичы (лесник)

На основе данной специфики малкарского диалекта высказывается мнение, что он берет свое начало от того языка, который описан в известном памятнике XIII века – «Codex Cumanicus». Мнение это подтверждают сравнением данных памятника с данными малкарского диалекта¹.

Памятник	Малкарский диалект	Литературный
ацы	ацы	ачы (горький)
ацык,	ацык,	ачык, (открытый)
у	у	у
ацыу	ацыу	ачыу (горе)
аҒац	аҒац	аҒач (дерево)
ак, ца	ахца	ахча (деньги)
алаца	алаца	алача (как они)
анца	анца	анча (столько)

¹ Аннаев А. М. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. С. 58.

<i>бицен</i>	<i>бицен.</i>	<i>бичен</i> (сено)
<i>бык,цы</i>	<i>быхцы</i>	<i>мышчы</i> (пила)
<i>борцу</i>	<i>борцу</i>	<i>борчу</i> (должник)
<i>бурце</i>	<i>бурце</i>	<i>бурче</i> (блоха)
<i>к,ац</i>	<i>к,ац</i>	<i>к,ач</i> (убегай)
<i>цөмуц</i>	<i>цөмуц</i>	<i>чөмуч</i> (чашка)
<i>цецек</i>	<i>цецек</i>	<i>чечек</i> (оспа)

Однако вопрос этот нуждается в дополнительном изучении, так как другие фонетические особенности малкарского диалекта в названном памятнике не встречаются. Кроме того, правильность чтения буквы *с* в примерах из памятника, как *ц*, можно оспаривать, так как буква *с* латинского алфавита в известных случаях читается как *ч*. Наличие звука *ц* в примерах из памятника убедительно и на большом материале оспаривает Т. И. Грунин.

2. Замена $ж_1 > ж_1^b$, $ж$, $з$

Аффриката $ж_1$ карачаевского диалекта заменяется палатализованной аффрикатой $ж_1^b$ в баксанском, фрикатом $ж$ в чегемо-хуламо-безенгиевском компонентах промежуточного диалекта. Притом палатализованная аффриката $ж_1^b$ встречается в сопредельных с карачаевским диалектом районах, фрикат же $ж$ встречается в сопредельных с малкарским диалектом районах промежуточного диалекта.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
<i>ж,ыламук,</i>	<i>ж,илямук,</i> <i>жыламук,</i>	<i>зыламук,</i>	<i>ж,ыламук,</i> (слеза)
<i>ж,ылан</i>	<i>ж,илян</i> <i>жылан</i>	<i>зылан</i>	<i>ж,ылан</i> (змея)
<i>ж,ылк,ы</i>	<i>ж,ылк,ы</i> <i>жылкы</i>	<i>зылк,ы</i>	<i>ж,ылк,ы</i> (табун)
<i>ж,аш</i>	<i>ж,аш</i> <i>жаш</i>	<i>заш</i>	<i>ж,аш</i> (сын)
<i>ж,аз</i>	<i>жа,з</i> <i>жаз</i>	<i>заз</i>	<i>ж,аз</i> (весна)

ж, үлгүч	ж, үлгүч жулгуч	зүлгүч	ж, үлгүч (бритва)
ж, үзүк	ж, үзүк жузук	зүзүк	ж, үзүк (кольцо)
аж, ир	аж, ир ажир	азир	аж, ир (жеребец)
хуж, у хурж, ун	хуж, у хужу хурж, ун хуржун	хузу хурзун	хурж, ун (карман)
сынж, ыр	сынж, ыр сынжыр	сынзыр	сынж, ыр (цепь)
гүрбеж, и	гүрбеж, и гүрбежи	гүрбези	гүрбеж, и (куз-ница)

Вариации аффрикаты $ж_1$ в промежуточном диалекте отмечаются в W. Prohle и А. М. Аппаевым.

Однако следует сказать, что мягкая аффриката $ж_1$ в баксанском компоненте промежуточного диалекта встречается только в таких словах, в которых встречается мягкая *ль*: *жилян, жилямук*. В других случаях аффриката $ж_1$ характеризуется признаками аффрикаты $ж_1$ карачаевского диалекта. Фрикативный звук *ж* характерен для чегемского, хуламского и безенгиевского компонентов промежуточного диалекта.

В литературный язык входят слова со звуками $ж_1^b$ и *ж* промежуточного и $ж_1$ карачаевского диалектов. Слова со звуком $ж_1$ в литературный язык входят через печатные издания Карачая, а со звуком *ж* – через печатные издания Балкарии. Такому проникновению в литературный язык отдельных звуков из диалектов содействовало различие в алфавитах, принятых в Карачае и Балкарии.

3. Замена $к > х$, $к_1 > х_1$

Взрывные глухие *к* и $к_1$ карачаевского и промежуточного диалектов в середине слов или на стыке их перед взрывными или глухими фрикативными согласными звуками заменяются соответственно фрикативным *х* или $х_1$ в малкарском диалекте.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
<i>ж.ок,ду бычак,дан</i>	<i>ж,ок,ду бычак,дан</i>	<i>зохду быцахдан</i>	<i>ж,ок,ду (нет) бычак,дан (от ножа)</i>
<i>көбчекчик</i>	<i>көбчекчик</i>	<i>көфцехчик</i>	<i>көбчекчик (подушка)</i>
<i>к.абчык,чык</i>	<i>к,абчык,чык</i>	<i>к,афцыхчык</i>	<i>к,абчык,чык (мешочек)</i>
<i>күбүрчекчик</i>	<i>күбүрчекчик</i>	<i>күбүрцехчик</i>	<i>күбүрчекчик (сундучок)</i>

Данная замена является результатом действия закона диссимиляции. В карачаевском и промежуточном диалектах этот закон действует только при стечении двух аффрикат *чч*: *ағаччы-ағашчы* – «лесник», *чаччык-чащчык* – «косичка».

4. Замена *ґ > х*, *з > х*

Фрикативный звук *ґ* в словах с согласными заднего ряда во всех диалектах языка карачаевцев и балкарцев после взрывных и фрикативных глухих заменяется звуком *х*, а с гласными переднего ряда такая замена звуком *х* наблюдается в словах только малкарского диалекта.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
<i>аитх,ан</i>	<i>айтх,ан</i>	<i>айтх,ан</i>	<i>айтх,ан (говоривший)</i>
<i>к,ачх,ан</i>	<i>к,ачх,ан</i>	<i>к,ацх,ан</i>	<i>к,ачх,ан (убежавший)</i>
<i>шашх,ан</i>	<i>шашх,ан</i>	<i>шашх,ан</i>	<i>шашх,ан (умалишенный)</i>
<i>кетген</i>	<i>кетген</i>	<i>кетхен</i>	<i>кетген (ушедший)</i>
<i>чабх,ан</i>	<i>чабх,ан</i>	<i>цафх,ан</i>	<i>чабх,ан (бежавший)</i>
<i>кебген</i>	<i>кебген</i>	<i>кефхен</i>	<i>кебген (ссохшийся)</i>
<i>чебген</i>	<i>чебген</i>	<i>цефхен</i>	<i>чебген (черкеска)</i>
<i>себгил</i>	<i>себгил</i>	<i>сефхил</i>	<i>себгил (веснушка)</i>

5. Замена б (п) > ф

Взрывные звуки *б* или *п* перед взрывными или глухими фрикативными звуками в слове или на стыке слов карачаевского и промежуточного диалектов заменяются глухим фрикативным звуком *ф* в малкарском диалекте.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
чыпчык, кабчык, чепген чабыб кетди алыб келди алыб берди	чыпчык, к,абчык чебген чабыб кетди алыб келди алыб берди	цыфцык к,афцык, цефхен цабыф кетди алыф келди алыф берди	чыпчык (птичка) к,абчык, (мешок) чебген (черкеска) чабыб кетди алыб келди алыб берди

6. Замена т > тІ

Взрывной глухой звук *т* карачаевского и промежуточного диалектов в малкарском диалекте заменяется двусмычно-придыхательным глухим звуком *тІ* (знаком *І* условно обозначается двусмычно-придыхательность взрывного глухого звука *т* в малкарском диалекте). Двусмычная-придыхательность звука *т* в малкарском диалекте, как предполагается, появилась под влиянием иберийско-кавказских языков, с которыми этот диалект соседствует. Однако это соседство имеют и остальные диалекты языка карачаевцев и балкарцев, но в них этот признак не наблюдается.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
тарак	тарак	тІарак	тарак, (расческа)
тала	тала	тІала	тала (поле)
тана	тана	тІана	тана (телка)
тилек	тилек	тІулек	тилек (просьба)
тикгич	тикгич	тІухгич	тикгич (дратва)
төлу	төлу	тІөлу	төлу (поколение)

7. Замена к > кІ

Взрывной глухой среднеязычный звук к карачаевского и промежуточного диалектов в тех случаях, когда данный звук не заменяется фрикативным х (см. выше), он заменяется в малкарском двусмычно-придыхательным среднеязычным взрывным звуком кІ.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
көрдүм	көрдүм	кІөрдүм	кердүм (увидел)
күнүм	күнүм	кІүнүм	күнүм (мой день)
кир	кир	кІар	кир (входи)
к ел	кел	кІел	кел (приходи)

8. Замена к₁ > кІ

Взрывной звук к₁ карачаевского и промежуточного диалектов в тех случаях, когда нет замены звуком х₁, заменяется двусмычно-придыхательным звуком кІ в малкарском диалекте.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
карачайлы	к,арачайлы	к,Іарацайлы	к,арачайлы (карачаевский)
малк,арлы	малк,арлы	малкІарлы	малк,арлы (малкарский)
к,ауға	к,ауға	к,Іауға	к,ауға (тревога)
к,ууғун	к,ууғун	к,Іууғун	кууғун (погоня)
к,урук	к,урук	к,Іурук,І	к,урук (жердь)

Все три двусмычно-придыхательных звука (тІ, кІ, қІ) малкарского диалекта во фразе будут выглядеть так: ТІаланн,ан, биз биллей тІурғанлай кІелифми кІалдын! Таланнан, биз биллей турғанлай келибми калдын!

9. Замена переднерядных гласных о, у, и, э передне-среднерядными оѓ, уѓ, иѓ, эѓ

Переднерядные гласные о, у, и, э карачаевского и промежуточного диалектов в словах заменяются передне-среднерядными оѓ,

уџ, иџ, эџ (знаком џ условно обозначается признак передне-средне-рядности). Все согласные при этих звуках теряют свою сингармоническую мягкость, свойственную согласным в карачаевском и промежуточном диалектах.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
өзен	өзен	оџзеџн	өзен (ущелье)
көз	көз	кІөџз	көз (глаз)
күнүм	күнүм	кІүџнүџм	күнүм (мой день)
кирдим	кирдим	кІиџрдиџм	кирдим (я вошел)
керек	керек	кІеџреџк	керек (нужда)

10. Выпадение звука н из состава аффиксов -мен (-ман), -сен (-сан), -сим (-сын, -сүн, -сун)

Выпадение звука н из состава предикативного аффикса 1-го и 2-го лица ед. ч. свойственно всем диалектам языка карачаевцев и балкарцев.

Малкарскому и промежуточному диалектам свойственно выпадение звука н и из состава аффикса -син (-сүн, -сын, -сун).

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
барсын	барсы	барсы	барсын (пусть идет)
келсан	келси	келси	келсин
кетсин	кетси	кетси	кетсин
көрсүн	көрсу	кІөџрсуџ	көрсун
турсун	турсу	тІурсу	турсун
болсук (босун)	болсу (босу)	болсу (босу)	болсун

Согласные звуки в полногласных сочетаниях в карачаевском и промежуточном диалектах произносятся довольно четко, в малкарском диалекте согласные в таких же сочетаниях имеют обыкновение произноситься приблизительно с зиянием. Исключение составляют взрывные согласные, особенно с придыханием.

В связи с этим создается впечатление, что слова в произношении представителя малкарского диалекта состоят из одних придыхательных и гласных звуков.

Хуламо-безенгиевскому компоненту промежуточного диалекта свойственно растягивание гласных слова. Эта особенность в интонации представителя хуламо-безенгиевского компонента промежуточного диалекта часто служит поводом для шуток по его адресу. Все эти явления ожидают своего детального экспериментального изучения.

Чегемо-баксанский компонент промежуточного диалекта и весь карачаевский диалект в интонации отличаются энергичностью и ясностью, четким произношением всех звуков – гласных и согласных.

Морфологические различия между диалектами языка карачаевцев и балкарцев

Наблюдения показывают, что диалекты языка карачаевцев и балкарцев имеют и морфологические различия, которые особенно ярко проявляются в глагольных формах. Если фонетические различия наблюдались между карачаевским и промежуточным диалектами, с одной, и малкарским диалектом, с другой стороны, то морфологические различия наблюдаются между всеми тремя диалектами: между карачаевским и промежуточным, между карачаевским и малкарским, между малкарским и промежуточным.

1. Диалектальные различия в образовании причастия будущего времени

Вторая форма причастия будущего времени в карачаевском диалекте и баксанском компоненте промежуточного диалекта образуется, как и все другие глагольные формы, от общеглагольной основы (повелительной формы 2-го лица ед. ч.) и суффиксов *-лык,, -рык,, -нык,, -арык,, -ырык*, с сингармоническими разновидностями.

Вторая форма причастия будущего времени в хуламо-безенгиевском и чегемском компонентах промежуточного диалекта и в малкарском диалекте образуется от первой формы прича-

ствия будущего времени (*ок,ур, чабар, минер*) и суффикса *-лык*, с сингармоническими разновидностями.

Исключение составляют основы на *-р, -л*: *бар – барлык,, кел – келлик* и т. д.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
<i>барлык,</i> <i>саллык,</i> <i>күллүк</i> <i>толлук,</i> <i>сорлук,</i>	<i>барлык,</i> <i>саллык,</i> <i>күллүк</i> <i>толлук,</i> <i>сорлук,</i>	<i>барлык,</i> <i>саллык,</i> <i>күллүк</i> <i>толлук,</i> <i>сорлук,</i>	<i>барлык,</i> <i>саллык,</i> <i>күллүк</i> <i>толлук,</i> <i>сорлук,</i>

От основ на *-р, -л*, как видно из примеров, причастие на *-лык*, во всех трех диалектах образуется одинаково. В переводе эти примеры по порядку означают: «тот, кто пойдет»; «тот, кто положит», «тот, кто посмеется»; «то, что наполнится»; «тот, кто спросит».

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
<i>ок,урук,</i> <i>ж,үрүрүк</i> <i>тилерик</i> <i>танырык,</i>	<i>ок,урук,</i> <i>ок,рлук,</i> <i>ж,үрүрүк</i> <i>жүрүрлүк</i> <i>тилерик</i> <i>тилерлик</i> <i>танырык,</i> <i>танырлык,</i>	<i>ок,урлук,</i> <i>ок,урлук,</i> <i>зүрүрлүк</i> <i>тилерлик</i> <i>танырлык,</i>	<i>ок,урук,</i> <i>ж,үрүрүк</i> <i>тилерик</i> <i>танырык,</i>

От основ на гласные звуки причастие будущего времени, как видно из примеров, образуется двояко: в карачаевском и одном из компонентов промежуточного диалекта от общеглагольных основ (*ок,у – «учись», ж,уру – «ходи», тиле – «проси», таны – «узнай»*) и суффикса *-рук,, -рук, -рик, -рык*, а в части промежуточного и малкарском причастия с одним и тем же значением образуются от причастия на *-р* (*ок,ур – «тот, кто будет учиться»; ж,үрүр – «тот, кто*

будет ходить»; *тилер* – «тот, кто будет просить»; *таны* – «тот, кто будет узнавать») и суффикса -лук_р -лүк, -лик, -лык_р.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
<i>чабарык,</i>	<i>чабарык,</i> <i>чабарлык,</i>	<i>цабарлык,</i>	<i>чабарык,</i>
<i>танышырык,</i>	<i>таышырык,</i> <i>танышырлык,</i>	<i>танышырлык,</i>	<i>танышырык,</i>
<i>сөлеширик</i>	<i>сөлеширик</i> <i>сөлеширлик</i>	<i>сөлеширлик</i>	<i>сөлеширик</i>

Как видно из примеров, весь карачаевский диалект и часть промежуточного диалекта (баксанский компонент) образуют этот тип причастия будущего времени от основы (*чаб* – «беги», *таныш* – «познакомься», *сөлеш* – «говори») и суффикса -арык,, -ырык,, -ирик,, а может быть, и -ерик: *кетерик*. Эта же форма принята и в литературном языке. Весь малкарский диалект и часть промежуточного диалекта (хуламо-безенгиевский компонент) образуют это же причастие от другого причастия (на -р) и суффикса -лык, -лик, могут быть разновидности -лук,, -лүк: *журүшүрлүк*, *урушурлук*,.

Основы на *и* дают три вида образования причастия, описанно-го выше: на -нык,, -арык,, -арлык,,.

Как видно по примерам, карачаевскому диалекту свойственны две формы образования причастия будущего времени с основой на *н*: *минник* и *минерик* – «кто должен сесть верхом». Эти формы образуются в одном случае при помощи суффикса -нык,, -ник,, -нук,, -нүк, в другом – при помощи суффикса -арык_р -ерик. По значению эти формы ничем не отличаются. Эти же формы встречаются в малкарском и промежуточном диалектах. Однако в последних, кроме этих двух форм, имеет хождение параллельно с первыми двумя и третья форма, образованная от первой формы причастия и суффикса -лык,, -лик, -лук,, -лүк: *ок,урлук*, *минерлик*, *чабарлык*, *ззарлык*,.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
<i>минник</i>	<i>минник</i>	<i>минник</i>	<i>минник</i>
<i>минерик</i>	<i>минерик</i>	<i>минерик</i>	<i>минерик</i>
	<i>минерлик</i>	<i>минерлик</i>	
<i>абыннык,</i>	<i>абыннык,</i>	<i>абыннык,</i>	<i>абыннык,</i>
<i>абынырык,</i>	<i>абынырык,</i>	<i>абынырык,</i>	<i>абынырык,</i>
	<i>абынырлык,</i>	<i>абынырлык,</i>	
<i>коннук,</i>	<i>коннук,</i>	<i>коннук,</i>	<i>коннук,</i>
<i>конарык</i>	<i>конарык,</i>	<i>конарык,</i>	<i>конарык,</i>
	<i>конарлык,</i>	<i>конарлык,</i>	
<i>көрүннүк</i>	<i>көрүннүк</i>	<i>көрүннүк</i>	<i>көрүннүк</i>
<i>көрүнүрүк</i>	<i>көрүнүрүк</i>	<i>көрүнүрүк</i>	<i>көрүнүрүк</i>
	<i>көрүнүрлук</i>	<i>көрүнүрлук</i>	

Формы, которыми характеризуется малкарский диалект, считаются остаточными. Они являются результатом каких-то древнейших процессов в образовании причастия, когда основой для этого служила не форма повелительного наклонения 2-го лица ед. ч., а причастия на *р*: *ок, ур, чабар, минер, конар* и т. д.

2. Диалектные различия в употреблении причастия прошедшего времени с суффиксом -лайына, -лейина

Причастие прошедшего времени языка карачаевцев и балкарцев употребляется и с суффиксом с притяжательным аффиксом 1, 2 и 3-го лица ед. и мн. ч. -*лайыма, -лайын, а, -лайына*. Этот суффикс в карачаевском диалекте присоединяется к причастию прошедшего времени непосредственно: *келгенлей* – «как только прибыл». Только после этого к форме может присоединиться аффикс лица, например: *келгенлейиме* – «как только я прибыл», *келгенлейин, е* – «как только ты прибыл», *келгенлейине* – «как только он прибыл», *келгенлейибизге* – «как только мы прибыли», *келгенлейигизге* – «как только вы прибыли», *келгенлейлерине* – «как только они прибыли».

В малкарском диалекте к причастию прошедшего времени сначала прибавляется притяжательный аффикс, а затем уже суффикс -*лай, -лей*: *келгенимлей* – «как только я прибыл», *келгенин, лей* – «как только ты прибыл», *келгенинлей* – «как только он прибыл», *келге-*

нибизлей – «как только мы прибыли», *келгенигизлей* – «как только вы прибыли», *келгенлеринлей* – «как только они прибыли».

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	Литературный
<i>келгенлейиме</i>	<i>келгенлейиме</i> <i>келгенимлей</i>	<i>келгенимлей</i>	<i>келгенлейиме</i>
<i>келгенлейин,е</i>	<i>келгенлейин.е</i> <i>келгенин,лей</i>	<i>келгенин,лей</i>	<i>келгенлейан,е</i>
<i>келгенлейине</i>	<i>келгенлейине</i> <i>келгеннинлей</i>	<i>келгенинлей</i>	<i>келгенлейине</i>
<i>келгенлейибизге</i>	<i>келгенлейибизге</i> <i>келгенибизлей</i>	<i>келгенибизлей</i>	<i>келгенлейибизге</i>
<i>келгенлейигизге</i>	<i>келгенлейигизге</i> <i>келгенигизлей</i>	<i>келгенигизлей</i>	<i>келгенлейигизге</i>
<i>келгеняейлерине</i>	<i>келгеняейлерине</i> <i>келгенлеринлей</i>	<i>келгенлеринлей</i>	<i>келгенлейлерине</i>

В компонентах промежуточного диалекта эта форма образуется смешанно: как в карачаевском и как в малкарском диалектах.

3. Диалектные различия в образовании формы родительного и винительного падежей имен существительных с притяжательными аффиксами

Падежные формы имен существительных в языке карачаевцев и балкарцев образуются одинаково. Исключение составляют формы родительного и винительного падежей имен существительных с притяжательными аффиксами 1-го лица ед. ч.

В родительном и винительном падежах имена существительные с притяжательными аффиксами 1-го лица ед. ч. в карачаевском диалекте оканчиваются на гласные *-ы, -и, -ү, -у*: *атам-ы, көзүм-ү, колум-у, тилим-и*.

В малкарском и промежуточном диалектах параллельно с формами карачаевского диалекта смешанно встречаются окончания этих падежей в сочетании с согласным *м*: *атам-мы, көзүм-мү, колум-му, тилим-ма*. В литературный язык входит карачаевская норма.

4. Синтаксические различия

Синтаксические различия между диалектами языка карачаевцев и балкарцев обусловлены, главным образом, различным практическим осмыслением залоговых значений глаголов карачаево-балкарского языка.

В карачаевском диалекте глагол *козу* в данной форме употребляется в значении действительного залога, а в форме *козут* в значении понудительного залога, поэтому карачаевцы говорят: *итни козума* – «не дразни собаку», но *кесин,и козутма* – «не позволяй дразнить себя». В малкарском и промежуточном диалектах этот же глагол в форме *козу* употребляется в значении понудительного, а в форме *козут* в значении действительного залога, поэтому представители этих диалектов говорят: *итни козутма*, но *кесин,и козума*.

Приблизительно так же обстоит дело и с глаголом *бак* – «ухаживай». В карачаевском диалекте этот глагол требует после себя форму винительного падежа, так как воспринимается как глагол действительного залога: *кохоз сүруучуле малны иги бағадыла* – «колхозные чабаны хорошо ухаживают за скотом». В промежуточном и малкарском диалектах глагол *бак* употребляется в значении среднего залога: *кохоз сүруучуле малға ига бағадыла* – «колхозные чабаны хорошо смотрят за скотом».

В языке карачаевцев и балкарцев часто встречаются глаголы, которые, как видно из примеров, требуют разное управление. Но вопрос этот еще не изучен.

5. Лексические различия между диалектами языка карачаевцев и балкарцев

Лексические различия между диалектами языка карачаевцев и балкарцев можно разделить на три разряда:

а) разные слова для обозначения одних и тех же предметов и понятий. Такие слова в языке карачаевцев и балкарцев встречаются в достаточном количестве, но перечислить их все нет возможности, ибо этим вопросом еще никто не занимался.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский
<i>тилимди</i>	<i>хуюн</i>	<i>ырысхын (дратва)</i>
<i>кекел</i>	<i>чокай</i>	<i>цукол (чуб)</i>
<i>хота</i>	<i>ал бота</i>	<i>гефхин (фартук)</i>

Встречаются слова, которые противопоставляют один из трех диалектов двум другим.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский	
<i>күрек</i>	<i>беккяхын</i>	<i>күрек</i>	<i>(лопата)</i>
<i>бағана</i>	<i>жигинжи</i>	<i>зигинзи</i>	<i>(столб)</i>
<i>уууз</i>	<i>ырпыс</i>	<i>уууз</i>	<i>(молозиво)</i>
<i>кҕлекге</i>	<i>ауана</i>	<i>ауана</i>	<i>(тень)</i>
<i>ж,а к,оз</i>	<i>ж,анк,оз</i>	<i>цыкарон</i>	<i>(подснежник)</i>
<i>табак</i>	<i>чырча</i>	<i>цырца</i>	<i>(тарелка)</i>
<i>биттир</i>	<i>биттиркөч</i>	<i>дибилдирик</i>	<i>(летучая мышь)</i>
<i>гүрбе</i>	<i>гүрбе</i>	<i>күф</i>	<i>(ящик)</i>
<i>тартар</i>	<i>мыга</i>	<i>мыга</i>	<i>(кулик)</i>
<i>х,амх,от</i>	<i>ж,ух,</i>	<i>зух,</i>	<i>(морда)</i>
<i>күлте</i>	<i>гысты</i>	<i>гысты</i>	<i>(сноп)</i>

б) Синонимические пары, одни из которых активизированы в одном, другие в другом диалекте. Имеются синонимические пары, которые одинаково относятся к словарному составу всего языка; один из этих синонимов больше употребляется в одном диалекте, другой – в другом. Состав таких пар еще полностью не учтен. При этом в употреблении таких пар промежуточный и малкарский диалекты противопоставлены карачаевскому диалекту.

Карачаевский	Промежуточный	Малкарский
<i>турна</i>	<i>зурнук,</i>	<i>зурнук (журавль)</i>
<i>хонча</i>	<i>кекел</i>	<i>кекел (бакенбарды)</i>
<i>кекел</i>	<i>чокай</i>	<i>чокай (чуб)</i>
<i>калаж,ук</i>	<i>сабанғач</i>	<i>сабанғач (соха)</i>

в) Антонимичные омонимы. В языке карачаевцев и балкарцев встречаются слова, которые в диалектах употребляются в противоположном значении.

Карачаевский	Промежуточный и малкарский
<i>өзен</i> – ущелье	<i>өзен</i> – равнина
<i>жалла</i> – приближайся ко мне	<i>ж,алла</i> – удаляйся от меня
<i>чегет</i> – лес	<i>чегет</i> – теневая сторона горы

К плановому и всестороннему изучению диалектов языка карачаевцев и балкарцев мы только приступаем. Нужно думать, при глубоком и квалифицированном изучении в языке карачаевцев и балкарцев будет обнаружено много интересного и не только для данного языка.

ПРОБЛЕМА ОСНОВЫ И ОКОНЧАНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Типы основ слов карачаево-балкарского языка

Предложение нашей речи, выражающее законченную мысль, которой люди обмениваются между собой в обществе, распадается на составные части, именуемые членами предложения – подлежащее, сказуемое дополнение, определение и различные обстоятельства.

Кюннүмде бийик терекле юслеринден кьарны жерге атдыла.

Словом, которое определяет значение этого предложения, является подлежащее *терекле* – «деревья», словом, которое определяет основное значение подлежащего, является сказуемое *атдыла* – «сбросили», словами, которые определяют по порядку значения сказуемого (характер действия и др.), являются прямое дополнение *кьарны* – «снег», косвенное дополнение *юслеринден* – «с себя», обстоятельство места *жерге* – «на землю» и т. д. Характер каждого слова в этом предложении определяется его ролью в выражении значения всего предложения.

Каждое слово, входящее в предложение, имея свое собственное значение, распадается на основные части, именуемые морфемами, которые также имеют свое значение. Правда, эти значения не имеют той самостоятельности, которой характеризуются слова, которыми выражаются члены предложения, но все-таки

значения, обусловленные ролью каждой морфемы в составе слова. Это – значения и морфемы – корень, основа, суффикс, окончание. В слове *чаллыкма* первая часть *чал* – «косить» является морфемой, определяющей идею действия косить: *чал* – корень; часть *лык* является суффиксом, показывающим время действия – будущее время, он не меняет основного значения корня; часть *ма* является показателем лица действия – окончанием; *чаллык* (две первые части, взятые вместе) является основой будущего времени глагола. Замена части *лык* другой, например *а*, не меняя основного значения слова, покажет другое время – настоящее; замена окончания, допустим, окончание *са*, покажет другое лицо, в данном случае – второе. Данный корень *чал* можно взять с другим суффиксом: *чалкы* – «коса». Корень в этом слове будет определять основной признак орудия косы. Суффикс *лык* можно взять с другим корнем: *барлыкма* – «пойду». Как и в первом примере, суффикс *лык* будет показателем только будущего времени, а окончание *ма* или *са*, как и в первых случаях, будет показывать только лицо действия.

Каждая морфема, входящая в состав слова, может состоять из одного звука или из сочетания нескольких звуков, именуемых фонемами. Так, в глаголах понудительного залога *окут*, *санат*, *тилет* и т. д. суффикс *т* при гласных является фонемой. Корень *чал* распадается на три фонемы: *ч*, *а*, *л*. В различных сопоставлениях каждая их фонем может оказаться основной: *чал-чат*, *чал-чам*, *чал-чаб*, *чал-чакъ*, *чал-чач* и т. д. В одном случае *чал-сал*, *чал-бал*, *чал-нал*, *чал-къал*, *чал-мал*, *чал-жал*. В первом ряду основными и определяющими являются фонемы *л*, *т*, *м*, *б*, *къ*, *ч*, во втором ряду такими основными фонемами, определяющими значение корня, являются первые фонемы *ч*, *с*, *б*, *н*, *къ*, *м*, *ж*. Члены предложения, составные части слова морфемы являются структурными элементами речи, возникшими в процессе закономерного развития грамматического строя, едины.

Первые структурные единицы языка – члены предложения – изучены достаточно. Вторые структурные единицы речи – морфемы – также изучены, но в тюркологии эта часть грамматики нуждается в дополнительном и тщательном исследовании.

Слово как структурная единица, его корень, основа и ее особенности, суффиксы и их особенности, окончания в тюркских языках, в том числе и в карачаево-балкарском, изучены недостаточно.

По мнению одного из лучших тюркологов профессора И. К. Дмитриева, слово в башкирском языке состоит:

1. Из корня, т. е. той неразложимой части слова, какими бывают глаголы повелительного наклонения ед. числа второго лица: *жаз* – «пищи», *кет* – «уйди», *кел* – «приходи» и т. д.

2. Из основы, т. е. неразложимого корня и аффикса (аффиксов) словообразования: *балыкъ-балыкчы, балыкчылыкъ* – «рыболовство». 3. Из основы+аффикса/аффиксов/ словоизменения: *балыкчыгъа* – «рыболову» (Дмитриев Н.К. Грамматика балкарского языка. 1948. С. 46).

По мнению другого известного тюрколога профессора А. Н. Кононова, слово узбекского языка состоит:

1. Из чистого корня: *ат* – «лошадь», *ал* – «бери».

2. Из условного корня: *жангур* – «дождь», *сибир* – «подметай», т. е. корень+непродуктивный аффикс.

3. Из корневой основы и аффикса словообразования (производная основа): *иш-чи* – «рабочий», *къарындаш* – «соутробник».

4. Из производной основы (корневая основа+аффикс словообразования) + аффикс словообразования: *баликъчилик* – «рыболовство».

5. Из чистого корня – корневой основы – производной основы + аффикс словообразования: *ишге, ишчиге, ишетди, суусузлугъу-буздан* (Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. 1960. С. 64).

Эти мнения, несмотря на свою оригинальность, страдают недостатками, мешающими осветить весь комплекс вопросов, которые связаны со структурой слова в тюркских языках.

Основным недостатком их является то, что эти определения на примерах до конца не раскрываются.

В современном языкознании установлено, что основой слова называется та часть слова, которая стоит перед окончанием, т. е. перед той частью, которая употребляется для связи одного слога с другим. Если это считать за норму, то в карачаево-балкарском языке каждая часть речи, имеющая фонему словоизменения, будет иметь помногу основ.

1. *Къол* – «рука»: *къол, къол-ну, къолгъа, къолда, къол-дан*. Значит, форма *къол* при изменении по падежам будет служить основой.

2. Къолла – «руки»: къолла, къолла-ны, къолла-гъа, къолла-да, къолла-дан. В этом случае основой окажется форма къолла – «руки».

3. Къолум – «рука+моя»: къолум, къолум-а, къолум-у, къолум-да, къолум-дан. Перед окончанием в этом слове стоит форма къолум – «рука моя». Къолум в этом случае употреблено как основа.

4. Къолунг – «руки твои»: къолунг-у, къолунг-а, къолунг-да и т. д. В таком изменении основой будет къолунг.

5. Къолу – «рука его»: къолу-ну, къолу-н-, къолу-н-да, къолу-н-дан. В этой форме две основы: одна – къолу для основного падежа и другая – къолун для остальных падежей.

6. Къолубуз – «руки наши»: къолубуз, къолубуз-ну, къолубуз-гъа, къолубуз-да, къолубуз-дан. В такой форме основой от этого же слова является къолубуз.

7. Къолугъуз – «рука ваша»: къолугъуз-ну, къолугъуз-да, къолугъуз-гъа, къолугъуз-дан. Здесь основой является къолугъуз.

8. Къоллары – «рука их»: къоллары, къоллары-н, къоллары-н-ы, къоллары-н-а, къоллары-н-да, къоллары-н-дан. Основа для именительного падежа къоллары, для остальных – къолларын.

9. Къолларым – «руки мои»: къолларымы, къолларым-ы, къолларым-а, къолларым-да, къолларым-дан. Неизменяемой частью здесь является къолларым.

10. Къолларынг – «руки твои»: къолларынг-ы, къолларынга, къолларынг-дан, къолларынг-да. Новая основа къолларынг.

11. Къоллары – «руки его»: къоллары, къоллары-н, къоллары-н-ы, къоллары-н-а, къоллары-н-дан, къоллары-н-да. Основа данная совпадает с основой из пункта 8.

12. Къолларыбыз – «руки наши»: къолларыбыз, къолларыбыз-ны, къолларыбыз-гъа, къолларыбыз-дан, къолларыбыз-да. Еще одна основа – къолларыбыз.

13. Къолларыгъыз – «руки ваши»: къолларыгъыз, къолларыгъыз-ны, къолларыгъыз-гъа, къолларыгъыз-да, къолларыгъыз-дан. Другая основа къолларыгъыз. Основа къолларыгъыз.

14. Къоллары – «руки их»: къоллары, къоллары-н, къоллары-н-ы, къоллары-н-а, къоллары-н-дан. Основа къоллары.

Во всех этих основах, образованных от второго компонента падежной конструкции (мѣни къолум – къолум), основное лексическое значение одно и то же – это «рука» или «руки». Аффиксы, с которыми встречаются эти основы, придают основному значе-

нию оттенков лишь принадлежности к 1, 2, 3-му лицу единственного или множественного числа.

От этих 14 основ можно образовать еще четырнадцать основ со значением сравнения: *к̑олча*, *к̑оллача*, *к̑олунгча* и т. д. без изменения данной части с аффиксом сравнения будут склоняться по падежам и эти основы.

Каждая из перечисленных 28 основ может дать еще две основы с аффиксом *-нык̑ы* в единственном и множественном числе: (с новым оттенком лексического значения «что-то принадлежащее руке или рукам»): *к̑олнук̑у*, *к̑олнук̑ула*; *к̑олланык̑ы*, *к̑олланык̑ыла*, *к̑олумук̑у*, *к̑олумук̑ула*, *к̑олунгук̑у*, *к̑олунгук̑ула*, *к̑олунук̑у*, *к̑олунук̑ула*, *к̑олубузук̑у*, *к̑олубузук̑ула*, *к̑олуг̑узук̑у*, *к̑олубузук̑ула*, *к̑олларынык̑ы*, *к̑олларынык̑ыла*, *к̑олларымык̑ы*, *к̑олларымык̑ыла*, *к̑олларынгык̑ы*, *к̑олларынык̑ы*, *к̑олларынык̑ыла*, *к̑олларыбызык̑ы*, *к̑олларыбызык̑ыла*, *к̑олларыг̑ызык̑ы*, *к̑олларыг̑ызык̑ыла*, *к̑олларынык̑ы*, *к̑олларынык̑ыла*, *к̑олчанык̑ыча*, *к̑оллачаланык̑ыча*, *к̑оллачаланык̑ылача* и т. д.

Имена существительные данного типа выражения принадлежности, образованные от единого компонента изафетной конструкции *к̑олларыбызы бармак̑лары* – «наших рук пальцы», *к̑олларыбызык̑ыла* (см. выше), могут склоняться по 28 основам.

Основное значение не меняется и в этом случае.

Таким образом, каждое имя существительное данной формы в карачаево-балкарском языке может склоняться по 56 основам, каждая из которых, не меняя основного значения слова, придает значению слова ту или иную окраску притяжательности с сравнением или без сравнения.

1. *Ёс* – «расти»: *ёс-сун*, *ёс-се*, *ёс-чю*, *ёс-дю*, *ёс-сунле*. Основа *ёс*.

2. *Ёсдюр* – «сделать так, чтобы вырос»: *ёсдюр-сун*, *ёсдюр-чю*, *ёсдюр-дю*, *ёсдюр-се*, *ёсдюр-ейик*. Основа *ёсдюр*.

3. *Ёсдюрюл* – «сделано так, чтобы вырос»: *ёсдюрюл-сун*, *ёсдюрюл-дю*. Основа *ёсдюрюл*.

Каждая форма, выражающая оттенки времени (прошедших, настоящих, будущих), имеет свою основу от всех этих первичных производных и непроизводных основ, выражающих залоговые оттенки глагола.

При изменении глаголов карачаево-балкарского языка по временам основой всех временных форм являются формы залогов с аффиксами отрицания и без них.

Если же эти основы изменять по лицам (спряжения), то для каждого времени глаголы дают живую основу залог+аффикс времени:

1. Кийген э-ди, кийе э-ди, кьерик э-ди, кийген-ди, кие-ди, кьерик-ди, кьер-ме, кимген-бол-ур, кие бол-ур, кьерик бол-ур.

Все подчеркнутые части этих форм являются основами.

2. Кийинген э-ди, кийине э-ди, кийинир э-ди, кийинген-ди, кийине-ди, кийинник-ди, кийинир-ме, кийинген бол-ур, кийине бол-ур, кийинник бол-ур.

Подчеркнутые части этих глаголов являются основами, выражающими оттенки времени глаголов.

3. Кийилген э-ди, кийиле э-ди, кийиллик э-ди, кийилир э-ди, кийилген-ди, кийиллик-ди, кийилир-ле, кийилген бол-ур, кийиле бол-ур, кийиллик бол-ур.

Основами и здесь будут подчеркнутые части слов.

4. Кийишген э-ди, кийише э-ди, кийиширик э-ди, кийишир э-ди, кийишген-ди, кийише-ди, кийиширик-ди, кийишген - бол-ур, кийише бол-ур, кийиширик бол-ур.

Основы подчеркнуты и здесь.

5. Кийдирген э-ди, кийдири э-ди, кийдирлик э-ди, кийдирир э-ди, кийдирген-ди, кийдир-ди, кийдирлик-ди, кийдирир-ле, кийдиген бол-ур, кийдире бол-ур, кийдирлик бол-ур.

Основы подчеркнуты.

6. Кийиндирген э-ди, кийиндире э-ди, кийиндирлик э-ди, кийиндир-рир э-ди, кийиндирген-ди, кийиндире-ди, кийиндирлик-ди, кийиндирген бол-ур, кийиндире бол-ур, кийиндирлик бол-ур.

Основы подчеркнуты.

7. Кийдирилге э-ди, кийдириле э-ди, кийдириллик э-ди, кийдирил-лир э-ди, кийдилген-ди, кийдириле-ди, кийдириллик-ди, кийдирилир-ле, кийдирилген бол-ур, кийдириле бол-ур, кийдириллик бол-ур.

Основы подчеркнуты.

8. Кийишдирилген э-ди, кийишдириле э-ди, кийишдириллик э-ди, кийишдирилир э-ди, кийишдирилген-ди, кийишдириле-ди, кийишдирил-лик-ди, кийишдирилир-ди, кийишдирилир-ле, кийишдирилген бол-ур, кийишдириле бол-ур.

Все подчеркнутые части слов являются основами.

9. Ёсген э-ди, ёсе э-ди, ёсерик э-ди, ёсер э-ди, ёсген-ди, ёсе-ди, ёсерик-ди, ёсер-ле, ёсген бол-ур, ёсе бол-ур, ёсерик бол-ур.

Подчеркнутые части основы.

10. Ёсдюрге э-ди, ёсдюре э-ди, ёсдюрлюк э-ди, ёсдюрюр э-ди, ёсдюрген-ди, ёсдюре-ди, ёсдюрлюк-дю, ёсдюрюр-ле, ёсдюрген бол-ур, ёсдюре бол-ур, ёсдюрлюк бол-ур.

Основы подчеркнуты.

Форм времени глагола в карачаево-балкарском языке в среднем 9, если не считать дуплетные формы. Дуплетные формы времени глагола в карачаево-балкарском проявляются в более чем 13 формах.

Каждый оттенок глагольного времени карачаево-балкарского языка имеет свою основу:

1. Келген э, 2. Келе э, 3. Келиб э, 4. Келлик э, 5. Келир э, 6. Келген, 7. Келди, 8. Келе, 9. Келиб, 10. Келген-бол, 11. Келе бол, 12. Келиб бол, 13. Келлик бол.

Каждая из этих основ имеет свой оттенок времени. Эти оттенки не могут подчинять один другого.

При спряжении личные окончания присоединяются к этим основам.

Характер основ слов карачаево-балкарского языка

Деление слова на основу и окончание является основным морфологическим делением, т. к. основа является той частью слова, которая выражает собственное, частное или лексическое значение, окончание же – только грамматические значения, показывающие отношение одного слова к другому в составе словосочетания или предложения.

Характер основ зависит от того, совпадают они в своих границах с корнями или не совпадают. Если основа в своих границах совпадает с корнем, то такие основы именуются непроизводными. Обычно непроизводные основы слов карачаево-балкарского языка характеризуются многозначностью. В составе глаголов такие основы карачаево-балкарского языка встречаются как имена существительные, и прилагательные, и наречия, и как глаголы: *жаз* – «пиши» и «весна», *жай* – «рассыпай» и «лето», *къач* – «убегай» и «осень», *бар* – «иди» и «есть», *къара* – «смотри» и «черный», *сал* – «положи» и «носилки», *кеч* – «прости» и «поздно», *аз* – «худей» и «мало», *кеб* – «пухли» и «много», *акъ* – «течь» и «белый»,

эн – «спускайся» и «метка», чыкъ – «выходи» и «роса», ач – «открой» и «голодный», эт – «делай» и «мясо», жау – «идти дождю» и «масло», къаз – «копай» и «гусь», баз – «надейся» и «база», къозу – «дразнись» и «барашек», кзой – «брось» и «овца», ат – «бросай» и «лошадь», ал – «бери» и «перед», жыр – «прощай» и «песня», кюй – «гори» и «мелодия», тюй – «бей» и «пшено», чач – «разбросай» и «девичья коса», сын – «ломайся» и «памятник», къаб – «кусай» и «тыква», чал – «коси» и «седой», тик – «шей» и «спуск» (крутой), кёр – «видеть» и «могила», къыз – «нагреваться» и «девушка», къакъ – «трусил» и «сухой», тала – «терзай» и «поляна» и многие другие.

Принадлежность таких слов к глагольным или к именным частям речи определяется по контексту или окончанием. Если эти основы употребляются с падежными окончаниями, то они становятся именными частями речи, если же они принимают окончание действующего лица, то они порывают свою связь с именными частями речи и воспринимаются как глаголы.

Жазсын – «пусть напишет», жазны – «весну», жайсын – «пусть расстелет», жайны – «лето» и т. д. без исключения.

Окончания у таких основ выполняют функции суффиксов: как суффиксы, эти окончания разграничивают именные и глагольные части речи; как окончания, они показывают именные или глагольные их отношения этих основ к другим словам.

Другая группа непроизводных основ слов карачаево-балкарского языка характеризуется однозначностью. Обусловлен такой характер этих основ тем, что они, как можно предположить, когда-то были производными основами, но с течением времени, потеряв свою связь с корнями и суффиксами, их образовавшими, окаменели. К таким основам можно отнести: кет – «уходи», кел – «приходи». Имеется в виду, что у этих основ был общий корень *ке*, который сейчас уже не воспринимается как корень, а элементы *т* в первом и *л* во втором примерах были суффиксами, показавшими направление движения от говорящего или к говорившему. Такие основы в карачаево-балкарском языке встречаются часто, хотя их и не так много, как основ первого типа: ал – «бери», ат – «бросай», сал – «положи», сат – «продай», къал – «оставайся здесь», къат – «сохни», «остановись», бат – «тони», жат – «ложись». За редким исключением, основы на *т* или *л* всегда употребляются как глаголы. Также обстоит дело и с основами на *н* и другие звуки: жон –

«строгай», *кзон* – «садись по-птичье», *мин* – «садись (верхом)», *жаб* – «закрой», *чаб* – «беги», *тын* – «перестань», *кзыр* – «скобли», *ур* – «бей», *сез* – «растягивай», *окзу* – «читай», *жюлю* – «стриги» и т. д.

Непроизводные основы имен существительных карачаево-балкарского языка характеризуются однозначностью (исключение составляют только те, которые омонимичны с глагольными непроизводными основами, приведенными выше: *кзаш* – «брови», *таш* – «камень», *кёз* – «глаз», *кзол* – «рука», *баш* – «голова», *тау* – «гора», *суу* – «вода», *кзар* – «снег», *кюн* – «солнце», *терезе* – «окно», *юй* – «дом», *тйюк* – «волос», *буз* – «лёд» и др.

Вторая группа непроизводных имен существительных – это производные основы, составные части которых уже не воспринимаются как корни или суффиксы: *бурун* – «нос», *эрин* – «губа», *аякз* – «нога», *тобукз* – «колени», *билек* – «предплечье», *тери* – «кожа», *бармакз* – «палец», *олтан* – «подошва», *орун* – «место», *эшик* – «дверь» и многие др.

Приблизительно такими же признаками характеризуются непроизводные основы и других именных частей речи карачаево-балкарского языка – прилагательных, наречий, числительных.

Окончания непроизводных основ слов карачаево-балкарского языка характеризуется большим многообразием, обусловленным теми многочисленными оттенками грамматических значений, которые они выражают при непроизводных основах глаголов и имен существительных. Так, например, если рассматривать изменения глагольной основы *жуу* – «мой», «купай» с точки зрения ее по залогам, окажется, что каждый залог имеет свое окончание.

Жуу – «мой», окончание нулевое, действительный залог.

Жууун – «мойся», окончание со следующим звуком *ун*, возвратный залог.

Жууул – «будь мытым», окончание со следующим звуком *ул*, страдательный залог.

Жуууш – «мойся», со следующим звуком *уш*, взаимный залог.

Жуудур – «сделай так, чтобы мыли», окончание *дур*, понудительно-действительный залог.

Жууундур – «сделай так, чтобы мылся, купался», окончание *ун-дур*, понудительно-возвратный залог.

Жуудурул – «сделай так, чтобы был мыт, купан», окончание *ду-рул*, понудительно-страдательный залог.

Жууушдур – «сделай так, чтобы мылись взаимно», окончание *ушдур*, понудительно-взаимный залог.

Такие формы могут иметь почти все непроизводные глагольные основы карачаево-балкарского языка. Присоединение аффикса залога к непроизводной основе глагола карачаево-балкарского языка не подвергает изменению собственное, лексическое значение действия основы, но указывает направленность действия на внешний объект (окончание нуль), на самого себя (возвратный), на то, что залог скрыт (страдательный), на взаимное действие (взаимный) и т.д.

Если рассматривать изменение глагольной основы по временам, то оказывается, что аффиксы, указывающие время действия, играют роль окончаний, так как они не меняют основной идеи действия с теми или иными налоговыми оттенками. Однако в этом случае непроизводная основа с аффиксом залога, игравшим роль окончания при изменении по залогам, превратится в производную основу того или иного залога, а залоговое окончание в суффикс, составную часть производной основы:

Жуугъан э, жууа э, жууарыкъ э¹

Жуугъан, жууа жууарыкъ

жуугъан бол, жууа бол, жууарыкъ бол

В этих формах дана непроизводная основа действительного залога (он производным не бывает) и аффикс времени: - *гъан э*, - *а э*, - *арыкъ э* -, - *гъан, а* -, - *арыкъ* -, - *гъан бол* -, - *а бол* -, - *арыкъ бол* -.

Эти аффиксы основного значения действия основы не меняют, указывалось только время.

Также можно изменить по временам и основы с аффиксами залогов *жууунгъан э*-, *жуууна э*-, *жуууннукъ э*-, *жууунгъан*-, *жуууна*-, *жуууннукъ*-, *жууунгъан бол*-, *жуууна бол*-, *жуууннукъ бол* -.

Если рассматривать изменения глаголов по лицам, то основой окажется производная форма с аффиксами залога и времени и окончанием лица в случаях изменения форм без отрицания:

1-е л. *Жууунгъан эдим, жуууна эдим, жуууннукъ эдим.*

2-е л. *Жууунгъанса, жууунаса, жуууннукъса.*

3-е л. *Жууунгъан болур, жуууна болур, жуууннукъ болур.*

А в случаях с отрицанием эта основа будет производной с аф-

¹ Примеры даются без личных окончаний, чтобы подчеркнуть часть аффикса времени.

фиксами в последовательности залога, отрицания времени и личного окончания:

1-е л. Жуунмагъан эдим, жуууннай эдим, жууннукъ туююл эдим.

2-е л. Жуунмагъанса, жуунмайса, жууннукъ туююлсе.

3-е л. Жуунмагъан болур, жуунмай болур, жууннукъ болмаз.

Как видно по примерам, формы будущего времени (жууннукъ туююл эдим, жууннукъ туююлсе, жууннукъ болмаз) нарушают последовательность подключения аффиксов, а с этим и форму основы, но это объясняется тем, что эти формы от данной основы будущего времени являются сложными. От основы жууурнур формы производной основы будут соответствовать условиям.

В связи с этим можно сделать следующие заключения:

I. Каждый глагол карачаево-балкарского языка при одном единственном и общем корне имеет по несколько основ. Главными и в них при корне жуу – жуума со значением действительного залога являются:

	без отрицания	с отрицанием
а) основа возвратного залога	– жууун	– жууунма
б) основа страдательного залога	– жууул	– жууулма
в) основа взаимного залога	– жуууш	– жууушма
г) основа понудит. действия залога	– жуудур	– жуудурма
д) основа понуд. возвратного залога	– жууундур	– жууундурма
е) основа понудит. страдат. залога	– жуудурул	– жуудурулма
ж) основа понудит. взаимн. залога	– жууундур	– жууундурма

II. При каждой из этих залоговых основ с отрицанием или без него имеется по несколько основ вторичного рода для каждого времени:

1. Основы настоящего времени:

	без отрицания	с отрицанием
а) осн. действительного залога	– жууады	– жуумайды
б) осн. возвратного залога	– жууунады	– жууунмайды
в) осн. страд. залога	– жууулады	– жууулмайды
г) осн. взаимн. залога	– жууушады	– жуушмайды
д) осн. действит. залога	– жуудурады	– жуудурмайды
е) осн. понуд. залога	– жууундурады	– жууундурмайды

ж) осн. пон.-страд. залога – жүүдурұлады – жуудурулмайды

з) осн. пон.-взаим. залога – жуушудұрады – жуушидурмайды

2. Основы прошедшего времени:

	без отрицания	с отрицанием
а) осн. действит. залога	– <u>жуугъанды</u>	– <u>жуумагъанды</u>
б) осн. возвратн. залога	– <u>жуууннганды</u>	– <u>жууунмагъанды</u>
в) осн. страдат. залога	– <u>жууулгъанды</u>	– <u>жууулмагъанды</u>
г) осн. взаимн. залога	– <u>жууушханды</u>	– <u>жууушмагъанды</u>
д) осн. понуд.-действ. залога	– <u>жуудургъанды</u>	– <u>жуудурмагъанды</u>
е) осн. понуд.-возврат. залога	– <u>жууундургъанды</u>	– <u>жууундурмагъанды</u>
ж) осн. пон.-страд. залога	– <u>жуудурулгъанды</u>	– <u>жуудурулмагъанды</u>
з) осн. пон.-взаимн. залога	– <u>жууушдургъанды</u>	– <u>жууушдурмагъанды</u>

3. Основы для будущего времени:

	без отрицания	с отрицанием
а) осн. действ. залога	– <u>жууарыкъды</u>	– <u>жууарыкъ тьююлдю</u>
б) осн. возвр. залога	– <u>жуууннукъду</u>	– <u>жуууннукъ тьююлдю</u>
в) осн. страд. залога	– <u>жуууллукъду</u>	– <u>жуууллукъ тьююлдю</u>
г) осн. взаимн. залога	– <u>жууушурукъду</u>	– <u>жууушурукъ тьююлдю</u>
д) осн. пон.-действ. залога	– <u>жуудурлукъду</u>	– <u>жуушурлукъ тьююлдю</u>
е) осн. пон.-возврат. залога	– <u>жууундурлукъду</u>	– <u>жууундурлукъ тьююлдю</u>
ж) осн. пон.-страд. залога	– <u>жуудуруллукъду</u>	– <u>жуудуруллукъ тьююлдю</u>
з) от пон.-взаимн. залога	– <u>жууушдурлукъду</u>	– <u>жууушдурлукъ тьююлдю</u>

В отличие от других форм настоящего и прошедшего времени основа с отрицанием для данной формы будущего времени образуется аналитически, т. е. как от именных частей речи. Обусловлено это тем, что основа будущего времени без отрицания является причастием.

Настоящее время глагола карачаево-балкарского языка имеет 6 форм: *жууунады, жууунубду, жуууна эди, жууунуб эди, жуууна болур, жууунуб болур*. Эти формы образуются от каждой залоговой основы. Поэтому основ для настоящего времени будет больше, чем приведено в таблицах. Однако образование их грамматически настолько прозрачно, что не вызывает затруднений в их обнаружении. В связи с этим мы дали основы от одной формы.

Прошедшее время глаголов карачаево-балкарского языка имеет 4 формы: *жуууннганды*, *жуууннган эди*, *жуууннган болур*, *жууунду*. В связи с этим основ для прошедшего времени будет больше, чем приведено, но образование этих форм легко и просто. Сначала идут залоговые основы с отрицанием или без него, затем суффиксы времени, как в таблицах, и или личное окончание, или же вспомогательный глагол *э*, или *бол*, а затем личное окончание.

Будущее время глаголов карачаево-балкарского языка имеет 4 формы: *жуууннукъду*, *жууунур*, *жуууннукъ эди*, *жуууннукъ болур*. В таблицах дана только основа одной формы (*жуууннукъду*) от всех залоговых основ. Такие же основы можно образовать и от всех других основ. Такие же основы можно образовать и от всех других форм и залогов.

От каждого глагольного корня с переходящим значением образуется 8 залоговых основ, от каждой залоговой основы образуется около 14 основ прошедшего, настоящего и будущего времени.

Глагольные корни с переходным значением (средний залог) дают только две залоговые основы: собственно средний залог и понудительно-средний залог, от которых образуются все основы прошедшего, настоящего и будущего времени.

III. При корне *жукъла* с непереходным значением с отрицанием и без него образуются две залоговые основы:

- а) от среднего залога: *жукъла* – *жукълама*;
- б) от понуд. среднего залога: *жукълат* – *жукълатма*.

IV. При каждой из этих залоговых основ с отрицанием или без него образуется по несколько временных основ вторичного рода.

1. Основы для настоящего времени:

- а) от среднего залога: *жукълайды* – *жукъламайды*;
- б) от понуд. среднего: *жукълатады* – *жукълатмайды*.

2. Основы для прошедшего времени:

- а) от среднего залога: *жукълагъанды* – *жукъламагъанды*;
- б) от понуд. среднего: *жукълатханды* – *жукълатмагъанды*.

3. Основы для будущего времени:

- а) от среднего залога: *жукъларыкъды* – *жукъларыкъ туююлдю*;
- б) от пон. среднего: *жукълатырыкъды* – *жуклатырыкъ туююлдю*.

Здесь, как и выше, даются основные формы времени. Аналогичные основы можно образовать и от других разновидностей форм прошедшего, настоящего и будущего времени.

В карачаево-балкарском языке часто встречаются и сложные формы, состоящие из сочетания нескольких деепричастных или причастно-деепричастных основ. В таких глаголах залоговая основа определяется по основному компоненту сложного глагола, основа времени по последнему, часто вспомогательному глаголу, входящему в состав сложного комплекса, который образует временные основы точно так же, как они образуются от простых глаголов.

Хасан бизге келиб кете тургъанды – «Хасан к нам захаживал».

В этом примере сложным глаголом является *келиб кете тургъанды* – «захаживал». Залоговой основой в нем является *келе кет*, основа же прошедшего времени определяется по форме глагола *тургъанды*, который характеризуется признаками самостоятельных глаголов прошедшего времени. Основой всего сложного комплекса является *келиб кете тургъанды*.

На первый взгляд может показаться, что система карачаево-балкарского глагола имеет сложную систему основ, но это только на первый взгляд. На самом деле, система основ карачаево-балкарского глагола особой сложностью не обладает. В составе предложения глагол карачаево-балкарского языка всегда встречается только в двух главных основах: залоговой первичной и временной вторичной. Если человек разбирается в вопросах залога и времени, то при разборе предложения по частям речи или разборе слова по составу всегда обнаружит как первичную, так и вторичную основу глагола.

Жамилят кёреди хар кюнде шо юй битгенден бери:

Колхозну кладовщиклери, завхозу, бухгалтери да ажашмай жүрүйдюле бери (К. Отаров).

В этом предложении два глагола: *кёреди* – «видит», *ажашмай жүрүйдюле* – «не заблуждаясь ходят».

Первый глагол имеет признаки действительного залога и настоящего времени, основа его *кёре*; второй глагол является сложным и имеет признаки среднего залога и настоящего времени, основа его *ажашмай жүрүй*.

Проблема корней, основ и окончаний имен существительных карачаево-балкарского языка не менее сложна. Объясняется это тем, что имя существительное карачаево-балкарского языка характеризуется разнообразными типами словоизменения: изменение по числам, притяжательное изменение, изменение по замене изафета, спряжение, склонение.

Изменению по числам подвергаются имена как непроеводные, так и производные. Данное изменение имени существительного дает две основы: основу с нулевой флексией (окончание) – единственное число, основу с окончанием множественного числа:

с нулевым окончанием с окончанием мн. числа

<i>ат</i>	<i>атла</i>
<i>терек</i>	<i>терекле</i>
<i>чалкъы</i>	<i>чалкъыла</i>
<i>тапхыр</i>	<i>тапхырла</i>
<i>ташчы</i>	<i>ташчыла</i>

Окончание мн. числа основной идее имени ничего не придает, кроме оттенка мн. числа. Правда, при именах категории вещественность окончание мн. числа таким именам приписывает представление предметности, как и в русском языке. Однако это не лишает окончание его признака словоизменяющего характера.

Формы ед. числа одинаково (*ат* и *терекле*) могут изменяться по лицам в единственном и множественном числе. Такое изменение имени существительного, не меняя основного значения слова, указывает органическую, социальную связь, связь принадлежности одного предмета тому или иному лицу или предмету. Это, если так можно сказать, притяжательное изменение имени существительного.

Притяжательное изменение имени в ед. числе

Простые имена	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
<i>ат</i>	<i>атым</i>	<i>атынг</i>	<i>аты</i>
<i>кёз</i>	<i>кёзюм</i>	<i>кёзюнг</i>	<i>кёзю</i>
<i>ата</i>	<i>атам</i>	<i>атанг</i>	<i>атасы</i>
<i>эчки</i>	<i>эчким</i>	<i>эчкинг</i>	<i>эчкиси</i>
<i>тюлкю</i>	<i>тюлкюм</i>	<i>тюлкюнг</i>	<i>бюлкюсю</i>
<i>токълу</i>	<i>токълум</i>	<i>токълунг</i>	<i>токълусу</i>
<i>ат</i>	<i>атыбыз</i>	<i>атыгъыз</i>	<i>атлар</i>
<i>ата</i>	<i>атабыз</i>	<i>атагъыз</i>	<i>аталары</i>
<i>эчки</i>	<i>эчкибиз</i>	<i>эчкигиз</i>	<i>эчкилери</i>
<i>тюлкю</i>	<i>тюлкюбюз</i>	<i>тюлкюгюз</i>	<i>тюлкюлери</i>
<i>токълу</i>	<i>токълубуз</i>	<i>токълугъуз</i>	<i>токълулары</i>

Притяжательное изменение имени в мн. числе

<i>атла</i>	<i>атларым</i>	<i>атларынг</i>	<i>атлары</i>
<i>атала</i>	<i>аталарым</i>	<i>аталарынг</i>	<i>аталары</i>
<i>эчкиле</i>	<i>эчкилерим</i>	<i>эчкилеринг</i>	<i>эчкилери</i>
<i>тюлкюле</i>	<i>тюлкюлерим</i>	<i>тюлкюлеринг</i>	<i>тюлкюлери</i>
<i>тоқұлула</i>	<i>тоқұлуларым</i>	<i>тоқұлуларынг</i>	<i>тоқұлулары</i>
<i>атла</i>	<i>атларыбыз</i>	<i>атларыгъыз</i>	<i>атлары</i>
<i>эчкиле</i>	<i>эчкилерибиз</i>	<i>эчкилеригиз</i>	<i>эчкилери</i>
<i>тюлкюле</i>	<i>тюлкюлерибиз</i>	<i>тюлкюлеригиз</i>	<i>тюлкюлери</i>
<i>тоқұлула</i>	<i>тоқұлуларыбыз</i>	<i>тоқұлуларыгъыз</i>	<i>тоқұлулары</i>

При этом изменении имени существительного карачаево-балкарского языка формы, возникающие при изменениях одного и того же имени по числам, становятся основой, а аффиксы, присоединяемые по лицам в единственном и множественном числах, флексиями. Таким образом, окончания множественного числа *-ла -ле*, выступавшие при изменениях по числам в качестве окончания, при притяжательном изменении превращаются в суффикс и вместе с корнем входят в состав вторичной основы: *атала – атала – рым, атала – рыбыз, атала – рыгъыз*.

При изменении по замене изафета одним словом ко всем этим основам присоединяется аффикс *-кзы, -ки, -кю, -кзу* и образуется новая основа на базе первичной, вторичной и третичной основ: *ата – атаныкзы, атам – атамыкзы – атангыкзы, атабыз – атабызныкзы, атагъыз – атагъызныкзы, аталарыбыз – аталарыбызныкзы, аталарыгъыз – аталарыгъызныкзы*.

Аффикс *-кзы* основного значения основы не меняет, он указывает только, что что-то принадлежит тому лицу или предмету, который обозначен основой: *аталарыбызныкзы* – «что-то принадлежит нашим отцам». Данная форма может изменяться по числам: *аталарыбызныкзыла*. В этом случае вся форма до *кзы* включительно уже становится сама основой. Таким образом, от одного слова (имени) может образоваться множество слов:

ата – первичная основа в ед. числе

атам – вторичная основа в ед. числе с прит. аффиксом 1-го л.

атанг – вторичная основа в ед. числе с прит. аффиксом 2-го л.

атасы – вторичная основа в ед. числе с прит. аффиксом 3-го л.

атабыз – вторичная основа в ед. числе с прит. аффиксом 1-го л.

мн. числа

атагъыз – вторичная основа в ед. числе с прит. аффиксом 2-го л. мн. числа

аталари – вторичная основа в ед. числе с прит. аффиксом 3-го л. мн. числа

атала – вторичная основа в мн. числе

аталарыбыз – вторичная основа в мн. числе 1-го л. мн. числа

аталарыгъыз – вторичная основа в мн. числе 2-го л. мн. числа

аталары – вторичная основа в мн. числе 3-го л. мн. числа

От этих основ можно образовать и еще по первой основе с аффиксом сравнения *-ча* в единственном числе:

атача атабызча аталарыбызча

атангча атагъызча аталарыгъызча

атангыча аталарыча аталарыча

атасыча

От всех этих основ можно образовать и еще по одной основе с суффиксами *-кзы* и *-ча* единственного числа:

атаныкзы, атачаныкзы

атамыкзы, атамчаныкзы

атангыкзы, атангчаныкзы

атасыныкзы, атасычаныкзы

атабызныкзы, атабызчаныкзы

атагъызныкзы, атагъызчаныкзы

аталаныкзы, аталарычаныкзы

аталарыбызныкзы, аталарыбызчаныкзы

аталарыгъызныкзы, аталарыгъызчаныкзы

аталарыныкзы, аталарычаныкзы

От этих слов можно образовать новую основу с аффиксом множественного числа:

атаныкзыла, атачаныкзыла

атамыкзыла, атамчаныкзыла

атангыкзыла, атангчаныкзыла

атасыныкзыла, атасычаныкзыла

атабызныкзыла, атабызчаныкзыла

атагъызныкзыла, атагъызчаныкзыла

аталарыныкзыла, аталарычаныкзыла

аталарыбызныкзыла, аталарыбызчаныкзыла

аталарыгъызныкзыла, аталарыгъызчаныкзыла

аталаныккыла, аталачаныккыла
аталарыныккыла, аталарычаныккыла

Аналогичное количество основ может дать каждое имя существительное карачаево-балкарского языка. Все такие основы карачаево-балкарского языка имеют живое употребление в письменной речи.

Склонение имен существительных карачаево-балкарского языка

Имена существительные карачаево-балкарского языка склоняются по шести падежам: именительный, родительный, винительный, дательный, местный, исходный. Перечисленные формы существительных языка при склонении сохраняются как основы, подвергаются замене лишь окончания падежей.

Остальные основы, не включенные в таблицу, склоняются так же. Независимо от состава аффиксов, входящих в состав той или иной основы, в формах падежей присоединяются перечисленные падежные окончания, предшествующие падежным окончаниям, превращаются в формообразующие суффиксы и включаются в основу.

Местный		Исходный	
ата	-да	ата	-дан
атам	-да	атам	-дан
атабыз	-да	атабыз	-дан
атасы	-да	атасын	-дан
атала	-да	атала	-дан
аталарым	-да	аталарым	-дан
аталарыбыз	-да	аталарыбыз	-дан
аталарын	-да	аталарын	-дан
атаныккын	-да	атаныккын	-дан
атамыккын	-да	атамыккын	-дан
атабызныккы	-да	атабызныккы	-дан
аталаныккы-	-да	аталаныккы	-дан
аталарыбызныккы	-да	аталарыбызныккы	-дан
аталаныккыла	-да	аталаныккыла	-дан
аталарыбызныккыла	-да	аталарыбызныккыла	-дан

Именительный	Родительный		Винительный		Дательный	
ата	ата	-ны	ата	-ны	ата	-гъа
атам	атам	-ы	атам	-ы	атам	-а
атабыз	атабыз	-ны	атабыз	-ны	атабыз	-гъа
атасы	атасы	-ны	атасы	-н	атасы(н)	-а
атала	атала	-ны	атала	-ны	атала	-гъа
аталарым	аталарым	-ы	аталарым	-ы	аталарым	-а
аталарыбыз	аталарыбыз	-ны	аталарыбыз	-ны	аталарыбыз	-гъа
аталары	аталары	-ны	аталары	-н	аталары(н)	-а
атаныккы	атаныккы	-ны	атаныккы	-н	атаныккы(н)	-а
атамыккы	атамыккы	-ны	атамыккы	-н	атамыккы(н)	-а
атабызныккы	атабызныккы	-ны	атабызныккы	-н	атабызныккы(н)	-а
аталаныккы	аталаныккы	-ны	аталаныккы	-н	аталаныккы(н)	-а
аталарыбыз- ныккы	аталарыбыз- ныккы	-ны	аталарыбыз- ныккы	-н	аталарыбыз- ныккы	-а
аталаныккыла	аталаныккыла	-ны	аталаныккыла	-ны	аталаныккыла	-гъа
аталарыбыз- ныккыла	аталарыбыз- ныккыла	-ны	аталарыбыз- ныккыла	-ны	аталарыбыз- ныккыла	-гъа

Спряжение имен существительных карачаево-балкарского языка

Границы основ имен существительных карачаево-балкарского языка на этих пределах не останавливаются. При спряжении имени превращаются в формообразующие аффиксы и окончания падежей, так как предикативный аффикс (личное окончание спрягающего имени) присоединяется к падежной форме.

Спряжение в единственном числе

Первое лицо		Второе лицо		Третье лицо	
ата	-ма	ата	-са	ата	-ды
атанг	-ма	атам	-са	атам	-ды
атагъыз	-ма	атабыз	-са	атабыз	-ды
атасы	-ма	атасы	-са	атасы	-ды
аталарыгъыз	-быз	аталарыбыз	-сыз	атарыбыз	-дыла
аталарыбыз- ныккъыла	-быз	аталарыбыз- ныккъыла	-сыз	аталары- бызныккъ- ыла	-дыла

Это спряжение имени в именительном падеже. Сказуемое, выраженное именем в именительном падеже, показывает, что лицо, обозначенное подлежащим, и лицо, обозначенное сказуемым, одно и то же.

Спряжение имени в форме родительного падежа

Первое лицо		Второе лицо		Третье лицо	
атаныккы	-ма	атаныккы	-са	атаныккы	-ды
атамыккы	-ма	атамыккы	-са	атамыккы	-ды
атабызныккы	-ма	атабызныккы	-са	атабызныккы	-ды
аталаныккы	-ма	аталаныккы	-са	аталаныккы	-ды
аталаныккы- ныккы	-ма	аталаныккы- ныккы	-са	аталаныккы- ныккы	-ды

*Спряжение имени в форме винительного падежа
(в 1-м и 2-м лице не употребляется)*

атаны	-ды
атамы	-ды
атабызны	-ды
атаныккы	-ды
аталаныккы	-ды
аталарыбызныккы	-ды

Спряжение имени в форме дательного падежа

атагъа	-ма	атагъа	-са	атагъа	-ды
атама	-ма	атама	-са	атама	-ды
атабызгъа	-ма	атабыгъа	-са	атабызгъа	-ды
атасына	-ма	атасына	-са	атасына	-ды
а т а л а н ы к ь -		аталаныккыгъа	-са	аталаныккь -	
ыгъа	-ма	а т а б ы з н ы к ь -		ыгъа	-ды
атабызныккь -		ыгъа	-са	а т а б ы з -	
ыгъа	-ма	а т а л а р ы б ы з -		ныккыгъа	-ды
аталарыбыз -		ныккылагъа	-са	аталарыбыз -	
ныккылагъа	-ма			ныккылагъа	-ды

Спряжение имени в форме местного падежа

атада	-ма	атада	-са	атада	-ды
атамда	-ма	атамда	-са	атамда	-ды
атабызда	-ма	атабызда	-са	атабызда	-ды
аталарында	-ма	аталарында	-са	аталарында	-ды
атамыккында	-ма	атамыккында	-са	атамыккында	-ды
аталарыбыз -		а т а л а р ы б ы з -		а т а л а р ы б ы з -	
ныккылада	-ма	ныккылада	-са	ныккылада	-ды

Спряжение имени в форме исходного падежа

атадан	-ма	атадан	-са	атадан	-ды
атамдан	-ма	атамдан	-са	атамдан	-ды
атабыздан	-ма	атабыздан	-са	атабыздан	-ды
аталаныккь -		а т а л а р ы б ы з -		аталарыбыз -	
ындан	-ма	ныккындан	-са	ныккындан	-ды

Каждый аффикс, нанизываемый к корню (исключение составляют словообразующие аффиксы), по отношению к значению корня играет роль окончания до тех пор, пока не нанизится на него другой. Но стоит только к первому присоединиться второму аффиксу, как первый вместе с корнем превращается в компонент основы. Такому превращению подвергаются и все предыдущие аффиксы.

СЛОВО И ЧАСТИ РЕЧИ ¹

Проблемы слова и частей речи, являющиеся двумя из основных в современном языкознании, теснейшим образом связаны между собой. Правильное решение одной из них создает условия для правильного решения другой.

Части речи, как известно, являются лексико-грамматическими разрядами слов, объективно выделившимися в процессе развития и совершенствования грамматического строя языка. Специфика частей речи обусловлена характером отношений лексического и грамматического в значении слова. Распределение слов по частям речи на основе учета специфики лексического и грамматического в значении слова создает ту наглядную картину, которая нужна для правильного решения того, что можно считать словом и что в эту категорию словарного состава языка не входит.

Историческое выделение слов в языке неизбежно ведет к такому же выделению частей речи с теми или иными грамматическими признаками, свойственными различным языкам и языковым группам.

Историческое выделение частей речи ведет к более четкому оформлению слов, шлифуя и чеканя те или иные грамматические признаки, специализируя слова для несения различных семантических и синтаксических функций в языке.

Неудачи современного языкознания в решении проблемы как слова, так и частей речи объясняются, как мне кажется, прежде всего тем, что эти проблемы рассматриваются и решаются в отрыве друг от друга.

¹ Сокращенное изложение содержания монографической работы печатается по постановлению ученого совета Кабардино-Балкарского государственного университета. Редакционная коллегия: А. М. Аппаев, Б. Х. Балкаров (отв. редактор), А. Г. Безруков, Б. М. Карданов, Н. М. Квинтинский, В. Ф. Пипинис (отв. секретарь).

1. Слово и его существенные признаки

Слово как действительный элемент языка имеет ряд граней, без учета которых нельзя понять сути его.

Грани слова, как и всякого другого явления, неразрывно связаны между собой. Они обуславливают друг друга как в становлении, так и в употреблении. Нарушение этой обусловленности ведет к вымиранию слова, т. е. к тому, что слово или выходит из употребления и никаких следов не оставляет, или же превращается в какой-нибудь служебный элемент языка – корень, суффикс, флексию, частицу, используемые для образования новых слов с новыми гранями, обуславливающими одна другую.

Неучет неразрывного единства всех граней слова при его определении обрекает научное исследование, посвященное слову и частям речи, на неудачу и объективно приводит к полному или частичному отрицанию существования слова или частей речи, ибо научные исследования, построенные на учете только отдельных граней слова, могут вызвать представление в лучшем случае только о том, чего не бывает в действительности. Ликвидация одной из граней всякого явления парализует и другие грани этого явления, а это не может не привести к ликвидации явления в целом. Отсутствие полного учета всех граней явления не может не наложить печати неполноценности на все научное исследование, так как такое научное исследование не в состоянии правильно осветить все связи даже учтенных граней явления.

Научные исследования, посвященные вопросам слова и частей речи, страдают отсутствием полного учета граней изучаемых явлений.

Каковы же те грани, единством которых характеризуется слово в целом? Их много.

1. Слово есть явление, возникшее в языке, служащее языку, стало быть, и существующее в языке.

Люди общаются друг с другом при помощи языка. При помощи языка они обмениваются мыслями, достигают взаимного понимания.

Язык не есть что-то существующее вне слов, над словами. Он существует в формах предложений, образуемых путем различного использования слов.

Слова возникают в процессе общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей, в процессе регистрации и закрепления успехов познавательной работы людей, – слово возникает в языке.

Язык – действительность мысли. Действительность мысли проявляется в формах слов и предложений. Других форм проявления мысли в языке нет, слово объективно существует в языке и принадлежит языку.

Язык без слов немыслим, как и слово без языка – пустой звук.

Слово служит языку, в котором возникло, в котором существует, в котором совершенствуется и которому принадлежит.

Эта грань является основной, ведущей его гранью, которая обуславливает и определяет все остальные грани слова. Черты данной грани находятся в отношении взаимного проникновения и обусловленности. Лишение слова одной из этих черт данной грани лишает слова в целом основы объективного существования. Если основную грань слова лишить черты, которая говорит о возникновении слова в языке, то все остальные черты данной грани теряют свой вес. Если основную грань слова лишить черты, говорящей, что слово объективно существует в языке, то все остальные черты данной грани теряют свое значение, ибо не может в языке возникнуть слово, будучи не в состоянии объективно существовать в нем и служить ему. Если основную грань слова лишить черты, которая говорит, что слово служит языку, то все остальные черты ведущей грани окажутся ненужными ему. Если слово перестанет служить языку, то оно не будет принадлежать языку, ибо языку не может принадлежать то, что не служит ему.

Возникновение слова в языке вызывается необходимостью регистрации и закрепления успехов познавательной работы человека; необходимость регистрации и закрепления успехов познавательной работы человека обусловлена потребностями обмена мыслями, взаимного понимания – словом, общения между людьми.

Возникновение слова нужно рассматривать с двух точек зрения:

1) возникновение слова в тесной и неразрывной связи с происхождением языка вообще. С этой точки зрения слово и язык являются тождественными; слово здесь есть язык, а язык есть слово;

2) возникновение слова в существовавшем до этого языке в порядке дальнейшего его обогащения, совершенствования. С этой точки зрения слово выступает одним из многочисленных элементов языка как системы.

С этой точки зрения знак равенства ставить между словом и языком нельзя, так как одно слово не составляет языка, хотя и язык не может восполнить роль слова.

Возникновение слова в языке в первом случае происходит одними путями; связано оно, нужно думать, с осмыслением и более сознательным употреблением первичного животного выкрика.

Возникновение слова в языке во втором случае происходит другими путями, и связывается оно, несомненно, с перекраиванием уже существующего слова (использование сложения корней, корней и суффиксов, корней и префиксов и т. д.), с заимствованием нужного слова из другого языка.

Но достаточно ли учитывать при определении слова только эту грань и ее основные черты? Нет, недостаточно, ибо по этой грани и ее чертам мы не можем судить о семантической, звуковой, грамматической и функциональной сторонах слова, которые, несомненно, играют не меньшую роль в жизни слова.

2. Слово есть продукт языка, создаваемый языком для удовлетворения потребностей общения.

Всякий продукт того или иного явления создается или возникает в результате несения какой-либо функции.

Функция слова характеризуется единством двух противоположных сторон:

а) функция средства, при помощи которого происходит общение между людьми, обмен готовыми мыслями, закрепленными в словах на прежних этапах развития языка;

б) функция средства, при помощи которого происходит регистрация и закрепление всего того, что познается человеком впервые, всех тех связей между предметами, процессами, явлениями реального мира, которые человек открывает в практике своей познавательной работы.

Несение этих противоречивых функций накладывает на слова свой отпечаток, специализируя его как слово и как материал для создания и специализации нового слова.

Эти черты второй грани слова взаимно связаны и обусловлены. Если вторую грань слова лишить одной из этих черт, то слово уже не будет словом, потому что то, что не служит общению, не может служить регистрации и закреплению успехов познавательной работы человека, и то, что не служит регистрации и закреплению успехов познавательной работы человека, не может служить общению: в сферу общения людей друг с другом, в сферу обмена мнениями и взаимного понимания людей в форме слова попадает то, что регистрируется и закрепляется в процессе трудовой деятельности человека, следовательно, в процессе его познавательной работы.

Без новой регистрации и закрепления новых успехов познавательной работы человека не может быть готового, закрепленного в формах слова, что всегда оказывается в сфере общения, взаимного понимания, обмена мыслями, стало быть, не будет того, чем люди должны обмениваться для налаживания дел производства материальных благ.

Без общения, обмена мыслями и взаимного понимания в процессе трудовой и иной деятельности не будет и того, что должно регистрироваться и закрепляться в процессе познавательной, работы, так как в этом случае не может быть никакой познавательной работы, никакого прогресса. Если лишить слова функции средства общения, то сама по себе отпадает и функция средства регистрации и закрепления успехов познавательной работы, и, наоборот, если лишить слова функции средства регистрации и закрепления успехов познавательной работы, то сама по себе отпадает и функция слова как средства общения. Эти функции не тождественны, но и отрывать их друг от друга нельзя.

3. Из сказанного явствует, что слово есть:

а) специализированное средство, используемое языком для отправления своих функций, – средство общения между людьми, обмена мыслями и взаимного понимания, – поэтому слова делятся на лексико-грамматические группы: имена существительные, обозначающие предметы; имена прилагательные, обозначающие признаки предметов; глаголы, обозначающие действие и состояние предметов; числительные, обозначающие количественные признаки предметов, и т. д., которые, специализируясь, становятся частными формами для выражения тех или иных членов предложения;

б) материал для регистрации и закрепления того, что познается человеком впервые, открывается в процессе познавательной работы. Это лежит в основе того, что в некоторых случаях члены предложения выражаются не специализированными для этого случая формами, что ведет к семантическим процессам расширения и сужения значений слова, к переходам из одного разряда в другой, превращениям в морфемы и т. д.

В языке не может быть слов, которые не имеют подобного употребления, т. е. в своем собственном специализированном значении и употреблении в качестве материала для создания других слов.

4. Для подобного употребления слово должно иметь две стороны, связанные друг с другом неразрывным единством: а) семантическую (содержание) и б) материальную (форма). Без этого единства слова не могут быть ни специализированными средствами для выражения членов предложений, ни материалом для создания новых слов, нужных для дальнейшей специализации в выражении членов предложений с новой семантикой и новой функцией.

Установившаяся в процессе употребления семантическая сторона слова является ведущей стороной слова в его употреблении как специализированного средства, установившаяся же в процессе употребления материальная (звуковая) сторона является ведущей стороной слова в употреблении слова как материала для создания новых слов. Нет тождества между этими сторонами, но также нет и границы, которая отделяла бы эти стороны друг от друга. Если лишить слово установившейся семантической стороны в языке, то оно не будет иметь и установившейся звуковой стороны; если лишить слово установившейся звуковой стороны, то оно не будет иметь и семантической стороны.

Вся функциональная специфика, которой отличаются друг от друга слова не только различных языков, но и одного и того же языка, есть результат того взаимодействия, которое наблюдается между функциями слова как слова и функциями слова как материала для создания другого слова.

Семантическая сторона слова – это возникающие в нашем сознании при употреблении слова обобщенные образы реальных предметов, веществ, явлений, процессов и их признаков с теми

или иными свойствами, которые мы познаем в практике нашей творческой деятельности; материальная сторона слова – это упорядоченное исторически сочетание фонетических (фонем) или морфологических (морфем) единиц языка, возникших и возникающих в языке как продукт языка и принадлежащих языку как специализированные выразительные средства и как материал, из которого создаются новые слова.

5. Семантическая сторона слова сама является единством двух противоположностей, которые обуславливают друг друга: частное, или лексическое, значение, свойственное каждому слову как его собственное значение, и общее, или грамматическое, значение, которое может быть свойственно и не только одному слову.

Частное, или лексическое, значение слова – это тот предметно направленный обобщенный образ предмета, действия, признака, который вызывается в нашем сознании при употреблении только данного слова; общее, или грамматическое, значение слова – это то отвлеченно-обобщенное представление о тех или иных свойствах предмета, образ которого является частным, значением слова, или отвлеченно-обобщенные представления о характере слова, которые возникают в нашем сознании при употреблении не одного, а целого ряда слов. Единство такого частного и общего есть неперенный признак значения всякого слова.

Лиши семантическую сторону слова ее частного характера – станет лишним и общий характер в значении слова, стало быть, и само значение; лиши семантическую сторону слова ее общего характера – станет лишним и частный характер в значении слов, стало быть, само значение в целом.

6. Материальная сторона слова также является единством частного и общего. Частным является тот или иной состав звуков, входящих в данное слово, и та специфика их сочетания, которой отличается одно слово от другого слова. Общим является то, что слова состоят из звуков не только в одном и-том же языке, но и в различных языках. Если лишить материальную сторону слова одной из этих черт, то слово уже не будет словом, так как если бы все слова данного языка состояли бы из одних и тех же звуков, сочетающихся одинаково, то мы не могли бы отличить одно слово от другого, и если бы слова состояли не из звуков, то и в этом случае мы бы не имели возможности говорить о слове.

С точки зрения характера материальной стороны слово есть упорядоченное сочетание фонем или морфем, возникших и существующих как действительные элементы языка не в индивидуальном языковом мышлении человека, а в слове, существующем в языке, который возник и существует в обществе.

Лиши материальную сторону слова ее частного (специфики данных звуков и их значения) характера – общий характер станет ненужным; лиши материальную сторону слова ее общего (звукового) характера – станет ненужным и частный характер материальной стороны слова.

Из сказанного явствует, что слово есть лексико-грамматическая единица языка, характеризующаяся, с одной стороны, как материальный выразитель индивидуализированного обобщенного образа предметов, действий, признаков предметов, познаваемых человеком в процессе трудовой, стало быть, и познавательной деятельности, и, с другой стороны, как специализированное грамматическое средство выражения членов предложения, регистрации и закрепления успехов познавательной работы человека, создания новых материальных выразителей новых обобщенных образов предметов и новой специализации.

Как материальный выразитель обобщенного образа предметов, явлений, процессов реальной действительности и их признаков слово относится к словарному составу. Как специализированное средство выражения членов предложения слова относятся к грамматическому строю языка.

Если лишить слово одной из этих связей, то оно уже не будет словом. Лиши слово его принадлежности к словарному составу – оно перестанет быть связанным и с грамматическим строем языка, лиши слово его принадлежности к грамматическому строю – оно перестанет принадлежать и к словарному составу языка.

Учитывая все сказанное, слово, как мне кажется, можно определить так: **слово – это упорядоченное исторически сочетание фонем или морфем, обозначающее неразрывное единство лексического и грамматического как частного и общего, являющееся лексико-грамматической единицей, возникшей и существующей в языке и служащей языку как специализированное выразительное средство и как материал для создания новых слов.**

Сочетание фонем или морфем, выражающее единство лексического как частного и грамматического как общего, должно быть непременно *общеизвестным* и *упорядоченным*, потому что не всякое сочетание одних и тех же компонентов может выражать единство лексического и грамматического. Так, например, чтобы получилось слово, выражающее единство лексического и грамматического, фонемы *л*, *э*, *с* должны сочетаться только в том порядке, в каком творцы этого слова сочетают их, а именно: *л + э + с = лес*.

Другие способы сочетания этих фонем слова «лес» не дадут. Чтобы получилось нужное слово, выражающее единство лексического и грамматического, морфемы *лес*, *ник* нужно сочетать в том порядке, в каком народ сочетает эти морфемы, а именно: *лес + ник = лесник*.

Другой порядок сочетания данных морфем нужного слова не дает.

Таким образом, сочетание фонем или морфем в слове должно быть общеизвестным и исторически упорядоченным, ибо являются выразительными средствами не только фонемы и морфемы, слова и предложения, но и упорядоченные исторически, общеизвестные сочетания подобных действительных элементов языка.

Для выражения известного единства лексического и грамматического в языке известным образом сочетаются не только мельчайшие материальные единицы языка – фонемы, но и морфемы, возникшие в языке в процессе его совершенствования, ибо в языке встречаются слова, состоящие из общеизвестного упорядоченного сочетания не только фонем, но и морфем, которые могут быть как фонемами, так и единицами, состоящими, в свою очередь, из общеизвестного сочетания фонем.

Так, например, слово «лес» состоит из общеизвестного упорядоченного сочетания фонем *л*, *э*, *с* = *лес*, а слово «лесник» состоит из общеизвестного упорядоченного сочетания морфемы *лес* (корень) с морфемой *ник* (суффикс) = *лесник*.

Компоненты сочетания слова «лесник» являются морфемами, состоящими из общеизвестного упорядоченного сочетания фонем: *л + э + с = лес*, *н + и + к = ник*.

В словах типа «окно», «сестра» и т. п., которые состоят из упорядоченного сочетания морфем (*сестр + а = сестра*; *окн + о = окно*), первые морфемы (корни) состоят из упорядоченного сочетания

фонем, а вторые (флексии) в звуковом отношении сами являются фонемами.

Флексии имен существительных русского языка, образующие формы косвенных падежей, и флексии, образующие формы множественного числа некоторых имен существительных, представляют собой морфемы, являющиеся в количественном отношении только фонемами.

Выделение своеобразия составных элементов слова облегчит правильное определение специфики слова вообще, ибо словарный состав языка находится в непрерывном изменении – в появлении новых слов, исчезновении или переосмыслении старых слов. Притом слова не изобретаются вновь из звукового материала, привлекаемого для образования слов впервые, а образуются путем использования других слов в качестве материала.

Поэтому и приходится говорить о слове как о слове в прямом своем значении и как о материале для создания новых слов.

Не всякое общепринятое упорядоченное сочетание фонем или даже морфем можно называть словом.

Словом может быть названо такое общепринятое упорядоченное сочетание фонем или морфем, которое выражает единство лексического и грамматического, как частного и общего, ибо только такое единство может быть жизненным, действительным, могущим существовать, и не только существовать, но и развиваться.

В. И. Ленин учил, что раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть*... диалектики. Тождество противоположностей... есть признание... противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы и общества. Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», спонтаннейшем развитии, в их живой жизни есть познание их, как единства противоположностей. Ибо «противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка, или сторона, или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое от-

дельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. Уже здесь есть элементы, зачатки, понятия *необходимости*, объективной связи природы и т. д.»¹.

Общепринятые и упорядоченные сочетания фонем *лес* и морфем *лесник*, как и многие другие слова русского языка, выражают единство лексического (частного) и грамматического (общего). Это делает их словами, в противном случае они перестали бы существовать как слова, выпали бы из словарного состава или были бы переосмыслены как средства, выражающие единство других лексических и других грамматических значений, или, наконец, превратились бы в служебные элементы слова – морфемы, союзы, частицы, предлоги и т. д.

Лексическим значением у упорядоченного сочетания фонем *лес* является обобщенный образ леса, который в русском языке выражается только одним словом «лес». Обобщенный образ леса в русском языке не выражается другим словом, так же как и слово «лес» в русском языке употребляется для выражения только обобщенного образа леса. Они взаимно связаны не только в современном употреблении, но и в происхождении.

Значит, обобщенный образ леса является частным (лексическим) значением слова «лес».

2. Лексическое значение слова

Лексическое значение как частное значение, свойственное только данному слову, противопоставляет слово всем другим словам, действует как центробежная сила, отталкивающая слово из круга вон.

В противном случае мы могли бы пользоваться для обозначения леса не только словом «лес», но и всеми другими словами.

Лексическое значение слова бывает обобщенным, потому что оно по сути является понятием, состоящим из общих, существенных и родовых черт однородных предметов, процессов, явлений, событий, веществ реальной действительности и их признаков, действующих на наши органы чувств, как раздражители первой сигнальной системы, и вызывающих в нашем сознании

¹ Ленин В. И. Маркс, Энгельс. Марксизм. 1946. С. 293.

свои конкретные изображения, которые мы материализуем при помощи звуков в процессе общения и создания системы раздражителей второй сигнальной системы, которые вызывают не те конкретные образы предметов и их признаков, которые возникают в нашем сознании под действием самих, реальных предметов и их признаков, а обобщенные, но предметно ориентированные, т. е. понятия.

Лексическим значением слова «книга» является обобщенный образ всякой книги, который возникает в нашем сознании при употреблении слова «книга». Обобщенный образ, который вызывается в нашем сознании словом «книга», похож и не похож на тот образ книги, который возникает в нашем сознании, когда мы видим саму книгу. Похож тем, что в том и другом случаях образ этот является образом книги со всеми его признаками, которыми книга отличается от других предметов, не похож тем, что образ, возникающий, когда мы видим саму книгу, должен быть образом конкретной книги, а обобщенный образ книги, возникающий в результате употребления слова «книга», не имеет черт конкретности. Если образ конкретной книги возникает в результате действия книги как раздражителя на сетчатку нашего зрительного аппарата, то обобщенный образ книги в нашем сознании возникает в результате действия на наш слуховой аппарат слова «книга».

«Лексическая абстракция всегда возникает на базе обобщения огромного количества отдельных конкретных *предметов*, их отдельных свойств, качеств и т. п. Слово «дерево» есть результат обобщения огромного количества конкретных предметов. Несмотря на наличие довольно большой степени обобщенности, абстрагирования от многих частных и второстепенных деталей, лексическая абстракция всегда предметно ориентирована. Это – абстракция в рамках определенной категории предметов, их свойств и качеств. Диапазон лексической абстракции довольно узок, поскольку она связана с рамками определенной предметности»¹.

Соединение того или иного обобщенного образа предмета, признака цвета, количества, действия или состояния этого

¹ Серебрянников Б. А. Об устойчивости морфологической системы языка // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина. М.: Изд. АН СССР, 1952. С. 205.

предмета с тем или иным упорядоченным и общепринятым сочетанием фонем или морфем есть процесс возникновения и полного общенародного освоения слова. Они не отдельно возникают, чтобы потом соединиться, а возникают в тесном единении. Более того, соединение обобщенного образа предмета и общеизвестного упорядоченного сочетания фонем или морфем есть процесс выделимости как обобщенного образа предмета, так и упорядоченного сочетания, которое, семантизируясь (лексикализуясь) этим обобщенным образом предмета или его признаков, индивидуализирует обобщенный образ, конкретизируя среди других обобщенных образов, выражаемых другими упорядоченными сочетаниями фонем или морфем, и индивидуализируется само.

Обобщенный образ того или иного предмета, выражаемый тем или иным словом, всегда предметно ориентирован. Предметная ориентация обобщенного образа того или иного предмета или признака предмета происходит вместе и в обусловленной связи со становлением слова со всеми его фонетическими, морфологическими и синтаксическими особенностями.

Процесс соединения обобщенного образа того или иного предмета и того или иного упорядоченного сочетания фонем или морфем, сопровождаемый процессом конкретизации данного обобщенного образа, обозначаемого конкретизирующимся упорядоченным сочетанием фонем или морфем, сопровождается выработкой общественной, как общественное явление, и физиологической, как физиологическое явление, базы употребления слова, являющегося упорядоченным сочетанием фонем или морфем, обозначающим обобщенный образ того или другого предмета.

Роль общественной базы, вырабатываемой в процессе соединения обобщенного образа с упорядоченным сочетанием фонем или морфем, заключается в освоении данного соединения обобщенного образа предмета с данным упорядоченным сочетанием фонем или морфем.

Роль физиологической базы, вырабатываемой в процессе соединения обобщенного образа с упорядоченным сочетанием фонем или морфем, заключается в выработке в коре головного мозга человека центров узнавания нужного обобщенного образа предмета при слуховом восприятии того или иного упорядоченного сочета-

ния фонем или морфем, умения произнести нужное упорядоченное сочетание фонем или морфем при необходимости выражения нужного обобщенного образа предмета или его признака.

Предметная ориентации обобщенного образа предмета или признака предмета, упорядочение сочетания фонем или морфем, выражающего этот предметно-ориентированный обобщенный образ предмета или признака, выработка общественной и физиологической базы при соединении (становлении слова) обобщенного образа с упорядоченным сочетанием – все это, взятое вместе, является тем существенным и основным, что лежит в основе выделяемости слова, выражаемого тем или иным конкретизированным упорядоченным сочетанием фонем или морфем.

Все другие признаки слова (ударение, интонация, изменяемость определенной части, оформленность), на которые опираются языковеды при решении проблемы выделяемости слова, суть признаки, отражающие существенный и основной признак выделяемости слова – индивидуализации (конкретизации) обобщенного образа среди других обобщенных образов в процессе соединения данного обобщенного образа с известным упорядоченным сочетанием фонем или морфем.

Лексические значения слова выражаются различными грамматическими средствами. Эти средства бывают однотипными для всех языков и частными, свойственными каждому отдельно взятому языку. Совокупность грамматических средств, общих для всех языков и частных для каждого языка, употребляемых для выражения лексических значений слов конкретного языка, есть то, что составляет специфику грамматического строя известного языка.

3. Грамматическое значение слова

Грамматическое значение слова – это общее значение, свойственное не одному какому-либо слову, а целому ряду слов, употребляемых в том или ином языке.

Грамматические значения слова являются отвлеченно-обобщенными без предметной направленности. Грамматические значения слов по своему характеру бывают или чисто (формально) грамматическими, являющимися отражением грамматической специфики того или иного слова (склоняемость, несклоняемость,

спрягаемость или неспрягаемость и т. д.), или реальными, являющимися отражением реальных отношений между предметами, реальных признаков самих предметов и т. д. (одушевленность, неодушевленность, разумность, неразумность, вещественность, предметность и т. д.).

Грамматическим значением упорядоченного сочетания фонем «лес» русского языка являются категории неодушевленности, собирательности, единственного числа, мужского рода, именительного падежа. Эти значения не являются значениями, которые выражаются только одним словом «лес».

В русском языке можно найти целый ряд других слов, при употреблении которых у нас возникнут представления о неодушевленности, собирательности, единственном числе, мужском роде и именительном падеже, а именно: «народ», «взвод», «полк», «дивизион», «эскадрон», «флот», «скот» и т. д.

Все эти слова кроме своих собственных лексических значений выражают и грамматические значения неодушевленности, собирательности, единственного числа, мужского рода и именительного падежа.

Своими лексическими значениями эти слова противоплагаются друг другу, грамматическими же значениями – соплагаются.

Грамматические значения неодушевленности, собирательности, единственного числа, мужского рода, именительного падежа у всех этих слов являются общими значениями, свойственными не одному слову «лес», а целому ряду слов, существующих в русском языке.

Грамматическое значение слова в противовес лексическому значению соплагает слова с другими словами, объединяет их, действует как центростремительная сила, толкающая слова в круг.

Грамматическое значение слова есть отвлеченное представление:

а) о свойствах предметов, обобщенные образы которых выражаются в качестве лексических значений тех или иных упорядоченных сочетаний, фонем или морфем;

б) о грамматических признаках слов (склоняемость, спрягаемость; согласуемость, отправление тех или иных синтаксических функций);

в) о признаках обобщенных образов, существующих в потенции (возможность дерева иметь признаки – высокое, низкое, старое, молодое и т. д.).

Если лексическое значение слова есть индивидуализированный, предметно ориентированный обобщенный образ предмета, признака предмета, действия, признака признака и т. д., если мы по этому обобщенному образу можем различать один предмет от другого, один признак предмета от его другого признака, одно действие от другого действия, то грамматическое значение настолько противоположно лексическому значению слова, что мы на основе тех или других грамматических значений можем судить не о тех или иных индивидуализированных образах предметов, а о свойствах, присущих предметам, действиям, признакам реальных предметов, или о свойствах, присущих словам, обозначающим те или иные предметы, действия, признаки предметов или действий.

Притом одни из грамматических значений в своем выражении тесно связаны с лексическим значением (одушевленность и неодушевленность, разумность и неразумность, вещественность и предметность, конкретность и отвлеченность, переходность и непереходность глаголов и т. д.) и впоследствии обуславливают ту или иную грамматическую специфику образования, изменения и синтаксического употребления слова; другие с выражением обобщенного образа предмета выражаются в потенции и обуславливают возможности употребления второстепенных членов предложения, как лексического способа конкретизации отвлеченно выраженных грамматических значений цвета, формы, качества, назначения предмета, признака, времени, орудия, объектов действия; третьи, являясь формальными, чисто грамматическими, в своей объективации и выражении обуславливают то или иное грамматическое своеобразие формы слова (грамматическое значение рода у имен существительных, категории неодушевленности, грамматическое значение класса, грамматическое значение собирательности, падежа, вида глагола, наклонения).

Как сказано выше, **лексическое значение является частным значением слова, свойственным только этому слову.**

Грамматическое значение является общим значением, свойственным не одному, а целой группе слов, относящихся благодаря единству своих грамматических значений к одному и тому же грамматическому классу.

Лексическое значение слова, как значение частное, относит слово к словарному составу языка, к лексике, грамматическое же значение, как значение общее, относит слово к грамматике, определяет характер словообразования, словоизменения, порядка употребления слов в словосочетании и в предложении.

Проблемы отдельности, выделимости, цельности слова должны опираться на единство лексического и грамматического в слове.

Слово, как и всякое явление, реально существует только потому, что в нем в различных направлениях и связях проявляется единство частного и общего, единство центробежной и центростремительной силы, каковыми являются лексические и грамматические значения слова.

Это является одним из основных и непреходящих условий, нужных для такой долгой, скромной и плодотворной жизни, какой живет слово – вечный и непреходящий, незаметный и могущественный, безответный и ненадоедливый, безотказный и всегда находящийся под руками спутник человека.

Жизнь слова теснейшим образом связана с жизнью человека.

Переплетаясь с материальной и духовной деятельностью человека, материализуя его опыт в области трудовой и духовной деятельности, делая воздушно-легкой и осязаемой мысль человека, слово ведет его от одного достижения к другому, от одной победы к другой, более серьезной. Оно кирпичиками ложится под ноги человека, чтобы он поднимался все выше и выше: крепкими перилами становится по бокам, чтобы человек не свалился в пропасть; путеводной звездой тянет вперед, чтобы человек неустанно двигался и достигал желаемого; микроскопом, открывающим мир невидимого и глубокого, многообразного и чудесного; телескопом ведет человека по всем уголкам вселенной; чудеснейшим зеркалом отражает жизнь самого человека, показывая ему его промахи и успехи, падение его мысли и взлет фантазии; песней вселяет в душу человека уверенность в своих силах, радость творческой деятельности; неразрывными узами связывает людей друг с другом как в пространстве, так и во времени.

И всегда слово было только незаметным материализованным выражением единства лексического и грамматического, как частного и общего.

В языке не может быть слов, не выражающих единства лексического и грамматического.

Предлоги, союзы, частицы, послелог и т. д. нельзя называть словами, потому что они не выражают единства лексического и грамматического, они лишь помогают выражать такое единство другим словом.

Познавательный процесс мышления идет от примитивного и приблизительного к сложному и более точному отражению в языке действительности во всей ее полноте и многообразии. Поэтому язык является обобщенно-отвлеченным и абстрагированным отражением реальной действительности.

Характер единства частного и общего в реальной действительности через сознание переносится в язык и отражается в языке в виде характера единства лексического и грамматического в словах и даже в словосочетаниях, предложениях и других действительных явлениях и элементах языка.

Если единство частного и общего в предметах и явлениях реальной действительности лежит в основе реального развития этих предметов, являясь одним из основных и неизменных условий объективного существования предметов и явлений реальной действительности, то единство лексического и грамматического, как частного и общего, в словах языка лежит в основе реального развития слов, словосочетаний, предложений и других действительных элементов языка, являясь одним из основных и неизменных условий объективного существования языка.

4. Нарушение единства лексического и грамматического в словах – основа процесса внутреннего развития языка

В. И. Ленин учит, что «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, относительно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»¹.

¹ Ленин В. И. Маркс, Энгельс, Марксизм. 1946. С. 292.

Единство лексического и грамматического, как частного и общего, условно, временно, преходяще и релятивно не только потому, что язык – стало быть и слово – есть общественное явление, возникшее и существующее в обществе, с возникновением которого возникает, а с исчезновением которого исчезает как язык, так и слово, но и потому, что развитие свойственно и языку и слову, как элементу языка, оно вызывается неумными потребностями общения между людьми, регистрации и закрепления результатов познавательной работы человеческого мышления, следовательно, подвержено нарушению (изменению, развитию) и единство лексического и грамматического, как частного и общего.

«Борьба» между лексическим и грамматическим, как противоположностями, постоянна, непрерывна, многогранна в пределах времени существования языка вообще. Это лежит в основе движения, совершенствования не только слова, но и языка в целом.

«Борьба» между лексическим и грамматическим, как противоположностями в слове, происходит в виде нарушений единства лексического и грамматического, которые происходят путем усиления одной из противоположностей за счет другой в процессе употребления слова, как слова и как материала для создания новых слов.

Нарушение единства лексического и грамматического, как частного и общего, приводило слово к смерти, к выпадению его из словарного состава – этой сокровищницы человеческого мышления. При этом слово или исчезало бесследно, или превращалось в составную часть другого слова, более точно выражающего последние достижения деятельности человека, или, переосмысливаясь, меняло прежнее свое единство лексического и грамматического на другое единство другого лексического и грамматического и рождало, таким образом, новые слова, новые материализованные сгустки мысли человека в новых формах; или, сохраняя свое единство лексического и грамматического, служило базой для образования нового слова с новым единством лексического и грамматического. Оно, таким образом, служило человеку не только как слово, но и как материал, нужный для создания других слов с другими единствами лексического и грамматического.

Такие слова, как *кощей* – «раб», *шеломя* – «холм», *комони* – «кони», *яруг* – «овраг», *лада* – «муж», *пир* – «могила», *куща* – «ша-

тер», *шуйца* – «левая рука», *скора* – «шкура», которые встречались в древнерусском языке, в современном русском языке не употребляются. Одни из них, потеряв единство лексического и грамматического, вышли из словарного состава («кощей», «шеломья», «комонь», «яруг», «куща», «шуйца» и т. д.), часть из них превратилась в составные части других новых слов (*вой* – «воины», «война», *кон* – «конец», *скора* – «скорняк»).

Слова, сохранившие свои единства лексического и грамматического, но и в то же время служившие базой для образования новых слов, или слова, потерявшие свои прежние единства лексического и грамматического и получившие в практике употребления новые единства нового лексического и грамматического, в современных языках встречаются сплошь и рядом.

Слово «лес», как известно, является живым словом, обозначающим единство обобщенного образа леса и обобщенных представлений неодушевленности, собирательности, единственного числа, мужского рода и именительного падежа.

Вместе с этим слово «лес» употребляется и как составная часть другого слова, выражающего единство другого лексического и другого грамматического, например, «лес»: «лес+ник», «лес+нич+ество», «лес+ной», «пере+лес+ок», «за+лес+ье» и т. д.

Употребление слова «лес» в значении составной части другого слова есть нарушение прежнего единства лексического и грамматического, что приводит к тому, что слово «лес» в составе других слов уже не имеет ни лексического, ни грамматического. Сохраняя нити связи с прежним своим единством лексического и грамматического, в процессе выражения которого возникло само слово «лес», оно становится атрибутивным компонентом сочетания, в составе другого слова с другими лексическими и грамматическими значениями.

Слово «мешок» имеет свое единство лексического и грамматического. Но это единство лексического и грамматического является неизначальным.

История слова «мешок» показывает, что при прежнем единстве в качестве лексического (частного) значения этого слова был обобщенный образ животных шкур, которыми пользовались в древности для выючного перевоза или переноса жидкостей (молока, воды и др.) и сыпучих (муки, зерна и др.) веществ.

С течением времени человек перестал пользоваться шкурами животных в этих целях. Если бы человек эти шкуры в этом использовании не заменил ничем, то слово «мешок» вместе с животными шкурами, используемыми в качестве тары, забылось бы и вышло из употребления. Но человек постепенно, незаметно заменил шкуры животных новой тканью, и слово «мешок», сохранив свою материальную оболочку и грамматические значения, заменило свое лексическое значение – обобщенный образ шкуры животного, используемой в качестве тары, – обобщенным образом тары, сделанной из ткани.

Если бы такой замены мешка одного способа выделки и одного качества мешком другого способа выделки и другого качества не было, то слово «мешок», потеряв лексическое значение, вышло бы из употребления, стало быть, выпало бы из словарного состава языка.

Если сравнить древнейшее и современные состояния словарного состава одного и того же языка, можно найти много слов, которые вышли из словарного состава или переменили свое лексическое, а иногда все или некоторые грамматические значения, или нарушили единство лексического и грамматического в процессе употребления и превратились в словообразовательные или формообразовательные морфемы, частицы, союзы и другие служебные элементы языка, или с возникновением нового предмета, вещества, нового явления, признака и т. д. возникли как новые слова с новым единством лексического и грамматического, как частного и общего.

Этот постоянный и непрерывный процесс возникновения новых, исчезновения старых, переосмысления и превращения слов в словообразовательные или формообразовательные, или служебные элементы языка происходит главным образом путем нарушения единства лексического и грамматического, как частного и общего, в процессе общения, в практике употребления слова.

Это является одним из внутренних законов развития языка.

5. Характер лексического значения зависит от характера средств выражения лексического значения

Лексическое значение слов бывает обобщенно-отвлеченным образом того или иного предмета или признака действия не всегда. Встречаются случаи, и очень часто, когда лексическое значение слова бывает конкретным образом предмета или его признака.

Конкретность образа предмета или его признака, выражаемого словом в качестве лексического значения, достигается несколькими путями:

а) путем лексического выражения в словосочетании грамматического значения того или иного слова, т. е. использования второстепенных членов предложения;

б) путем использования самого предмета, его признака и т. д. в качестве дополнительных грамматических средств выражения лексического значения слова.

В первом случае образ предмета или его признака конкретизируется в словосочетаниях, в предложениях, распространенных за счет лексического выражения грамматических значений подчиняющих слов, т. е. за счет второстепенных членов предложения.

Во втором случае образ предмета или его признака конкретизируются при правильном и нормальном употреблении местоименных слов. Это и понятно, ибо если бы в языке все без исключения слова имели лексическое значение, являющееся только обобщенно-отвлеченными образами предметов, явлений, процессов, событий реальной действительности и их признаков, то этот язык не смог бы служить человеку как постоянное орудие общения, как полноценная материализованная действительность его мысли, как средство регистрации и закрепления успехов познавательной работы его мышления, как полноценная сокровищница его обобщенного опыта не только в пространстве, но и во времени. Такой язык был бы только односторонним уродом, не имеющим права на объективное существование.

В языке встречаются такие полые слова, которые сами по себе не выражают каких-либо лексических значений, а если и выражают, то они не бывают обобщенно-отвлеченными, абстрагированными. У таких слов грамматические значения бывают как грамматические, но лексического значения они сами без помощи контекста или обстановки не выражают. При употреблении слова «лес» мы узнаем, что оно собирательно обозначает предмет из числа категории неодушевленности, единственного числа, именительного падежа, являющийся совокупностью однородных предметов, т. е. обобщенный образ леса. Это значение является частным значением слова «лес», так как оно другими какими-либо словами не выражается, но это слово выражает и об-

щие значения, каковыми являются значения неодушевленности, собирательности, единственного числа и именительного падежа. Все эти значения являются общими, выражаемыми и не только словом «лес». Следовательно, эти значения слова «лес» являются общими грамматическими значениями.

При употреблении слова «я» мы узнаем, что оно обозначает говорящее лицо в единственном числе и именительном падеже, но пока не увидим или не почувствуем другим каким-либо образом, не будем знать, каково – конкретно или обобщенно – говорящее лицо – мужчина или женщина, старое или молодое, девочка или старуха, блондин или брюнет, высокий или невысокий и т. д. – словом, мы узнаем все грамматические или общие значения, но не узнаем лексического или частного значения данного слова. Коль скоро оно не имеет частного, собственного значения, оно должно быть полым, пустым, стало быть, готовым к тому, чтобы его наполнили каким-либо частным лексическим значением. В каждом отдельном случае те или иные конкретные реальные предметы, явления, события, вещества и их конкретные признаки привлекаются в качестве дополнительных грамматических средств выражения лексического значения подобных слов, и они употребляются не как другие слова, которые в качестве частного значения имеют обобщенный образ того или иного предмета, явления, события реальной действительности и их признаки, а как слова, имеющие конкретное лексическое значение в виде конкретного образа, привлеченного в качестве средства общения предмета, явления, события, вещества действительности с теми или иными реальными и конкретными признаками.

В качестве лексического значения слова «я» используется само реальное и конкретное говорящее лицо, которое, говоря «я», указывает на себя, и слушатель имеет возможность видеть его со всеми его признаками, которыми оно отличается от всех других лиц.

В качестве лексического значения слова «ты» привлекается человек, к которому обращаются с речью, и это лицо зрительно воспринимается со всеми своими реально-конкретными признаками, поэтому образ, вызываемый в нашем сознании, оказывается не обобщенным, а конкретным.

В качестве лексического значения слова «он» («она», «оно» «они») привлекаются конкретные лица и предметы, на которые

указывает говорящее лицо, и они также вызывают в нашем сознании свои конкретные образы.

Среди этой категории слов имеются и такие, которые, привлекая себе в качестве особых грамматических средств выражения лексических значений реальные признаки предметов, выражают то, что не в состоянии выразить слова, имеющие обобщенный образ предмета или признака в качестве своего лексического значения.

Это слова – «тот», «те», «это», «эти», «эта», «этот», «так», «там» и т. д.

Слово «белый» в качестве лексического значения имеет обобщенный образ белого признака. Признак «белый» бывает различного качества, и слово «белый» никогда не выражает тот белый признак, который говорящий имеет в виду. Слово «этот» вместе со словом «цвет» выражает именно тот белый цвет, на который говорящий указывает. Если в первом случае белый цвет является обобщенным и неконкретным, то во втором случае этот белый цвет воспринимается таким именно, какой он есть в действительности.

Реализация функций языка происходит в определенных природных условиях. Нельзя себе представить, чтобы люди общались с помощью языка вне природных условий. В связи с этим предметы, явления реальной действительности и их признаки в массовых масштабах несознательно, стихийно используются человеком в качестве дополнительных средств выражения лексических значений слов.

Слова типа «я», «ты», «он», «она», «оно», «эти», «те», «там» и т. д. являются такими, которые специализированы в процессе привлечения реальных предметов и их признаков в качестве выразительных средств языка. Так как в природе все конкретно, то предметы и их признаки, используемые человеком для лучшего, более конкретного выражения своей мысли, до предела конкретизируют лексическое значение этих слов.

Учет этой стороны языка показывает всю несостоятельность, мнения о том, что слова «я», «ты» и другие – это слова пережиточного характера, которые являются результатом того периода в развитии мышления, когда отдельные явления природы казались человеку вызываемыми какими-то сверхъестественными сила-

ми. Это ложное мнение было доведено, как известно, до абсурда рассуждениями Марра о роли магического в языкотворческой деятельности человека.

Явна несостоятельность и другого мнения, что слова означенного типа употребляются вместо имени прилагательного, числительного и т. д. Слово «я» никогда не употреблялось вместо какого-либо имени существительного.

Так как слово реализуется в процессе общения, в процессе выражения мысли, можно сказать, что неразрывное единство лексического и грамматического, как частного и общего, у этих слов устанавливается в момент общения, в момент выражения мысли.

При самостоятельном и одиночном произношении слово «я» оказывается полым, пустым, хотя и со всеми своими грамматическими (общими) значениями.

Когда же это слово говорит Сергей, приближаясь к Коле и сообщая ему: «Я купил интересную книгу», то слово «я», произнесенное Сергеем, уже употребляется как самостоятельное и полноценное слово со своим лексическим и грамматическим значениями в их неразрывном единстве, как частного и общего, и его лексическое значение в отличие от лексических значений слов другого типа оказывается конкретным и не допускающим отвлеченного представления обобщенного образа какого-либо предмета или лица.

Раздражители первой и второй сигнальных систем отличаются друг от друга тем, что раздражители первой сигнальной системы (предметы), действуя на наши органы чувств, вызывают в нашем сознании свои точные изображения со всеми своими признаками, а раздражители второй сигнальной системы (слова), действуя на наши органы чувств, вызывают в нашем сознании не свои собственные изображения, а обобщенные изображения тех предметов, материализацией обобщенного образа которых слова являются.

Разница между изображением, возникшим в нашем сознании, допустим, под действием самого дерева, и изображением в нашем сознании, возникающим под действием слова «дерево», заключается в том, что в первом случае изображение дерева в нашем сознании бывает конкретным и точным повторением всех особенностей данного дерева, а во втором случае изображение дерева в нашем сознании бывает обобщенным и прибли-

зительным повторением существенных особенностей дерева вообще.

В силу специфики своих лексических значений слова типа «я», «ты» и т. д. вызывают в нашем сознании точное изображение конкретного предмета реальной действительности. Этим своим признаком слова данного типа стоят близко к раздражителям первой сигнальной системы, но тем, что они все-таки вызывают не свое собственное изображение, а изображение лица, предмета, являющегося их лексическим значением, относятся к раздражителям и второй сигнальной системы.

Такой подход к определению слова, более точно и объективно отражая действительный лексико-грамматический состав лексики языка, приводит к делению его на слова и неслова; к словам в этом случае относятся такие, которые, являясь упорядоченным сочетанием фонем или морфем, выражают единство лексического и грамматического, к несловам же – такие элементы словарного состава, которые, являясь в количественном отношении фонемами или упорядоченными сочетаниями фонем или даже морфем, не выражают этого единства. Эти две группы по характеру своего употребления являются противоположными, т. е. одна группа что-то обозначает и употребляется для выражения каких-то мыслей, другая группа ничего не обозначает и употребляется в качестве вспомогательных элементов, обслуживающих потребности слов из первой группы. Это группы – «дерево», «оно», «нет», «из».

По характеру своего лексического значения и способу его выражения группа, которая охватывает слова, в свою очередь делится на три подгруппы:

а) слова, лексическим значением которых являются обобщенные образы предметов, признаков, действий, количества и качества («дерево», «высокое», «бежит», «семьдесят», «быстро»);

б) слова, лексическим значением которых являются конкретные образы предметов, признаков, действий, количества и качества («она», «эта», «столько», «так»);

в) слова, лексическое значение которых равноценно значению целого предложения («нет», «нужно», «несомненно», «увы» и т. д.).

Если рассматривать слова и неслова с точки зрения такой классификации, то оказывается, что весь словарный состав языка можно разбить в основном на первичные четыре группы:

1. Слова, лексическим значением которых являются обобщенные образы предметов, признаков, действий, количества и качества.

2. Слова, лексическим значением которых являются конкретные образы предметов, признаков, действий, количества и качества.

3. Слова, лексическое значение которых равно значению целого предложения.

4. Слова (условно), которые не имеют лексического значения.

Все эти основные лексико-грамматические группы являются лексико-грамматическими разрядами, объективно выделившимися в процессе совершенствования языка. Современное языкознание обходит эти первичные четыре группы, вследствие чего классификации, которые оно дает, оказываются без нужного и крепкого фундамента. Это, по сути, и лежит в основе того разнобоя во мнениях языковедов относительно частей речи, который имеет место как в частном, так и в общем языкознании.

Нет единого мнения о частях речи не только в новописьменных языках, но и в языках с древнейшей литературной традицией, которые систематически изучаются с начала возникновения современного языкознания.

О частях речи, например, русского языка существуют самые противоречивые мнения. От полного отрицания наличия каких-либо частей речи в русском языке до признания четырнадцати частей речи – вот пределы колебания мнений о частях речи.

У одной границы этого колебания стоит профессор А. М. Пешковский, который, пересматривая свои взгляды на части речи, на полях книги «Русский синтаксис в научном освещении» сделал заметку: «Никаких частей речи!». У противоположной границы колебания стоит академик А. А. Шахматов, который находит, что в русском языке четырнадцать частей речи.

Доводы, на основании которых оправдываются эти колебания, хорошо описаны В. В. Виноградовым¹.

Причины колебания мнений о частях речи заключаются не в том, что в языке нет частей речи или в нем имеется столько частей речи, сколько захочет найти каждый лингвист, а в том, что природа слова – объекта классификации по частям речи – не по-

¹ Виноградов В. В. Русский язык. 1947. С. 38–44.

нята надлежащим образом как теми лингвистами, которые отрицают части речи, так и теми, которые считают, что число их 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и больше.

Правильно понять и найти систему частей речи в том или другом языке можно только в том случае, когда понята природа слова, специфика его в том или ином конкретном языке. Слова в зависимости от грамматического строя в каждом языке имеют ту или иную особенность, связанную с теми или иными грамматическими средствами выражения единства лексического и грамматического, как частного и общего, а это не может не лежать в основе классификации слов по частям речи.

Обобщая все сказанное о слове и его лексико-грамматических разрядах, части речи можно определить так:

части речи – это лексико-грамматические группы слов, обусловленные и объективно выделенные в языке, во-первых, характером исторически сложившихся отношений между лексическим и грамматическим, как между частным и общим, во-вторых, спецификой семантических, морфологических и синтаксических признаков, характеризующих теми или иными функциями в языке.

Такое определение охватывает все черты, которыми характеризуются части речи не только в их современном состоянии, но и в их историческом становлении.

Эти лексико-грамматические группы слов, которые мы наблюдаем с теми или иными лексическими или грамматическими признаками во всех языках и которые приведены выше, могли возникнуть в языке вообще не с самого начала его становления, они являются результатом развития языка по внутренним законам, обусловленным теми или иными причинами противоречивых отношений между обозначаемым и обозначающим, функциями единства обозначаемого и обозначающего в языке, противоречивыми отношениями между использованием слов в качестве слов и в качестве материала для создания новых слов и т. д.

Эти группы действительно обусловлены и выделены характером отношений между лексическим и грамматическим, как между частным и общим. Однако нельзя ограничиваться подчеркиванием только этих признаков частей речи как лексико-грамматических групп слов, ибо в каждой из этих четырех лек-

сико-грамматических групп слов, обусловленно-выделенных в языке характером отношений между лексическим и грамматическим, как между частным и общим, имеются слова, обусловленно-выделенные в языке спецификой своих и семантических, и морфологических, и синтаксических признаков, характеризующих теми или иными функциями.

Ведущую из этих групп по установившейся традиции в языкознании можно называть: «Самостоятельные части речи» в том значении, в котором этот термин употреблен Р. И. Аванесовым и В. Н. Сидоровым¹, однако без включения в разряды слов, охватываемых этим термином, местоимений.

Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров предупреждают, что термином «самостоятельные части речи» они обозначают только пять частей речи – имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, наречие и глагол, но что «самостоятельные слова (в значении части речи. – У. А.) могут быть еще подразделены на слова знаменательные и слова местоименные, или местоимения»².

Это замечание, во-первых, противоречит первому определению условий употребления термина «самостоятельные части речи», во-вторых, местоименные слова, или местоимения, никак не могут считаться самостоятельными словами, потому что они, как видели выше, в первой части настоящей работы, одиночно, т. е. самостоятельно, как имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, наречия и глаголы – словом, как настоящие самостоятельные слова, ничего не могут обозначать».

Термин «самостоятельные части речи» нужно употреблять для обозначения той группы слов, в которую входят слова, могущие обозначать что-то не только в составе предложения, но и в одиночном употреблении, т. е. слова, выражающие единство лексического и грамматического, как частного и общего, при помощи своего фонематического или морфематического состава с привлечением или без привлечения в качестве выразительных средств ударения, прядок и т. д.

Такое ограниченное употребление термина «самостоятельные части речи», как думается, разумно потому, во-первых, что оно

¹ Аванесов Р. И. и Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. 1945. С. 84.

² Там же. С. 86.

отделяет настоящие самостоятельные слова от слов с другими признаками; во-вторых, эта группа слов выделяется среди других слов как по объективному характеру отношений между лексическим и грамматическим, как между частным и общим, так и по объективному характеру употребления в качестве средств выражения членов предложения; как по характеру объективной обобщенности образов, которые они вызывают в нашем сознании, так и по характеру своей связи друг с другом.

Самостоятельные части речи состоят из пяти групп слов, объективно выделившихся по характеру своего семантического (названия предметов, признаков, действий, количества, качества), морфологического (склоняемость, согласуемость, спрягаемость, примыкаемость и т. д.), синтаксического признака (именные, глагольные и другие члены предложения).

Таким образом, к самостоятельным частям речи следует отнести:

1. Имена существительные.
2. Имена прилагательные.
3. Имена числительные.
4. Глаголы.
5. Наречия (без местоименных наречий).

Вторую группу слов, которая выделяется характером лексического значения и способами его выражении, спецификой отношений между лексическим и грамматическим, как между частным и общим, следует назвать: «Местоименные части речи». Термин «местоименные части речи» в языкознании встречается в виде «местоименные слова» или просто «местоимения». Этими разновидностями можно пользоваться, но в случаях, когда на употреблении находятся термины «самостоятельные слова» или «неместоименные слова». Однако, когда мы пользуемся термином «самостоятельные части речи», следует пользоваться термином «местоименные части речи», ибо это употребление показывает объективную противопоставляемость слов, относящихся к самостоятельным частям речи, и слов, относящихся к местоименным частям речи.

Местоименные части речи состоят также из пяти групп, объективно выделившихся по своим семантическим, морфологическим и синтаксическим признакам, которые одинаковы с теми же признаками самостоятельных частей речи.

Таким образом, к местоименным частям речи я отношу:

1. Местоименные имена существительные, или местоимения-существительные.
2. Местоименные прилагательные, или местоимения-прилагательные.
3. Местоименные числительные, или местоимения-числительные.
4. Местоименные глаголы, или местоимения-глаголы.
5. Местоименные наречия, или местоимения-наречия.

Аналогичными терминами, как известно, пользовался профессор А. М. Пешковский¹. Я считаю возможным использовать опыт и наблюдения профессора А. М. Пешковского, ибо местоименные слова, отличаясь коренным образом от самостоятельных слов характером своих лексических значений и способом их выражения, повторяют основными своими морфологическими признаками и синтаксическими функциями самостоятельные слова.

Местоименные части речи – это те же самостоятельные части речи. Отличия их, как видели выше, заключаются в противоположности лексических значений самостоятельных и местоименных слов, когда лексические значения местоименных слов характеризуются или абсолютной конкретностью, сближающей их с образами, возникающими в нашем сознании под действием раздражителей первой сигнальной системы, или абсолютной отвлеченностью, приближающей их к общим, грамматическим значениям, тогда как лексические значения самостоятельных слов характеризуются обобщенностью, противопоставляющей их конкретным образам, возникающим в нашем сознании под действием раздражителей первой сигнальной системы.

Третью группу слов следует назвать: «Служебные части речи».

К служебным частям речи относятся такие элементы языка, которые, являясь морфематичными, фонематичными или упорядоченным исторически сочетанием, не выражают единства лексического и грамматического, как частного и общего, но употребляются для выражения тех или иных грамматических значений слов, относящихся к самостоятельным или местоименным частям речи, т. е. служебные слова, как их именуют в линг-

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз., 1956. С. 156–158.

вистической литературе, – предлоги, послелого, частицы, союзы, связи.

Четвертую группу слов я именую: «Предикативные части речи» и отношу к ним:

1. Междометия.
2. Модальные слова.
3. Безлично-предикативные слова.
4. Слова утверждения (да) или отрицания (нет).
5. Все другие слова, которые встречаются в языке в значении только предложений.

Все эти четыре лексико-грамматические группы слов охватывают весь словарный состав русского, тюркских и других языков. Отличия между лексико-грамматическими группами слов приведенной классификации в различных языках главным образом третьей группы, т. е. служебных частей речи. Могут быть языки, в которых служебных частей речи нет или если они и имеются, то состав их может быть не в такой степени богатым, как в европейских, тюркских или некоторых других языках. Это зависит от грамматического строя языка, от характера и приемов выражения некоторых грамматических значений слов, относящихся прежде всего к самостоятельным или местоименным частям речи, т. е. частям речи, слова которых исторически специализированы и специализируются для выражения членов предложения.

Отличия между лексико-грамматическими группами различных языков могут касаться и самостоятельных, местоименных и предикативных частей речи различных языков, но не в такой мере, чтобы можно было утверждать, что таких-то лексико-грамматических групп в таких-то и таких-то языках нет. Отличия эти могут касаться состава слов, относящихся к самостоятельным, местоименным и предикативным частям речи, их форм образования, изменения, того или иного характера или способа выражения лексических или грамматических значений той или иной категории слов самостоятельных, местоименных и предикативных частей речи. Например, состав самостоятельных и местоименных частей речи в русском и тюркских языках один и тот же. Однако нельзя провести тождество между теми или иными грамматическими признаками имен существительных, имен прилагательных, имен числительных, глаголов и наречий русского и какого-либо

тюркского языка, потому что при том или ином единстве имен существительных или имен прилагательных русского или карачаево-балкарского языка, которые сближают имена существительные русского и карачаево-балкарского языков друг с другом, они имеют свои собственные, частные, национальные признаки, которые их отличают друг от друга. Имена существительные русского языка, например, характеризуются грамматическими категориями одушевленности и неодушевленности, женского, мужского и среднего рода, которых нет у имен существительных карачаево-балкарского языка, но зато имена существительные карачаево-балкарского языка характеризуются грамматическими категориями разумности, неразумности, притяжательности, спряжения, которых нет у существительных русского языка. Но это отличие не таково, чтобы имена существительные русского языка рассматривать в составе самостоятельных частей речи, а имена существительные карачаево-балкарского языка – в составе каких-то других частей речи или вовсе вне частей речи.

Или, например, имена прилагательные и наречия русского языка характеризуются признаком изменяемости (имена прилагательные) или признаком неизменяемости (наречия), что является спецификой как имен прилагательных, так и наречий русского языка.

Имена прилагательные и наречия карачаево-балкарского языка характеризуются признаком неизменяемости. Грамматическими средствами выражения их принадлежности в основном является контекст и порядок слов. Если слово «ахшы» стоит перед именем существительным, то оно оказывается прилагательным «хороший» (*ахшы жигит* – «хороший парень»), если же оно стоит перед глаголом, то оно оказывается наречием образа действия «хорошо» (*ахшы сёлешди* – «хорошо говорил», *ахшы жигит ахшы сёлешди* – «хороший парень хорошо говорил»).

Но имеются в тюркских языках слова, как *жашил* – «зеленый», *къара* – «черный», *къызыл* – «красный», *акъ* – «белый» и т. д., которые всегда встречаются только перед существительными. Эти слова характеризуются признаком несочетаемости с глаголами. Поэтому они всегда являются прилагательными, хоть не отличаются по своей форме от слов типа «ахшы». Это является спецификой имен прилагательных и наречий карачаево-балкарского (и всех тюркских) языков. Однако это не может служить основанием для

отрицания наличия в карачаево-балкарском языке частей речи «имя прилагательное» и «наречие» или для отнесения их в категорию одной какой-либо новой части речи.

Принцип учета характера отношений между лексическим и грамматическим, как между частным и общим, на первом и главном плане классификации слов по частям речи обеспечивает правильное понимание объективного деления слов языка по основным признакам четырех лексико-грамматических групп (самостоятельные части речи, местоименные части речи, служебные части речи и предикативные части речи). Кроме того, тот же принцип толкает на изучение грамматических средств и приемов выражения лексических и грамматических значений, на установление характера лексических значений слов, относящихся к различным лексико-грамматическим группам. Эта предварительная классификация слов должна лежать в основе окончательной классификации уже каждой из четырех групп.

Следующий этап классификации является классификацией слов внутри каждой лексико-грамматической группы. Она должна строиться на тех признаках, которые учитываются при классификациях, существующих в лингвистической литературе, т. е. на учете того, что обозначается словом (предмет, признак предмета, действие, признак количества, признак признака и т. д.), как изменяется слово, если изменяется, какие члены предложения в основном выражаются.

Обобщая все сказанное, можно заключить, что весь словарный состав языка объективно делится на четыре лексико-грамматические группы слов, обусловленные и объективно выделенные в языке характером исторически сложившихся отношений между лексическим и грамматическим, как между частным и общим, спецификой семантических, морфологических и синтаксических признаков, характеризующих теми или иными функциями в языке.

1. Самостоятельные части речи

1. Имена существительные.
2. Имена прилагательные.
3. Имена числительные.
4. Глаголы.
5. Наречия (без местоименных наречий).

II. Местоименные части речи

1. Местоименные имена существительные.
2. Местоименные имена прилагательные.
3. Местоименные имена числительные.
4. Местоименные глаголы.
5. Местоименные наречия.

III. Служебные части речи

1. Предлоги (в русском).
2. Послелог (в карачаево-балкарском).
3. Частицы.
4. Союзы.
5. Связки (в русском).

IV. Предикативные части речи

1. Междометия.
2. Модальные слова
3. Безлично-предикативные слова (категории состояния).
4. Слова «да», «нет», «нету», «ага» и т. д.

ЗАЛОГИ В ГЛАГОЛЕ РУССКОГО И БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Вопрос о грамматических значениях в полной мере еще не решен. Особенно плохо обстоит дело с вопросом о категории залога.

В языкознании нет единого мнения о том, есть в русском языке залогов или нет. От полного отрицания категории залога в русском языке до признания одного, двух, трех, четырех, пяти, шести залогов – вот границы, между которыми колеблются мнения лингвистов о наличии или отсутствии в русском языке категории залога.

Нет единого мнения и по вопросу определения категории залога. Отсутствие нужного определения категории залога является одной из тех причин, которые обусловили разноречивые мнения о залоге. Залог в русском языке, бесспорно, имеется. Но он выражается не формой отдельного слова, а контекстом, лингвисты же ищут в русском языке залог в полной форме. Наличие или отсутствие залога в том или ином языке определяется не отсутствием или наличием в глаголе особой формы, показывающей

отношения между субъектом и объектом. В языках с развитой системой падежей, в числе которых имеется самостоятельный винительный падеж, как падеж, дающий форму объекта действия, категории залога не может не быть, ибо винительный падеж, форма прямого дополнения, может быть только при переходных глаголах, показывающих, как известно, действительные отношения субъекта к объекту. Другое дело в языках, в которых нет развитой системы падежей, включающих в свой состав и винительный падеж, но зато имеются глаголы, выражающие в качестве своего лексического значения обобщенный образ объекта действия. Аналогичные глаголы встречаются и в русском языке (ср. завтракать, обедать, ужинать в значении кушать завтрак, кушать обед, кушать ужин). В таких языках значение объекта выражается глаголом как лексическое (объективное) значение, а значение действия, являющееся у действительных залогов их лексическим значением, выражается как отвлеченно-определенное грамматическое значение.

Для выражения значения объекта действия может быть только два способа: первый способ – форма винительного падежа, обуславливающая наличие и переходного глагола, так называемого действительного залога с чисто глагольным лексическим значением, второй способ – форма глагола, имеющего в качестве лексического значения обобщенно-определенный образ объекта действия, в качестве грамматического значения – отвлеченно-определенный образ чистого действия.

Оформленность или неоформленность залога – это внешний признак, который может быть и звуковым, и смысловым, определяемым контекстом.

Залог – это форма грамматического проявления отношений, существующих между субъектом и объектом в реальной действительности.

Связи, которые существуют между субъектом и объектом реальной действительности, характеризуются двумя отношениями, исключаящими одно другое. Одно из них – действительные отношения, другое – недействительные отношения.

Действительные отношения в языке проявляются в форме четырех залогов:

1. Действительный залог.
2. Страдательный залог.

3. Возвратный залог.

4. Взаимный залог.

Все эти четыре залога являются формой грамматического проявления отношений, существующих между субъектом и объектом в реальной действительности.

Недействительные отношения в языке грамматически проявляются в форме только одного залога – **недействительного**.

Таким образом, всех залогов в русском языке оказывается пять:

1. Действительный залог.

2. Страдательный залог.

3. Возвратный залог.

4. Взаимный залог.

5. Недействительный залог.

Действительный залог и его характеристика

Глаголы, являющиеся прямым отражением действительных отношений, существующих между субъектом и объектом в реальной действительности, называются глаголами **действительного залога**.

Прямое отражение в действительном залоге действительных отношений между субъектом и объектом заключается в том, что в действительных отношениях между субъектом и объектом мы имеем три грамматических и логических члена: 1) субъект, 2) предикат (действие), 3) объект; эти же три логических члена отражаются в языке: 1) подлежащее (субъект), 2) сказуемое (действие – предикат), 3) прямое дополнение (объект).

Действительные отношения: **субъект – предикат – объект**. Отражение их в языке: **подлежащее – сказуемое – прямое дополнение**.

К действительному залогу относятся все глаголы, которые в составе предложения требуют прямого дополнения, – переходные глаголы: *рубить, пилить, возить, тащить, гнуть, пасти, гнать, пить, продать, закрыть, открыть, затопить* и т. д.

Простые предложения, в которых сказуемое выражается глаголами действительного залога, считаются полными, если при сказуемом и подлежащем имеется и прямое дополнение. С точки зре-

ния использования для выражения тех или иных грамматических средств глаголы действительного залога делятся на две группы:

1. Глаголы действительного залога русского языка, которые выражают свое общее грамматическое значение действительного залога совокупностью всех своих фонематических или морфематических элементов, из упорядоченного сочетания которых они сами состоят. Глаголы: *рубить, колоть, везти, тащить, строить, разрушать* и многие другие воспринимаются как глаголы действительного залога и вне контекста, при одиночном употреблении.

2. Глаголы действительного залога русского языка, которые отражают свое общее грамматическое значение действительного залога совокупностью своих составных частей и контекстов. Вне контекста эти глаголы не могут выражать своей принадлежности к действительному залогу или недействительному залогу. К таким глаголам относятся: *писать, читать, рисовать, танцевать, петь, говорить* и т. д. Эти глаголы в одних предложениях употребляются как глаголы, действительного залога и требуют, чтобы при них было прямое дополнение, в других предложениях – как глаголы недействительного залога, без прямого дополнения.

«Иван Федорович танцует, поет и читает по-французски». – «Иван Федорович танцует польку, поет вальсы, читает книги на французском языке».

Страдательный залог и его характеристика

Глаголы, являющиеся перевернутым отражением действительных отношений между субъектом и объектом, когда субъект (подлежащее) выражается в форме дополнения (объекта), дополнение – в форме подлежащего (субъекта), называются страдательным залогом.

Схематически это выглядит так:

Действительное отношение: субъект – предикат – объект.

Их отражение при помощи действительного залога:

Рабочие	<i>строят</i>	машину.
(подлежащее)	(сказуемое)	(дополнение)

Их отражение при помощи страдательного залога:

Рабочими	<i>строится</i>	машина.
(дополнение)	(сказуемое)	(подлежащее)

Предложение, в котором сказуемое выражено глаголом действительного залога, может быть полным только при наличии трех членов – подлежащего, сказуемого и прямого дополнения (*Рабочие строят машину*), предложение же, в котором сказуемое выражено глаголом страдательного залога, может быть полным при наличии двух главных членов – подлежащего и сказуемого, притом косвенное дополнение может употребляться и не употребляться (*Машина строится. Машина строится рабочими*).

Сказуемые, выраженные глаголом страдательного залога, по значению своему относятся к действительному залогу – хоть завуалированно всё-таки выражаются действительные отношения, а по определению структуры предложения – к недействительному залогу: предложение оказывается полным и при двух главных членах предложения.

Глаголы страдательного залога русского языка образуются от глаголов действительного залога при помощи частиц *-ся (-сь)*.

Глаголы страдательного залога свой грамматический признак залога выражают своим звуковым составом при неперменном условии использования текста в качестве дополнительного грамматического средства выражения грамматического значения страдательного залога. В одиночном употреблении нельзя понять, к какому залогу относятся глаголы «одевается», «строится», «включаются», «приводится» и др. – к страдательному или возвратному. Контекст уточняет нам принадлежность к тому или иному залогу, например:

Дом *одевается* в леса.

Мальчик *одевается*, чтобы идти в школу.

В первом предложении глагол «одевается» употребляется в значении страдательного залога (рабочие одевают дом в леса – дом одевается в леса), во втором предложении глагол «одевается» употребляется в значении возвратного залога (мальчик сам одевает себя, чтобы идти в школу – мальчик одевается, чтобы идти в школу).

Дом *строится* рабочими. – Соседи начали *строиться*.

Рисунок *переводится* на бумагу. – Студент *переводится* с курса на курс в конце учебного года.

Наши товарищи *включаются* в предпраздничное социалистическое соревнование. – Переходные глаголы *включаются* в состав действительного залога.

Возвратный залог и его характеристика

Глаголы, являющиеся прямым, но двучленным отражением действительных отношений между субъектом и объектом, когда субъект и объект выражаются одним и тем же словом в форме подлежащего, называются **возвратным залогом**.

Глаголы возвратного залога показывают, что субъект действует на самого себя.

Предложения, в которых сказуемые выражены глаголами возвратного залога, бывают полными и при двух главных членах – подлежащем и сказуемом.

Мальчик *одевается*. Дети *купаются*. Кошка *умывается*.

Глаголы возвратного залога свой залоговый признак выражают главным образом в контексте. Вне контекста трудно судить о залоговой принадлежности глагола, так как глаголы возвратного залога, как и страдательного, в русском языке образуются от глаголов действительного залога при помощи частицы *-ся (-сь)*.

Глаголы возвратного залога отличаются от глаголов страдательного залога тем, что в предложениях со сказуемыми, выраженными глаголами страдательного залога, действительные отношения между субъектом и объектом отражаются в перевернутом виде: субъект – в виде косвенного дополнения, объект – в виде подлежащего, в предложениях же со сказуемыми, выраженными глаголами возвратного залога, действительные отношения между субъектом и объектом, как и в предложениях со сказуемыми, выраженными глаголами действительного залога, отражаются прямо, но двучленно: субъект – в виде подлежащего, но объект – завуалированно в виде подлежащего тем же словом, которым отражен субъект.

Мальчик *купает* себя. – Мальчики *купаются*.

В первом предложении сказуемое выражено глаголом действительного залога (*купает*), и предложение, отражая прямо действительные отношения между субъектом и объектом, состоит из трех членов – подлежащего (субъекта), сказуемого (предиката) и дополнения (объекта), а во втором предложении сказуемое выражено глаголом возвратного залога (*купаются*), и предложение прямо отражает действительные отношения между субъектом и объектом, но при помощи только двух членов предложения: подлежащего (мальчики) и сказуемого (*купаются*), поглощающих выражение и прямого дополнения (объекта).

Предложения, в которых сказуемые выражены глаголами возвратного залога, по своей структуре являются такими, как предложения со сказуемыми, выраженными глаголами недействительного залога (см. ниже).

Взаимный залог и его характеристика

Глаголы, являющиеся отражением отношений двух или нескольких субъектов друг к другу как к объектам своих действий, называются **взаимным залогом**.

Действительные отношения, существующие между субъектом и объектом, отражаются в языке в виде двучленных полных простых предложений и со сказуемыми, выраженными глаголами взаимного залога, но имеют и отличия. Если в двучленном полном простом предложении сказуемое, выраженное возвратным глаголом, показывает, что действие объекта распространяется на самого субъекта, и поэтому предложение оказывается двучленным, то в двучленном полном простом предложении сказуемое, выраженное глаголом взаимного залога, показывает, что однородные действия, выраженные одним и тем же глаголом, двух однородных субъектов, противостоящих друг к другу, но выраженных одним и тем же именем существительным, одинаково распространяются на однородные объекты, выраженные тем же именем существительным, что однородные субъекты, и поэтому предложение оказывается также двучленным отражением действительных отношений между субъектом и объектом. Разница между предложением со сказуемым, выраженным глаголом возвратного залога, и предложением со сказуемым, выраженным глаголом взаимного залога, заключается в том, что действие объекта в первом случае распространяется на самого субъекта как объекта, а во втором случае на субъекта, как на объекта, объектом которого является сам субъект. Значит, один и тот же глагол взаимного залога выражает однородные действия двух субъектов, направленные в противоположные стороны, а одно и то же имя существительное в именительном падеже выражает два однородных субъекта, рассматривающих друг друга как объект своих действий.

В предложении «Друзья обнимаются» логически два или несколько однородных субъектов, стоящих один против другого и

выраженных одним и тем же именем существительным «друзья»; два или несколько однородных действия, направленных друг против друга и выраженных одним и тем же глаголом. Эти сложные отношения двух или нескольких однородных субъектов друг к другу как к объектам выражены при помощи глагола взаимного залога, образованного от глагола действительного залога и частицы *-ся (-сь)*, и контекста. Вне контекста значение взаимного залога, как и страдательного, и возвратного, не может восприниматься в русском языке с нужной четкостью и ясностью.

Недействительный залог и его характеристика

Глаголы, являющиеся отражением безразличного отношения субъекта к объекту своего действия, называются **недействительным залогом**¹.

К недействительным залогам в русском языке относятся:

а) все непереходные глаголы без частицы *-ся (-сь)*: сидеть, стоять, ходить, расти, шагать, завтракать, обедать, болеть, и т. д.;

б) все непереходные глаголы с частицей *-ся (-сь)*, которые без нее не употребляются: улыбаться, смеяться, спотыкаться, съежиться, скрючиться, окрыситься, наестся и т. д.;

в) все глаголы с частицей *-ся (-сь)*, которые встречается и без частицы, но с ней обозначают постоянные признаки состояния: кусаться, бодаться, лягаться, развиваться, развеваться и т. д.

г) все глаголы, которые с частицей *-ся (-сь)* употребляются для обозначения признака, показывающего преследование, достижение какой-либо цели: стучаться, проситься, ругаться, добиваться, унижаться и т. д.;

д) все глаголы, которые с частицей *-ся (-сь)* показывают состояние, достигнутое в результате какого-то поведения: спиться, белеться, не спится, не работается, не сидится и т. д.

Группы глаголов этого залога являются выражением состояний или непереходных действий субъекта, поэтому они не могут

¹ Недействительный залог в официальной литературе называется *средним залогом*. В связи с тем что глаголы недействительного залога по характеру своему противоположны глаголам действительного залога, я считаю логичным их называть не средним, а недействительным залогом.

относиться к другим залогам. Форма на *-ся (-сь)* некоторых из них в выражении состояния и непереходных действий субъекта настолько окаменели, что никаких признаков страдательности или взаимности не выражают. Они специализируются на выражении действий, отражающих состояние субъекта (улыбаться, смеяться, спотыкаться), постоянного признака (бодается, кусается, лягается, развивается), состояния, являющегося результатом какого-либо действия или процесса (белеется, чернеется, спился, не спится, не сидится), признака, показывающего стремление к какой-либо цели. Эта новая функция частицы *-ся (-сь)* приобретена, очевидно, в результате переосмысления.

Трудности в решении проблемы категории залога в русском глаголе заключаются в отсутствии в русском языке специализированных форм, выражающих то или иное залоговое значение, являющееся грамматическим отражением действительного и недействительного отношений субъекта к объекту.

Этот недостаток залоговых форм глаголов русского языка отмечается почти всеми лингвистами, занимавшимися вопросами категории залога. «В русском языке, как и в других славянских языках, залоговые отношения не образуют вполне последовательной системы, т. е. таких последовательных соотношений между залоговыми формами и залоговыми значениями, какие свойственны другим категориям глагола – категориям лица, времени, вида, наклонения»¹.

В связи с этим авторы «Грамматики русского языка», давая правильное определение залогам, заключают, что «не все отношения между субъектом и объектом действия являются залоговыми, а только те, которые получают в глаголе свое грамматическое оформление»¹. Это заключение противоречит определению залогов, которое дается тут же.

Форма глагола, как и всякого слова, окончательно определяется в контексте. В контексте же получают свое «оформление» и залоговые глаголы русского языка.

Контекст имеет особое значение для глагола, особенно в тех языках, в которых слабо развиты чисто формальные, звуковые признаки. В русском языке формальные признаки слов в общем развиты, но отдельные

¹ Грамматика русского языка. Т. 1. С. 412.

категории слов (наречия, деепричастия, несклоняемые имена существительные, залоги) в силу их особой структуры характеризуются слабо развитыми формальными признаками. Этот же недостаток формальных признаков таких слов полностью компенсируется контекстом. Контекст у этих категорий слов используется как особое грамматическое средство для выражения тех или иных грамматических значений слов. В выделении залогов русского языка, являющихся грамматическим отражением действительных и недействительных отношений между субъектом и объектом, важное значение имеет контекст. Поэтому ограничиться при определении и распознавании системы залогов в глаголе русского языка учетом только формальных признаков, как мне кажется, недостаточно.

Залоги глагола балкарского языка

Залоги тюркских языков как формы отражения действительных и недействительных отношений между субъектом и объектом имеют общие с залогами русского языка и свои собственные черты. Общими являются: основное залоговое значение, отсутствие особой формы для действительного и недействительного залога, которые, как и в русском языке, выражают свое залоговое значение переходностью или непереходностью, количеством. Частными, грамматическими чертами, отличающими залоги тюркских языков от залогов русского языка, являются особая оформленность страдательного, возвратного и взаимного залогов, различные глагольные основы, от которых образуются страдательный, возвратный и взаимный залоги.

Основой всех глагольных образований в тюркских языках, как известно, является форма повелительного наклонения единственного числа и второго лица.

Глагольные основы тюркских языков, т. е. формы повелительного наклонения второго лица единственного числа, бывают простыми (*жаз* – «пиши»; *окъу* – «читай», «учись»; *кет* – «уйди», «уезжай»; *жуу* – «стирай», «мой»; *кел* – «приходи», «приезжай»; *там* – «капай» и т. д.), т. е. такими, которые на дальнейшие морфематические составные части уже не распадаются; и сложными или составными (*жаздыр* – «запиши кого-нибудь, что-нибудь»; *окъ-*

ут – «заставь читать», «учи кого-нибудь»; *кетер* – «убери», «заставь уехать, уйти»; *жуудур* – «заставь стирать, мыть»; *келтир* – «принеси», «привези»; *тамыз* – «сделай так, чтобы капало, текло» и т. д.).

Залоги образуются как от простой, так и от составной основ. Залоги, образованные от простой основы, бывают такими, как и в русском языке (действительный, страдательный, возвратный, взаимный и недействительный), залоги, образованные от составных основ, бывают только действительно-понудительным, действительно-возвратным, действительно-взаимным; недействительно-понудительным, недействительно-страдательным, недействительно-возвратным, недействительно-взаимным.

Залоги балкарского языка, образованные от простых глагольных основ, и их характеристика

Залогов тюркских языков, образованных от простых глагольных основ, насчитывается, как и в русском языке, пять:

1. Действительный залог.
2. Страдательный залог.
3. Возвратный залог.
4. Взаимный залог.
5. Недействительный залог.

Действительный залог в балкарском языке и его характеристика

Действительный залог в балкарском языке, как и в русском, особой формы не имеет. Он при своем употреблении вызывает в нашем сознании те же представления, что и действительный залог в русском языке – обобщенный образ действия, распространяющегося на какой-то объект, без специального указания которого действие виснет в воздухе и мысль, почти не выражается.

Отличительной чертой большинства действительного залога балкарского языка является то, что он выражает свое залоговое значение как при одиночном, так и при совместном с другими членами предложения употреблении. Исключение составляют несколько глаголов, которые употребляются иногда и как недей-

ствительные залого: *окзуйду* – «читает», *китабны окзуйду* – «книгу читает, учится». *Ахмат институтд, окзуйду*. – «Ахмат учится в институте».

К таким глаголам относятся формы, образованные от основы *окзу, жаз, жырла, ич, тарт*, которые, как и в русском языке, употребляются для выражения действительных и недействительных отношений между субъектом и объектом.

Страдательный залог в балкарском языке и его характеристика

Страдательный залог балкарского языка образуется от основы действительного залога при помощи особого (специального) суффикса, присоединяемого к тюркской глагольной основе, то к форме повелительного наклонения второго лица единственного числа.

1. *Жаз* – «пиши»; *жаз + ыл = жазыл – жазылды* – «записан»

2. *Жуу* – «мой», «стирай»; *жуу + ул = жууул – жууулду* – «вымыт», «выстиран».

3. *Окзу* – «читай»; *окзу + л = окзул – окзулду* – «вычитан».

4. *Такъ* – «вешай»; *тагъ-ыл = тагъыл – тагъылды* – «повешено» (пальто).

5. *Жаб* – «закрой»; *жаб-ыл = жабыл – жабылды* – «закрит».

6. *Тик* – «шей»; *таг + ил = тагил – тигилди* – «сшито» (пальто).

7. *Тёк* – «вылей»; *тёг+юл – тёгюлдю* – «вылито».

8. *Ач* – «открой»; *ач + ыл = ачыл – ачылды* – «открыто».

9. *Бер* – «дай»; *бер + ил = берил – берилди* – «дан», «выдан».

Частица *-ся (сь)* в русском языке присоединяется к глаголу после личного, родового или неопределенного окончания – *строишь – строишься; строился, строиться, строятся*.

Суффикс *-л-* (*-ил, -ул, -ыл, -ул*, если слово имеет согласное окончание) присоединяется сейчас же к основе (*окзу – «читай»* (основа), *окзу+л+ду*), суффиксы времени, неопределенной формы, причастий и деепричастий присоединяются после суффикса страдательного залога, а после суффиксов времени и т. д. присоединяются другие окончания (лица, числа, падежа, если причастие): *окзу + л + ду, окзу + л + гъан, окзу + луб* и т. д.

Окзулду – изъявительное наклонение прошедшего времени, третье лицо ед. числа.

Окзулгъан – причастие прошедшего времени.

Окзулуб – деепричастие, обозначающее предшествующее действие.

Окзулургъа – неопределённая форма глагола.

Аффикс отрицания также присоединяется к основе после залогового суффикса.

Окзулмады – «не прочитано».

Окзулмагъан – «непрочитанный».

Окзулмай – деепричастие, которое нельзя перевести на русский язык.

Страдательный залог тюркских языков не допускает предложений с выражением субъекта в форме косвенного падежа. Если на русском языке можно сказать: «книга читается студентом», то в тюркских языках можно говорить только *китаб окзулады* – «книга читается». Нельзя говорить в тюркских языках: *китаб студент бла окзулады* – «книга читается студентом», хотя в переводах на балкарский язык иногда встречаются неуклюжие трехчленные предложения с подлежащим, являющимся выражением прямого объекта, сказуемым, выраженным страдательным залогом, и с косвенным дополнением, являющимся выражением субъекта действия.

Возвратный залог в балкарском языке и его характеристика

Возвратный залог балкарского языка по своему характеру аналогичен возвратному залогу русского языка. Он показывает, что субъект совершает действие над самим собой.

Возвратный залог в балкарском языке образуется от основы действительного залога и особого (специального) суффикса возвратного залога *-н-* (при согласных окончаниях основ *-ын, -ин, -ун*).

1. *Кий* – «одевай»; *кий + ин = кийин – кийинди* – «оделся».
2. *Жуу* – «мой», «купай»; *жуу + ун = жууун – жууунду* – «выкупался».
3. *Кёр* – «видь», *кёр + юн = «покажись» – кёрюндю* – «показался».
4. *Теш* – «снимай»; *теш + ин = тешин – тешинди* – «разделся».
5. *Букъ* – «спрячься»; *букъ + ун = букъун – букъунду* – «запратался».

По структуре своей возвратный залог в балкарском языке однотипен страдательному залогу. Суффикс возвратного залога присоединяется к глагольной основе, а после него в определенном порядке присоединяются другие суффиксы – времени, лица, числа и т. д.

Наблюдаются в балкарском языке случаи смешения суффиксов

страдательного и возвратного залога. Встречаются глаголы страдательного залога с суффиксом возвратного и возвратные залоги с суффиксом страдательного залога:

1. *Ишле* – «строй»; *ишле* + *н* + *еди* = *ишленеди* – «строится дом».

2. *Башла* – «начинай»; *башла* + *н* + *ады* – *башланады* – «начинается что-нибудь».

Эти глаголы относятся к страдательному залогу, но суффиксы в них являются суффиксами возвратного залога.

1. *Жар* – «коли»; *жар* + *ыл* + *ды* = *жарылды* – «раскололось» (бревно).

2. *Къош* – «соедини»; *къош* + *ул* + *ду* = *къошулду* – «соединилось что-то с чем-то».

Эти глаголы относятся к возвратному залогу, но суффиксы в них являются суффиксами страдательного залога.

Это наблюдается обычно в тех случаях, когда тот или иной глагол употребляется только с одним из этих двух суффиксов – с суффиксом страдательного или с суффиксом возвратного залога. Так, глаголы *жар* – «коли», «раскалывай»; *къош* – «соедини» не встречаются с суффиксом возвратного залога *-н-*, поэтому значение страдательного и возвратного залога выражают при помощи суффикса *-л-*, глаголы *ишле* – «строй», *башла* – «начат» употребляются только с суффиксом возвратного залога. Значение страдательного или возвратного залогов у этих глаголов узнается только в контексте. Вне контекста трудно судить о том, к какому залогу эти глаголы относятся – к страдательному или возвратному.

В употреблении суффиксов возвратного и страдательного залога один вместо другого в тюркских языках наблюдаются определенные закономерности, которые ждут своего уточнения.

1. Глагольные основы, которые в своем составе имеют звук *л*, образуют страдательный или возвратный залог при помощи суффикса возвратного залога *-н-*:

ишле – *ишленди* – «выстроен», «отстроен»;

атла – *атланды* – «двинулся в путь»;

башла – *башланды* – «начат», «начался»;

ташла – *ташланды* – «брошен», «выброшен»;

биле – *биленди* – «отточен»;

тиле – *тиленди* – «выпрошен»;

жырла – *жырланды* – «спето»;

ашла – *ашланды* – «загрязнено».

Такие глаголы ни страдательного, ни возвратного залога с суффиксом *-л-* не образуют. Очевидно, это объясняется, главным образом, чисто фонетическими причинами. Наличие звука *л* основе не позволяет пользоваться суффиксом *-л-*, являющимся тем же звуком *л*. Это – факт прогрессивной диссимилиации.

2. Глагольные основы, которые в своем составе имеют звук *н*, образуют страдательный или возвратный залог при помощи суффикса страдательного залога *-л-*:

сана – *саналды* – «высчитан», «считается»;

тырна – *тырналды* – «оцарапан», «царапается»;

сарна – *сарналды* – «оплакан», «спета плачевная песня».

Глагольные основы такого типа не пользуются суффиксом *-н-* для образования страдательного или возвратного залога. Причина – прогрессивная диссимилиация.

3. Встречаются глагольные основы, которые могут образовать форму только страдательного залога при помощи суффикса страдательного залога *-л-*: значение их не позволяет образовать возвратный залог, стало быть, они не испытывают нужды и в суффиксе возвратного залога:

сор – «спроси»; *сорулду* – «опрошен»;

бер – «дай»; *берилди* – «отдан»;

кер – «расширяй»; *керилди* – «расширен»;

соз – «растяни»; *созулду* – «растянут» и т. д.

Взаимный залог в балкарском языке и его характеристика

Взаимный залог тюркских языков по своему характеру и потреблению тождествен взаимному залогу русского языка. Он является формой, показывающей однородные действия, направленные каждым субъектом против другого субъекта, рассматриваемого как объект (обнимаются, дерутся, прощаются), однородные действия, направленные на скорейшее достижение однородных результатов (состязаются, соревнуются и т. д.).

Взаимный залог в балкарском языке образуется от глагольных основ действительного и недействительного залога и суффикса взаимного залога *-иш-* (при согласных окончаниях глагольных основ *-иш*, *-юш*, *-ыш*, *-уш*):

тут – тутушады – «борется»;
тют – тютюшеди – «дерется»;
ат – атышады – «состязается в стрельбе»;
тик – тигишеди – «состязается в шитье».

В некоторых тюркских языках (например, в киргизском) суффикс взаимного залога *-ш-* употребляется и как суффикс, выражающий форму множественного числа глаголов изъявительного наклонения третьего лица:

Жигиттер келишти. – «Приехали молодые люди».

Кыздар ырдашты. – «Девушки спели».

Суффикс взаимного залога, употребляясь при сказуемых, которые согласуются во множественном числе (субъектов, относящихся друг к другу как объекты, бывает два и больше, значит, множественное число), косвенно выражает множественное число. В силу этого, очевидно, в киргизском языке суффикс взаимного залога *-ш-* путем переосмысления стал употребляться и как суффикс, образующий форму множественного числа.

Структура взаимных залогов аналогична структурам страдательного и возвратного залогов. Суффикс взаимного залога присоединяется к глагольной основе, а потом к такой глагольной основе взаимного залога присоединяются другие суффиксы – суффиксы времени, лица, числа.

Недействительный залог в балкарском языке и его характеристика

Недействительные залого балкарского языка по характеру и употреблению однотипны с глаголами недействительного залога русского языка – это непереходные глаголы от основы, выражающие непереходное значение без особых суффиксов:

кет – кетди – «ушел», «уехал»;
кел – келди – «пришел», «приехал»;
жат – жатды – «лёг»;
ёс – ёсдю – «вырос»;
чёк – чёкдю – «присел на корточки»;
кзон – кзонду – «сел по-птичьи»;
чаб – чабды – «побежал»;
кзара – кзарады – «посмотрел»;
кюл – кюлдю – «улыбнулся», «засмеялся».

Как сказано выше, балкарский язык характеризуется двумя типами основ, от которых образуются залоги. Первый тип основ – простые основы, образующие все перечисленные выше залоги, второй тип основ – составные основы, образующие же, кроме недействительного, залоги с понудительным значением.

Залоги балкарского языка, образованные от составных глагольных основ, и их характеристика

Составные глагольные основы, образованные от простых глагольных основ с переходным и непереходным значением при помощи понудительных суффиксов (*жаз – жаздыр, кет – кетер, кел – келтир; жырла – жырлат, окъу – окъут, там – тамыз, эм – эмиз* и т. д.), в существующих грамматиках тюркских языков, в том числе и в моих прежних работах, относились к первой системе залогов в качестве самостоятельного залога под названием «понудительный залог». Наблюдения показывают ошибочность этого взгляда на составные глагольные основы с понудительным суффиксом.

Эта глагольная фирма, во-первых, относится к разновидностям действительного залога как в случаях образования от простых глагольных основ действительного залога, так и в случаях образования от простых глагольных основ недействительного залога. Сказуемые, выраженные глаголами с понудительным значением, всегда употребляются, как и сказуемые, выраженные действительным залогом, с прямым дополнением, выраженным именем существительным в винительном падеже; во-вторых, составная глагольная основа с понудительным залогом присоединяет к себе суффиксы и страдательного, и возвратного, и взаимного залогов и таким образом образует понудительно-страдательную, понудительно-возвратную и понудительно-взаимную формы, которые нельзя не рассматривать как страдательный, возвратный и взаимный залоги особой, тюркской структуры и с особыми оттенками значения. В связи со всем этим приходится пересматривать свои прежние взгляды, исключить «понудительный залог» из состава первой простой системы залогов и на базе его разработать новую (с точки зрения разработки в научной литературе) систему залогов с понудительным суффиксом.

Понудительно-действительный залог в балкарском языке и его характеристика

Понудительно-действительным залогом в балкарском языке следует называть действительные залого с одним из понудительных суффиксов *-дыр* (*-дур*, *-дир*), *-тыр* (*-тур*, *-ир*, *-тюр*), *-т*, *-з*.

Понудительно-действительный залог в балкарском языке образуется от простых глагольных основ действительного и недействительного залогов путем присоединения к ним одного из суффиксов понудительного залога:

жаз – *жаз* + *дыр* = *жаздырдым* – «заставил записаться» (кого-то);

кзур – *кзур* + *дур* = *кзурдурдум* – «заставил настроить» (что-то);

бер – *бер* + *дир* = *бердирдим* – «заставил кого-то сдать что-то»;

сюр + *дюр* + *сюрдюрдум* – «заставил кого-то гнать кого-то»;

кел – *кел* + *тыр* = *келтирдим* – «принес что-то», «привел кого-то»;

тол – *тол* + *тур* = *толтурдум* – «наполнил что-то», «сделал так, чтобы что-то чем-то наполнилось»;

кёл – *кёл* + *тюр* = *кёлтюрдум* – «поднял что-то»;

окзу – *окзу* + *т* = *окзутдум* – «обучил кого-то», «сделал так, чтобы кто-то обучился чему-то»;

акъ – *акъ* + *ыз* = *акъызыдым* – «сделал так, чтобы что-то начало течь, что-то начало капать, что-то упало»;

там – *там* + *ыз* = *тамыздым* – «развел огонь», «сделал так, чтобы загорелся огонь»;

эм – *эм* + *из* = *эмиздым* – «сделал так, чтобы теленок начал сосать мать», «подстроил, чтобы теленок сосал мать».

Понудительно-действительный залог, как видно и по не совсем точным переводам примеров, показывает, что первое действующее лицо, т. е. лицо, от которого исходит инициатива в совершении какого-то переходного или непереходного действия, создает условия и заставляет второе действующее лицо, т. е. лицо, которое выполняет волю первого действующего лица, совершить какое-то переходное или непереходное действие.

Жаздым – «я написал» – залог действительный; действие совершается самим лицом, сообщаящим об этом.

Жаздырдым – «я заставил написать кого-то», понудительно-действительный залог; действие совершается не тем лицом, которое сообщает об этом, а другим, которого это лицо заставляет.

Понудительно-действительный залог может показывать, что действие совершается не первым, вторым, третьим по порядку лицом, а четвертым, до которого воля первого лица доходит через второе и третье лица, т. е. первое лицо, проявившее инициативу, передает второму лицу свою волю с предложением передать третьему, чтобы это третье лицо довело до сведения лица, которое должно совершить действие, и заставило его выполнить волю лица. Чтобы сообщить о совершении или о намерении лица заставить совершить такое действие, первое лицо к глагольной основе присоединяет один, два или несколько повторяющихся понудительных суффиксов.

Жаздым – «написал»; само первое лицо совершает и сообщает о нем; глагол без понудительного суффикса.

Жаздырдым – «заставил кого написать что-то»; само первое лицо действия этого не совершает; оно сообщает, что действие совершено кем-то другим, которого первое лицо заставило. Это достигается присоединением к простой глагольной основе одного понудительного суффикса *-дыр*.

Жаздыртдым – «заставил кого-то заставить другого написать что-то»; здесь действие совершается не вторым лицом, а третьим, которого по велению первого лица заставляет второе лицо совершать действие. Это достигается присоединением к простой глагольной основе понудительного суффикса *-дыр* (второе лицо) и второго понудительного суффикса *-т*.

Жаздыртдырдым – «заставил кого-то заставить третьего, чтобы это третье лицо заставило четвертое лицо совершить какое-то действие». В этом глаголе уже три понудительных суффикса: *жаз + дыр – т + дыр + дым = жаздыртдырдым*.

Понудительно-действительный залог, образованный от простой глагольной основы действительного залога, осложненный одним или несколькими понудительными суффиксами, является действительным и в простой и в составной формах. Он является действительным, так как является понудительным, он является действительным, так как действие, которое совершается вторым или третьим лицом, также является действительным. Первое лицо кого-то заставляет совершать действие, которое является переходным.

Понудительно-действительный залог, образованный от простой глагольной основы недействительного залога при помощи

одного или нескольких понудительных суффиксов, бывает действительным залогом, как понудительный, но недействительным залогом, как средний.

Первое лицо заставляет кого-то совершить какое-то непереходное действие.

Жукъла – «спи», *жукълат* – «заставь кого-то спать», «усыпи». Здесь первое лицо проявляет переходное действие, заставляет кого-то, но то лицо, которое оно заставляет, совершает непереходное действие – засыпать.

Понудительно-страдательный залог в балкарском языке и его характеристика

Понудительно-страдательный залог образуется от составной глагольной основы понудительно-действительного залога (*жаздыр, ишет, башлат, ташлат* и т. д.) путем присоединения к ней суффикса страдательного залога.

Жаздыр – *жыздыр* + *ыл* – *жаздырылды* – «сделано так, чтобы что-то было написано кем-то».

Башлат – *башлат* + *ыл* – *башлатылды* – «сделано так, чтобы что-то было начато».

Ташлат – *ташлат* + *ыл* – *ташлатылды* – «сделано так, чтобы было что-то выкинуто, брошено».

Билет – *билет* + *ил* – *билетилди* – «сделано так, чтобы было что-то выточено».

Жырлат – *жырлат* + *ыл* – *жырлатылды* – «сделано так, чтобы что-то (песня) было спето».

Понудительно-страдательный залог показывает, что первое лицо (лицо, проявляющее инициативу) сделало так, чтобы что-то было выполнено.

Понудительно-страдательный залог может быть образован от составной глагольной основы не только с одним, но и несколькими понудительными суффиксами, к которым присоединяется суффикс страдательного залога *-л*.

Жаздыртдырылды – *жаз* – «пиши»; *жаздыр* – «заставь писать»; *жаздырт* – «заставь, чтобы заставили кого-то заставить третьего писать»; *жаздыртдырылды* – «заставили кого-то, чтобы тот заставил третьего сделать так, чтобы что-то было написано».

Практически такие сложнейшие формы малоупотребительны, но, однако, они в тюркских языках существуют и могут быть использованы.

Использование таких сложных форм зависит от темы и стиля изложения.

Понудительно-возвратный залог в балкарском языке и его характеристика

Понудительно-возвратный залог в тюркских языках образуется от составной глагольной основы с суффиксом возвратного залога *-н-* (*жуун*) путем присоединения к ней суффикса понудительного залога (*жуундурду* – «искупал кого-то», «заставил искупаться»). Структурно понудительно-возвратный залог отличается от понудительно-страдательного залога порядком присоединения суффиксов. В понудительно-страдательном залоге после простой глагольной основы идет понудительный суффикс, вслед за ним суффикс страдательного залога (*жаз* – *жаздыр* – *жаздырылды*), а в понудительно-возвратном залоге после простой глагольной основы идет суффикс возвратного залога, вслед за ним понудительный суффикс (*жуу* – *жуун* – *жуундурду*).

Кий – *кийин* – *кийиндирди* – «одел кого-то», «сделал так, чтобы кто-то оделся».

Жуу – *жуун* – *жуундур* – *жуундурду* – «искупал», «сделал так, чтобы кто-то искупался».

Кёр – *кёрюн* – *кёрюндю* – «показал кого-то кому-то»; «сделал так, чтобы кто-то кому-то показался».

Понудительно-возвратные залого могут иметь в своем составе не один, а несколько понудительных залогов. В этом отношении понудительно-действительный, понудительно-страдательный и понудительно-возвратный залого образуются одинаково.

Кийиндиртди – «сделал так, чтобы кто-то кого-то заставил сделать так, чтобы кто-то третий оделся».

Форма понудительно-возвратного залога в силу своей структурной и смысловой сложности в тюркских языках начинает восприниматься как глагол действительного залога без понудительно-возвратного значения.

Жуундур может встречаться в значении «искупай».

Понудительно-взаимный залог в балкарском языке и его характеристика

Понудительно-взаимный залог по своему построению одноклассен понудительно-возвратному залогоу. Как и в понудительно-возвратном залогоу, суффикс взаимного залога присоединяется к простой глагольной основе, а затем уже к этой составной глагольной основе с суффиксом взаимного залога *-ш-* присоединяется понудительный суффикс.

Тюй – «бей», *түйюш* – «дерись», *түйюшдюр* – «сделай так, чтобы подрались».

Сүй – «люби», *сүйюш* – «любись», *сүйюшдюр* – «сделай так, чтобы (они) полюбили друг друга».

Тут – *тутуш* – *тутушдюр* – «сделай так, чтобы (они) поборолись».

Ат – «бросай», «стреляй», *атышдыр* – «сделай так, чтобы (они) стали состязаться в стрельбе».

Понудительно-взаимный залог балкарского языка показывает, что первое лицо, проявляющее инициативу, создает такие условия, чтобы кто-то другой или другие субъекты рассматривали друг друга как объектов своего действия, как противников и стали действовать друг на друга, или же действовать так, чтобы обогнать друг друга в каком-нибудь деле.

В простой системе залогов имеется и недействительный залог, в понудительной системе залогов нет понудительно-недействительного залога, потому что глаголы, которые можно было бы отнести к понудительно-недействительному залогоу, употребляются как понудительно-действительные залогои. Поэтому эти глаголы вынужденно относятся к понудительно-действительному залогоу.

Как видно из всего, что сказано о залогох, залогои есть грамматическое отражение отношений, которые существуют между субъектом и объектом. Отражение это может быть грамматически оформлено, как в тюркских языках, но может быть и не оформлено, как в русском. При грамматической оформленности их признаками являются суффиксы и другие элементы языка, а при неоформленности ими является контекст.

ПРИЧАСТИЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Наиболее интересные явления морфологии и синтаксиса тюркских языков связаны с причастием.

Причастие карачаево-балкарского языка может встречаться в значении почти всех частей речи. Оно может употребляться в значении имени существительного и изменяться по числам, по лицам (притяжательные изменения), по падежам с притяжательными аффиксами и без них, спрягаться по лицам, как глагол и имя, оно может выражать значение прилагательного, местоимения, наречия, глагола во всех его залогах и наклонениях, союзов и междометий. Нет других таких частей речи в карачаево-балкарском языке, которые были бы так универсальны в своем употреблении и многообразны в своих значениях, как причастие. Нет такого члена в предложении, который не может быть выражен причастием карачаево-балкарского языка.

Причастие в сложном предложении, являясь каким-нибудь членом в главном, всегда является сказуемым в придаточном предложении. В положении сказуемого придаточного и какого-либо члена главного предложения причастие является связующим звеном между придаточным и главным предложениями. Этим своим характером причастие тюркских языков напоминает собой аналогичное употребление относительных местоимений в сложноподчиненных предложениях русского языка.

Разница между фактами такого употребления причастий тюркских языков и относительных местоимений русского языка заключается только в одном: причастие в составе придаточных предложений в тюркских языках выражает сказуемое, а относительное местоимение в составе придаточных предложений русского языка выражает все члены, за исключением сказуемого. Кроме того, относительные слова в русском языке лексическое значение выражают особым приемом, свойственным местоимениям, тогда как причастия карачаево-балкарского языка выражают свое лексическое значение обычным приемом, свойственным всем неместоименным частям речи.

Такую разницу вряд ли можно называть существенной по одному тому, что и в том и в другом случаях мы имеем дело с членами придаточного предложения, не пользующимися само-

стоятельностью. Причина такой разницы кроется, видимо, в универсальности роли причастия карачаево-балкарского языка и относительного местоимения русского языка, с одной стороны, с другой – в порядке расположения придаточных предложений в обоих языках.

Несмотря на это своеобразие причастия тюркских языков, тюркологи или проходят мимо причастия, или освещают постольку, поскольку не могут пропустить, так как почти во всех грамматиках самых различных языков имеются разделы о нем.

Данная работа ставит перед собой цель – осветить все своеобразие причастий тюркских языков на фактах карачаево-балкарского языка.

Наблюдения показывают, что формы причастий, которые встречаются в карачаево-балкарском языке, имеют употребление почти во всех тюркских языках.

Один из самых первых исследователей карачаево-балкарского языка – А. Караулов в своем труде «Краткая очерк грамматики языка *«балкар»* останавливается на причастии и отмечает, что в карачаево-балкарском языке имеется три причастия: причастие настоящего времени, причастие прошедшего времени, причастие будущего времени – и три формы под рубрикой «Особые формы» – целевая, одновременная и причинная.

А. Караулов причастием настоящего времени называет следующие глаголы: *алчы* – «берущий», *бакчы* – «видящий», *алмачы* – «не берущий», *кетчи* – «уходящий», *окъучу* – «читающий», а через страницу в разделе «Примыкание к спряжению» об этой же форме сам Караулов пишет: «Употребляется еще вежливая форма повелительного наклонения, образуемая из обыкновенной формы с прибавлением на конце частицы *-чы, -чи*: *къуй* – «налей», *къуйчу* – «налей, пожалуйста, налей-ка» (все слова Караулова даются в современной балкарской транскрипции. – У. А.). Неизвестно, какую разницу находит А. Караулов между теми словами, которые он называет причастиями настоящего времени, и теми, которые он рассматривает как особую повелительную форму глагола с оттенком просьбы.

Формы на *-чы, -чи, -чу, -чю*, которые А. Караулов называет причастиями настоящего времени, в карачаево-балкарском языке употребляются в значении повелительной формы с оттенком

просьбы, следовательно, то, что А. Караулов называет причастием настоящего времени, по существу является повелительной формой глагола с оттенком просьбы. Отсюда переводы, которые даются против этих слов, неверны, следовало бы переводить: *алчы* – не «берущий», а «возьми-ка», «бери, пожалуйста» и т. д.

Причастие будущего времени в карачаево-балкарском языке имеет две формы. А. Караулов дает только одну форму – *алыр* – «тот, кто возьмет», *алмаз* – «тот, кто не возьмет».

Причастия, рассматриваемые А. Карауловым под рубрикой «Особые формы», являются причастиями прошедшего времени с падежными окончаниями и послелогоми.

Таким образом, мнение первого исследователя балкарского языка А. Караулова о наличии причастия настоящего времени является ошибочным. Аналогичную ошибку допускает и профессор В. И. Филоненко в своем труде «Грамматика балкарского языка».

Профессор В. И. Филоненко пишет: «Причастие настоящего времени действительного залога образуется при помощи аффиксов *-чы, -чи, -чу, -чю*, присоединяемых к корню глагола с предшествующим гласным, если корень глагола оканчивается на согласный звук. Например: *джаз* – «пиши», *джазычу* – «пишущий»; *ал* – «бери», *алычу* – «берущий»; *атла* – «шагай», *атлачу* – «шагающий»¹.

Дело в том, что формы, которые В. И. Филоненко считает причастиями настоящего времени, на самом деле являются отглагольным именем существительным. Здесь мы имеем дело с наложением двух словообразовательных аффиксов – первого словообразовательного аффикса *-у* (краткое *у*) (*атла* – «шагай», *атлау* – «шагание») и второго словообразовательного аффикса деятеля *-чы, -чу, -чи, -чю* (*атла* – «шагай», *атлау* – «шагание», *атлачу* – «шагатель», «тот, кто умеет шагать», «тот, кто передвигается шагом»). Это отглагольное именное имя. Оно в языке употребляется в качестве определения, как и все другие, даже непроизводные имена.

Изначальная отглагольность формы и случаи ее употребления в качестве определения вводят в заблуждение В. И. Филоненко.

Однако это не значит, что форма на *-чы, -чи, -чу, -чю* в других тюркских языках не может употребляться в качестве причастия

¹ Филоненко В. И. Грамматика балкарского языка. Нальчик: Каббалкиздат, 1940. С. 65.

настоящего времени: на путях перемещения из одной категории в другую отдельные формы могут употребляться с признаками как одной, так и другой категории.

У всех других исследователей карачаево-балкарского языка о причастиях настоящего времени ничего не упоминается. В этих работах рассказывается только о причастиях прошедшего и будущего времени и в очень ограниченном виде. Исключения составляют учебники балкарского языка автора настоящего исследования, изданные в 1939 году Кабардино-Балкарским госиздательством в городе Нальчике. В этих учебниках – в морфологии и синтаксисе, конечно применительно к средней школе, даны все основные формы причастия.

В карачаево-балкарском языке имеется три причастия: причастие прошедшего времени и две формы причастия будущего времени. Настоящее время своего отдельного причастия не имеет. Значение причастия настоящего времени выражается или описательным путем с помощью причастия прошедшего времени, или же по смыслу глагола, от которого образовано причастие. Притом в образовании причастия ни в будущем, ни в прошедшем времени залоговые или видовые оттенки глаголов никакого значения – ни формального, ни смыслового – не имеют.

Образование причастия от всех залогов и видов глаголов карачаево-балкарского языка одинаково. Оно происходит при помощи одних и тех же аффиксов. Это объясняется, видимо, самим строем глагола, когда все залоговые аффиксы, прибавляясь к глагольной основе, не ломают ее, не изменяют ее формы, как глагольной основы, а присоединяются к ней.

Таким образом, причастие в карачаево-балкарском языке имеет три формы: одна форма прошедшего времени и две формы будущего времени. Особой формы для настоящего времени нет. Значение его выражается описательным путем или по значению причастия прошедшего времени.

Образование причастия прошедшего времени

Причастие прошедшего времени образуется от глагольной основы (повелительного наклонения второго лица единственного числа любого залога) и аффиксов причастия прошедшего време-

ни -гзан, -хан, -нган, -нген, -ген, которые могут прибавляться к основам с отрицанием -ма, -ме и без отрицания. Эти пять форм по сути являются фонетическими разновидностями одного и того же аффикса.

Разнообразие их, как видно из форм, объясняется различием первых согласных звуков гз, х, нг, г и употреблением двух различных гласных звуков а, е. Употребление гласных звуков зависит от того, какой гласный звук предшествует аффиксу причастия (гласный звук переднего или гласный звук заднего ряда, аффикс причастия прибавляется с гласным звуком переднего ряда (е), если же в глагольной основе гласный звук заднего ряда, аффикс причастия присоединяется с гласным звуком заднего ряда (а).

Различие согласных звуков в начальной позиции аффикса причастия зависит от согласных или гласных звуков, на которые оканчивается глагольная основа. Согласный звук нг в начальной позиции аффикса с гласным переднего и заднего ряда бывает всегда в том случае, когда глагольная основа оканчивается на передненебный носовой согласный звук н или на средненебный носовой нг; звук х или к употребляется всегда в том случае, когда глагольная основа с гласным заднего ряда оканчивается на согласные звуки с, ш, ч, б. Ко всем остальным глагольным основам с гласными заднего ряда прибавляется аффикс причастия с согласным звуком в начальной позиции гз, а к глагольным основам с гласными переднего ряда прибавляется аффикс с гласным звуком переднего ряда и с согласным звуком г в начальной позиции. Отсюда можно сделать вывод, что наличие различных согласных звуков в начальной позиции аффикса причастия прошедшего времени зависит от ассимиляции и различных гласных этих аффиксов, от гармонии гласных, которая, как известно, играет исключительную роль в употреблении словообразующих аффиксов.

Образование причастия прошедшего времени на -ген, -нген, -чен

Бер – «дай», *бер* + *ген* – *берген* – «давший», «тот, который дал», «то (что-то), что дали», «тот, которому (что-то) дали». *Берме* – «не

давай», *берме+ген* – *бермеген* – «не давший», «тот, который не дал», «тот (предмет), который не дали» и т. д. *Эт* – «делай», *этген* – «делавший», «тот, который делал». *Этме* – «не делай», *этме+ген* – *этмеген* – «не делавший», «тот, который не делал». *Тиле* – «проси», *тиле+ген* – *тилеген* – «просивший», «тот, от которого просили», «то, что просили» и т. д. *Тилеме* – «не проси», *тилеме+ген* – *тилемеген* – «непросивший», «тот, кто не просил», «то, чего не просили». *Женг* – «переспорь», *женг+нген* – *женгнген* – «переспоривший», «тот, кто переспорил», «то (дело), в котором переспорили». *Женгме* – «не переспорь», *женгме+ген* – *женгмеген* – «непереспоривший», «тот, кто не переспорил», «то (дело), по которому не сумели переспорить» и т. д.

Образование причастий прошедшего времени на -гъан, -хан, -нган

Причастие на -нган образуется от повелительной формы второго лица единственного числа любого залога, если он в основе имеет гласные заднего ряда и оканчивается на *н* или *нг*.

Жан – «гори», *жаннган* – «горевший», «то, что горело» и т. д. *Къон* – «садись» (по-птичьи), *къоннган* – «осевший» (по-птичьи), «то, что или тот, кто сел» (по-птичьи), «то, на что (кто-нибудь) сел» (по-птичьи) и т. д. *Жон* – «строгай» (ножом), *жоннган* – «строгавший», «то, что (кто-нибудь) строгал», «тот, кто строгал» и т. д. *Жууун* – «купайся», *жуууннган* – «купавшийся», «тот, кто купался», «то, в чем (кто-нибудь) купался».

Если эти повелительные основы писать в их отрицательной форме с аффиксом отрицанием -*ма*, то вместо -нган будет произноситься и писаться -гъан, так как тогда *н* теряет свое влияние на начальный звук аффикса причастия прошедшего времени.

Кроме этого случая, -гъан произносится и пишется во всех случаях, когда глагольные основы оканчиваются на звуки *л*, *р*, независимо от того, какой залоговой оттенок имеет основа. *Бар* – «иди», *баргъан* – «шедший», «тот, кто шел», «то, по которому (кто-нибудь) шел», «то, куда (кто-нибудь) шел». *Ал* – «бери», *алгъан* – «взявший», «тот, кто взял», «то, что взял» (кто-нибудь). *Жаз* – «пиши», *жазгъан* – «писавший», «тот, кто писал», «то, что писал (кто-нибудь)», «то, чем писал».

Если из этих залоговых основ образовать взаимный залог или побудительный залог на аффикс *-ш* или *-т*, то вместо аффикса *-гъан* будет аффикс *-хан*, потому что на начальный звук аффикса будут влиять не звуки *л, р, з*, а звук *ш* (взаимный залог) и *т*, который прибавляется к основам наряду с другими аффиксами понудительного залога *-дыр, -дир, дур, -дюр* и т. д.

Аффикс *-хан* употребляется всегда в тех случаях, когда основа имеет гласные заднего ряда и оканчивается на согласные звуки *б, ч, с, ш, т*.

Къач – «убегай», *къачхан* – «убегавший», «тот, кто убежал», «то, когда бежал», «то, куда бежал», «то, откуда бежал» и т. д.

Бас – «дави», *басхан* – «давивший», «тот, кто давил», «то, что давил» (кто-нибудь), «то, что давил» и т. д.

Тутуш – «борись», *тутушхан* – «боровшийся», «тот, кто боролся», «тот, с кем боролся», «то, где боролся», «то, когда боролся» и т. д.

Тарт – «тяни», *тартхан* – «тянувший», «тот, кто тянул», «то, что тянул», «то, когда, где тянул», «то, куда тянул» и т. д.

Как видно из примеров, образование причастия прошедшего времени по своему характеру очень просто. Единственное, что нужно знать, чтобы образовать причастие прошедшего времени в карачаево-балкарском языке – это аффиксы и повелительная форма второго лица единственного числа от любого глагола с любым залоговым значением.

Из примеров видна другая сторона причастия карачаево-балкарского языка – это оттенки значений, которые могут быть выражены одной и той же формой. Тут выражается и деятель, и объект действия, место действия, причина действия, время действия и т. д. Одно причастие в зависимости от контекста может встречаться в многочисленных значениях. Среди этих значений может встречаться и выражение значения причастия настоящего времени, о котором я упоминал выше.

Баргъан адам – «идущий человек», «человек, который шел». *Баргъан жол* – «дорога, по которой (кто-нибудь) шел»; *баргъан жыл* – «год, когда шел», «год, который идет, проходит»; *баргъан жер* – «место, куда (кто-нибудь) шел»; *баргъан иш* – «дело, за которым (кто-нибудь) шел», «дело, которое проходит»; *баргъан чурум* – «причина, в связи с которой (кто-нибудь) шел»; *баргъан суу* – «идущая вода», «вода, которая идет, течет», «вода, к которой кто-то шел» и т. д.

Во всех этих примерах причастие прошедшего времени «бар-гъан» встречается в одной и той же форме и в одном и том же положении, но переводится с различными оттенками шествия, что теснейшим образом зависит от того слова, с которым оно встречается. Точно таким же образом обстоит дело со значениями всех других причастий в карачаево-балкарском языке. Подобный факт с причастием прошедшего времени имеет место не только в одном карачаево-балкарском языке, он встречается в той или иной мере во всех тюркских языках.

«Глагольное имя (так называет автор причастие) на *-ган*, *-ген* является причастием настоящего-прошедшего времени»¹. На этой же странице Н. П. Дыренкова разъясняет дальше: «Глагольное имя на *-ган* передает признак или процесс, который совершается или совершался в настоящее время, начал совершаться в прошлом и продолжается в настоящем, иногда передает процесс или признак, присущий вообще данному предмету».

Это положение профессор Н. К. Дмитриев толкует как пройденный этап в развитии кумыкского языка. Отдельные случаи выражения формой причастия прошедшего времени значения причастия настоящего времени, которые встречаются в кумыкском языке, профессор Дмитриев объясняет как окаменевшие формы причастия прошедшего времени среди причастий настоящего времени.

Он пишет: «Причастием прошедшего времени служит форма на *-гъан* без аффиксов падежей и принадлежности, например: *ал-гъан* – «взявший», «тот, который (кто) взял». *Кел-ген* – «пришедший», «тот, который (кто) пришел», *къач-хан* – «убежавший», «тот, который (кто) убежал», *кет-ген* – «ушедший», «тот, который (кто) ушел...»

«В редких случаях эта форма, исторически обозначающая и прошедшее, и настоящее время, указывает на последнее и стоит вместо *-агъан* (архаическое употребление в старых текстах)»².

Этот вывод делается профессором Н. К. Дмитриевым в связи с тем, что в кумыкском языке, в отличие от других тюркских языков, имеется специальная форма, употребляемая в качестве

¹ Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1940. С. 145.

² Там же. С. 138.

причастия настоящего времени. Аффикс этой формы отличается от формы аффикса причастия прошедшего времени только наличием одного из звуков *а, е, й*, то есть аффиксов настоящего времени изъявительного наклонения.

Если причастие прошедшего времени в кумыкском языке, как и в карачаево-балкарском языке, образуется с помощью *-гъан, -ген*, то причастие настоящего времени в кумыкском языке образуется с помощью *-агъан, -еген, -йгъан, -ген* (не *бар-гъан*, а *абарагъан*, не *келген*, а *келеген*, не *окугъан*, а *окуй-гъан* и т. д.).

По словам самого автора грамматики кумыкского языка, к выводу, что это является особой формой причастия настоящего времени, приходили и другие исследователи тюркских языков, как Т. Н. Макаров – автор грамматики «казахско-татарского языка», П. М. Мелиоранский в работе «Араб-филолог о турецком языке». Несомненно, этот факт является интересным и заслуживает детального изучения его становления, но вывод профессора Н. К. Дмитриева, что наличие в кумыкском языке особой формы для причастия настоящего времени есть следующая ступень развития языка (вспомните цитату, приведенную выше), неубедителен. Мне кажется, наличие перед аффиксом причастия прошедшего времени звуков *а, е, и* объясняется древнейшими отглагольными словообразованиями; это элементы, которые сохранились в двух формах причастия будущего времени и в карачаево-балкарском языке, но об этом ниже. Здесь я хочу привести слова самого профессора Н. К. Дмитриева, написанные в виде возражения П. М. Мелиоранскому в толковании этого вопроса.

«Из названных им (П. М. Мелиоранским. – У. А.) старых работ грамматика «казахско-татарского языка» Макарова (с. 58) уверяет, что «в кумыкском наречии эта форма есть просто причастие настоящего времени и может быть образована от любого глагола наравне с другими формами спряжения». К этому совершенно несомненному теперь тезису Мелиоранский отнесся скептически и стал проверять продуктивность формы на *-агъан* по материалам других языков тюркской системы. Здесь, как и следовало ожидать, оказались только остатки (рудименты) формы и притом с некоторым сдвигом значения в смысле прилагательных, означающих постоянное качество или склонность к чему-либо. При этом чис-

ло корней, от которых сохранились такие формы, ограничено и повторяется во многих языках системы»¹.

При изложении первой цитаты, где говорится, что форма причастия прошедшего времени в кумыкском языке употребляется в старых текстах в значении причастия настоящего времени, что логически выставляет кумыкскую форму причастия настоящего времени как форму новую, и второй цитатой, где говорится, что эта форма является остатком, «рудиментами» и т. д., возникает сомнение в убедительности предположения профессора Н. К. Дмитриева. Скорее, как предполагает Мелиоранский, это является пережитками других словообразований, которые сейчас, в силу известного закона переразложения, принимают новое значение.

Образование причастия будущего времени

Причастие будущего времени в карачаево-балкарском языке, как сказано выше, имеет две формы. Притом одна из них совпадает с формой причастия будущего времени на *-р* в положительных и на *-з* в отрицательных основах некоторых тюркских языков (ногайский, ойротский и др.)

Другая форма подобных себе по морфологической организации не имеет – она является формой причастия будущего времени карачаево-балкарского языка². Эта форма на *-рыкъ*, *-рик*, *-рукъ*, *-рюк*, *-лик*, *-лукъ*, *-люк*, *-лыкъ*, *-ныкъ*, *-ник*, *-нюк*, *-нукъ*, *-ырыкъ*, *-ирик*, *-ерик*, *-арыкъ*, *-урукъ*, *-юрюк*, которые в зависимости от гласных основы и согласных окончаний прибавляются к повелительной основе без аффикса отрицания любого залога. К повелительной основе с аффиксом отрицания прибавляются аффиксы *-злыкъ*, *-злик*.

Смысловая разница между этими двумя формами причастия будущего времени заключается главным образом в том, что причастие на *-р* или *-з* определяет явление со стороны качества, а второе причастие – со стороны долга или обязанности. Например:

¹ Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. Изд-во АН СССР. 1940. С. 156–157.

² Эта форма встречается и в киргизском языке, хотя авторы работ по киргизскому языку не причисляют ее к причастиям.

жазар адам – «человек, могущий писать» (что-нибудь); *жазарыкз адам* – «человек, обязанный писать», «человек, который должен писать» (что-нибудь).

Образование причастия будущего времени на -р

Причастие будущего времени на -р образуется от повелительной формы глаголов второго лица единственного числа без аффикса отрицания при помощи аффикса причастия -р. Притом аффикс -р к основам с гласным окончанием прибавляется без всякого сопутствующего гласного звука.

Окзу – «читай», *окзур* – «тот, кто может читать», «то, что может быть прочитано», «то время, когда можно читать» и т. д.

Сана – «считай», *санар* – «тот, кто может считать», «то, что можно считать», «то что может быть сосчитано».

Жара – «будь пригодным для чего-нибудь», *жарар* – «тот, который может быть пригодным», «то, что может быть пригодным, годится».

Серме – «взмахнись», *сермер* – «тот, кто может взмахнуться», «то, чем можно взмахнуть», «то, на что можно взмахнуть».

Аффикс -р к основам, оканчивающимся на согласный звук, присоединяется с помощью какого-нибудь соединительного гласного звука, качество которого почти всегда зависит от гласных основы. Но встречаются случаи, когда эти гласные звуки являются такими, от которых зависит значение слова. Например: *кзач* – «убегай», *кзачар* – «тот, который убежит», «место, куда может убежать», «причина, от которой можно убежать», «суета, хлопоты, чтобы бежать» и т. д.

По гласному этой основы к ней подходит и другой гласный звук, а именно *ы*, но если мы этот гласный звук напишем вместо *а*, то у нас слово будет иметь другое значение.

Кзач – «убегай», *кзачыр* – «понуди к тому, чтобы (кто-нибудь) убежал», «увези невесту» и т. д.

Кзайыт – «вернись», *кзайытыр* – «тот, который вернется, может вернуться», но *кзайтар* – «верни».

Подобные столкновения почти всегда бывают в тех случаях, когда *ы* – *а* или *и* – *е*, *у* – *ю* вместе со звуком *р* бывают остатками повелительного залога, а именно: -(д) *ыр*, -(д) *ир*, -(д) *ур*, -(д) *юр*. *Кзачыр* образовано от *кзач* -(д) *ыр*; *кзайтыр* – от *кзайыт* -(д) *ыр*. Это столкновение гласных звуков перед аффиксом -р бывает боль-

ше при образовании причастий будущего времени от действительного или среднего залогов, так как по употребляемости так называемые широкие гласные звуки больше всего встречаются в аффиксах, пространственно близких к основе.

Во всех других случаях, когда причастие образуется от всех других залогов, перед аффиксом *-р* всегда бывают только *ы, и, у, ю*, в зависимости от качества гласных предшествующих слогов. Например:

Тарт-ар – «тот, который потянет», «то, что можно тянуть», «то время, когда можно тянуть» и т. д.

Кет-ер – «тот, который уедет», «то, на чем можно уехать», «то куда можно уехать» и т. д. и «уведи», «унеси».

Кзал-ыр – «тот, который останется», «то, где можно остаться», «то, за чем можно остаться».

Ур-ур – «тот, который ударит», «то, что может ударить», «тот, кого можно ударить».

Кюл-юр – «тот, который может смеяться», «то, над чем можно смеяться».

Кел-ир – «тот, который приедет», «то, на чем можно приехать», «то, куда можно приехать» и т. д.

Во всех шести примерах перед аффиксом *-р* имеется шесть гласных звуков (*а, е, ы, у, ю, и*), среди них нет двух других гласных – *ё* и *о*. Эти звуки в карачаево-балкарском языке вообще никогда не встречаются с аффиксами, вместо них бывают *у, ю*, так как они по употребляемости почти никогда в карачаево-балкарском языке не бывают даже дальше первого слога. Эти шесть гласных звуков перед аффиксом *-р* играют роль исключительно соединительных гласных по закону полногласия слова. Если к этим неизменяемым основам присоединить аффиксы залогов, то из среды этих шести соединительных гласных звуков исчезнут и остальные два широких гласных звука *а, е*, их места займут узкие гласные звуки – *ы, и, ю*.

Тартдыыр – «тот, который заставит (кого-нибудь) потянуть», «то, что может быть пригодно к тому, чтобы тянуть».

Кетдиур – «тот, который заставит уйти», «может заставить уйти» и т. д.

Кзалдыыр – «тот, который сделает так, чтобы (что-нибудь, кого-нибудь) оставить», «то, что можно оставить».

Кюлдюрюр – «тот, который может заставить смеяться», «тот, который может насмешить».

Келтирир – «тот, который принесет», «то, что может быть принесено».

Как отмечено выше, аффикс *-р* употребляется только с основами без отрицательного аффикса. С отрицательными аффиксами употребляется только аффикс причастия *-з* и всегда без соединительных гласных звуков, потому что основы с отрицательными аффиксами всегда оканчиваются на гласный звук *а* или *е*.

Тартма – «не тяни», *тартмаз* – «тот, который не потянет» и т. д.

Къалма – «не оставайся», *къалмаз* – «тот, который не останется» и т. д.

Урма – «не бей», *урмаз* – «тот, который не ударит» и т. д.

Кюлме – «не смейся», *кюлмез* – «тот, который не может смеяться», «то, над чем смеяться нельзя» и т. д.

Келме – «не приходи», *келмез* – «тот, который не может прийти».

Причина наличия двух различных аффиксов для образования причастия будущего времени неизвестна, никто этим вопросом не занимался. В работах исследователей карачаево-балкарского языка, как и исследователей других тюркских языков, ничего об этом нет. Вопрос этот интересен еще и тем, что такое строгое разграничение в употреблении *-р* и *-з* проводится и во второй форме причастия будущего времени карачаево-балкарского языка.

Вторая форма причастия будущего времени, как было замечено выше, образуется при помощи четырех групп аффиксов от основ без аффиксов отрицания и одной группы от основ с аффиксами отрицания.

Первая группа аффиксов *-рыкъ*, *-рик*, *-рюк*, *-рукъ* прибавляется к повелительным основам, оканчивающимся на гласные звуки, без аффикса отрицания и только к действительному и среднему залогам.

Окзу – «читай», *окзу-рукъ* – «тот, который должен читать», «то, что нужно читать».

Аша – «кушай», *аша-рыкъ* – «тот, который должен кушать», «то, что предназначено к съедению».

Кюсе – «тоскуй», «жаждай», *кюсе-рик* – «тот, кто должен жаждать» (видеть).

Жюрю – «ход», *жюрю-рюк* – «тот, который должен ходить», «то, куда ходить», «то, где ходить».

Вторая группа аффиксов *-лыкъ, -лик, -люк, -лукъ* присоединяется к повелительным основам, оканчивающимся на согласные звуки *л, р* без аффикса отрицания, и только к действительному, среднему, страдательному и побудительному залогам.

Бар – «иди», *бар-лыкъ* – «тот, который должен идти», «то, куда нужно идти», «то, за чем нужно идти» и т. д.

Ал – «бери», *ал-лыкъ* – «тот, который должен взять», «то, что нужно взять» и т. д.

Бер – «дай», *бер-лик* – «тот, который должен дать», «то, что нужно дать» и т. д.

Кел – «иди сюда», *кел-лик* – «тот, который должен прийти», «то куда нужно прийти» и т. д.

Къур – «настраивай», *къур-лукъ* – «тот, который должен настраивать» (что-нибудь), «то, что нужно настраивать» и т. д.

Бол – «будь», *бол-лукъ* – «тот, который должен быть», «то, что должно быть» и т. д.

Керр – [видь], *кёр-люк* – «тот, который должен видеть», «то, что нужно видеть».

Кюл – «смейся», *кюл-люк* – «тот, который должен смеяться», «то над чем нужно смеяться».

Третья группа аффиксов *-ныкъ, -ник, -нукъ, -нюк* присоединяется к таким повелительным основам, которые оканчиваются на *н* без аффикса отрицания и только к действительному, среднему и возвратному залогам.

Мин – «садись верхом», *мин-ник* – «тот, который должен сесть верхом» и т. д.

Жон – «строгай», *жон-нукъ* – «тот, кто должен строгать», «то, что нужно строгать» и т. д.

Жуун – «купайся», *жуун-нукъ* – «тот, который должен купаться», «то, где нужно купаться» и т. д.

Кёрюн – «покажись», *кёрюн-нюк* – «тот, который должен показаться», «то, что должно показаться», «тот, те, кому нужно показаться».

Абын – «спотыкайся», *абын-ныкъ* – «тот, который должен спотыкаться», «то, обо что должен (кто-нибудь) спотыкаться».

Четвертая группа аффиксов *-урукъ, -рюк, -ирик, -ырыкъ, -арыкъ, -ерик* присоединяется к таким повелительным основам,

которые оканчиваются на *з, ж, б, с, ш, ч, кз, к* без аффиксов отрицания, и только к действительному, среднему и взаимному залогам, а иногда и к понудительному залогу, когда он имеет окончание *т*.

Жаз – «пиши», *жазарыкз* – «тот, который должен писать», «то, что нужно писать» и т. д.

Кет – «уезжай», *кетерик* – «тот, который должен уехать», «то время, когда нужно уехать» и т. д.

Таб – «найди», *табарыкз* – «тот, который должен найти», «то, что нужно найти» и т. д.

Кеб – «высохни», *кеберик* – «тот, который должен высохнуть», «то, что должно высохнуть» и т. д.

Бас – «дави», *басарыкз* – «тот, который должен давить» и т. д.

Такз – «вешай» (вещь), *тагъарыкз* – «тот, кто должен вешать» (пальто), «то, что нужно вешать» и т. д.

Керк – «строгай», *керкерик* – «тот, который должен строгать», «то, что нужно строгать» и т. д.

Тутуш – «борись», *тутушурукз* – «тот, который должен бороться» и т. д.

Чабыш – «беги наперегонки», *чабышырыкз* – «тот, который должен бежать наперегонки», «то место, где нужно бежать наперегонки» и т. д.

Тюйюш – «бейся», «дерись», *түйюшюрюк* – «тот, который должен драться» и т. д.

Келиш – «будь подходящим», *келиширик* – «тот, кто должен подойти» (к чему-нибудь, к какому-нибудь делу).

И пятая группа аффиксов *-алыкз, -алик* присоединяется только к повелительным основам с аффиксами отрицания. Так как все залоговые основы могут иметь и аффиксы отрицания, то эти аффиксы могут встречаться со всеми залоговыми основами.

Кетме – «не уходи», *кетмезлик* – «тот, который не должен уходить», «тот день, когда, нельзя было ехать».

Айтма – «не говори», *айтмазлыкз* – «тот, который не должен сказать», «то, что нельзя сказать».

Аффиксы являются продуктами развития языка. Во всех языках встречаются такие факты, когда отдельные слова в процессе развития или забываются, или принимают другое значение, или, теряя свою самостоятельность, становятся служебными словами или словообразовательными аффиксами. Аффикс, полученный на

основе этого вечного процесса развития, не сохраняет свою форму в неизменном виде, – он изменяется, шлифуется, становится основой другого аффикса, более отшлифованного, более гибкого, продуктивного. Современное состояние образования причастия будущего времени вообще и его аффиксы в частности являются ярким свидетелем этого положения. Одно то, что причастие прошедшего времени имеет один аффикс, а будущего времени для двух форм причастия имеет целых семь форм аффиксов, является подтверждением того, что аффиксы – результат различных морфологических процессов в языках, которые приводят к возникновению различных аффиксов.

Два аффикса образуют, как показано в данном исследовании, первую форму; остальные пять аффиксов образуют вторую форму причастия будущего времени. Наличие пяти различных аффиксов для образования слова в одном и том же значении само по себе говорит о происходящих в данное время процессах образования как самих причастий, так и аффиксов, образующих причастия.

Примеры на образование второй формы причастия будущего времени в приведенном выше виде встречаются в карачаево-балкарском литературном языке. Если обратиться к живому народному говору, то можно встретиться с таким фактом, когда эти причастия не всегда употребляются с перечисленными аффиксами. Образование причастия будущего времени от основы, оканчивающейся на звук *л* или *р*, в живом народном говоре Карачая и Балкарии полностью совпадает с нормой их литературного языка. В живом языке карачаевцев и балкарцев произносится: *бил-лик* – *биллик*; *ал-лыкъ* – *аллыкъ*, *сал-лыкъ* – *саллыкъ*; *кюл-люк* – *кюллюк*; *бол-лукъ* – *боллукъ*; *бер-лик* – *берлик*; *бар-лыкъ* – *барлыкъ*; *тур-лукъ* – *турлукъ*; *сюр-люк* – *сюрлюк*.

Литературная форма образования причастий будущего времени от подобных основ ничем не отличается от формы разговорного языка. Образование этого причастия основывается на общеглагольном корне второго лица, единственного числа и присоединяемом к нему аффиксе: *-лыкъ*, *-лик*, *-лукъ*, *-люк*.

Если взять основы, которые оканчиваются на гласные звуки, то здесь мы можем встретить небольшую разницу в образовании причастия будущего времени между живым говором части балкарцев и их карачаево-балкарским литературным языком. Например:

В живом говоре	В литературном языке
Окѹ-р-лукъ – окѹрлукъ	Окѹ-рукъ – окѹрукъ
Солу-р-лукъ – солурлукъ	Солу-рукъ – солурукъ
Жюрю-р-люк – жюрюрлюк	Жюлюрюк – жюлюрюк
Жюлю-р-люк – жюлюрлюк	Жюрю-рюк – жюрюрюк
Жаша-р-лыкъ – жашарлыкъ	Жаша-рыкъ – жашарыкъ
Аша-р-лыкъ – ашарлыкъ	Аша-рыкъ – ашарыкъ
Тиле-р-лик – тилерлик	Тиле-рик – тилерик

Чтобы образовать вторую форму причастия будущего времени в живом народном говоре, берется общеглагольный корень (повелительная форма 2-го лица, ед. числа), затем прибавляется к нему аффикс первой формы причастия будущего времени *-р* и после него присоединяется аффикс второй формы причастия будущего времени – *-лыкъ, -лик, -лукъ, -люк*. Значит, получается: первая форма причастия + аффикс = вторая форма причастия – словом, причастие образуется от другого причастия. В литературном языке эта форма причастия образуется от общеглагольного корня (повелительная форма второго лица единственного числа) и присоединяемого к нему нового аффикса причастия будущего времени *-рыкъ, -рукъ, -рюк, -рик*. Притом этот новый аффикс сохраняет в себе элементы аффикса *-лыкъ, -лик, -люк, -лукъ*, а именно его вторые два звука: *-ыкъ, -ик, -укъ, -юк*, а вместо утерянного элемента *-л* принимает к себе самостоятельный аффикс первой формы причастия будущего времени *-р*. В результате такого переразложения из аффикса первой формы причастия и аффикса второй формы причастия возникает новый аффикс, употребляемый с определенной группой глагольных корней.

Образование второй формы причастия будущего времени переходит от прежней ступени развития языков, на которой корнем для него было причастие вопреки всем другим отглагольным образованиям, и на новую ступень, на которой общеглагольный корень становится корнем и для второй формы причастия будущего времени.

Это подтверждается еще и тем, что часть балкарцев и все караеовцы эту форму причастия будущего времени на живом языке произносят с новым аффиксом: на *-рыкъ, -рюк, -рукъ, -рюк*.

Если все эти группы новых аффиксов причастия будущего времени сейчас находятся в процессе очищения себя от пережитков и полного господства в языке, то третья группа новых аффиксов *-ныкӡ, -ник, -нукӡ, -нюк* находится сейчас на положении подготовки к неизбежному переходу, чтобы занять свое уже готовое место рядом с первой и второй группами. Если вторая группа новых аффиксов находит свое полное употребление у подавляющего большинства носителей языка карачаевцев и балкарцев, то третья группа новых аффиксов находит свое полное употребление у меньшинства своих носителей. Это обстоятельство имеет определенное влияние и на использование этой группы в едином карачаево-балкарском литературном языке. В одних произведениях мы встречаем этот новый аффикс, в других вместо него произносится еще не переразложенный архаический *-р+лыкӡ, -р+лик; -р+лукӡ; -р+люк*. Притом в употреблении нового аффикса отмечается три линии: 1) линия части балкарцев, 2) линия части балкарцев и всех карачаевцев, 3) линия литературного языка.

Первая линия совпадает с употреблением второй группы аффиксов в живом народном говоре части балкарцев, вторая линия приближается к способу употребления четвертой группы (см. ниже) аффиксов и третья линия к самостоятельному новому способу употребления новых аффиксов, которые присоединяются к общеглагольному корню – к повелительной форме второго лица, единственного числа (см. с. 308).

Как видно из примеров, в первом способе сохраняются и аффиксы первой формы причастия (*р*), и первый аффикс второй формы причастия (*-лыкӡ, -лик, -лукӡ, -люк*). Вторая форма причастия будущего времени образуется от причастия первой формы, следовательно, здесь сохраняется первичный способ образования причастия. Здесь нет такой непосредственности в образовании между глагольным корнем и причастием второй формы, какая имеется в первых двух группах причастий этой формы, в причастии прошедшего времени и в других отглагольных образованиях. Отсюда непродуктивность, неотшлифованность, громоздкость, которые заставляют идти на изменение способов употребления, следовательно, образования и господства в литературном языке. Во втором способе употребления второй формы причастия аффикс причастия первой формы (*р*) сохраняется, а аффикс второй формы причастия изменился: у него не хватает первого зву-

ка л. По закону переразложения аффикс со своим соединительным гласным уже вошел как составной элемент нового аффикса. Таким образом, получился новый аффикс из четырех звуков: -арыкъ, -урукъ, -ирик, -ерик и т. д., полностью совпадающий с четвертой группой аффиксов второй формы причастия будущего времени, отсюда причастие вошло в прямую непосредственность с общеглагольным корнем, как и во всех других случаях. Но он полностью не отшлифован, он громоздок, неудобен для произношения, отсюда и дальнейшая отшлифовка его, отсюда появление нового аффикса на -ныкъ, -нукъ, -нюк, -ник третьего способа употребления. Каким образом появился во второй группе первый звук *р* нового аффикса – нам ясно. Откуда появился первый звук *н* третьей группы аффиксов? На этот вопрос можно ответить легко, если учесть последний звук основ, к которым этот аффикс присоединяется. Известно, что этим звуком является *н*. Звуки *н* и *л* приблизительно одного места образования. Отсюда они очень часто уподобляются друг другу. В связи с тем что в карачаево-балкарском языке ассимиляция носит регрессивный характер, то уподобляется предыдущему звуку *н* последующий звук *л*.

1-й способ употребления	2-й способ употребления	3-й способ употребления
Мин-ер-лик – мннерлик	Мин-ерик – минерик	Мин-ник – минник
Жон-ар-лыкъ – жонарлыкъ	Жон-арыкъ – жонарыкъ	Жон-нукъ – жоннукъ
Къон-ар-лыкъ – къонарлыкъ	Къон-арыкъ – къонарыкъ	Къон-нукъ – къоннукъ
Жан-ар-лыкъ – жанарлыкъ	Жан-арыкъ – жанарыкъ	Жан-ныкъ – жанныкъ
Сын-ар-лыкъ – сынарлыкъ	Сын-арыкъ – сынарыкъ	Сын-ныкъ – сынныкъ
Тын-ар-лыкъ – тынарлыкъ	Тын-арыкъ – тынарыкъ	Тын-ныкъ – тынныкъ
Жууун-ур-лукъ – жууунурлукъ	Жууун-урукъ – жууунурукъ	Жууун-нукъ – жуууннукъ
Илин-ир-лик – илинирлик	Илин-ирик – илинирик	Илин-ник – илинник

Четвертая группа аффиксов второй формы причастия будущего времени имеет способ употребления живого говора части балкарцев со звуком *л* и способ употребления, который принят в литературе. Этим последним способом произносится причастие будущего времени и частью балкарцев и всеми карачаевцами. Если в первых трех группах аффиксов причастия будущего времени аффиксы уже стали самими собой, то в четвертой группе аффикс *-никъ*, *-ник*, *-нукъ*, *-нюк* находится в процессе становления.

Пятая группа аффиксов этого причастия *-злыкъ*, *-злик*, употребляемых в причастиях с отрицаниями, пока никаких признаков изменения не выказывают. Они и в литературе и живых говорах языка карачаевцев и балкарцев встречаются в одной и той же форме.

Таким образом, аффиксы второй формы причастия будущего времени образованы от аффикса *-лыкъ*, *-лик*, *-лукъ*, *-люк* в силу ряда обстоятельств, описанных выше. Развитие их схематически можно представить в следующем виде:

-лыкъ (*рлыкъ*) *-рыкъ* (*рлыкъ*) *-ныкъ* (*арлыкъ*) *-арыкъ* (в отрицательных), *-злыкъ*.

-р + *лыкъ* дали *-рыкъ*; *-ар* + *лыкъ* дали *-ныкъ*; *-ар* + *лыкъ* дали *-арыкъ* и = 3 + *лыкъ* дали *-злыкъ*.

Теперь познакомимся с природой самого аффикса *-лыкъ*, *-лик*, *-лукъ*, *-люк*. Что он из себя представляет? В каких значениях он употребляется? Аффикс *-лыкъ*, *-лик*, *-лукъ*, *-люк* встречается и с существительными. Значение, которое он придает существительным, то же самое, что и в причастиях, т. е. он выражает то, что может быть сделано, что должно быть сделано с тем или другим предметом в будущем. Например: *тон* – «шуба», *тон-лукъ* – «материал для шубы», «то, что должно быть в будущем шубой». *Кёлек* – «рубашка», *кёлек-лик* – «материал для рубашки», «то, что должно быть в будущем рубашкой». *Бичен* – «сено», *бичен-лик* – «будущее сено», «то, что должно быть сеном», «то место, где должно расти будущее сено», т. е. трава. *Ажир* – «жеребец», *ажир-лик* – «то, что должно быть в будущем жеребцом», «будущий жеребец».

Кроме того, аффикс *-лыкъ*, *-лукъ*, *-люк*, *-лык* встречается еще и в значении, когда он производному имени придает значение профессии. Например: *мал* – «скот», *молчи* – «скотовод», *малчылыкъ* – «скотоводство». *Сабан* – «пашня», *сабанчы* – «пахарь», *сабанчылыкъ* – «хлебопашество», «земледелие».

На первый взгляд кажется, что из этих двух значений аффикс *-лыкъ, -лик, -люк, -лукъ* в первом значении, в значении будущности какого-нибудь предмета, стоит ближе к причастию, чем во втором значении. На самом же деле это не так. Во всех значениях аффикс *-лыкъ, -лик, -лукъ, -люк* выражает приблизительно смысл слова русского языка «сторонник», «поклонник».

Малчылыкъ – дело, которое держит сторону занятия скотом. *Сабанчылыкъ* – дело, которое поддерживает сторону занятия земледелием. *Тонлукъ* – материал, который по своему предназначению «поддерживает, является» сторонником того, чтобы быть шубой. *Бёрклюк* – материал, который по своему предназначению «поддерживает» сторону того, чтобы быть шапкой. Эти существительные по своему значению благодаря аффиксу настолько близки к причастиям будущего времени, что иногда даже теряется грань между ними независимо от того, от какой части речи они образованы – от существительного или глагола.

Если бы от существительных с этими аффиксами можно было бы образовать такое слово, которое бы могло передать время, как мы образовали от глагольной основы причастие, то можно было бы сказать, что это причастие будущего времени. Но таких фактов не встречается, они остаются существительными.

Если такое образование с первой формой причастия будущего времени (а причастие, вообще, недалеко от существительного), оно будет выражать, так же как и с существительными, значение будущего какого-то деятеля, того, который должен быть чем-то или то, что должно чем-то стать.

Жазар – «тот, который может написать», *жазарлыкъ* – «тот, который в будущем должен быть таким, чтобы написать что-нибудь».

Такое явление мы встречаем и в других языках, хотя в них в качестве этого аффикса выступает не *-лыкъ*, а аффикс другой формы.

Известно, что в кумыкском, азербайджанском и других языках тюркской системы для причастия будущего времени употребляется аффикс *-(а) жакъ, -(е) жек*.

Если форма на *-агъан* передает специфическое содержание (отглагольного имени + причастие) для настоящего времени, а форма на *-гъан* – для прошедшего времени, то для будущего имеется

форма на *-жакъ*. По существу, это причастие будущего времени с присущими ему аффиксами: *-ажакъ* (после согласных) и *жакъ/жек* (после гласных)¹.

«Форма на *йыкъ, йек, айек, ||аджакъ, ейек||еджек* С. Н.; *айакъ, ейек* К. Н.: напр., *барайакъ* (барайакъ; А. Н. С.) – «долженствующий идти»; *келейек* – «долженствующий прийти» и др., т. е. в значении причастия будущего времени определенного или долженствова- тельного времени»².

Он встречается в карачаево-балкарском языке как существительное «сторона», «сторонник». В этом же значении слово *жакъ-йакъ* встречается в ногайском, кумыкском, татарском, турецком и других тюркских языках, например: в русско-татарском словаре написано: сторона – «йак» (Татгиз, 1939. С. 581); «*јак*», по латинской транскрипции, «*йакъ*» – по русской транскрипции. *Йакъ* – «сторона» в других тюркских языках произносится *жакъ*: *й* переходит в *ж*. Таким образом, в карачаево-балкарском языке для образования причастия будущего времени применяется только аффикс (*-лыкъ, -люк, -лик, -лукъ*), в кумыкском, ногайском, татарском и других языках целое слово – *жакъ, -йакъ* – «сторона». И аффикс, и слово в роли аффикса выражают одно и то же значение.

Сравним причастие будущего времени в карачаево-балкарском языке с причастиями других языков тюркской системы.

Карач.-бал- карский	Кумыкский	Ногайский	Перевод
келлик	кележек	келейек	тот, который должен прийти
кетерик	кетежек	кетейек	тот, который должен уйти
аллык	алажакъ	алайакъ	тот, который должен взять
берлик	бережек	берейек	тот, который должен дать

Между кумыкским *-жакъ, -жек* и ногайским *-йек, -йакъ* разницы нет. Замена звука *ж* в кумыкском звуком *й* в ногайском является результатом чередования этих звуков в двух тюркских языках. Разница между аффиксами карачаево-балкарским и ку-

¹ Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. Изд-во АН СССР. 1940. С. 158.

² Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. 1940. С. 90.

мыкско-ногайским, по существу, является только формальной. Смысловое единство этих причастий свидетельствует о единстве порядка образования причастий от одних и тех же глагольных корней, но различными только по форме аффиксами. Мы со значением и употреблением аффикса *-лыкъ* знакомы, что же собой представляет *-жакъ*, *-жек*, именно в значении «сторона», «сторонник», в других тюркских языках? Чтобы ответить на этот вопрос, проследим употребление *-жакъ*, *-йакъ*. Употребление *-жакъ*, *-йакъ* напоминает собой употребление *-лыкъ*, *-лик*. Как мы видели выше, аффикс *-лыкъ*, *-лик* присоединяется к первой форме причастия будущего времени. В связи с этим аффикс *-лыкъ*, *-лик* видоизменился как в сторону наслоения своих звуков (*-ерлик*, *-ырлыкъ*), так и в сторону изменения своих звуков (*-нукъ*, *-ныкъ*). Не имеется ли подобное явление и в употреблений аффикса *-жакъ*, *-жек*, *-йакъ*? Факты говорят, что на этот вопрос нужно ответить положительно.

Фактом изменения своих звуков является то, что в ногайском языке встречается и *-жакъ*, и *-йакъ*. Если взять этот аффикс в кумыкском и ногайском языках, то и здесь мы замечаем факт этого изменения: в кумыкском *-жакъ*, в ногайском *-йакъ*. Подобное изменение объясняется само по себе, т. е. употребление звука *й* вместо *ж*. Фактом наслоения новых звуков является то, что *-жакъ*, *-йакъ* встречается и в виде *-ажакъ*, *-айакъ*. Не является ли *-а* в *-ажакъ*, *-айакъ* остатком первой формы причастия будущего времени на *-р*? Это несомненно, во-первых, потому, что слово *жакъ*, *йакъ* существительное, а оно не могло присоединиться к чисто глагольному корню, во-вторых, как показывают живые факты карачаево-балкарского языка, подобное причастие могло образоваться только от более архаичных причастий, которые выражали комплексное значение и деятеля, и объекта действия, и цели действия, и причины действия, и качества действия, и вообще действия, каковым является причастие на *-р*. И оно, это образование нового причастия, могло начинаться не тогда, когда подобное причастие употреблялось только в одном значении, в значении причастия, а когда оно начало принимать на себя значение и глагола без особого оформления. В турецком, азербайджанском, туркменском языках форма на *-р*, *-з* является глаголом настоящего времени. В третьем лице единственного числа

она полностью совпадает с причастием первой формы будущего времени в карачаево-балкарском языке (*гелир* – «приходит», *гелир + им* – «я прихожу», *гелир+син* – «ты приходишь», *гелмез* – «не приходит», *гелме(з)-м* – «я не прихожу», *гелмез-син* – «он не приходит»).

Встречается разнობой в значении, когда одна и та же форма от одних и тех же корней, с одними и теми же аффиксами в одном тюркском языке (карач.-балк., ногайск., ойротск.) выражает причастие будущего времени или глагол будущего времени. *Келир* – причастие будущего времени (см. выше), *келир* – «он придет», глаголы третьего лица, единственного числа в карач.-балк. языке, и в других тюркских языках выражает настоящее время глагола (турецкий, азербайджанский). Видимо, здесь и кроется причина его особой глагольно-именной природы.

В доказательство этому можно сделать сравнение этих общих форм в настоящем, будущем времени между языком турецким, ойротским, ногайским и карачаево-балкарским.

Языки	Настоящее время	Будущее I время	Будущее II время	Причастие
Турецкий	гелир	—	геле(р)жек гележекидим	—
Ойротский	келе(р) т келет	келер	келе(р)тем келетем	келер
Ногайский	гелер	гелер	геле(р)дикен келедикен	гелер
Карач.-балкарский	келе(р)ме кеleme	келе(р)ийм келейим	кел(ир)ликме келликме	келир

Вероятно, эта форма когда-то была в значении неопределенной формы глагола с именным оттенком, которая с помощью различных аффиксов или вспомогательных слов выражала то прошедшее, то настоящее, то будущее время, но частота употребления в турецком и азербайджанском языках закрепила ее

за настоящим временем, а в карачаево-балкарском, ойротском, ногойском языках – за причастием будущего времени, притом она в прошедшем видоизменилась, изменилась также и в будущем времени. При подобном изменении отпали все изобличающие звуки и остались звуки, которые в той или иной форме, благодаря той или иной потребности вошли в состав новых аффиксов. Этим, видимо, объясняется наличие гласных звуков, вызывающих разногласие в толковании, с аффиксом прошедшего времени -гъан, -агъан, и в настоящем времени в карачаево-балкарском глаголе жаза+ма – «я пишу», и в аффиксах причастий будущего времени на -арыкъ – айкаъ, как показано выше. Причастие будущего времени на -р и по сей день сохранило свою популярную роль в образовании изъявительного наклонения в настоящем и в будущем времени, а причастие будущего времени имеет именное значение. Здесь, видимо, и кроется причина того, что аффикс существительных -лыкъ, -лукъ, -лик, -люк мог употребляться в роли аффикса, образующего причастие. Этим также должно объясняться употребление в качестве аффикса причастия существительного -жакъ, -йакъ – «сторона» в других тюркских языках.

В карачаево-балкарском языке имеется аффикс -лыкъ, -лукъ, -лик, -люк, рядом с ним как самостоятельное слово имеется и -жакъ. Они имеются и в других тюркских языках. Независимо от этого в карачаево-балкарском языке в роли аффикса причастия употребляются -лыкъ, -лик, -лукъ, -люк, в других же языках в этой роли использовано слово жакъ. Это объясняется в одном и том же значении частотой употребления в том или другом языке того или другого слова – аффикса.

Таким образом, можно предположить, что аффикс будущего времени -жакъ, -йакъ этимологически является словом жакъ, йакъ – «сторона», «бок». Но существует мнение, что аффикс -жакъ, -йакъ этимологически происходит от слова чак.

В современных тюркских языках чак – «время». Мы говорим жылны чакълары – «времена года», но, мне кажется, мы жылны чакълары переводим на русский язык не совсем точно. По-русски говорят «времена года», на карачаево-балкарском языке – жылны чакълары.

Когда перед нами встает потребность перевода на русский язык, мы, не задумываясь над оттенком значения, пользуемся готовым штампом «времена года», исходя же из этого не совсем

точного перевода, строим свои научные заключения. Если обратить внимание на оттенки значения *жылны чакълары*, то становится вполне очевидным, что это не «времена года» в полном смысле этого слова, а «стороны года» в значении «времена года».

Другим не менее важным фактом, подтверждающим это, является другое слово – послелог *чакълы* – «размером, величиной такой, как», «количеством столько, сколько», вернее, «по размеру, величине, поддерживающий то-то», «по количеству поддерживающий (столько-то)». В общем *чакъ*, *чакълы* вполне может происходить от *-жакъ*, *-йакъ*.

Все эти три слова являются своего рода вспомогательными именами с оттенком указывания на какой-то другой предмет, направления внимания для сравнения на другое явление.

Гипотетически можно доказать, что *-жакъ*, *-йакъ*, *чакълы* одного происхождения. Притом в качестве аффикса слово *жакъ* сохранилось гораздо лучше, чем в значении послелога или слова *чакъ*. Что же тогда могло служить основой аффикса причастия прошедшего времени *-гъан*? Нельзя ли найти то слово, от которого получился аффикс *-гъан*? Я склонен думать, что можно. Этим словом является, можно предположить, синоним слова *жакъ*, *жан*, которое тоже употребляется в значении «сторона», «бок», показывает направление; *жан*, *чан*, *йан* употребляется почти во всех тюркских языках как «сторона», «бок». Разница же в первых звуках значения не имеет, потому что звук *ж* в тюркских языках всегда переходит в звук *й*, если взять фонетику европейских языков, то здесь мы находим чередование *г-ж*, *ж-г*. Например, русское «бег» – «бежать», «бог» – «боже» и т. д. Следовательно, нам нетрудно допустить переход звука *ж* в *жан* в звуке *гъ* в тюркских языках, а если это допустить, то слово *жан* может легко превратиться в аффикс *-гъан*. В туркменском языке аффикс *-гъан* имеет форму *-йан*, раз *-йан* это означает *жан* – «сторона», «бок». Мне кажется, с этими *жан* – *жакъ* связана и форма дательного-направительного падежа.

Местный падеж показывает место в пространстве и времени. Дательного-направительного падеж показывает место, направление в пространстве и времени. *Жан-жак* показывают направление в пространстве, они могут с таким же успехом указывать направление и во времени, так как видно, это не единичный случай в тюркских языках.

Если учесть все это, то можно пока предположить, что аффиксы причастий прошедшего и будущего, а в кумыкском и настоящего времени образованы от двух синонимических слов *жан-жак*, *чак*. Притом первое образует причастие прошедшего, второе – будущего времени.

Почему *жан* – прошедшее, а *жакъ* – будущее, невозможно сказать.

Причастие прошедшего времени с аффиксом наличия -лы, -ли

Наряду с употреблением с аффиксами множественного числа и с притяжательными аффиксами и с падежными окончаниями, причастие прошедшего времени употребляется и с другими аффиксами, придающими ему тот или другой оттенок значения и форму. Одним из этих аффиксов является аффикс наличия -лы, -ли, употребляемый и с производными прилагательными.

Таш жол – «каменная дорога», *ташлы жол* – «каменистая дорога».

Агъач жер – «лесное место», *агъачлы жер* – «лесистое место».

Туз суу – «соленая вода» (расплавленная соль), *тузлу суу* – «соленая вода».

Суу жер – сырое место, *суулу жер* – место, где имеется вода.

Прилагательное, к которому присоединяется аффикс -лы, -ли, -лю, -лу, показывает, что в определяемом предмете имеется в определенном количестве то, что показывается им определением. Так, *жол* – «дорога по сплошному камню», *ташлы жол* – «каменистая дорога», «дорога, на которой имеются камни».

Аффикс -лы, -ли, присоединяясь к причастию прошедшего времени, придает оттенок значения наличия основного действия причастия в придаточных конструкциях к тому времени, когда начинает производиться действие другого глагола или причастия в главном предложении. Отсюда и объяснение причины выражения времени причастием с аффиксом наличия -лы, -ли.

Кергенли – «с тех пор как видели», «с тех пор как наличествует тот факт, что видел (кто-то)».

Билгенли – «с тех пор как узнал», «с тех пор как наличествует тот факт, что узнал».

Келмегенли – «с тех пор как не приезжал», «с тех пор как наличествует тот факт, что не приехал».

Кетмегенли – «с тех пор как не уезжал», «с тех пор как наличествует выезд».

В придаточных конструкциях:

Жауун жаумагъанлы, он кюн болду – «с тех пор как наличествует тот факт, что не идет дождь, прошло десять дней», «с тех пор как не идет дождь, прошло десять дней». *Таукан кошха кетгенли. Мусса бери келмегенди* – «с тех пор как наличествует тот факт, что Таукан уехал на кош, Мусса к нам не приезжал», «с тех пор как Таукан уехал на кош, Мусса к нам не приходил».

Аффикс *-лы, -ли* встречается и в других языках тюркской системы с причастиями прошедшего времени. Он встречается в кумыкском языке, но причастие с этим аффиксом в «Грамматике кумыкского языка» профессором Дмитриевым относится не к причастиям, а к деепричастиям. Профессор Дмитриев пишет: «Деепричастие на *гъанлы* звуковые варианты аффикса: *гъанлы/генлы* (после звонких) и *къанлы/кенли* после глухих, а так как группа *н + л-* в кумыкском произношении обычно ассимилируется в *лл*, то фактически имеем: *гъанлы/геллы* и *къаллы/келли*; на письме отмечается только два варианта: в форме *гъанлы/генлы*.

По значению это деепричастие указывает на обстоятельство времени с указанием его исходного пункта и по-русски может быть переведено только полным предложением со специфическим союзным речением: «с тех пор как...», «с того момента, как...». Употребляется это деепричастие, главным образом, только в положительной форме»¹.

Эта форма имеется и в ойротском языке. Дыренкова в «Грамматике ойротского языка» тоже ее относит не к причастиям, а к деепричастиям. Она пишет без всякого толкования: «Аффикс: *калы – кели* – после основ на глухие согласные: *откалы, кеткели, туткалы, кечкели, аткалы*.

Галлы – гели – после основ на гласные и звонкие согласные *м, н, нъ, р, л, й*: *баргалы, келгели, алтагалы, иштегели*»² и т. д.

Как отмечает профессор Дмитриев в «Грамматике кумыкского языка», этот аффикс в турецком языке имеет форму даже *алы/ели*.

Эти примеры показывают, что форма причастия прошедшего времени плюс аффикс *-лы, -ли* имеется и в других тюркских языках.

¹ Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. С. 144.

² Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. С. 139.

Но почему одни исследователи отдельных тюркских языков эту форму называют причастием, а другие деепричастием? Это объясняется только тем, что те, которые называют причастием, учитывают образование ее, те же, которые называют деепричастием, учитывают вопрос, на который она отвечает. Если учитывать вопрос, на который отвечает в предложении то или другое слово, надо все существительные в дательном, местном и исходном падежах тюркских языков назвать наречиями, потому что они отвечают на вопросы «куда?», «где?», «откуда?».

Второе, деепричастие образуется непосредственно от глагола, от его повелительной формы второго лица единственного числа – всеобщего корня отглагольных образований в тюркских языках. Следовательно, те исследователи, которые эту форму называют деепричастием, забывают это всеобщее утверждение и образуют деепричастие от причастия прошедшего времени прибавлением аффикса *-лы, -ли*.

Третье, это то, что аффикс *-лы, -ли* к чисто глагольным формам никогда ни в одном тюркском языке не присоединяется – он присоединяется только к именным формам слов, а причастие прошедшего времени на *-ган, -ген* является глагольно-именной формой, в чем мы убедились выше. Следовательно, эта форма является причастием с аффиксом *-лы, -ли*, которая в предложении отвечает на вопрос «с каких пор?» и встречается только в придаточных конструкциях сложноподчиненных предложений.

В отношении образования этой формы профессор Дмитриев и Н. П. Дыренкова вводят путаницу, рассматривая два аффикса не в историческом их образовании, а отдельно, как отдельные аффиксы, не связанные друг с другом исторически *-ганлы – -галы*. Исходя из этого смешения, профессор Дмитриев в «Грамматике кумыкского языка» (с. 144, 145) сам становится в тупик, пытаясь вывести кумыкское *-гъанлы, -генли* от тюркского *-гъалы, -гели* и от турецкого *-алы, -ели*.

Он пишет: «Исторически нашему деепричастию в других языках тюркской системы соответствует форма на *гъалы/гели* (турецкое *алы/ели*), которая имела значение исходного пункта во времени для другого действия, а также имела смысл латинского супина с обозначением цели». Выводить кумыкское деепричастие из этой исторической формы нельзя, так как весьма трудно объяснить, почему из

аффикса *гъанлы/гели* по-кумыкски получилось целых 4 варианта: *гъанлы (гъаллы)/кенли (келли)* и *къанлы (къаллы)/ кенли (келли)*.

Остается думать, что кумыкское деепричастие образовалось от лежащей в основе всего кумыкского синтаксиса формы на *гъан* через прибавление *-лы/-ли*; в результате вторичного фонетического процесса группа *н-л* дала *лл*. Несомненно, что последнее правильно. Но почему же тогда не сказать, что кумыкское *-гъанлы* является тем историческим, от которого получилось *-алы, -ели*.

По всем фактам, которые связаны с этой формой причастия, дело обстоит наоборот. Не «тюркское» или «турецкое», а «кумыкское и карачаево-балкарское» *-гъанлы, -генли* с разновидностями *-ханлы, -нгенлы, -нгенли* является тем историческим, от которого образовались и *-гъалы, -гели* ойротского языка, и *-алы, -ели* турецкого языка.

Айтхан – *айтханлы* – «с тех пор как сказал (кто-нибудь)».

Келген – *келгенли* – «с тех пор как приехал (кто-нибудь)».

Такъкъан – *такъкъанлы* – «с тех пор как повесил (шубу)».

Миннген – *маннгенли* – «с тех пор как сел (верхом)».

Къоннган – *къоннганлы* – «с тех пор как ел (по-птичьи)».

Таблица образования причастия с аффиксом наличия

Причастия на <i>гъан – ген</i>	Карач.- балк.	Кумыкское	Ойротское	Турецкое
къалгъан	къалгъанлы	къалгъанлы	калга(н)лы	къал(гъ)а(н)ли
келген	келгенли	келгенли	гелге(н)ли	гел(г)е(н)ли
кетген	кетгенли	гетгенли	гетге(н)ли	гет(г)е(н)ли
баргъан	баргъанлы	баргъанлы	барга(н)лы	бар(гъ)а(н)ли
жазгъан	жазгъанлы	язгъанлы	язга(н)лы	яз(г)а(н)ли
керген	кергенли	гергенли	герге(н)ли	гер(г)е(н)ли
жатхан	жатханлы	ятханлы	ятха(н)лы	ят(х)а(н)лы

Таким образом, аффиксы *-гъан-лы* при совместном произношении, претерпев ряд фактов ассимиляции и ряд фактов выпадения звуков, от *гъанлы* дошли в своем совместном употреблении до неузнаваемого *алы-, ели*: *гъанлы – гъаллы – галы алы; генли – гелли – гели – ели*.

В *-гъанлы, -генли* оба аффикса сохранены полностью, *-гъаллы-гелли* факт ассимиляции *н* в *л* (*лл*), в *-галы-гели* ослабление долгого *лл*, а в *-алы, -ели* выпали звуки *-гъ, -г*. Следовательно, можно это назвать результатом сложной ассимиляции не только звуков, но разложением двух отдельных аффиксов. Другой факт, который беспокоит профессора Дмитриева: почему кумыкский язык имеет целых четыре варианта: *гъанлы/генли* и *къанлы/кенли*, зависит от тех звуков, на которые оканчивается та или другая глагольная основа. При глухом взрывном конце *къанлы/кенли*, при звонком конце *гъаллы/генли*, при носовом конце и шестой вариант, который профессор Дмитриев не отмечает – *нганлы/нгенли*.

Четвертое, в карачаево-балкарском языке аффиксы *-лы, -ли* встречаются и с причастиями, которые имеют аффиксы отрицания: *келгенли* – «с тех пор как приехал», *келмегенли* – «с тех пор как не приезжал». Аффикс *-ли* с причастиями будущего времени не встречается.

Причастие прошедшего времени с аффиксом отсутствия *-чы, -чи -чу, -чу*

Если аффикс *-лы, -ли*, прибавляясь к причастию, выражает наличие действия к моменту начала главного действия в главном предложении, то аффикс *-чы, -чи*, прибавляясь к причастию прошедшего времени, в противоположность к *-лы, -ли*, выражает отсутствие действия в придаточном, когда производилось действие в главном предложении, т. е. если аффиксы *-лы, -ли* выражали наличие действия в придаточном предложении к тому моменту, когда начинается действие главного предложения, то аффиксы *-чы, -чи* выражают отсутствие действия в придаточном предложении к тому моменту, когда должно было кончиться действие главного предложения.

Келгенли – «с тех пор, как приехал».

Келгинчи – «до того, как приехал».

Мен бери келгенли, институтда окъуйма. – «С тех пор как я приехал сюда, учусь в институте».

Мен бери келгинчи, школда окъуб тургъанма. – «До того, как я приехал сюда, учился в школе».

Так же, как форма на *-лы, -ли*, форма на *-чы, -чи, -чу, -чю* имеет-ся и во всех тюркских языках. Но и эту форму, как и форму на *-лы, -ли* относят к категории деепричастия. Несомненно, это мнение тоже ошибочно, ибо форма на *-чы, -чи* образована от архаичного причастия прошедшего времени, но здесь интересны другие фак-ты, имеющиеся в живом карачаево-балкарском языке.

1. Для выражения наличия действия к моменту основного дей-ствия главного предложения использованы аффиксы *-лы, -ли*, употребляемые, как показано выше, и в прилагательных. Для вы-ражения же отсутствия придаточного действия к моменту начала главного действия использован не тот аффикс, которым пользует-ся в прилагательных для этой цели (*-сыз, -сиз*), а другой, новый: *-чи, -чу*. Оказывается, если к причастию прибавить аффиксы *-сыз, -сиз*, то получается столкновение двух значений. Получается со-впадение форм изъявительного наклонения с формой выраже-ния отсутствия действия. Например: *Келгенсиз* – «вы приехали», а не «до того, как он приехал» (*кел* – основа, *-ген* – аффикс прошед-шего времени, а *сиз* – окончание второго лица множественного числа и аффикс отрицания в прилагательных; *ташлы* – «каме-нистая», *ташсыз* – «некаменистая»). Можно предположить, что такое столкновение и является основной причиной использова-ния языком других возможностей для выражения этого значения причастия прошедшего времени.

2. Аффикс имеет две формы: *-чы, -чу, -чю, -чи* и *-чынга, -чунга, -чинга, -чинге, -чюнге*, которые употребляются в одном и том же значении.

3. Аффиксы *-чы, -чу, -чи, -чю* и *-чынга, -чунга, -чинге, -чюнге* упо-требляются еще и с послелогом *дери*; это на русский язык пере-водится точно предлогом «до», а к *дери*, так же как к причастию, может присоединяться аффикс *-и*.

Посмотрим эти формы:

Келгинчи – «до того, как приехал», «до того, пока не приехал».

Бергинчи – «до того, как отдал», «до того, пока не дал».

Жаугъунчу – «до того, как пошел (дождь)», «до того, пока не по-шел дождь».

Къысхынчы – «до того, как прижал», «до того, пока не прижал».

Кёргюнчю – «до того, как увидел», «до того, пока не увидел».

Кёлгинчинге – «до того, как приехал», «до того, пока не приехал».
Бергинчинге – «до того, как отдал», «до того, пока не отдал».
Жаугъунчуннга – «до того, как пошел дождь», «до того, пока не пошел дождь».

Къысхынчыннга – «до того, как прижал», «до того, пока не прижал».
Кёргюнчюннге – «до того, как увидел», «до того, пока не увидел».

<i>Къысхынчыннга дери</i>	<i>Къысхынчыннга деричи</i>
<i>Кёргюнчюннге дери</i>	<i>Кёргюнчюннге деричи</i>

Такое наслоение аффиксов и послелогов теоретически можно довести до абсурда, например: *келгинчи* – *келгинчин* – *келгинчиннге* – *келгинчиннге дери* – *келгинчиннге деричи* – *келгинчиннге деричин* – *келгенчиннге деричинге дери* – *келгинчиннее деричиннге дери* и т. д. в одном и том же значении. Окончание *-нге* и в причастии, и в послелого – окончание дательного падежа; что значит *чин* или *чи* – сказать трудно, но можно предположить, что это измененный послелог *ичи*.

Несомненно, в этом отношении мы имеем дело с рудиментарными фактами, потерявшими первоначальное значение, но не исчезнувшими еще из живого карачаево-балкарского языка.

4. Следующим вопросом, вызывающим интерес, является то, что эта форма с аффиксом отрицания *-ма*, *-ме* в карачаево-балкарском, кумыкском не встречается, в ойротском встречается и с отрицанием (см.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. Раздел «Деепричастие предела в будущем»). И наконец, обычный аффикс причастия прошедшего времени в этой форме меняет свой гласный звук и вместо *-гъан* читается *-гъын*, вместо *-ген* – *-гин* и т. д.

По этому вопросу профессор Дмитриев пишет: «В более старом (особенно письменном) языке вместо этой формы (*гъанча*, *-генче*. – У. А.) употребляется более архаичная, с тем же аффиксом в отношении согласных, но с иными (узкими) гласными, т. е. форма на *гъынча/гинче*, *гъунча/гюнче* и *къынча/кинче*, *къунча/кюнче* (после глухих). По существу, эти формы одинаковы.

Первая восходит к форме на *гъан/ген* – *къан/кен*, о которой см. в следующем отделе, а вторая восходит к форме *гъын/гин* – *къын/кин* и *гъун/гюн* – *къун/кюн*. Формы на *гъан* и т. д. и на *гъын* и т. д. родственны по значению и по происхождению: последняя лишь указывает на более статическое понятие и подходит ближе к прилагательному типа русских «беглый, лежащий, стоячий»; а первая

содержит в себе больше динамичности и может быть отнесена к разделу причастия типа русских «бегущий, лежащий, стоящий».

В большинстве тюркских языков вторая форма сведена к категории рудиментарных образований.

Причастие прошедшего времени с аффиксом -лай, -лей

Причастие прошедшего времени с аффиксом -лай, -лей или редко -лайына, -лейине употребляется в четырех значениях: первое – оно показывает конец действия в придаточном и немедленное начало действия в главном предложении. Второе – оно показывает непрерывность дополнительного действия в предложении даже тогда, когда оно должно кончаться; третье – оно выражает способ сравнения, уподобления главного действия дополнительному; четвертое – оно с аффиксом отрицания будет выражать подверженность к невыполнению действия.

Все эти четыре значения определяются контекстом и самим глаголом, который лежит в основе причастия с аффиксом -лей, -лай. В первом значении, в значении, когда конец дополнительного действия является немедленным началом главного действия в сложноподчиненных предложениях, эта форма причастия переводится на русский язык союзным речением «как только...» или союзом «едва». Если же в такой форме причастие будет иметь отрицание, то она будет выражать невозможность начала главного действия в связи с тем, что нет дополнительного создающего или показывающего состояние действия, т. е. условия. Таким образом, это становится конструкцией значения.

Шок атылганлай, кьоян жыгылды. – «Как только получился ружейный выстрел, заяц упал».

Шок атылмаганлай, кьоян кьайдан жыгылсын. – «Ружейный выстрел не получился, разве заяц упадет», «если ружейного выстрела не получилось, как может упасть заяц», «если выстрел ружья не получился, откуда может упасть заяц».

Кюн тийгенлей, чыкь кзуруду. – «Как только взошло солнце, высохла роса».

Кюн тиймегенлей, чыкь кзурумайды. – «Если солнце не взошло, то роса не высыхает (обычно)», «если солнце не взошло, роса не высохнет».

Во втором значении, в значении непрерывности дополнительного действия, она переводится на русский язык или наречием типа «бегом», «галопом», «воем», если нет отрицания в причастии, или деепричастием и такими наречными выражениями, как «без посадки», «беспрерывно» и т. д.

Полина Осипенко Совет Союзу бир жанындан бир жанына кзон-магъанлай учхан эди. – «Полина Осипенко с одного конца Советского Союза до другого конца долетела без посадки».

Осман чабханлай элге кириб кетди. – «Осман бегом вошел в аул».

Бёрю улугъанлай тангнга дерн турду. – «Волк с воем продержался до утра».

В третьем значении, в значении сравнения одного действия с другим, эта форма на русский язык переводится словами «словно», «как», «подобно», «так, как», «так, словно».

Алий жырлагъанлай жырлады. – «Сел, как Алий».

Алий булбул жырлагъанлай жырлай эди. – «Алий пел, как соловей поет», «так, как соловей поет».

В третьем значении аффикс *-лай, -лей* употребляется и с именами существительными. Это, видимо, объясняется, с одной стороны, тем, что причастие и имена существительные – именно формы языка, с другой же, в связи с тем, что нет необходимости повторять одно и то же слово два раза в одном предложении.

Алий булбуллай жырлады; Алий булбул жырлагъанлай жырлады. – «Алий спел, как соловей», «Алий спел, как соловей поет».

Бёрюлей улума, Мусса. – «Не вой, как волк, Мусса».

В этом значении вместо *-лай, -лей* больше употребляется аффикс *-ча*, но об этом ниже.

В четвертом значении эта форма переводится на русский язык условными предложениями или предложениями, в которых начало главного действия зависит от конца второго действия, но одно не делается – значит, является причиной несвершения второго.

Махмуд келмегенлей, биз къалай кетейик. – «Махмуд не приехал, как мы можем ехать».

Шкок атылмагъанлай, къоян къайдан жыгъылсын. – «Если ружейного выстрела не получилось, откуда зайцу падать».

Изменение причастий с аффиксом *-лай, -лей* очень простое. К причастию прошедшего времени с отрицанием или без отрицания прибавляется аффикс *-лай, -лей*.

Келген-лей – «как только приехал...».

Келмеген-лей – «не приезжая», «если не приехал...».

Кетген-лей – «как только уехал...».

Кетмеген-лей – «не уезжая», «если не уехал...».

Алгъан-лай – «как только взял...».

Алмагъан-лай – «не бери», «если не взял...».

Аффикс *-лай, -лей*, может прибавляться к причастию прошедшего времени и с притяжательным аффиксом 1-го, 2-го лица единственного числа.

Келгенимлей – «как только я приехал...».

Кетгенинглеи – «как только ты уехал...».

Жазгъаныбызлай – «как только мы написали...».

Окзугъаныгъызлай – «как только вы прочитали...».

Причастие в этой форме может измениться и дальше: к *-лай, -лей* с конца их может прибавляться *-н*.

Ачханымлайын – «как только я открыл...».

Жабханынглайын – «как только ты закрыл...».

Олтургъаныбызлайын – «как только мы сели...».

Кзобханыгъызлайын – «как только вы встали...».

В этой форме причастие карачаево-балкарского языка может присоединить к себе форму дательного падежа.

Жатханымлайына – «как только я лег...».

Тургъанынглайына – «как только ты встал...».

Кзачханыбызлайына – «как только мы убежали...».

Кзайытхыныгъызлайына – «как только вы вернулись».

Все эти причастия оформляются еще и по-другому. Это является фактом формального расхождения между карачаевским и балкарским диалектами карачаево-балкарского языка. Примеры, приведенные выше, даны в балкарском оформлении. В карачаевском оформлении они выглядят в следующем виде:

Ачханлайыма – «как только я открыл...».

Жабханлайынга – «как только ты закрыл...».

Олтургъанлайына – «как только он сел...».

Кзобханлайыбызгъа – «как только мы встали...».

Тургъанлайыгъызгъа – «как только вы встали...».

Чабханлайларына – «как только они побежали...».

Тот факт, что балкарское оформление имеет множество форм, а карачаевское – одну форму, говорит о том, что балкарское

оформление более архаично, и оно идет по пути окончательно оформления одной формы. Совпадает или не совпадает новая форма этого причастия в балкарском диалекте с формой в карачаевском – это дело будущего, мне лично кажется, что не совпадает, потому что в карачаевском притяжательный аффикс присоединяется к аффиксу *-лай, -лей*, в балкарском – к причастию перед ним.

Несмотря на такой разнородной и множество форм, причастие с этим аффиксом употребляется в одних и тех же значениях, описанных выше.

Употребление аффикса *-лай, -лей (-лайына, -лейине)* с причастием прошедшего времени встречается и в других тюркских языках, но некоторые исследователи этот случай обходят. Например, профессор Дмитриев в «Грамматике кумыкского языка» *-лай, -лей* дает в сочетании с числительным, с существительными, с прилагательными, но с причастием не дает, хотя роль аффикса *-лай, -лей* с причастиями прошедшего времени кумыкского языка ничем не отличается от роли его в карачаево-балкарском языке.

Баскаков в книге «Ногайский язык и его диалекты» приводит только один пример на *-лай*, в ногайском звучании *-дай*, и без комментариев. При этом Баскаков пример этот переводит не совсем точно. Кроме этого, он пишет, что *-дай* – послелог, а в предложении пишет вместе с причастием. Приведем этот пример с переводом Баскакова: *Ертенги тань кыызарса елинье йав джапкъандай*. – «Утренняя заря если покраснеет, нападает (будто бы) враг на твой народ». Эта фраза звучала бы по-карачаево-балкарски так: *Эртденги танг кыызарса, элинге жау чабханлай (джапкъандай)*; это по-русски означает: «Покраснеет утренняя заря, словно враг на твой народ напал».

В этой фразе ногайское *джапкъандай*, карачаево-балкарское *чабханлай* показывает не сомнение, как дано в переводе Баскакова, а сравнение – «Утренняя заря так покраснеет (обычно), словно враг на твой народ нападает».

Дыренкова в «Грамматике ойротского языка» тоже проходит мимо фактов с *-лай, -лей*, которые в ойротском языке имеют форму *-дый, -дий*, без детального, как она делает в других случаях, морфологического разбора. Лишь в разделе «Синтаксис» под названием «Причастный оборот – развернутое дополнение-сравнение» дает четыре строчки с примерами.

«Дополнение-сравнение передается глагольным, именем (причастием. – У. А.) с аффиксом падежа сравнения *-дый, -дий*.

Примеры:

Ол онъдагъандый сен онъда. – «Охотиться так же, как он охотится». Это предложение по карачаево-балкарски будет иметь следующий вид: *Ол уулагъанлай, сен уула.* – «Охотиться ты так, как охотится он». Другой пример Дыренковой: *Сен балыкчы балыктагъандый балыкта.* – «Ты рыбачь так же, как рыбачит рыбак». По карачаево-балкарски это будет так: *Чабакъчы чабакъ тутханлай, сен да тут чабакъ.* – «Рыбачь рыбу и ты так, как рыбачит рыбак»¹.

Как видно из фактов, на вопрос причастия с аффиксами *-лай, -лей, -дый, -дий* обращено очень мало внимания, между тем эта форма причастий играет весьма существенную роль в синтаксисе сложноподчиненного предложения с придаточным времени и в синтаксисе сравнительных придаточных предложений.

Дыренкова ограничивалась фиксацией только одного факта употребления его, Баскаков тоже.

Вопрос о происхождении аффикса карачаево-балкарского *-лай, -лей*, ойротского *-дый, -дай* сам по себе является одним из вопросов, вызывающих большой интерес.

В карачаево-балкарском языке в значении *-лай, -лей* в отдельных случаях встречается употребление указательных местоимений *алай* – «так». Более того, местоимение это в значении аффикса *-лай, -лей* встречается в такой форме, в которой оно в местоименном значении не встречается, а именно: *лайына-алайна* – сейчас же, в ту же минуту, как только. Например, карачаево-балкарцы иногда говорят: *Уучу аюну кзулакъларындан тутду, алайна аю шиш туруб секирди да, уучуну юсюнден чартлатды.* – «Охотник схватил медведя за уши, сейчас же медведь встал на дыбы и охотника сбросил с себя».

Это предложение по форме и по содержанию почти ничем не отличается от предложения, образованного причастием с *-лай, -лей*.

Уучу аюну кзулакъларындан тутханлайына, аю шиш туруб секирди да, уучуну юсюнден чартлатды. – «Как только охотник схватился за уши медведя, медведь стал на дыбы и снял охотника с себя».

¹ Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. 1940. § 60. С. 279.

Правильность образования аффикса *-лай, -лей* от указательного местоимения *алайна* доказывает и тот факт, что аффикс *-лай, -лей* встречается и в форме *-лайына, -лейине*, которая приведена выше в разделе образования причастия с *-лай, -лей*.

Как мы видели выше, форма аффикса *-лай, -лей* в других тюркских языках другая, а именно: *-дый, -дий* в ойротском. В такой форме он встречается и в татарском языке. Чем объяснить такое различие форм этого аффикса? Может, здесь имеется два различных типа образования? Нет, способы образования и в карачаево-балкарском, и в ойротском, и в татарском одни и те же. В ойротском, татарском языках аффиксы *-дый, -дий* происходят так же, как и в карачаево-балкарском, от указательного местоимения *алай*, но только оно в ойротском и татарском языках имеет форму не *алай*, а *андый*. Вот этим и объясняется, что в ойротском и татарском языках вместо *-лай, -лей* употребляется *-дый, -дий*.

Ногайское и киргизское *-дай, -дей* тоже объясняется тем, что в этих языках указательное местоимение образа действия *алай* имеет форму *ушундай* – киргизское, *андай* и *алай* ногайское. Только в турецком языке употребляется слово *гиби*, наречие «как» вместо аффикса *-лай, -лей, -дый, -дий, -дай, дей*. Это, видимо, объясняется тем, что образование сложноподчиненных предложений типа «как только» в турецком языке пошло по другому направлению, а именно по линии употребления слова *кибик* – «как» (*кибик – гиби*).

Факт образования относительных и союзных слов в сложноподчиненных предложениях от вопросительных, указательных местоимений общеизвестен. Об этом говорит Буслаев в своих работах по русскому языку, об этом пишет и профессор Яковлев в своих работах по кабардинскому, чеченскому языкам, об этом говорят отдельные исследователи и других, даже западно-европейских языков.

Таким образом, образование аффикса *-лай, -лей, -дый, -дий, -дай, -дей* в различных тюркских языках связано с местоимением *алай, андый, ушундай*.

Причастие прошедшего времени с аффиксом сравнения *-ча*

Одно из значений причастия прошедшего времени с аффиксом *-лай, -лей* – значение сравнения одного действия с другим

действием – выражается с помощью и другого аффикса, аффикса *-ча*, который варианта с гласным переднего ряда в карачаево-балкарском языке не имеет. Аффикс *-ча* встречается с причастием без притяжательных аффиксов и с ними. Он встречается и с существительными, и с местоимениями.

Аффикс *-ча* с причастиями без притяжательных аффиксов

Келгенча – «как прошедший», «как будто идет».

Баргъанча – «как уходящий», «как будто идет туда».

Жырлагъанча – «как певший», «как будто поет».

Ойнагъанча – «как игравший», «как будто играет».

Кюлгенча – «как смеявшийся», «как будто смеется».

Чабханча – «как побежавший», «как будто побежал».

Аффикс *-ча* с причастиями с притяжательными аффиксами

Келгенимча – «как я шел».

Келгенингча – «как ты шел».

Келгенича – «как он (она, оно) шел».

Баргъаныбызча – «как мы шли».

Баргъаныгъызча – «как вы шли».

Баргъанларыча – «как они шли».

Как и с другими аффиксами, более конкретное значение причастия прошедшего времени с аффиксом *-ча* выражается только в предложениях.

Сен окъугъанча, ол да окъусун. – «Пусть и он учится так, как ты учишься».

Мен баргъанча, ол да барсын сизге. – «Пусть и он ходит к вам так, как я хожу».

Осман жырлагъанча, Хасан да жырласын. – «Пусть и Хасан поет так, как Осман поет».

Ит, бёрю улугъанча, улуй эди. – «Собака выла, как волк воет».

Къоркъакъ адам къачханча, къачма. – «Не убегай так, как убегает трусливый человек».

Мен Идрисге, санга айтханымча, айтдым. – «Я сказал Идрису так, как тебе говорил».

Иш, айтханымча, къыйык болгъан эди. – «Дело стало плохо, как я говорил».

Айтханымча этерге керекди. – «Нужно сделать так, как я сказал».

Сиз, баргъаныгъызча, барыгъыз. – «Вы идите так, как идете».

Биз билгенибизча этерге кюреширикбиз. – «Мы будем стараться делать все так, как умеем».

Эти факты причастия с аффиксом *-ча* встречаются и в других тюркских языках. Но в иных, например в ногайском, в силу закона фонетики ногайского языка *-ча* имеет форму *-ша*. Как видно из переводов, в предложениях причастие с аффиксом *-ча* переводится на русский язык с помощью союзного предложения «так как». Иногда встречаются такие предложения, в которых причастие с аффиксом *-ча* переводится на русский язык «похоже на то, что».

Осман кетгенча кёрюнеди. – «Похоже на то, что Осман уехал».

Идрис келгенча кёрюнеди. – «Похоже на то, что Идрис приехал».

Причастие прошедшего времени с уступительным аффиксом *-лыкъгъа, -ликге*

В карачаево-балкарском языке имеется аффикс, который употребляется только с причастиями прошедшего времени и выражает значение уступительного союза русского языка «хотя». Этим аффиксом является *лыкъгъа* – с гласными заднего ряда, *ликге* – с гласными переднего ряда. Аффикс *лыкъгъа, -ликге* я называю уступительным.

Причастие прошедшего времени употребляется с уступительным аффиксом *-лыкъгъа, -ликге* в следующем виде:

Кёрген – кёргенликге – «хотя видел...».

Алгъан – алгъанлыкъгъа – «хотя взял...».

Берген – бергенликге – «хотя дал...».

Билмеген – билмегенликге – «хотя не знал...».

Бармагъан – бармагъанлыкъгъа – «хотя не пошел...».

Эти формы причастия встречаются и с притяжательными аффиксами 1-го, 2-го, 3-го лица единственного и множественного числа.

Кёрмегенлигиме – «хотя я не видел...».

Бергенлигинге – «хотя ты дал...».

Билгенлигине – «хотя он (она, оно) знал...».

Баргъанлыгъыбызгъа – «хотя мы пошли...».

Жырагъанлыгъыгъызгъа – «хотя вы пели...».

Тынгылагъанлыкларына – «хотя они слушали...».

Такие факты причастий иногда встречаются и с уступительным союзом *къарамай* – «несмотря».

Билгенлигизге къарамай – «несмотря на то, что вы знали...».

Бергенлигизге къарамай – «несмотря на то, что мы дали...».

Жазгъанлыкъларына къарамай – «несмотря на то, что они писали...».

Чабханлыкъгъа къарамай – «несмотря на то, что лает (собака)...».

Ашагъанлыкъгъа къарамай – «несмотря на то, что съел...».

Уступительный аффикс, *-лыкъгъа*, *-ликге* в других языках тюркской системы не встречается. Об историческом образовании его говорить очень трудно, хотя он напоминает по своей форме аффикс *-лыкъ*, *-лик* с окончанием дательного падежа *-гъа*, *-ге* (*лыкъгъа*, *ликге*). Уступительный союз *къарамай* – «несмотря» образован с деепричастием от глагола *къара* – «смотри», который впереди себя требует всегда форму дательного падежа.

Причастие прошедшего времени с послелогам

Наряду с употреблением причастий прошедшего времени с различными аффиксами, в карачаево-балкарском языке имеется масса фактов употребления его с послелогам как в форме без всяких аффиксов, так и с аффиксами падежей множественного числа и с притяжательными аффиксами. Из этих послелогов некоторые употребляются с причастием с притяжательными аффиксами в форме именительного падежа. Эти относительные слова следующие: *сайын*, *чакълы*, *къадар*, *бла бирге*, *себебли*. С причастием в формах других падежей встречаются относительные слова: *алгъа*, *артха*, *сора*, *бла*. Все эти послелог пишутся отдельно от причастия, потому что они имеют свое отдельное ударение и самостоятельную форму в смысле сохранения постоянного качества гласных звуков.

Причастие прошедшего времени с послелогом *сайын*

Причастие прошедшего времени с послелогом *сайын* встречается как с притяжательными аффиксами 1-го, 2-го, 3-го лица единственного и множественного числа, так и без них в форме именительного падежа и на русский язык переводится союзным предложением «каждый раз, когда»... или когда встречается с наречиями времени «еже» (ежегодно). Например:

Мен бери келгеним сайын, библиотекагъа барама. – «Каждый раз, как только я сюда приезжаю, иду в библиотеку».

Алий Муссаны кѳргени сайын, Хасандан хапар сорады. – «Каждый раз, когда Алий встречается Муссу, спрашивает о Хасане вести».

Биз къычыргъаныбыз сайын, тауладан эхо эшитиле эди. – «Каждый раз, когда мы подавали голос, в горах раздавалось эхо».

Къоян хар атлагъаны сайын, бир тохтай бара эди. – «Каждый раз, как делает два шага, останавливался заяц».

Биз жай сайын экспедицагъа барабыз. – «Мы каждое лето ездим в экспедицию».

Послелог *сайын*, употребляется в кумыкском, ойротском языках в том же значении, хотя исследователи кумыкского и ойротского языков приводят его только в одном значении, в значении русского «еже» (ежегодно, ежедневно).

Бистинь колхозчылар нормаларды куннинъ сайын ажыра будуруп дъат. – «Наши колхозники каждый день (ежедневно) перевыполняют нормы».

Профессор Н. К. Дмитриев пишет о послелого *сайын* следующее: «Сайын – исторически деепричастие от глагола *сай-макъ* – «считать». Значение этого послелога соответствует русскому «еже», например: *йыл сайын* – «ежегодно», *куън сайын* – «ежедневно».

В турецком языке вместо послелога *сайын* употребляется послелог *дыкъча* – дикче.

Хатрыма гелдикче техайиурде калырым. – «Всякий раз, как это приходит мне в голову, я поражаюсь»¹.

Причастие прошедшего времени с послелогом чакълы (бир)

Послелог *чакълы* можно передать по-русски – «столько», в смысле определения размера.

Причастие прошедшего времени с послелогом *чакълы* бывает как с притяжательными аффиксами, так и без них. Сочетание причастия с послелогом *чакълы бир* переводится на русский язык приблизительно «столько, сколько».

Осман жырлай билгени чакълы бир билге эди окъуй, кѳрюренъ ишни. – «Если бы Осман знал читать столько, сколько (так как) он умеет петь, посмотрел бы на дело».

¹ Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. 1940. С. 89, 328.

Хасан Муссагъа бергени чакълы, Идрисге да берди. – «Хасан дал и Идрису столько, сколько дал Муссе».

Послелог *чакълы* встречается не во всех тюркских языках. Видимо, это объясняется тем, что слова *чакълы* – «столько» тоже нет. Я это слово разыскал только в татарском языке в этом же значении «столько».

Вместо послелого *чакълы* в турецком языке употребляется *къадар* – в значении «столько», который встречается и в карачаево-балкарском языке.

В карачаево-балкарском в значении *чакълы* употребляется и *къадар*, но редко. Это объясняется тем, что если *чакълы* определяет размер, величину, «столько, сколько», то *къадар* – только количество. Происхождение *чакълы* идет от слова *жакъ* – «сторона, сторонник»; когда мы говорим *терек чакълы*, имеем в виду смысл «сторона дерева», по размерам «как дерево», «достигающее дерево»; когда *чакълы* употребляется с причастием *келгенибиз чакълы* – «столько, сколько шли», в смысле «должны идти еще расстояние, приближающееся к тому, что прошли», т. е. столько, сколько шли.

Энтда ташыгъаныбыз чакълы ташыргъа керекди. – «Еще нужно перетаскивать столько, сколько перетасили».

Къадар в карачаево-балкарском языке употребляется больше в предложениях характера междометия: *Бизге заран этгени къадар, бир ёлге эди жаубуз.* – «Погибал бы наш враг столько раз, сколько нам приносит вреда». Послелог *къадар* встречается в значении «много».

Таким образом, послелог *чакълы* – *къадар*, употребляясь с причастиями прошедшего и будущего времени, выражают значение союзных речений «столько, сколько», «так много».

Причастие прошедшего времени с послелогом *эсе*

Причастие с послелогом *эсе* переводится на русский язык условной формой «если бы».

Кетген эсе – «если уехал».

Келген эсе, бизге да бир кирсин. – «Если приехал, пусть заходит и к нам».

Билген эсе, айтсын. – «Если узнал, пусть скажет».

Историческое образование послелога *эсе* связано с вспомогательным глаголом *э* и условным аффиксом *-са, -се, э-се -эсе* – «если бы».

Причастие прошедшего времени с послелогами *ючюн, себебли*

Причастия с послелогами *себебли* и *ючюн* создают формы следствия (*себебли* – «вследствие») или причины (*ючюн* – «из-за», «потому»).

Биз бери келгенибиз себебли, сиз кыйналдыгыз. – «Вследствие нашего приезда сюда, вы побеспокоились».

Хасан не этеригин унутханы себебли, ишни толтурмады. – «Вследствие того что Хасан забыл, что должен был делать, он не выполнил дело».

Османнга иги ишлегени ючюн орден бердиле. – «За хорошую работу Осману дали орден», «Из-за того, что Осман работал хорошо, дали орден».

Происхождение *себебли* арабское; *себеб* – по-арабски, «причина», «следствие», *ючюн* – послелог, встречается во всех тюркских языках.

Причастие прошедшего времени с послелогом *бла бирге*

Послелог *бла бирге* означает «вместе с тем как». Причастие с ним выражает сопровождение одного действия другим действием, логически связанным.

Биз бери келгенибиз бла бирге ары да барыргъа керек эдик. – «Мы вместе с нашим приездом сюда, должны были идти и туда».

Причастие прошедшего времени с послелогом *кёре*

Послелог *кёре* по существу деепричастие «смотря». Он употребляется в смысле «по тому, как».

Ишлегенибизге кёре, жашайбыз. – «Живем по тому, как работаем».

Сёлешгенине кёре, адамлыгъы. – «По тому, как он говорит, и качество его».

В отличие от других послелогов, послелог *кёре* употребляется с причастием не в форме именительного падежа, а в форме дательного.

Ишлегенинге кёре, хайырынг. – «По тому, как работаешь, имеешь доход». Причастие *ишлегенинге* находится в дательном падеже.

Такие формы на русский язык переводятся еще и таким речением: «смотря по тому, как».

Сочетания с *кёре* имеются и в других тюркских языках, только в большинстве из них первый звук в *кёре* звонкий – *гёре*.

Причастие в исходном падеже с послелогоми *алгъа, сора, ары, бери*

Послелогом *алгъа* – «вперед, раньше» в сочетании с причастием прошедшего времени в исходном падеже выражается то, что происходило до действия причастия.

Биз бери келгенибизден алгъа, школгъа баргъан эдик. – «Мы до того, как зашли сюда, ходили в школу».

Алий бизге тюбегенинден алгъа, Османнга тюбеген эди. – «Алий до того, как с нами встретился, встречал Османа».

Послелог *сора* обозначает «после». Он в сочетании с причастием прошедшего времени в исходном падеже выражает то, что было или будет после действия, показываемого причастием.

Школдан къайытханыбыздан сора, биз киногъа бардыкъ. – «После возвращения из школы мы ходили в кино».

Послелог *ары* – «туда», *бери* – «сюда» в сочетании с причастием прошедшего времени в исходном падеже выражают: *ары* – «раз (приехали)», *бери* – «с тех пор как (приехали)».

Бери келгенибизден ары, ызыбызгъа бош къайытмайыкъ. – «Раз приехали сюда, назад не должны возвращаться с пустыми руками».

Биз кзошха чыкъгъаныбыздан бери, кёб болмайды. – «С тех пор как мы поднялись на кош, немного прошло».

Все эти слова в значении послелогов встречаются во всех других тюркских языках, но они у исследователей не находят свое место в сочетании с причастиями.

Причастие будущего времени с аффиксами -лай, -лей, -ча

Аффиксы *-лай, -лей, -ча* употребляются и с причастиями будущего времени. Только тут эти аффиксы не передают оттенка времени, а выражают сравнение или готовность сделать что-нибудь.

Келирлей – «такой, как будто приедет».

Алырлай – «такой, как будто возьмет».

Къабмазлай – «такой, как будто не укусит».

В этом смысле с причастиями будущего времени употребляется аффикс *-ча*.

Чабарча – «как будто будет бегать».

Алдамазча – «как будто не обманет».

Кетмезча – «как будто не уедет».

Жазарча – «как будто напишет».

Эти аффиксы в одинаковой мере могут прибавляться как к первой, так и ко второй форме причастия будущего времени. Отенок смыслового различия заключается в том, что *жазарча* – менее убедительно, чем *жазарыкъча*.

Причастие будущего времени с послелогом *алгъа*

Для выражения того действия, которое было раньше предполагаемого действия, употребляется форма исходного падежа причастия будущего времени на *-р*, с послелогом *алгъа* – «раньше».

Жазардан алгъа – «до того, как написать».

Кетерден алгъа – «до того, как уехать».

Айтырдан алгъа – «до того, как сказать».

Барырдан алгъа – «до того, как идти».

Притом послелог *алгъа* встречается с причастием как в форме с притяжательными аффиксами, так и в форме без них.

Жазарымдан алгъа – «до того, как мне написать», «до моего написания».

Кетерингден алгъа – «до того, как тебе уезжать», «до твоего отъезда».

Айтырындан алгъа – «до того, как ему (ей) сказать», «до его (ее) сказания».

Барырыбыздан алгъа – «до того, как нам идти», «до нашего шествия (будь)».

Башларыгъыздан алгъа – «до того, как вам начинать», «до вашего начинания».

Сермерлеринден алгъа – «до того, как им взмахнуться».

Это сочетание причастия является с послелогом *алгъа* (перед) противоположным сочетанию причастия прошедшего времени с послелогом *сора* – «после».

Жазарымдан алгъа – «до того, как мне написать», «до моего написания».

Жазгъанымдан сора – «после того, как я написал», «после моего написания».

В этом значении послелог *алгъа* с причастием будущего времени на *-рыкъ* не употребляется; употребляется в другом, именном значении, а именно в значении «до того, который напишет» или «до того, что будет написано мной, тобой, им» и т. д.

Жазарыкъдан алгъа – «до того, который напишет».

Аллыкъдан алгъа – «до того, который возьмет».

Кетерикден алгъа – «до того, который уедет».

В таком значении с причастием на *-рыкъ* употребляется и послелог *сора* – «после».

Жазарыкъдан сора – «после того, который должен написать».

Аллыкъдан сора – «после того, который должен взять».

Спаренное употребление причастия будущего времени -р, -з

В значении причастия прошедшего времени с аффиксом *-лай, -лей* – «как только» употребляется причастие будущего времени без отрицания с причастием будущего времени с отрицанием на *-р, -з*.

Алгъанлай – «как только взял».

Алыр-алмаз – «как только взял», т. е. в тот момент, когда ещё не кончено взятие и невзятие.

Кетер-кетмез (кетгенлей) – «как только уехал».

Жетер-жетмез (жетгенлей) – «как только догнал».

Айтыр-айтмаз (айтханлай) – «как только сказал».

Жазар-жазмаз (жазгъанлай) – «как только написал».

Минер-минмез (миннгенлей) – «как только сел (верхом)».

Олтурур-олтурмаз (олтургъанлай) – «как только сел (на стул)».

Подобной замены формы причастия прошедшего времени с аффиксом *-лай, -лей* причастие будущего времени на *-рыкъ* не дает. Спаренное употребление причастия будущего времени на *-рыкъ* употребляется в смысле собирательного местоимения «все».

Жазарыкъ-жазмазлыкъ – «те, которые напишут, и те, которые не напишут», т. е. все.

Окзурукъ-окзумазлыкъ – «все: и те, которые должны учиться, и те, которые не должны учиться».

Ойнарыкъ-айнамазлыкъ – «все: и те, которые должны играть, и те, которые не должны играть».

Кетерик-кетмезлик – «все: и те, которые должны уехать, и те, которые не должны уехать».

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы.

Причастие карачаево-балкарского языка имеет три формы: 1) форма причастия прошедшего времени; 2) первая форма причастия будущего времени; 3) вторая форма причастия будущего времени.

Все эти формы изменяются по числам, по лицам – спряжение и притяжательное изменение – по падежам.

Причастие как будущего, так и прошедшего времени употребляется с самыми различными аффиксами, которые выражают различные оттенки времени, сравнения, определения качества и количества.

Причастие как будущего, так и прошедшего времени употребляется с послелогами.

Причастия карачаево-балкарского языка по своей природе и употреблению многозначны. Они конкретизируют свое значение только в контексте.

Причастие с различными аффиксами и без них выполняет роль союзных слов и союзов русского языка одновременно с выражением сказуемого всех придаточных предложений.

МЕСТОИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

Глава из книги «Слово и части речи»

Примыкая к самостоятельным частям речи характером синтаксических функций, грамматическими признаками изменяемости, а в некоторых случаях признаками общих грамматических значений и повторяя их в системе разрядов, местоименные слова характером лексических значений противостоят самостоятельным частям речи. Эта специфика местоименных слов в течение многих лет служила поводом для высказывания самых различных, зачастую противоположных мнений о местоимениях

вообще. В этих высказываниях местоимения одними толковались как часть речи, входящая в состав самостоятельных частей речи. На учете такого толкования построена практика школьного преподавания местоимения. В других высказываниях местоимение толковалось как особая часть речи, повторяющая своими формами почти все самостоятельные части речи, как их заместительные слова, т. е. как имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, глаголы и наречия.

Третьи отрицали принадлежность местоименных слов к каким бы то ни было частям речи. Имея в виду этот разнобой в толковании местоимения, академик В. В. Виноградов пишет: «Не трудно заметить, что современная русская грамматика целиком остается во власти этих двух точек зрения: античной, «классической», и романтической, субъективно-идеалистической. Ныне местоимения или по традиции во всем своем составе, несмотря на полную грамматическую разобщенность отдельных групп, сохраняются как особая грамматическая категория, как самостоятельная часть речи (например, у академика Шахматова), или же, лишаясь звания части речи, механически распределяются по классам имен существительных и прилагательных (наречные местоимения обычно не отделяются от наречий даже теми, кто признает местоимения особой частью речи).

Между тем если все местоимения собрать в один класс, то нарушится цельность системы частей речи: в классе местоимений окажутся слова разной грамматической природы. Объединение местоимений возможно лишь на основе лексико-семантических признаков. Но тогда к местоимениям придется отнести и некоторые из тех слов, которые являются существительными, прилагательными, наречиями, союзами и даже глаголами. Если же упразднить класс местоимений и рассортировать местоимения по другим категориям, то окажется необходимым не только среди прилагательных и среди существительных выделять местоимения в особые разряды»¹.

Оценивая одну и другую точки зрения, академик В. В. Виноградов приходит к убеждению, что местоимение все-таки нужно считать частью речи, хотя и особой. В сноске академик В. В. Виноградов пишет: «Моя точка зрения на русские местоиме-

¹ Виноградов В. В. Русский язык. 1947. С. 321.

ния целиком принята профессором Д. В. Бубрихом: «Местоименные слова – это в основном семантический разряд слов, отнюдь не грамматический... Они могут тянуть и к существительным, и к прилагательным, и наречиям, и к счетно-измерительным словам (которые сами тянут к разным частям речи), и вообще к чему угодно. Исключительное семантическое своеобразие приводит к появлению исключительных синтаксических и морфологических особенностей. Особенно ярко это сказывается у тех личных и местоименных слов, которые тянут к существительным (я, ты...).

По отношению к языкам типа индоевропейских, финно-угорских и т. п. не приходится колебаться в выделении их в особую часть речи¹.

Секрет неудачи лингвистов в решении проблемы местоимения заключается в том, что при определении слов вообще до сих пор не учитывается отношение лексического и грамматического как частного и общего в слове, не учитываются также средства и способы, которыми выражаются лексические и грамматические значения различных слов.

Учет всех этих сторон лексического в слове помог бы поставить на свое место как слова, которые в качестве лексического вырезают обобщенные образы предметов и их признаков, и слова, которые в качестве лексического значения используют конкретные предметы реальной действительности и их конкретные признаки.

Местоименные слова нельзя включить в состав самостоятельных частей речи, ибо с точки зрения характера лексических значений и грамматической специфики средств и приемов выражения местоименные слова противоположны словам из состава разрядов самостоятельных частей речи.

Обобщенность образов предметов и их признаков, вызываемых в нашем сознании при употреблении слов из состава самостоятельных частей речи, и конкретность образов предметов и их признаков, вызываемых в нашем сознании при употреблении местоименных слов, – это то основное, что отличает слова из состава самостоятельных частей речи от слов из состава местоименных слов и что служит препятствием считать их в системе одних и тех же частей речи.

Немаловажную роль в разграничении и противопоставлении слов из самостоятельных частей речи и слов из местоименных слов играют и грамматические средства, и приемы выражения

¹ Виноградов В. В. Русский язык. 1947. С. 319.

лексических значений у тех и у других. Если слова из состава самостоятельных частей речи выражают свои лексические значения чисто грамматическими средствами, свойственными языку того или иного грамматического строя (совокупность фонематического, морфематического состава, средствами контекста, ударения, интонации, порядка слов и т. д.), то местоименные слова выражают свои лексические значения (в том, что местоименные слова имеют лексические значения, им отказать в этом нельзя, так как, если бы у них не было лексических значений, они не могли бы выражать члены предложения) или прямым использованием реального предмета, его признаков и реальных пространственных отношений, что и является причиной конкретности образов предметов, вызываемых в нашем сознании употреблением местоименных слов, или использованием обособленных сочетаний, уточняющих члены предложения, выраженные местоименными словами, придаточных предложений, уточняющих члены предложения, выраженные местоименными словами, что является причиной большей степени отвлеченности образов, вызываемых в нашем сознании употреблением местоименных слов.

Эти два признака, отличающие и противопоставляющие местоименные слова словам из самостоятельных частей речи, обуславливают признаки, которыми характеризуются местоименные слова-повторяемости системы самостоятельных частей речи системой лексико-грамматических групп местоименных слов, когда местоименные слова имеют в своем составе местоименные существительные, местоименные прилагательные, местоименные числительные, местоименные глаголы и местоименные наречия; и историческую служебную роль местоименных слов в образовании и оформлении слов и из самостоятельных частей речи, что отмечается всеми языковедами, в той или иной степени интересовавшимися вопросами местоименных слов.

Без детального учета всей этой специфики местоименных слов, которой они отличаются от местоименных слов, нельзя понять ни того, почему грамматический класс местоимений «является древним, почему он в истории русского языка пережил глубокие изменения своего строя, слившись с категориями имен прилагательных, наречий, союзов и частиц», как вполне правильно утверждает академик В. В. Виноградов¹.

¹ Виноградов В. В. Русский язык. 1947. С. 317.

Согласуясь «в роде, числе и падеже, определительные местоимения» потому, очевидно, оказали «громадное формирующее влияние на всю категорию членных имен прилагательных, объединились с ней и функционируют в ее пределах, как особый грамматико-семантический и словообразовательный тип (с некоторым своеобразием в системе склонений)¹, что употребляясь, указывая на признаки зримых признаков предметов, помогали выразить конкретные представления об этих признаках, а когда эти признаки стали именоваться самостоятельными членными именами прилагательными, нарушая единство своего лексического и грамматического, продолжали употребляться вместе с ними, потеряли свою самостоятельность и слились с ними как формообразовательные или словообразовательные элементы. Этот же процесс, очевидно, обусловил и то, что «Древние местоимения превратились в наречия и частицы»².

Понимание слова как единицы языка, имеющей свое специальное назначение, и слова как материала, из которого в процессе развития языка по своим внутренним законам, служит вполне убедительной базой для объяснения не только того, что местоимения русского языка (нужно думать и других языков) оказали громадное влияние в превращении отдельных категорий слов из самостоятельных частей речи, но и того, что аналогичную роль в обогащении словарного состава русского и других языков сыграли слова и из самостоятельных частей речи.

В свете такого подхода к толкованию специфики местоимений как в употреблении и их влиянии на формирование самостоятельных частей речи становится очевидной несостоятельность попыток Н. Я. Марра объяснить все своеобразие вопроса местоимений влиянием тоже периода мышления человека.

Учитывая специфический характер лексических значений местоименных слов, особенности грамматических средств и приемов их выражения, факт отвлеченного повторения системы самостоятельных частей речи системой местоименных слов, своеобразие использования местоименных слов в качестве материала для формирования неместоименных слов-фактов лексико-грамматической выделенности в языке местоименных слов в

¹ Виноградов В. В. Русский язык. 1947. С. 317.

² Там же. С. 321.

особую систему, я считаю нужным выделить местоименные слова в особую систему частей речи и называть ее *местоименными частями речи*.

Местоименные части речи состоят, как и самостоятельные части речи, из пяти групп:

1. Местоимения-существительные,
2. Местоимения-прилагательные,
3. Местоимения-числительные,
4. Местоимения-глаголы,
5. Местоимения-наречия.

Эти пять групп местоименных частей речи с теми или иными грамматическими особенностями должны иметь место как в русском, тюркских, так и в других языках, так как основные причины их выделенности в языке являются общими, а частные особенности их обусловлены частной спецификой грамматического строя каждого языка.

Местоимения-существительные и их характеристика

К местоимениям-существительным следует отнести так называемые личные местоимения единственного и множественного числа – *я, ты, он, она, оно; мы, вы, они* и относительные местоимения – *кто, что* русского, а также *мен, сен, ол(ал); биз, сиз, алар* и относительные местоимения – *ким, не (эмне, нима)* тюркских языков, которые по характеру своих лексико-грамматических признаков не отличаются друг от друга.

Лексические значения личных местоимений русского и тюркских языков характеризуются двумя противоположными признаками: предметной конкретностью, когда нет нужды в каких-либо уточнениях, и абстрагированной ответственностью, когда уточнение или конкретизация бывает необходимостью.

Предметной конкретностью характеризуются лексические значения личных местоимения в том случае, когда они употребляются в прямом своем назначении, т. е. когда местоимения-существительные *я* или *мен* употребляются говорящим лицом, рассказывающим о себе, а местоимения-существительные *ты* или *сен* употребляются говорящим лицом, рассказывающим о своем собеседнике, слушающем этот рассказ, а местоимения-

существительные *он (она, оно)* или *ол (ал)* употребляются говорящим лицом, рассказывающим о третьем лице, указываемом говорящим и видимом слушающим лицом или известном как первому, так и второму лицам.

Конкретность лексического значения, т. е. конкретного образа лица, вызываемого в нашем сознании прямым употреблением местоимений-существительных *я, ты, он (она, оно)* и *мен, сен, ол (ал)* обусловлена конкретностью реального лица, указываемого местоимением-существительным и действующего на наши органы чувств как раздражитель первой сигнальной системы.

Местоимения-существительные *мы, вы, они, биз, сиз, алар* в отношении характера своего лексического назначения отличаются от местоимений-существительных единственного числа, но это отличие существенной роли не играет, чтобы рассматривать отдельно местоимения-существительные множественного числа. При прямом употреблении местоимения-существительные и множественного числа характеризуются конкретностью образов, которые ими вызываются в нашем сознании, т. е. конкретностью своего лексического значения.

Абстрагированной отвлеченностью характеризуются лексические значения всегда относительных местоимений *ким, не (эдне, нима)* и иногда личных местоимений, когда личные местоимения употребляются в порядке олицетворения, в случаях, когда говорящее лицо неизвестно слушающему лицу и поэтому говорящее лицо старается объясниться путем нагромождения всяких обособлений, придаточных предложений, предложений прямой или косвенной речи.

В случаях непрямого употребления местоимений-существительных предмет, конкретизирующий их лексические значения, отсутствует, местоимения-существительные сами по себе не имеют возможностей выразить свои лексические значения хотя бы обобщенно, как имена существительные из самостоятельных частей речи, в результате чего образы предметов, которые вызываются в нашем сознании при подобном, непрямом употреблении местоимений-существительных, носят характер абстрагированной отвлеченности.

Таким образом, лексические значения местоимений-существительных бывают или предметно-конкретными, или пред-

метно-абстрагированными в такой степени, что образ предмета, возникающий в нашем сознании при таком употреблении местоимений-существительных, бывает туманным, еле заметным в своих контурах и конкретных чертах, как плохая фотография.

Общие грамматические значения местоимений-существительных характеризуются в двух разновидностях: грамматические значения, свойственные слову-местоимению-существительному, постоянные, связанные синтаксическим употреблением слова (склоняемость, синтаксические функции), грамматические значения, которые местоимения-существительные приобретают в связи с употреблением с тем или иным конкретным предметным, непостоянным значением типа категории рода у местоимений-существительных русского языка.

Местоимения-существительные различных языков характеризуются общими чертами, которыми является способ выражения лексических значений, синтаксические функции, склоняемость, природа лексических значений, способ выражения единственного и множественного числа, и частными чертами, свойственными местоимениям-существительным в тех или иных языках, которыми являются основы при склонении, падежное оформление, которые у каждого языка зависят от тех или иных исторически этимологических связей, которыми отличаются местоимения-существительные.

Склонение местоимений-существительных русского языка отличается от склонения местоимений-существительных тюркских языков. В русском языке одни местоимения-существительные формы тех или иных падежей образуют от основ (*я, меня, мной; ты, тебя, тобой; вы, вас, вам; мы, нас, нам; он, его, ему, с ним; она, её, с ней* и т. д.), в тюркских языках все падежные формы местоимения-существительного образуются от одной и той же основы (*мен, мени, менде; сен, сенде, сени; биз, бизге, бизден; сиз, сизни, сизден; ал, аны, анга, андан; но ол, аны, андан*). В русском языке падежные окончания местоимений-существительных отличаются от падежных окончаний имен существительных (*меня, мной, мне, дом, дома, домом, дому*), в тюркских языках падежные окончания у имен существительных и местоимений-существительных одинаковы (*мен-менден, терезе-терезеден, сен-сенде, китеп-китепде* и т. д.). В русском языке местоимения-

существительные *я, ты, кто, что* в форме множественного числа не встречаются, в тюркских языках местоимения-существительные *мен, сен, ол, ким, не* употребляются и в форме множественного числа *мен-мендер, сен-сендер, ал-алар, ким-кимдер, не-нелер* и т. д. Более того, в форме множественного числа употребляются и такие местоимения-существительные, как *биз, сиз, биз-биздер, сиз-сиздар*.

Форма *биз* или *сиз* употребляется для выражения действительного множественного числа, как и в русском *мы, вы*, формы же *биздер, сиздар* употребляются для выражения вежливого обращения к одному человеку.

При единстве основной сущности местоимений-существительных русского и тюркских языков имеется и национальное своеобразие, которое не может служить основанием для отрицания их принадлежности к местоименным частям речи.

Основным в определении их принадлежности к местоименным частям речи является то отличие в характере лексического значения и местоимений-существительных, и имен существительных, которое является выражением лексико-грамматической сущности местоимений-существительных.

Местоимения-прилагательные и их характеристика

К местоимениям-прилагательным следует отнести все указательные (этот, тот, такой, таковой, экий (экой), этакий, (эдакий), сей, оный); притяжательные (мой, наш, твой, ваш, свои); вопросительно-относительные (какой, каков, который, чей, каковой) – словом, все те местоименные прилагательные, которые без соответствующего показа на реальный признак предмета лексического значения не выражают, а с показом на реальный признак или признак принадлежности выражают в качестве лексического значения не обобщенный, а конкретный с конкретными оттенками образ признака того или иного предмета.

Определительные местоимения (сам, самый, весь (вся, все), всякий, каждый, всяческий и всяк), отрицательные местоимения (никто, ничто, ничей, никакой, никоторый, некого, нечего), неопределенные местоимения (некто, нечто, некоторый, некий, кто-то, что-то, какой-то, чей-то, который-то, кто-либо, что-либо,

какой-либо, который-либо, кто-нибудь, что-нибудь, какой-нибудь, чей-нибудь, который-нибудь, кое-кто, кое-что, кое-какой) и частично вопросительно-относительные (кто, что) – к местоимениям-прилагательным нельзя отнести, потому что каждое из таких местоимений свое лексическое значение выражает без привлечения реальных предметов или признаков предметов.

Местоимения этого типа частично относятся к именам существительным из самостоятельных частей речи (кто, что, никто, ничто, некто, нечто, кто-то, что-то, кто-либо, что-либо, кто-нибудь, что-нибудь, кое-кто, кое-что, некого, нечего) и частично к именам прилагательным (сам, самый, всякий, каждый, всяческий, всяк, ничей, никакой, некоторый, некоторый, некий, какой-то, чей-то, который-то, какой-либо, который-либо, какой-нибудь, чей-нибудь, который-нибудь, кое-какой). Все эти слова связаны с местоименными частями речи лишь этимологически, своим происхождением.

В процессе употребления у них выработаны своеобразные лексические значения, являющиеся обобщенными образами неопределенных предметов, их неопределенных признаков, и способы их выражения. Слова этого типа не нуждаются в привлечении предметов или их признаков в качестве особых грамматических средств выражения лексического значения. Уточнение, или конкретизация, их лексических значений происходит тем порядком, каким уточняются и конкретизируются лексические значения самостоятельных частей речи – использованием других слов из самостоятельных частей речи.

Местоимения-прилагательные лексически семантизируются двумя основными приемами: привлечением нужного предмета в качестве особого выразительного средства и использованием различных обособлений, придаточных предложений. В первом случае семантизации местоимений-прилагательных образы, которые ими выражаются совместно с предметами, характеризуются конкретностью такой степени, которая бывает лишь тогда, когда предмет или его признак, действуя на наши органы чувств, сами вызывают в нашем сознании свои собственные отображения, копии, снимки.

Местоимения-прилагательные *это, этот, то, тот, те, та-кой, таковой* и т. д. в подобном способе выражения мысли игра-

ют исключительную роль. Местоимениями-прилагательными мы иногда выражаем такие признаки формы, цвета, вкуса, размеров, глубины, высоты и т. д., которые нельзя выразить обычными именами прилагательными. Известно, что не все цвета предметов, не все формы их, не все признаки, которыми отличаются предметы друг от друга, имеют соответствующие имена прилагательные для своего обозначения.

Вот в этом случае мы прибегаем к помощи местоимений-прилагательных *этот, тот, такой* и т. д. Сопровождая слово *этот* с показом на соответствующий признак предмета, мы конкретно и четко выражаем нашу мысль. Нужно думать, что регистрация и закрепление познаваемого предмета и его признака начинается всегда с местоименных слов, вместе с которыми привлекаются для выражения мысли сами предметы и их признаки. Лишь по окончательному познанию предмета и его признаков постепенно и медленно вырабатывается в языке специальное слово, которое, употребляясь вместе с другими словами, начинает вызывать не конкретный, а обобщенный образ этого предмета или его познанного признака.

Предложение «этот карандаш мне очень нравится», если при этом не показывать на карандаш, то ничего почти не выражает, но если это предложение сопровождать показом на карандаш, то оно выражает ясней и конкретней, чем предложение «желтый карандаш мне очень нравится», потому что желтых карандашей много; они могут быть твердыми и мягкими, короткими или длинными, толстыми или тонкими, одного желтого признака или другой степени желтизны и т. д. Все эти оттенки именем прилагательным «желтый» не выражают: имя прилагательное «желтый» вызывает в нашем сознании обобщенный признак желтого цвета, отличающегося от признаков «белый», «черный», «красный», «синий» и т. д.

Эту особенность местоимений в свое время отмечал А. И. Пешковский.

При втором способе выражения мысли образы признаков или предметов, которые вызываются в нашем сознании при употреблении местоимений-прилагательных, бывают отвлеченными, туманными, но без обобщения.

Местоимения-прилагательные в подобном способе семантизации играют громадную роль в деле развития синтаксического

строю языка, в возникновении и закреплении в языке обособленных членов предложения, оборотов, придаточных предложений.

Местоимения-прилагательные *наш, ваш, мой, твой* употребляются главным образом при присутствии говорящего и слушающего лиц, когда *мой, твой, наш, ваш* вызывают конкретный образ того лица, которому что-то принадлежит. Слова *наш, ваш, мой, твой* другим каким-либо приемом не семантизируются. Употребление этих слов в придаточных предложениях вызывает путаницу. Сказать: «товарищ сказал, что он потерял свою книгу» со словом «мою» нельзя, потому что это может быть отнесено к сообщаемому лицу.

В тюркских языках в состав местоимений-прилагательных можно отнести только указательные местоимения. Притяжательных местоимений в тюркских языках нет. Значения их выражаются личными местоимениями в форме родительного падежа.

Грамматические значения местоимений-прилагательных аналогичны грамматическим значениям имен прилагательных по сути. Они в большей своей части зависят от грамматических значений слов, которые ими определяются. Отличия грамматических значений местоимений-прилагательных касаются системы склонения.

Местоимения-глаголы и их характеристика

К местоимениям-глаголам нужно отнести такие глаголы, которые, при сохранении всех глагольных грамматических признаков вне соответствующих значений, своего лексического значения не имеют. Возможность в языке местоимений-глаголов отмечает и В. В. Виноградов. Взвешивая достоинства и недостатки того или иного толкования местоименных слов, академик В. В. Виноградов пишет: «Объединение местоимений возможно лишь на основе лексико-семантических признаков. Но тогда к местоимениям придется отнести и некоторые из тех слов, которые являются существительными, прилагательными, наречиями, союзами и даже *глаголами*»¹ (выделено мной. – У. А.).

Местоимением-глаголом особого характера можно назвать глагол *де* и все производные от него формы причастий, дееприча-

¹ Виноградов В. В. Русский язык. 1947. С. 321.

ствий, формы изъявительного, повелительного наклонения и инфинитивы.

Глаголы в основе с *де* своего лексического значения не имеют. Они так же пусты, как местоимения *тот, такой, там* и т. д. Как и слова *там, тут, тот, этот, он, она* и т. д., глагол *де* и все формы от него наполняются лексическим значением в употреблении их в предложении. Глагол *де* и все формы от него наполняются тем или иным лексическим значением при помощи других слов, обычно стоящих перед ним. *Анам деди* – «сказал: «мама». Лексическим значением глагола *деди* в этом предложении является действие, связанное с произнесением слова *Анам*. *Атам деди* – «сказал: «папа». В этом предложении лексическим значением глагола *деди* является действие, связанное с произнесением *Атам*. *Джолдашым деригим келди* – «Пришло желание сказать: «Товарищ мой».

Лексическим значением причастия будущего времени с притяжательным аффиксом первого лица единственного числа *деригим* является действие, связанное с произнесением слова *джолдашым*.

Слов, стоящих перед формами от *де*, может быть одно и больше. И в каждом отдельном случае лексическим значением слова *де* и всех форм от него будет действие, связанное с произнесением этих слов. Таким образом, глагол *де* и формы, образованные от него, в тюркских языках носят местоименный характер. При тех или иных грамматических значениях, которые воспринимаются по форме слова *де*, они лексического значения не имеют. Лексическое значение в эти пустые слова вливается действием, связанным с произнесением того или иного слова, простого или даже сложного предложения.

В тюркских языках имеется целая система синтаксических конструкций, охватывающая как простое, так особенно и сложное предложение, в основе которой лежит местоименный характер слов, образованных от *де*. Притом в зависимости от значения, которое вливается в формы от глагола *де* одиночными словами, словосочетаниями, простыми и сложными предложениями, глагол *де* и формы от него на русский язык переводятся глаголами «сказать», «говорить», «думать», «произносить», «предполагать», «допустить», «рассуждать», «передавать». *Асхат анасына: «мен*

сени бек суйеме деди» – «Асхат матери сказал: «Я тебя очень люблю», «Асхат матери сказал, что он её очень любит».

Исса джолдашына «мен бугун уугъа барама» дей эди. – «Исса говорил товарищу: «Я сегодня иду на охоту» или «Исса говорил товарищу, что он сегодня идет на охоту». *Мусса джолдашына «мен сен бугун мени бла киногъа барлыкса деб тура эдим «деди»*. – «Мусса сказал товарищу: «Я думал, что ты сегодня пойдешь со мной в кино».

В последнем предложении форма от глагола *де* встречается два раза: *деб* и *деди*. Первая форма переводится на русский язык глаголом «думал (можно и предполагал), вторая форма – глаголом «сказал». *Бир магананы тутхан бир не бир талай сёзге предложение дейдиле*. – «Одно или несколько слов, выражающих законченную мысль, называется предложением».

«А» деген заманда адамны аузу кенг ачылады (тилини ортасы тынылауукъкъа жууукълашады. – «Когда произносят «а», рот человека раскрывается широко, средняя часть языка приближается к нёбу».

Лексическое значение глагола всегда связано с говорением, предположением, процессом мышления – словом, с языком, лексические значения других глаголов не могут быть выражены глаголом *де* или формами от него. Круг лексических значений, выражаемых другими местоименными словами, шире, чем круг лексических значений, выражаемых глаголом *де* и его формами. Это является чертой, которая отличает глагол *де* и его формы от других местоименных слов.

Глаголы, которые без использования показа на реальное действие не могут выражать определенное лексическое значение, относятся к местоимениям-глаголам. Выражение «делал так», несомненно, относится к местоимениям-глаголам, так как оно может быть представлено с лексическими значениями «поднимал (руку)», «закрывал (глаза)», «двигал (ногой)», «шевелил (пальцами)», «качал (головой)», «строгал (палку)», «пилил (дерево)», «копал (каким-нибудь образом яму)», «открывал (книгу, дверь и т. д.)» и т. д. и т. п.

Конкретно, определенно какое-либо одно лексическое значение глагол «делать» выражает, когда мы глагол «делать» сопровождаем каким-либо действием, которое видит наш собеседник и которое заполняет глагол «делать» лексическим значением. Если выражение «делай так» сопровождать движением правой ноги вперед

и вверх, то определенно направленным будет лексическое значение выражения «делай так».

Если это же выражение сопровождать приемом взять винтовку на караул, то лексическим значением выражения «делай так» будет действие, связанное со стойкой на караул. Если выражение «делай так» будет сопровождаться рубкой мяса кухонным ножом, то рубка кухонным ножом куска мяса будет лексическим значением выражения «делай так». В каждом отдельном случае, когда мы, употребляя «делай так», будем сопровождать каким-либо действием, то это действие будет восприниматься в качестве лексического значения глагола «делал», противопоставляющего это слово не только всем другим глаголам, но самому глаголу «делал», сопровождаемому какими-либо другими действиями.

Выражение «делал так» может наполняться определенно-ограниченным лексическим значением и описательно «он делал так: брал кусок мяса, отрезал от него плоский кусок толщиной в один сантиметр, брал кухонный нож и рубил так, чтобы не отрубать, а потом подсыпал немного соли, валял в муке, бросал на сковородку с жиром и жарил». Действие, описанное во второй части предложения (после двоеточия), будет лексическим значением глагола «делал» из первой части предложения.

Лексическое значение, которым наполняется глагол «делал» при показе, и лексическое значение, которым этот глагол наполняется при описании действия, по своему характеру бывают противоположными. В первом случае лексическое значение характеризуется признаками конкретного действия как сигнала первой сигнальной системы, во втором случае лексическое значение характеризуется чертами обобщенности. Одно и то же движение, которым будет сопровождаться выражение «делай так», у разных людей будет характеризоваться разными признаками: не все люди одно и то же действие могут производить с одинаковой точностью. Одно и то же описание, которым будет сопровождаться выражение «он это делал так», будет характеризоваться одними и теми же словами, словосочетаниями, предложениями, стало быть, лексическое значение, которым будет наполняться выражение «делал так», будет обобщенным с чертами, общими для такого действия вообще.

Для местоименных слов характерен этот двоякий способ семантизации, обеспечения их лексическим значением.

Обеспечение лексическим значением местоименных слов происходит лишь в речи, в процессе употребления таких слов в предложении. Привлечение того или иного способа семантизации местоименных слов происходит автоматически незаметно, по привычке в порядке стремления лучшего выражения мысли.

Местоимения-числительные и их характеристика

К местоимениям-числительным относятся числительные *столько, сколько*, остальные числительные (*несколько, много, мало*), которые традиционно причисляются к местоимениям-числительным¹, не имеют нужных признаков называться местоимениями-числительными, так как при их употреблении не бывает нужды в особом приеме семантизации их. Эти числительные должны оставаться в составе числительных под названием «неопределенные числительные». К составу неопределенных числительных, кроме *несколько, много, мало* должны быть включены такие числительные, как *столько-то, сколько-то, два-три, двое-трое*.

Местоимения-числительные *столько/сколько* семантизируются двумя приемами: показом на соответствующее число, описанием, использованием придаточных предложений.

В первом случае мы можем выражение «Я тебе должен вот столько» сопровождать показом числа пальцами, цифрой, написанной на чем-нибудь, предметами, число которых можно воспринять зрительно, одним взглядом.

Во втором случае мы выражение «я должен сколько» можем дополнить придаточным предложением «сколько ты мне должен»/«я должен тебе столько, сколько ты мне должен».

Как в первом, так и во втором случаях местоимение-числительное обеспечивается необходимым лексическим значением и обеспечивает выражение нужного члена предложения.

Местоимение-числительное *сколько* семантизируется в сочетании с местоимением-числительным *столько* и в диалогической речи ответом: *сколько?* – пять, шесть и т. д.

В тюркских языках местоимений-числительных несколько больше, чем в русском: *анча* – «столько» (количество, находящееся на расстоянии от говорящего), *мынча* – «столько» (количество, находящееся рядом с говорящим), *аллай бир* – «столько» (количе-

¹ Грамматика русского языка. Т. 1. С. 368.

ство, стоящее не рядом с говорящим), *быллай бир* – «столько» (количество, находящееся рядом с говорящим). Формы *анча*, *мынча* в различных тюркских языках могут иметь различное звуковое оформление: *бунча*, *пунча*, *оча*, *окча* и т. д.

Семантизация форм *акча*, *мынча* аналогична семантизации местоимений-числительных русского языка. Разница заключается в том, что второй способ семантизации (использование придаточных предложений сочетанием «столько»/«сколько» в тюркских *анча*, *мынча* встречается реже, чем в русском языке. Объясняется это слабостью системы использования относительных и соотносительных слов, которые лежат в основе возможности возникновения и закрепления структуры таких сложных предложений, как «я должен тебе столько, сколько ты мне должен», кроме того, для такой семантизации в тюркских языках встречаются другие местоимения-числительные: *аллай бир*, *быллай бир*.

Формы *аллай бир*, *быллай бир* семантизируются главным образом использованием придаточных предложений, аналогичных предложениям русского языка, образованным сочетанием «столько» ... «сколько».

Сен менге каллай бир берлик эсенг, мен сенге аллай бир берликме. – «Сколько ты мне должен, столько я тебе должен».

Сиз мында кьаллай бир турдугъуз эсе да, биз анда аллай бир турдукъ. – «Сколько вы жили здесь, столько мы жили там».

Сенге кьаллай бир болгъан эсе, менге да аллай бир болгъанды. – «Сколько тебе исполнилось, столько исполнилось и мне».

Сенге аллай бир бердилер эсе, менге быллай бир бердилер. – «Если тебе дали столько, то мне дали вот столько».

Все эти предложения тюркских и русского языков по своей структуре однотипны.

Местоимения-наречия и их характеристика

К местоимениям-наречиям относятся такие слова, как *сюда*, *отсюда*, *доселе*, *тогда*, *тут*, *там*, *так*, *этак*, *оттуда*, *дотуда*, *вон*, *как*, *откуда*, *куда*, *докуда*.

Остальные наречия, которые связаны своим происхождением с местоимениями, относятся к наречиям из самостоятельных частей речи, потому что они свое лексическое значение выражают без использования реальных пространственных, временных

и других признаков в качестве дополнительных выразительных средств. Слова «тут» и «везде», хотя они и связаны своим происхождением с местоимениями, лексические значения выражают абсолютно противоположными приемами, поэтому одно из них – «тут» относится к местоимениям-наречиям, а другое – «везде» – к наречиям из самостоятельных частей речи. При употреблении слова «тут» в предложении мы показываем на пространство, характеризваемое близким к говорящему лицу расположением, и что семантизирует слово «тот», если же нельзя слово «тут» семантизировать показом на пространство, то мы раскрываем лексическое значение слова «тут» использованием обособленных и уточняющих обстоятельств «тут», «вокруг дома», «тут, вокруг нас», «тут, в городе Фрунзе» и т. д., придаточных предложений «тут, где живут новоселы», «тут, где расположены наши палатки», «тут, откуда должны двинуться альпинисты на штурм высоты», «тут, куда завтра должны приехать новые отдыхающие» и т. д. При употреблении слова «везде» в предложении не бывает потребности в использовании реальных пространственных признаков в качестве дополнительного выразительного средства для наполнения его лексическим значением, потому что слово «везде» без таких средств само отражает свое собственное лексическое значение. Уточнение его обобщенного лексического значения происходит, когда это вызывается необходимостью, использованием только лексических и грамматических средств; уточняющих, обособленных обстоятельств места или придаточных предложений места («везде, где бы мы ни были», «везде, где мы жили»; «везде, откуда мы уезжали», «везде, куда мы приезжали» и т. д.).

Слово «везде» очень редко может семантизироваться показом на пространство, выражаемое словом «везде».

Слово «везде» само употребляется в качестве уточняющего обстоятельства к слову «тут» («тут везде»), к слову «там» («там везде»). Если бы оно (слово «везде») относилось к местоименным наречиям, оно бы не могло употребляться в качестве уточняющего обстоятельства места. Такие слова, как «извне», иногда «иначе», «везде», «всегда», «всюду», «навсегда», «повсюду», «отовсюду», «нигде», «никуда», «никогда», «ниоткуда», «никак», «неоткуда», «некуда», «негде», «некогда», которые в «Грамматике рус-

ского языка»¹ отнесены к местоименным наречиям, должны быть причислены к составу наречий из самостоятельных частей речи, так как каждое из этих наречий вполне свободно выражает свое лексическое значение без тех выразительных средств, которыми пользуются местоимения-наречия.

Местоимения-наречия по своим смысловым признакам делятся на три разряда: местоимения-наречия места («там», «тут», «туда», «сюда», «оттуда», «отсюда», «доселе», «дотуда», «вон», «здесь», «куда», «докуда»), местоимения-наречия времени («тогда», «доселе»), местоимения-наречия образа действия («так», «этак», «по-моему», «по-нашему», «по-твоему», «по-вашему», «по-своему»).

Местоимения-наречия места семантизируются в речи двумя способами: показом на место, пространство, которое интересует говорящего при употреблении какого-либо местоимения-наречия («там», «тут», «туда» и т. д.), использованием уточняющих обстоятельств и предложений места. При первом способе семантизации лексическое значение местоимений-наречий места является конкретным образом того места, которое интересует говорящего. При втором способе семантизации лексическое значение местоимения-наречия места является обобщенным образом места, которое интересует говорящего.

Местоимения-наречия времени семантизируются главным образом использованием обособленных или необособленных обстоятельств времени или придаточных предложений времени. Местоимения-наречия времени не могут семантизироваться показом на реальное время, потому что на время, как на место, на предметы и их признаки, показывать невозможно,

Местоимения-наречия образа действия семантизируются двояко: показом на образ реального действия и использованием придаточных предложений образа действия различного характера.

Местоимения-наречия в тюркских языках встречаются также в трех семантических разрядах: местоимения-наречия места (*ары* – «туда», *бери* – «сюда», *анда* – «там», *мында* – «тут», *андан* – «оттуда», *мындан* – «отсюда», *алайда*, *былайда*, *алайдан*, *былайдан*, *алайгъа* – *былайгъа*, *алайтын*, *былайтан* и т. д.), местоимения-наречия образа действия (*алай* – «так», *былай* – «этак», *къалай* – «как»), местоимения-наречия времени (*олзаманда* – «тогда», *бу заманда* – «это время»).

¹ Грамматика русского языка. Т. 1. С. 627.

Местоимения-наречия места в тюркских языках своими формами напоминают формы указательных местоимений тех или иных косвенных падежей, например: *анда*, *мында*, *былайда*, *алайда* и т. д., являются формами указательных местоимений в местном падеже. Некоторым товарищам кажется, что эти местоимения-наречия нельзя называть наречиями, потому что они – указательные местоимения в местном падеже. Но это мнение ошибочно, ибо все эти наречия формы именительного падежа уже не имеют. По своему современному состоянию все эти местоимения-наречия напоминают местоимения в формах косвенных падежей русского языка «ничего», «никого», «нечего», «некого» и т. д., которые потеряли связь с именительным падежом.

Местоимения-наречия места *ары*, *бери*, *кайры*, *алайда*, *былайда*, никак не могут восстановить форму именительного падежа. *Ары* – очевидно, образовано от *ал* – «тот», но что означают и откуда форма *ары* – трудно сказать. То же самое с *бери*, *кайры*. Формы *алай*, *былай* похожи на наречия образа действия, но встречаются и как местоимения-наречия места: *алай тур* – «стой там, подожди там»; *былай тур* – «стой здесь, подожди здесь». Но скопление этих форм в современных тюркских языках непродуктивно, поэтому формы *алайдан*, *былайда*, *алайтын*, *былайтын* воспринимаются как местоимения-наречия места.

Семантизация местоимений-наречий однотипна с семантизацией местоимений-наречий места современного русского языка.

Семантизация местоимений-наречий образа действия и употребление их ничем не отличается от семантизации и употребления местоимений-наречий образа действия современного русского языка.

Отличительной чертой местоимений-наречий тюркских языков нужно считать то, что от них могут образоваться прилагательные, а в некоторых случаях и имена существительные с местоименными оттенками: *бери* – «сюда», *берги* – «ближний», *ары* – «туда», *аргзы* – «дальний», *былайда* – «тут», «здесь»; *былайдаггы* – «здешний», *алайдаггы* – «тамошний».

Формы прилагательных, образованных от местоимений-наречий «там», «тут», непродуктивны, в тюркских языках – они живые формы, используемые и в литературных языках.

В количественном отношении слов, относящихся к местоименным частям речи, во много раз меньше, чем слов, относящихся к

самостоятельным частям речи. Однако это не говорит о том, что местоименные части речи употребляются меньше, чем самостоятельные части речи. Процент употребления местоименных частей речи во много раз выше, чем процент употребления слов из различных категорий самостоятельных частей речи. Объясняется это тем, что местоименными частями речи мы выражаем не одни и те же предметы, признаки предметов, а все предметы, все признаки предметов и явлений, которые выражаются категориями самостоятельных частей речи, кроме того, и такие предметы и их признаки, которые еще нашли в данном языке свои обозначения.

Высокий процент употребляемости малочисленных местоименных частей речи обусловлен огромным количеством лексических значений, которые выражаются местоименными частями речи совместно с теми или иными реальными предметами-явлениями, событиями и их признаками.

Все сказанное о местоименных частях речи является большим и убедительным основанием для того, чтобы местоименные слова рассматривали как отдельную, самостоятельную систему частей речи, являющуюся, как бы зеркальным отражением системы самостоятельных частей речи.

В связи с этим, заканчивая раздел о местоименных частях речи, можно сделать следующие краткие выводы:

1. Слова, входящие в местоименные части речи, сами по себе одним своим звуковым составом лексических значений не выражают, однако их нельзя не считать словами, употребляемыми для выражения тех или иных членов предложения.

Между словами из самостоятельных частей речи и из состава местоименных частей речи есть частное и общее.

Частным является то, что все слова, входящие в состав самостоятельных частей речи, выражают свое лексическое значение своим звуковым составом, а слова же, которые относятся к местоименным частям речи, не могут выражать своих лексических значений. Общим является то, что слова и из местоименных частей речи, и из самостоятельных частей речи выражают те или другие члены предложения.

2. Лексическое значение слова из местоименных частей речи выражается двумя способами: а) одновременным использованием местоименных слов и предметов реального мира и их признаков путем показа их в качестве выразительных средств; б) использова-

нием уточняющих и обособленных членов предложения, использованием придаточных предложений различного характера.

3. Лексическое значение местоименных слов, выраженное одновременным употреблением местоименных слов и предметов, и их признаков в качестве выразительных средств, характеризуется такой конкретностью, как образы, возникающие в нашем сознании в результате действия на наши органы чувств предметов окружающей действительности.

4. Лексическое значение местоименных слов, выраженное путем использования обособленных слов, оборотов и придаточных предложений, характеризуется чертами абстрагированной обобщенности, какая не имеет даже той четкости, которую имеют обобщенные образы, вызываемые в нашем сознании слова из самостоятельных частой речи.

5. Малочисленность местоименных слов и большой процент употребляемости обусловлены тем, что одно и то же местоименное слово с помощью одновременного употребления в качестве выразительного средства с предметами и их признаками выражает большое количество разнообразных лексических значений. Количество значений, выражаемых местоименным словом, лежит в основе его употребляемости.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
С. У. Алиева. Слово об отце	6
Ж. М. Гузеев. Крупный тюрколог и теоретик языкознания	11

ФОНЕМА И ФОНЕМАТИЧЕСКИЙ ВЕС

Введение. Интерес к звукам речи	19

Часть первая

Звуки речи	36
Становление звуков речи	50
Звуковая специфика языков	88
Фонема и морфема	113
Фонематический вес	146
Переходность фонематического веса	156

Часть вторая

Фонема	160
О Хумаринском городище	192
О некоторых алано-тюркских памятниках в верховьях Кубани	196
Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев	199
Проблема основы и окончания в карачаево-балкарском языке	217
Слово и части речи	238
Залоги в глаголе русского и балкарского языков	272
Причастие карачаево-балкарского языка	294
Местоименные части речи	342

Баблаш Магомедович Алиев
с гостями. 1905

Умар Баблашевич Алиев с супругой
Татьяной, дочерью Светланой и тещей
Анной Яковлевной. 1937

Умар Баблашевич Алиев с супругой Татьяной, детьми Светланой
и Русланом. 1957

Умар Баблашевич и Татьяна
Федоровна Алиевы. 1953

Умар Баблашевич, Татьяна Федоровна
и ее брат Иван Федорович Бабичев

Умар Баблашевич Алиев. 1967

Научное издание

Алиев Умар Баблашевич

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В трех томах

Том I

Работы по языкознанию

Заведующий редакцией В. Н. Котляров

Художник Ж. А. Шогенова

Корректоры: Н. В. Лысенко, Н. В. Римская

Компьютерная верстка М. Черкесовой

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99

Сдано в набор 21.07.11. Подписано в печать 03.05.12.
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура PT Serif.
Усл. печ. л. 21,39. Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-93680-536-3

Отпечатанов в ООО "Флер-1".
Краснодар, ул. Уральская 98/2. Заказ № 2711.

Издательство М. и В. Котляровых
(ООО «Полиграфсервис и Т»)
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19.
Тел./факс: (8662) 42-62-09
e-mail: elbrus@mail.ru
www.elbruss.ru